
УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ

Выпуск 40

51-я научная конференция

**ОБЩЕСТВО
И ГОСУДАРСТВО
В КИТАЕ**

Том LI

Часть 1



МОСКВА

ИВ РАН

2021

УЧЁНЫЕ ЗАПИСКИ ОТДЕЛА КИТАЯ

Выпуск 40

Редакционная коллегия

д. филос. н., проф. А. И. Кобзев (главный редактор),
к. филос. н. Н. В. Руденко (ответственный секретарь),
к. и. н. С. В. Дмитриев (зам. главного редактора),
д. П. Ададек (Piotr Adamek svd, Германия–Польша),
д. Г. Йегер (Henrik Jäger, Германия), к. и. н. М. В. Корольков,
к. филос. н. Н. А. Орлова, проф. А. Роше (Alain Rocher, Франция),
к. и. н. Э. А. Синецкая, Е. С. Скрыпник

Составитель и ответственный редактор А. И. Кобзев

Редактор Н. В. Руденко

Рецензенты к. и. н. В. А. Перминова, к. филос. н. А. Б. Старостина

Издание подготовлено при участии
к. и. н. Д. Е. Куликова, Г. С. Поповой, к. и. н. Л. П. Черниковой

*Утверждено к печати
Издательской комиссией Ученого совета
Института востоковедения РАН*

Общество и государство в Китае. Т. LI. Ч. 1 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.; Институт востоковедения РАН. — М.: ИВ РАН, 2021. — 375 с., ил. — (Учёные записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 40 / Редколл.: А. И. Кобзев и др.). — ISSN 2227-3816, ISBN 978-5-907384-69-9.

Первая часть 51-го тома материалов ежегодно проводимой с 1970 г. научной конференции «Общество и государство в Китае» содержит результаты новейших исследований актуальной синологической проблематики от глубокой древности до наших дней и мемориальные публикации, посвященные выдающимся Китаеведам.

ISSN 2227-3816, ISBN 978-5-907384-69-9

© Редколлегия, 2021
© ФГБУН ИВ РАН, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

Древность и Средневековье

<i>Сафин Т. А.</i> Линидж: антропологическая теория в исторических исследованиях (на примере Китая).....	5
<i>Блюмхен С. И.</i> Жизнь и творчество танского поэта Ли Хэ.....	37
<i>Белая И. В.</i> Раннее учение Цюаньчжэнь: источники и исследования	68
<i>Колнин И. С.</i> О различных изданиях и наименованиях труда Ван Даюаня, аутентичности источника и сочинениях с похожими названиями.....	100
<i>Руденко Н. В.</i> Своенравная дорога до тунчжоуского острога: жизненный путь Ли Чжи	113
<i>Руденко Н. В.</i> Книги для сожжения: краткая библиография Ли Чжи.....	131

Новое и Новейшее время

<i>Андреева С. Г.</i> Политика Китая на Дальнем Востоке в 1880-е гг.: к вопросу о порте Гамильтон.....	144
<i>Калкаев Е. Г.</i> Китайская линия. Место репрессий против китайцев в «национальных» операциях НКВД	192
<i>Гиргель Д. Н.</i> Журнал «T'ien Hsia Monthly» в интеллектуальной жизни Китая: 1935–1941	212
<i>Жилкибаев С. Н.</i> «О бедном премьерe замолвите слово». Основные моменты политической биографии Ли Пэна.....	220
<i>Литвинова Ю. Г.</i> Гонконг как финансовые ворота Китая.....	237
<i>Синецкая Э. А.</i> Бытописание одного провинциального чиновника КНР, рождённого в 80-х годах (по повести молодого сценариста)	246
<i>Галимов М. В.</i> Анализ причин устойчивости позитивного / не националистического дискурса в КНР касательно анимационной франшизы «Кунг-фу панда» (на примере китайской газеты «Жэньминь жибао»)	268
<i>Грачева Ю. А.</i> «Бренд с национальной спецификой» как один из ключевых инструментов развития экономики и культуры в районах проживания малочисленных народов КНР	283
<i>Бутюков К. А.</i> Изменения в системе военного образования в Китае в рамках военной реформы 2015–2020 гг.	295
<i>Портяков В. Я.</i> Основные особенности внешней политики КНР в 2019 г.....	310

In Memoriam

<i>Дубровская Д. В.</i> Вспоминая О. Е. Непомнина (1935–2020).....	330
<i>Дмитриев С. В.</i> Станислав Роберт Кучера (1928–2020).....	337

CONTENTS	373
-----------------------	-----

目录	375
-----------------	-----

ДРЕВНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ORCID: 0000–0001–7196–8914

DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-005-036

*Т. А. Сафин**

Линидж: антропологическая теория в исторических исследованиях (на примере Китая)

АННОТАЦИЯ: Данная статья предназначена для историков, в первую очередь – для специалистов по истории Китая, и призвана в общих чертах ознакомить читателя с антропологической теорией линиджа для дальнейшего применения в исторических исследованиях. В статье приводится краткий обзор ключевой антропологической литературы о китайском линидже на английском языке. Даются определения линиджа и прочих родственных групп, иных антропологических терминов. Рассматривается вопрос об актуальности линиджевой теории и о перспективах использования данного концепта в исследованиях по истории. Анализируется методология выделения линиджа из общей сети социальных связей. Линидж очень легко перепутать с другими видами родственных групп. Но даже если он опознан верно, то характеристика общности как линиджа дает очень мало информации о размерах и свойствах данной общности. Линиджи столь разнообразны, что экстраполяция данных с одного линиджа на другой практически невозможна. Более того, концентрация внимания на одном лишь

* Сафин Тимур Альфредович, к. и. н., научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), научный сотрудник лаборатории востоковедения и компаративистики школы актуальных гуманитарных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Москва), tsafin93@gmail.com

линидже затмевает от исследователя многообразие родственных и социальных связей в рассматриваемой общности. В большинстве случаев линидж является ритуальным объединением в рамках культа предков и слабо влияет на остальные сферы жизни его членов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, история Китая, родство в Китае, линидж, клан, китайский линидж, китайский клан

В конце 50-х годов XX века в двух совершенно разных областях науки о Китае – социальной антропологии и древней истории – произошли очень важные изменения. С одной стороны, историки заговорили о том, что древнее государство Шан 商 (XVI–XI вв. до н. э.)¹ могло представлять собой не «государство» в его привычном понимании, а нечто вроде родоплеменного союза, состоявшего из неких родственных групп (племен, родов, кланов² и т. д.) [Дин, 1988; Юй, 1957; Крюков, 1961]. Нетрудно представить, какой переворот произвела эта гипотеза. С другой стороны, в это же самое время британский антрополог Морис Фридман (1920–1975) сформулировал теоретическое описание линиджевой организации в юго-восточном Китае [Freedman, 1958; Freedman, 1966]. На момент выхода своей первой монографии Фридман даже не успел побывать в Китае и работал лишь с китайскими мигрантами в Сингапуре. Несмотря на это, его работы до сих пор являются отправной точкой во всех антропологических исследованиях по китайским родственным группам.

В 50–70-е годы из-за закрытости КНР исследователи китайского линиджа были резко ограничены в источниках. Для полевых исследований были доступны лишь территории Гонконга и Тайваня, дополнить общую картину можно было по более ранним описаниям и через общение с мигрантами. Эти ограничения четко осознавались антропологами: сам Фридман считал возможным дать лишь предварительное описание линиджевой организации двух провинций (Фуцзянь и Гуандун) и отметил особо, что эти выводы нельзя экстраполировать на всю территорию страны, тем более – на древний Китай [Freedman, 1958, p. 1]. Но довольно скоро шанские (а заодно и чжоуские) родственные объединения тоже стали именоваться линиджами

¹ Точная хронология истории Шан пока не может быть установлена. Приблизительные датировки по: [Ся–Шан–Чжоу дуаньдай гунчэн, с. 86–88].

² Термины «род» и «клан» в антропологии являются синонимами.

[Chang, 1980; Васильев, 1983; Чжу, 2004; Falkenhausen, 2013], как раз в тот момент, когда исследования линиджа вышли из моды в антропологии (см. далее). Как ни странно, в трудах историков-древников нечасто можно встретить ссылки на работы антропологов: самого Фридмана, его последователей и критиков. На другом фланге наблюдается аналогичная ситуация: историко-антропологические исследования линиджа в Китае, как правило, не погружаются в историю далее Тан 唐 и Сун 宋 (VII–XIII вв. н. э.), лишь изредка упоминая эпоху Хань 漢 (206 / 202 г. до н. э. – 220 г. н. э.).³

Данная работа является первой в серии статей (как минимум трех), в которой я попытаюсь разобраться, что же такое «линидж», «древний линидж», что о них известно к настоящему моменту и существуют ли они за пределами исследовательских абстракций. В настоящей работе я суммирую данные о линидже как антропологической теории. Во второй – представлю на суд читателя исследование термина *цзу* 族 в надписях на гадательных костях, который часто (и на мой взгляд, ошибочно) отождествляют с «линиджем».⁴ В третьей – постараюсь обобщить сведения о древнекитайских родственных группах и дать им характеристику с позиции современной антропологии.⁵

1. Что такое линидж? Клан? Родственная группа? Десцент?

У читателя исторической литературы о древнем Китае может сложиться впечатление, что линидж – это некая устойчивая форма социальной организации. Устойчивая настолько, что если коллектив назван «линиджем», то нам как бы заведомо известны его основные свойства и характеристики и мы вправе прибегать к экстраполяции там, где молчат источники. Но это совсем не так: на самом деле понятие «линидж» может охватывать целый спектр весьма не похожих друг на друга родственных групп. Строго говоря, линидж – это унилинейная десцентная группа (unilineal

³ См.: [Ebrey, 1986]. Мне не удалось найти более свежих обзорных работ по истории возникновения и развития китайского линиджа. Вероятно, это связано с падением интереса к линиджу, который наблюдается в антропологии с 80-х годов.

⁴ Рабочее название: «Линиджи или отряды? Термин *цзу* (*dzo:k) в надписях на гадательных костях».

⁵ Рабочее название: «Родственные группы древнего Китая: линиджи, кланы, семьи и не только».

descent group) с определяемым родством (demonstrated descent).⁶ Что же имеется в виду?

Десцент – это один из видов родства, «прослеживание родственных связей от предков к потомкам по линиям родства» (отцовской или материнской) [Артемова, 2009, с. 267]. В целом родство бывает кровным (десцент, происхождение от общего предка) и аффинальным (по браку) или фиктивным (например, через усыновление, побратимство или легенду об общем происхождении). «Родственная группа» – максимально широкий термин, учитывающий все социальные группы, связанные каким-либо видом родства. Десцентные же группы включают только членов, которые связаны происхождением от общего предка. Основные виды десцентных групп – линидж, клан и ремидж.

Как правило, в обществе отдается предпочтение одной из двух линий десцента, по которой преимущественно наследуются какие-то права. Если принадлежность к десцентной группе передается только по отцовской или только по материнской линии, то перед нами, скорее всего, линидж или клан (унилинейные десцентные группы). Если принадлежность к группе определяется через любую линию (по ситуации), то перед нами, скорее всего, ремидж (амбилинейная десцентная группа).⁷ Два вида унилинейных десцентных групп – линидж и клан – отличаются тем, что в линидже члены группы могут проследить родственные связи между собой и первопредком, общим для всех членов группы (demonstrated descent, определяемое родство), в то время как члены клана связаны очень отдаленным и неотслеживаемым⁸ или вообще фиктивным родством [Артемова,

⁶ Мне не удалось обнаружить адекватного и краткого перевода на русский язык, поэтому предлагаю на суд читателя свой вариант. Смысл термина в том, что два члена линиджа всегда знают и могут сказать, в каких генеалогических отношениях они состоят и кто их общие предки (вне зависимости от степени точности и реальности генеалогии).

⁷ Если десцент унилинеен, то членство индивида в группе предопределено. При матрилинейном десценде новорожденный становится членом материнской родственной группы, при патрилинейном – отцовской. При амбилинейном десценде индивид может выбирать, в какую группу вступить. Но обычно выбор предопределен патри- или матрилокальностью: на территории какой группы (мужа или жены) поселятся новобрачные, к той скорее всего и будут принадлежать их дети. Подробнее о ремиджах см.: [Кожановская, 1993].

⁸ То есть члены клана знают, что они родственники, но не могут сказать, кто кому каким именно родственником приходится. Точнее,

2009, с. 267–269]. В Китае, насколько известно, предпочтение всегда отдавалось патрилинейному десценду, поэтому термин «ремидж» в синологии почти не употребляется, а под «линиджем» почти всегда подразумевают патрилинейную десцентную группу.⁹ В рамках данной статьи под «десцентной группой» понимается патрилинейная ее разновидность (если не указано иное).

Исследователю древности, к сожалению, редко доступна информация для исчерпывающего описания исследуемой общности. Поэтому вкупе с линиджем и кланом необходимы более широкие определения:

- Десцентная группа – если невозможно доказать, что родство определяемое или нет (линидж или клан).

- Родственная группа – если невозможно доказать, что в группу входят только лица, связанные общим происхождением по линии десцента (исключая родственников по браку, родственников по материнской линии).

- Группа – если невозможно доказать, что связи в группе основаны исключительно на родстве (это могут быть территориальные, территориально-родственные и иные объединения).

Лишь малая доля людей может похвастаться принадлежностью к какой-либо десцентной группе. Зато почти у каждого есть родственники: билатеральная родня (по отцу и матери), аффиальные родственники, потомки индивида, а также лица, связанные с ним фиктивным родством. Как правило, наибольшей ролью для индивида обладает именно билатеральная родня: родственники по отцу и матери. Интересной ее особенностью является то, что она эгоцентрична и не дискретна: билатеральная родня «состоит из людей, родственных какому-либо человеку в соответствии с билатеральным принципом счета, т. е. когда одновременно учитываются родственники и со стороны матери, и со стороны отца (в отличие от предковых групп, где такой счет ведется линейно). Поскольку каждый индивид составляет центр своей собственной билатеральной родни, ее состав всегда уникален и совпадает только у сиблингов

они могут это сделать, но лишь для круга близких родственников.

⁹ Знаменитое исключение – матрилинейность, практикуемая группой мосо тибето-бирманского народа наси на юго-западе Китая, см.: [Грачёва, 2016].

до момента вступления в брак. В отличие от линиджей, кланов, семей, общин “родня” не является дискретной единицей: разные коллективы бесконечно перекрывают друг друга; один и тот же человек выступает как член сразу множества групп, не совпадающих по составу» [Кожановская, 1993, с. 165]. То же самое можно сказать и о группе близких родственников, которая помимо билатеральной родни может включать и аффинальную (родственники супруга). Наиболее распространенный в мире тип родственной группы – это как раз индивидуальный для каждого человека набор близких родственников всех категорий, с которыми он наиболее близко взаимодействует. Обычно такие группы формально не организованы, не имеют самоназвания и самосознания.

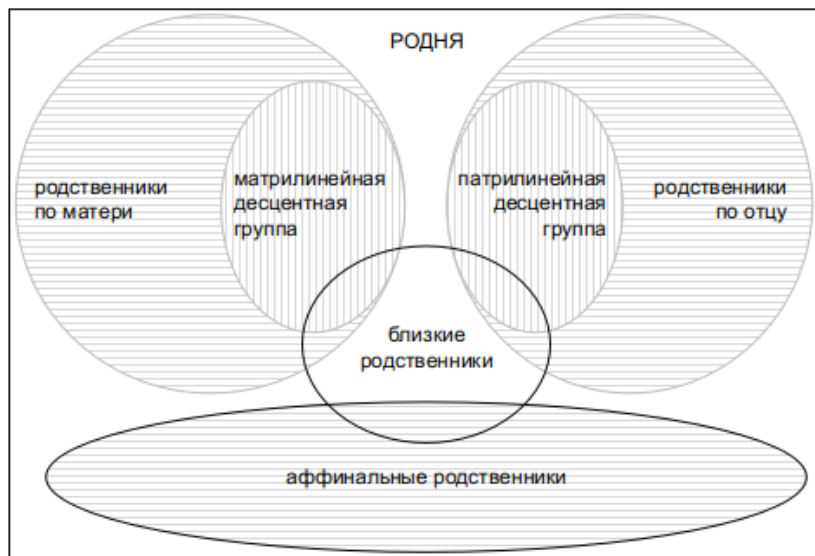
Если же индивид дополнительно принадлежит к десцентной группе, то она охватывает лишь малую часть его родственных связей (см. рис. 1). Более того, патрилинейная десцентная группа отнюдь не включает всех родственников по отцу, а матрилинейная – по матери. Во-первых, патрилинейная десцентная группа всегда имеет основателя – общего патрилинейного предка всех членов группы. Если у основателя группы были братья (родные, двоюродные и т. д.), то они и их потомки не входят в данную десцентную группу, хотя и остаются родственниками по отцу. Во-вторых, в число родственников по отцу входят женщины (дочери и сестры родственников-мужчин). Они выходят замуж за представителей других линиджей, к которым и будут принадлежать их потомки. Но все они остаются родственниками по отцу. В-третьих, жены и аффинальные родственники членов десцентной группы являются родственниками по отцу, но в десцентную группу не входят (например, брат жены дяди по отцу).

2. Какие бывают линиджи? Что такое корпоративность? Обязательно ли для линиджа наличие собственности?

Важно отметить, что все члены линиджа связаны друг с другом в первую очередь ритуальным единством: основа линиджа – это культ общего предка. Но в 40-е и 50-е годы исследователи рассматривали линидж как корпорацию (corporate group), то есть коллектив, имеющий не только ритуальное, но и политическое, юридическое и экономическое значение (см.: [Kuper, 1982; Santos, 2006]).

Именно поэтому внимание Фридмана и его последователей было приковано к тем линиджам, которые обладали

значительной «корпоративной базой»: земельными владениями и прочими обобщественными ресурсами. Такая «база» нужна линиджу в первую очередь для поддержания храма предков и финансирования различных культовых мероприятий, но при значительных размерах общей собственности доход с нее может использоваться и для других целей (например, для организации школ). Поскольку размер корпоративной базы у разных



линиджей отличался, Фридман предложил градацию линиджей от А до Z по степени «корпоративности» и организационной сложности. Приведу описание этой градации в изложении самого Фридмана:

Рис. 1. Группы родственников

«Линиджи типа А небольшие по размеру, насчитывают две-три сотни душ. Помимо одного-двух лавочников и нескольких ремесленников, остальные его члены обрабатывают маленькие участки земли, которыми они владеют сами или берут в аренду у землевладельцев за пределами линиджа. Как правило, у них низкий уровень дохода. У них нет совместной собственности, кроме участка земли, которым является могила предка-основателя. Любое повышение демографического давления или нужда приводят либо к невозможности вступить в брак и иметь детей, либо к миграции в поисках работы, занятию мелкой

торговлей, переселению в чужую деревню в роли зятя, уходу в армию или бандитскую шайку. Чтобы защитить себя от нападений и агрессии со стороны других линиджей или дабы урегулировать контакты с государством, они попадают под протекцию более сильного линиджа; за эту защиту они платят услугами или “налогом”. У них нет культа предков кроме того, что совершается дома самыми простыми методами, а также ежегодных собраний на могиле основателя. У них нет писаной генеалогии, место отдельного мужчины в системе определяется просто по поколениям (которые обозначаются в личных именах), а также по принадлежности к одному из сублиниджей, которые ведут свое происхождение от сыновей основателя. Между домохозяйством и сублиниджем нет никакого промежуточного звена, и нет никакой тенденции к экономической и ритуальной кооперации между группами тесно связанных домохозяйств. Лидерство в линидже и сублиниджах переходит к старейшему мужчине в старейшем поколении, другие формальные лидеры отсутствуют. Решение споров отдается на суд глав линиджей и сублиниджей, а если решить их не удастся, то приглашают уважаемого человека из защищающего их сообщества, дабы попробовать достичь соглашения. В этой модели типа А лишь последнее утверждение является чистым предположением; все остальные соответствуют в максимальном приближении тем фактам, что изложены на страницах данной книги.

Линидж типа Z насчитывает две-три тысячи человек, среди которых есть чиновники в отставке, семьи действующих чиновников, а также те, кто планирует добиться должности. Присутствуют в нем также несколько преуспевающих купцов, известная доля мелких торговцев и ремесленников, а также масса крестьян, большая часть которых обрабатывает землю, находящуюся в собственности линиджа или его различных сегментов. Большинство членов линиджа живет бедно, но в целом линидж корпоративно богат землей, храмами предков и такими видами собственности, как рисовые мельницы. Мужчины стремятся остаться в коллективе, а даже если и покидают его ради должности или по делам бизнеса, они оставляют свои семьи, возвращаются в старости и посылают деньги. Присутствует иерархия храмов предков, но она не симметрична; можно сказать, что некоторые сублиниджи более сегментированы в том, что касается храмов, и в то же время некоторые ветви в рамках сублиниджа более сегментированы в том же отношении, чем другие ветви. Эта ассиметрия совпадает с неравным

распределением в рамках линиджа богатства и высокопоставленных членов. Писаная генеалогия играет важную роль в системе, соединяя линидж с другими линиджами, что приносит престиж и полезные союзы, а также демонстрирует принадлежность к линиджу тех сегментов, которые владеют собственностью. Регулярные ритуалы поклонения предкам в храмах постулируют наличие сегментов и в то же время, разделяя таблички [с именами предков] и ущемляя некоторых молящихся, подчеркивают различия в статусе между членами. Как и в линиджах типа А, главы назначаются по генеалогическому принципу, но тут их положение оттеняется более знатными членами (если они сами не являются таковыми), которые осуществляют, при помощи богатейших купцов, центральное правление делами линиджа. Несмотря на наличие иерархии сегментов, имеется тенденция к разрешению споров посредством обращения к высокопоставленным членам линиджа, а в особо сложных случаях элита и старейшины могут заседать, подобно суду при формальном рассмотрении дела» [Freedman, 1958, p. 131–133].

И в более компактном виде описание того же спектра у Джеймса Уотсона (p. 1947), одного из наиболее видных последователей Фридмана на ниве исследований китайского линиджа:

«В плане внутренней сложности и корпоративной деятельности линидж Мань [...] находится ближе к точке Z. Данный линидж владеет большим количеством земли, коммерческой собственности, имеет сложную систему внутренней сегментации, пять храмов предков, писаную генеалогию, могилы предков, отряды самообороны, принадлежащие линиджу школы, пособия на образование, и в него входят около 2 тыс. мужчин, компактно проживающих в одной деревне, которую занимает один линидж. Всего в миле от оплота Мань находится небольшое поселение Пхунь Ук Чхунь (Poon Uk Tsuen), “Домашняя деревня Пхунь” на кантонском. Как следует из названия, это – дом Пхунь (Пань на путунхуа), группы людей с общей фамилией, которые обрабатывают поля, принадлежащие Мань. Пань не обладают ни одним из организационных качеств своих влиятельных соседей; эта группа настолько близка к точке А в континууме Фридмана, что ее насилу можно назвать линиджем [...]. Жители Пхунь Ук Чхунь действительно составляют родственную группу в том смысле, что они совместно владеют полуразвалившимся храмом, состоящим из одной комнаты и без табличек с именами предков. Более того, они заявляют, что происходят от общего предка, но

это невозможно проверить за отсутствием писаной генеалогии и могил предков (до 1950-х Пань были полностью неграмотны). Эти тонкие связи – все, что объединяет Пань как корпоративную группу» [Watson, 1982 а, р. 606].

Как Фридман, так и Уотсон считают корпоративность (проще говоря – владение собственностью) ключевым отличием линиджа от иных видов групп. Для тех групп, которые формально подходят под определение «унилинейной десцентной группы», но не обладают собственностью, Уотсон вводит термин «десцентная группа», уже упоминавшийся ранее в ином значении. Во избежание терминологической путаницы, приведу определения основных терминов, используемых Уотсоном в коллективной монографии 1986 года, многие из которых в любом случае будут полезны:

«*Семья (family)*: термин “семья” будет закреплён за домохозяйством (*domestic group*), базовой ячейкой производства, потребления и политической власти, члены которой обычно проживают сообща и обладают совместным бюджетом для ежедневных трат. В этом смысле “семья” в целом соответствует [китайскому слову] *цзя* в его основном значении.

Линия/патрилиния (line/patriline): этот концепт, важнейший для культа предков, означает генеалогическую связь от отца к сыну и внуку и далее до бесконечности. [...] Собственность и социальный статус обычно передаются по этой линии.

Агнаты (agnates): термин “агнаты” будет использован для обозначения *совокупности (category)* людей, связанных патрилинейно, даже если постоянная групповая организация или групповая активность неизвестна или явно не обозначена.

Десцентная группа (descent group): термин “десцентная группа” будет использоваться по отношению к группам агнатов, связанных десцентом от общего предка, которые не являются членами одной *цзя* или одной линии. Таким образом, десцентная группа – это *группа* (в отличие от слабо связанной совокупности агнатов), члены которой знают о своей родственной связи, но их корпоративная деятельность может быть ограничена такими активностями, как поклонение предкам или составление генеалогий. В рамках данной книги термин “десцентная группа” будет мало говорить о внутренней организации данной общности. Обычно, если из исторических источников ясно следует, что несколько агнатов формируют группу или обладают развитым самосознанием, они будут называться “десцентной

группой”, даже в отсутствие сведений о принципах набора [в группу] и о ритуальной активности в ней.

Линидж (lineage): термин “линидж” закреплен за десцентными группами, которые обладают сильной корпоративной базой, выраженной в совместном владении имуществом, обычно, но не исключительно землей. Линидж – это корпорация в том смысле, что его члены извлекают прибыль из общей собственности и совместного имущества; они также принимают участие в корпоративной активности на постоянной основе. Более того, члены линиджа в высшей степени осознают себя как *группу* по отношению к другим лицам, которые считаются чужаками. Таким образом, линидж – не произвольно очерченная совокупность индивидов. [...] Определяющей чертой линиджа (в противовес другим десцентным группам) является то, что линидж владеет общей собственностью, права на которую принадлежат группе или его сегментам (а не индивидуумам). Главной причиной для того, чтобы отличать линиджи от прочих десцентных групп, является то, что когда группа обеспечивает материальную выгоду своим членам, это не только влияет на отношение к членству в ней, но также определяет внутреннюю динамику группы, а также силу, с которой группа может проявить себя в обществе. Конечно, существуют как высокоразвитые, сложные линиджи, равно как и простые линиджи с небольшими владениями [...]; но градация по размеру владений не влияет на признание их линиджами. Настоящий вопрос в том, обеспечивают ли эти владения экономическую основу для корпоративной активности. В данной книге группа будет названа линиджем лишь в том случае, если присутствуют конкретные сведения о корпоративном владении.

Локализованный (localized) линидж, или десцентная группа: члены локализованного линиджа, или десцентной группы, проживают в четко обозначенной области, как правило, это деревня или группа близлежащих поселений. В норме можно предполагать более высокую степень взаимодействия в рамках локализованной, нежели дисперсной (dispersed) группы.

Линидж верхнего уровня (high-order lineage): линидж верхнего уровня – это “зонтичная организация” (umbrella organization), связывающая воедино несколько патрилинейно связанных локализованных линиджей. Обычно ей принадлежит храм или иная собственность, расположенная в городе или главном населенном пункте округа; активности в этом храме

связывают членов входящих в нее линиджей в ходе ритуальных мероприятий, проводимых на регулярной основе.

Ветвь (branch): термин “ветвь” будет использоваться в двух значениях. Если у мужчины есть несколько линий потомков, каждая из них может быть названа “ветвью” более крупной десцентной группы или совокупности агнатов. Решение о том, называть ли такую линию ветвью, остается за наблюдателем. Но некоторые десцентные группы и линиджи формально делятся на сегменты по линиям десцента (обычно они называются *фан*, *чжи* или *пай*),¹⁰ и их мы тоже будем называть “ветвями”. Такие ветви в норме имеют собственные имена.

Фамильная группа, или фамильное сообщество (surname group, surname category): эти термины закреплены за любой группой или сообществом (category), которые объединяются исключительно на основе общего фамильного имени и очень отдаленного предполагаемого родства.

Клан (clan): этот термин используется по отношению к организациям, которые состоят из линиджей или десцентных групп. Агнатические связи между составляющими клана исключительно далеки и, скорее всего, вымышлены. В этом смысле они объединены, скорее, условным (stipulated), нежели определяемым (demonstrated) родством. Клань как таковые не упоминаются в данной книге» [Watson, Ebrey, 1986, p. 4–6].

Классификация Уотсона вполне соответствует общеантропологической, и на нее можно опираться, за одним исключением. Далеко не все специалисты согласны с тем, что линидж необходимо отличать от «десцентной группы» по признаку наличия или отсутствия собственности. Очевидно, что наличие и объем общей собственности – это одна из важнейших характеристик группы, прямо влияющая на все остальные ее параметры. Чем больше собственности, тем шире возможности линиджа для организации совместных практик и институтов: празднеств и ритуалов, школ, отрядов самообороны, выделения земли в аренду, иногда – прямых денежных раздач. Чем больше таких практик и институтов, тем выгоднее членство в линидже, тем шире взаимодействие между агнатами, тем большую роль играет линидж в жизни индивида. Но значит ли это, что наличие собственности является обязательным условием, чтобы назвать группу линиджем? Такого «требования» мне не удалось найти в общеантропологической литературе, да и среди синологов данная

¹⁰ Соответственно: 房, 支, 派.

концепция не заслужила всеобщего признания. Например, не считает такое членение оправданным американский антрополог Майрон Коэн, который причисляет к линиджам в том числе группы, которые обладают сверхмалыми размерами (от двух семей), не имеют общей собственности и едва представляют себя как группу, выступая как единое целое всего один раз в год – в день поклонения духам предков [Cohen, 1990]. Я солидарен с тем, что наличие или отсутствие собственности не может служить основой для дробления терминологии, поскольку «десцентная группа» Уотсона в действительности мало чем отличается от линиджей, близких к точке А в континууме Фридмана (см. чуть выше пример Пань), и исключение их из этого континуума на практике мало что дает. Размер группы, размер общей собственности, степень взаимодействия, характер и формы групповой активности – ничего из этого термин «линидж» не проясняет автоматически, и их каждый раз необходимо устанавливать отдельно.

Объем общей собственности, будучи важнейшим параметром для характеристики группы, может служить средством для классификации линиджей по подтипам, если это соответствует целям исследования. Например, линиджи можно поделить на несколько категорий:

- Бедные линиджи. Доход с обобществленных ресурсов отсутствует или столь мал, что не покрывает расходы на осуществление культа предков.

- Зажиточные линиджи. Доход с обобществленных ресурсов покрывает расходы на осуществление культа предков, но не достаточен для организации иных форм активности.

- Богатые линиджи. Доход с обобществленных ресурсов позволяет организовывать разные формы активности.

Такое членение отнюдь не является универсальным. По большому счету, оно пригодно лишь для исследования взаимосвязи между объемом собственности и другими характеристиками линиджа. Аналогично линиджи можно поделить по размеру коллектива, генеалогической глубине и любым другим признакам. На мой взгляд, важнейшим показателем для классификации была бы интенсивность взаимодействия между агнатами, но это – слишком комплексный и абстрактный показатель, определение которого составляет отдельную методологическую проблему.

Но каковы тогда характеристики линиджа? Какую исследовательскую ценность имеет этот термин? По сути, назвав

группу «линиджем», мы можем определить лишь то, что речь идет об унилинейной десцентной группе с определяемым родством. Она может быть какого угодно размера (от нескольких человек до нескольких тысяч). Она может обладать собственностью какого угодно размера (от нуля или близкого к нулю клочка земли до огромных богатств). Ее члены могут регулярно взаимодействовать в самых разных формах, а могут собираться лишь раз в год. Она может занимать центральное место в жизни индивида и может играть почти незаметную роль. Ни одно свойство группы не проистекает напрямую из понятия «линидж», его формы столь разнообразны, что экстраполяция данных с одного линиджа на другой едва ли возможна.

3. Актуальна ли концепция линиджа в антропологии?

Исследования линиджа находились в мейнстриме социальной антропологии в 40–70-е годы XX века, в первую очередь благодаря антропологам-африканистам, но уже к 80-м идея универсальности и особой значимости линиджа утратила былое влияние (подробно см.: [Kuper, 1982; Santos, 2006]). Стало очевидно, что десцент – лишь один из множества инструментов для установления социальных связей, и выделение его в особое «ядро» общественных отношений неоправданно сужает перспективу исследования даже в тех случаях, когда связям через десцент действительно придается большое значение. На смену парадигме деления общества на дискретные группы постепенно приходит понимание общества как «сети» отношений (network), в которой различные виды групп (если их в принципе можно выделить) взаимопересекаются и взаимодействуют между собой [Артемова, 2009, с. 473; Santos, 2006, p. 321].¹¹

Важно отметить, что линидж – это объединение, имеющее в первую очередь ритуальные функции в рамках культа предков. Члены линиджа одновременно принадлежат к территориальным и иным группам, которые могут в некоторой степени переплетаться с линиджем, но отнюдь не тождественны ему. Разграничение функций линиджа, территориальных и прочих групп составляет отдельную методологическую проблему.

¹¹ О. Ю. Артемова применяет термин «социальная сеть индивидуальных связей» по отношению к аборигенам Австралии, утверждая, что к ним не применимо членение на дискретные группы, но не отрицает наличие таких групп в других обществах [Артемова, 2009, с. 473].

Хрестоматийный пример – линиджи нуэров восточной Африки, описанные британским антропологом Э. Э. Эванс-Притчардом (1902–1973). Нуэры часто воспринимаются как образец линиджевого устройства. Но, пожалуй, наиболее ярко о роли линиджа в обществе нуэров свидетельствует следующее наблюдение: «Если речь не идет о ритуале, нуэры редко говорят о своем линидже как о чем-то отличающемся от общины и не противопоставляют его другим линиджам, составляющим часть этой общины. Мне приходилось наблюдать, как нуэр, хорошо знавший, что мне нужно, пытался узнать для меня у посторонних лиц название их линиджа. Ему стоило большого труда растолковать человеку, какая от него требуется информация, потому что нуэры, как правило, мыслят категориями локальных общин и отношений между ними, и попытки выяснить принадлежность к линиджу вне общинных отношений обычно вели к отсутствию взаимопонимания» [Эванс-Притчард, 1985, с. 177].

Речь идет не просто о слиянии линиджа и территориальной единицы, как можно подумать. Действительно, территориальные единицы нуэров часто одноименны влиятельному линиджу, проживающему на данной территории. Но сами линиджи не строго локализованы, и территориальные единицы обычно состоят из членов разных линиджей. Складывается парадоксальная ситуация: «Когда нуэр хочет определить свое социальное положение, он обычно не говорит, что он член такого-то *ток двиел* (линиджа), но говорит, что он член той или другой локальной общины – *чьенг*. Так, он говорит, что он человек из *чьенг мар*, *чьенг пуал*, *чьенг ленг*, *чьенг гаатбал* и т. п. <...> Тем самым он сообщает вам, что он член группы людей, которые живут вместе в деревне, в “округе” или в отделе племени. В обычных ситуациях несущественно, является ли он членом линиджей, по которым локальная община получила свои названия, или нет. Более того, поскольку в обыденном употреблении название линиджа имеет скорее территориальное, а не строго родственное значение, те, кто живет в этой общине совместно с членами линиджа, говорят о себе так, будто бы они тоже члены этого линиджа (так как в политическом отношении они отождествлены с ним). Таким образом, слово *чьенг* часто носит двойственный характер, и в результате бывает трудно без тщательного исследования определить, к какому линиджу принадлежит человек» [Эванс-Притчард, 1985, с. 177].

Эванс-Притчард признает, что «линидж как идеологическая ценность проявляется только в ограниченной ритуальной сфере»

и «только тесная связь между племенем и его господствующим кланом и линиджами, которые так или иначе связаны с господствующим кланом, придает особое политическое значение агнатному принципу в линиджной структуре, ибо эти линиджи функционируют как ценности в политической системе, что придает им характер корпорации» [Эванс-Притчард, 1985, с. 183–184]. Тем не менее, по утверждению самого Эванс-Притчарда, «в политических отношениях господствующими и определяющими поведение всегда являются общинные узы» [Эванс-Притчард, 1985, с. 192]. Таким образом, реальное значение у нуэров имеют не десцентные группы, а территориальные.

Даже в сфере родственных отношений линидж у нуэров не играет ведущей роли. Эванс-Притчард отмечает, что агнатные узы нуэров (*бут*) регулируют отношения лишь между родственными линиджами, то есть между дальними агнатами. В то же время близкие родственники относятся к категории *мар*, которая включает родню как по женской, так и по мужской линии и с линиджем не соотносится [Эванс-Притчард, 1985, с. 170].

Ввиду всего вышеперечисленного сложно назвать линидж или десцент основой социальных и политических отношений нуэров. Роль линиджа ограничена ритуальной сферой и в иных случаях проявляется слабо. Рассматривать общность нуэров как «состоящую из линиджей» методологически ошибочно, а особое внимание к линиджу не оправдано, как уже отмечалось в литературе [Кирег, 1982, р. 83–84]. Можно было бы сказать, что общность нуэров состоит из территориальных групп, поскольку они явно имеют гораздо большее значение, нежели линиджи. Но это будет та же самая методологическая ошибка: деление на территориальные группы не отражает всего многообразия связей, которые составляют сеть социальных отношений нуэров.

Позволю себе продемонстрировать вышесказанное еще одним примером, весьма далеким как от нуэров, так и от Китая, но близким российскому читателю. В России до XIX века параллельно существовали два вида административно-территориального деления: светское и церковное (по приходам).¹² Очевидно, что сельская община могла в ряде случаев практически полностью совпадать с приходом местной церкви. Но вряд ли кто-либо будет утверждать, что именно церковный

¹² Приход вполне можно считать административно-территориальной единицей, поскольку на него возлагался ряд административных функций (например, учет населения).

приход владел землей, назначал сельских старост или нес коллективную ответственность за уплату налогов. То, что члены сельской общины, скорее всего, являлись членами одного прихода, роли не играет. Речь идет о параллельно существующих и в значительной степени совпадающих по составу, но при этом четко разграниченных коллективах – светском и церковном – с разными функциями и ролями. Примерно то же можно сказать о линиджах и территориальных единицах у нуэров.

Трудно определить, насколько повышенное внимание антропологов именно к линиджу и десценту повлияло на интерпретацию этнографических данных из Китая. Приведу как минимум один пример: так называемые «открытые» линиджи, которые могут пополнять свои ряды за счет неродственников (как правило, через институт фиктивного родства), и иногда в значительных количествах [Watson, 1982 а, р. 598–600]. Получается, что группа пополняется двумя путями: через десцент и через общность проживания, поэтому называть ее десцентной не вполне корректно. По сути такие группы являются уже не десцентными, а смешанными десцентно-территориальными, но концентрация на одном лишь десценте мешает увидеть это. Под тем же углом можно рассмотреть проблему крупных и зажиточных линиджей (тип Z в континууме Фридмана), которые могут составлять большинство населения отдельной деревни. Не являются ли некоторые из характеристик такого линиджа (школы, отряды самообороны) на самом деле характеристиками деревни? Могут ли, к примеру, проживающие в деревне не-агнаты участвовать в отрядах самообороны? Есть ли аналогичные структуры в других, обычных деревнях?

К сожалению, я пока не могу предоставить читателю ответов на эти вопросы. Но могу с легкостью продемонстрировать, как концентрация на родстве и десценте влияет на интерпретацию данных о древнем Китае. Известно, что в шанских эпиграфических текстах наблюдаются случаи, когда одним и тем же именем могут обозначаться как люди, так и территории. Одно из возможных объяснений этого феномена (и наиболее популярное) – наличие родственных групп, название которых совпадает с территорией их проживания.¹³ В итоге мы получаем историческую реконструкцию шанского общества, в основе

¹³ Ранее я уже рассматривал источниковедческие проблемы, не позволяющие однозначно принять эту точку зрения [Сафин, 2018], и надеюсь развить эту тему в дальнейших публикациях.

которой лежит деление на линиджи [Chang, 1980; Васильев, 1983; Чжу, 2004; Falkenhausen, 2013]. Этнографическое описание нуэров, приведенное ранее, в корне подрывает методологические основания данной концепции: группы, носящие имена родственных, вопреки ожиданиям могут оказаться территориальными.

Десцентные связи, связи по браку, территориальные связи, корпоративные, эмоциональные – все они переплетены друг с другом в единую сеть отношений. Наличие группы, объединенной десцентом, ничего не говорит нам о свойствах этой группы, пока не показана ее роль и место в общей сети социальных связей. В противном случае можно приписать линиджу те свойства, которые на самом деле относятся к совершенно иной сфере. Важно помнить, что линидж – это ритуальное объединение в рамках культа предков. В норме его влияние на социальную, экономическую и политическую жизнь не обязательно велико. Случаи, когда линиджи обладают более заметной ролью, относятся к разряду исключений в мировой этнографической практике [Kipfer, 1982, p. 92]. Одним из таких исключений и является распространение крупных, зажиточных линиджей в Китае. Но это – локальное явление, охватывающее (точнее, охватывавшее) меньшинство населения в некоторых регионах страны.

4. Как выделить группу из общей сети социальных связей?

Проведем мысленный эксперимент и нарисуем генеалогическое древо патрилинейных потомков своего прадедушки. Формально перед нами унилинейная десцентная группа с определяемым родством, то есть линидж. Но в действительности такой «линидж», скорее всего, существует только на бумаге.

Если мы захотим объединить свою дезорганизованную родню и создать настоящий линидж, то нам необходимо сделать как минимум три вещи. Во-первых, собрать родню и убедить ее в том, что она является коллективом (самосознание). Во-вторых, дать этому коллективу самоназвание (можно использовать фамилию плюс регион проживания). В-третьих, определить принцип членства в группе. Это не так-то просто: придется убедить родственников в том, что членами группы могут быть только потомки прадедушки и только по мужской линии, а горячо любимую тетюшку, родственников жены, родных внуков со стороны дочери, значительную часть двоюродных,

троюродных братьев и прочих близких лиц, не подпадающих под это определение, придется оставить за бортом. Этот пункт может разочаровать многих в концепции линиджа, ведь большинство людей поддерживает отношения со всеми близкими родственниками, а патрилинейная десцентная группа охватывает лишь малую их долю: вместо близких родственников придется взаимодействовать с дальними агнатами. Потребуется приложить некоторые усилия, дабы заставить нашу родственную группу функционировать в таком составе. Для этого необходимо убедить членов линиджа заниматься какой-либо совместной деятельностью и иметь общие интересы в составе десцентной группы. Это можно сделать разными способами, но основных всего два. Во-первых, можно организовать культ общего предка, который якобы готов оказывать мистическую поддержку только и исключительно своим патрилинейным потомкам (и принимать жертвы только от них). Во-вторых, можно выделить общую собственность, право на долю в которой будут иметь только патрилинейные потомки нашего прадедушки. Эти меры помогут как заинтересовать родственников в концепции линиджа, так и отсеять лишних (не патрилинейных) родственников. Несмотря на кажущуюся фантазийность ситуации, она основана на реальных событиях: широко известны случаи, когда в средние века китайцы, добившиеся успеха (например, добившиеся должности или преуспевшие в бизнесе), в буквальном смысле основывали линиджи для того, чтобы сплотить имеющуюся родню (точнее, часть родни) [Watson, 1982 a, p. 602–606; Watson, 1982 b; Ebrey, 1986, p. 35–36; Faure, 1989, p. 17–21].

Отмечу, что ключевым признаком, позволяющим отличить реально существующую группу от исследовательской абстракции, является именно наличие совместной деятельности, и этот подход уже проникает в исследовательское поле древнекитайской истории [Campbell, 2018, p. 145–146]. Даже наличие самоназвания и самосознания не является столь уж важным фактором, поскольку при отсутствии регулярной совместной деятельности и общих интересов значение такой группы для ее членов невелико.¹⁴ И наоборот, формально неорганизованные сообщества (например, группа друзей, группа особо близких родственников) могут оказаться крепче любых

¹⁴ Это, кстати, относится и ко множеству мелких линиджей, описанных антропологами XX века, см., например: [Cohen, 1990].

формальных объединений. Но говоря о совместной деятельности, важно определить, к какой именно группе она относится.

Вернемся к мысленному эксперименту и представим, что кто-то из представителей нашего линиджа умер и на его могиле собирается группа родственников. Среди них есть как представители линиджа, так и иные родственники (например, родственники жены, внуки со стороны дочери, семья тети по отцу или матери). Такая активность не будет считаться активностью в рамках линиджа, если только члены линиджа не скорбят отдельно от остальных. Речь идет об активности в рамках более широкой группы родни, скорее всего формально не организованной и не составляющей дискретную группу.

Другой пример: группа, состоящая из нескольких членов линиджа, открывает совместное предприятие, но остальные члены линиджа в нем не участвуют и не могут претендовать на доход с него. Такая активность тоже не может считаться происходящей в рамках линиджа, поскольку относится к более узкой группе родственников (сублинидж, отдельная семья либо иная группа родственников, формально организованная или нет). Таким образом, чтобы считаться активностью в рамках линиджа, она должна:

- Исключать нечленов
- Не исключать остальных членов линиджа (за ними должна признаваться по крайней мере возможность участия)

В реальности отыскать деятельность, проходящую исключительно в рамках линиджа, может быть непросто. Именно поэтому необходимо признать, что линидж, десцентная, родственная и вообще любая группа является лишь частью более широкой сети социальных связей. Ее отдельное исследование невозможно, а выделение может быть неоправданно.

5. Можно ли назвать линиджем группу близких родственников?

Нередко линиджем могут называть группу близких родственников, состоящую, например, из родных и/или двоюродных братьев, что как минимум требует пояснений. Дело в том, что отношения между близкими родственниками определяются не групповыми, а *личными родственными* и просто *личными* связями. Личные (дружеские) связи объединяют как родственников, так и неродственников и к теме линиджа не относятся. Личные родственные связи отличаются от групповых тем, что зависят от генеалогической дистанции между

индивидами, которая увеличивается с каждым новым поколением до тех пор, пока не выйдет за границы признаваемого родства.

В качестве примера можно привести систему из нескольких степеней траура по усопшим родственникам, существовавшую в Древнем Китае [Кейдун, 2015]. Братья в случае кончины одного из них должны были носить годичный траур. Но их сыновья не наследовали эту обязанность по отношению друг к другу: ведь они уже являлись двоюродными братьями, и им был положен девятимесячный траур. Еще одно поколение спустя траур сокращался до трех месяцев. По смерти четвероюродных братьев траура носить не полагалось [Кейдун, 2015, с. 85–86]. Поскольку личные родственные связи не наследуются по линии десцента, группа близких родственников не может считаться десцентной. Личные родственные связи объединяют конкретных людей и уходят в небытие с их смертью.

Десцентная же группа состоит из индивидов, которые связаны друг с другом *по факту принадлежности к группе*, которая не зависит от генеалогической дистанции и передается через десцент. Права и обязанности членов линиджа по отношению друг к другу и к общей собственности (ежели таковая имеется) наследуются детьми в полном объеме. Крупные, старые линиджи могут насчитывать десятки поколений, а следовательно, их члены связаны очень дальним родством, далеко выходящим за границы признаваемого. Но поскольку их статус, права и обязанности по отношению друг к другу проистекают не от личной родственной связи, а от членства в группе, это не имеет никакого значения.

В антропологической литературе действительно можно найти упоминания о линиджах, состоящих из близких родственников. Эванс-Притчард называл такие группы минимальными линиджами [Эванс-Притчард, 1985, с. 174]. Но тут следует обратить внимание на ряд деталей. Во-первых, минимальный линидж у Эванс-Притчарда выступает не как самостоятельная единица, но как сегмент более крупного объединения. Всего он выделяет пять ступеней: минимальный, малый, большой и максимальный линиджи, которые далее входят в клан [Там же, с. 98]. Во-вторых, как уже упоминалось, близкие родственники у нуэров относятся к категории *мар*, которая включает как членов линиджа, так и других родственников. Отношения в рамках минимального линиджа, таким образом, четко отличны от отношений с более далекими агнатами (*бут*).

Очевидно, что группы близких родственников существуют внутри каждой десцентной группы, но связи внутри них иные,

нежели между членами десцентной группы в целом. Очевидно также, что группа близких родственников может при соблюдении некоторых условий стать десцентной группой. Например, они могут выделить часть земли в общий фонд, долю в котором будут иметь все их патрилинейные потомки (даже став тридцатиуродными братьями). Но далеко не всегда это происходит на практике.

6. Как возникают линиджи?

Существует два пути создания линиджа: разрастание и слияние. В первом случае линидж возникает из семьи путем естественного роста коллектива, когда от одного человека происходит группа в несколько десятков, а затем – сотен и тысяч потомков. Важно отметить, что создание линиджа не происходит в таком случае автоматически. В целом известно три основных варианта развития событий.

Чаще всего десцентные связи не играют для людей какого-то особого значения. Обычно люди поддерживают связь с группой ближайших родственников всех видов (патри- и матрилинейные, аффинальные родственники), большую роль могут играть личные дружественные, территориальные (соседские) и прочие связи, составляющие единую сеть социальных отношений. Без организации линиджа патрилинейные потомки одного человека спустя несколько поколений будут представлять слабо или никак не связанную между собой совокупность агнатов.

Требуются особые условия и культурные установки, чтобы заставить людей выделить патрилинейных десцентных родственников из этого континуума и заставить их функционировать в качестве группы, то есть создать линидж (см. выше раздел № 4). По мнению американского историка Патриции Эбри (р. 1947), в Китае такие условия начали складываться лишь к эпохам Тан–Сун [Ebreu, 1986]. Ключевую роль в этом процессе, по ее мнению, сыграло распространение буддизма, влияние которого можно проследить как минимум по трем направлениям:

1. Возникновение и распространение праздников и обычаев, связанных с осуществлением ритуалов на могилах предков, где могли собираться дальние агнаты (праздник холодной пищи, праздник Цинмин). Конфуцианская традиция почти не признавала ритуалов на могилах, вместо этого объектом поклонения являлись ритуальные таблички в домашнем храме предков. Таким образом, ритуалы на могилах могли

простимулировать взаимодействие между дальними агнатами [Ebrey, 1986, p. 20–29].

2. Возникновение корпоративных владений для обслуживания культа общих предков и помощи несостоятельным родственникам, возможно, следовало примеру буддийских монастырей [Ebrey, 1986, p. 40–41].

3. Расширение границ признаваемого родства. Как уже упоминалось, в китайской традиции особое значение придавалось родству лишь до четвертого колена (троюродные братья, потомки общего прадедушки). В буддийской традиции признается родство в семи поколениях [Ebrey, 1986, p. 23].

Альтернативный путь развития представляют собой большие семьи, размер которых мог достигать десяти и более поколений [Ebrey, 1986, p. 29–34]. Такая семья очень похожа на линидж и в некотором смысле может считаться его разновидностью. Ключевой особенностью данной группы является то, что члены большой семьи не разделяются на отдельные семьи в том смысле, что продолжают совместно жить, работать, готовить и потреблять пищу, владеть имуществом. Обычный же линидж состоит из отдельных семей с четким разделением на общую собственность линиджа и собственность отдельной семьи, семейные и общелиниджевые ритуалы, семейное и общее хозяйство. Эта особенность позволяет считать большую семью вариантом скорее семьи, нежели линиджа. В Средневековом Китае такие семьи как наиболее отвечающие нормам конфуцианской морали заслуживали особое признание властей и могли награждаться привилегиями (например, налоговыми льготами) [Ebrey, 1986, p. 29–34]. Уже это свидетельствует, что большие семьи действительно крупных размеров были, скорее, исключением, нежели правилом. В норме разрастание семьи приводит к ее распаду, а затем либо созданию линиджа, либо постепенному ослаблению связей между агнатами.

Тем не менее при необходимости десцентные связи могут легко актуализироваться. Например, если несколько дальних агнатов заинтересованы в том, чтобы объединить усилия для какой-то общей цели (скажем, для совместного ухода за могилами предков или для ведения бизнеса), они в любой момент могут организовать линидж, выбрав ближайшего общего предка в качестве формального первопредка-основателя (см.: [Watson, 1982 a, p. 602–606; Watson, 1982 b; Faure, 1989, p. 17–21].¹⁵ В

¹⁵ Сам первопредок может быть и фиктивной фигурой, но в таком

таком случае членами линиджа могут быть не все патрилинейные потомки формального первопредка, но лишь те из них, кто происходит от реальных основателей. При таком «запоздалом» основании линиджа говорят о том, что он возник в результате «слияния». Не вполне понятно, какой из двух способов создания линиджа – разрастание или слияние – можно назвать превалирующим.

7. Что такое сегментация? Асимметричная сегментация? Линидж верхнего уровня?

В процессе разрастании коллектива происходит его сегментация, или деление на ветви. Например, если у первопредка было несколько сыновей, то потомков каждого из этих сыновей можно назвать ветвью линиджа. В теории совокупность потомков любого произвольно взятого члена линиджа можно назвать ветвью.

Но степень выделения ветви из основного линиджа может варьироваться в широчайших пределах. Некоторые «ветви» могут быть не более чем исследовательской абстракцией в том случае, если ее члены не осознают себя единым целым и никак не выделяются из основной массы членов линиджа. С другой стороны, ветвь может быть и формально организованной, формально выделяться из линиджа, иметь собственное название, собственный храм, в котором члены данной ветви поклоняются только своим предкам, отдельную собственность, не имеющую отношения к собственности всего линиджа и т. д. На определенном этапе ветвь линиджа может отделиться и стать самостоятельным линиджем. Если члены нескольких патрилинейно родственных линиджей желают сохранить некое организационное единство, они могут организовать линидж верхнего уровня. Возникает важная теоретическая проблема: как отличить несколько ветвей линиджа от нескольких родственных линиджей и от линиджа верхнего уровня? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо разобраться с тем, как происходит сегментация.

Сегментация бывает двух видов: генеалогическая и асимметричная. В первом случае линидж делится естественным образом на генеалогические ветви. Иногда ветви могут ранжироваться по старшинству, но в имеющихся

случае мы получим не линидж, а клан.

антропологических описаниях первенство старшей ветви, как правило, скорее символическое. В тех случаях, когда линидж не обладает значительным имуществом и играет слабую роль в политической и экономической жизни, старшинство ветви мало что дает. Если же линидж обладает значительным совместным имуществом или имеет реальное значение в экономической и политической жизни, старший представитель старшей ветви может претендовать на роль формального лидера, но реальная власть в линидже имеет тенденцию к концентрации в руках наиболее зажиточных и влиятельных его членов вне зависимости от их генеалогической позиции [Freedman, 1958, p. 131–133]. Особо отмечается, что старшинство ветви если и признается, то обычно не сказывается на управлении общим имуществом линиджа [Cohen, 1990, p. 528–530]. Иными словами, идея равенства всех членов линиджа превалирует над идеей генеалогического старшинства.

Также для зажиточных линиджей характерна развитая система асимметричной сегментации. Асимметричная сегментация происходит в тот момент, когда какая-либо из ветвей линиджа (как правило, финансово успешная) устанавливает собственный, отдельный от других культ предка (основателя ветви), обычно в сочетании с постройкой храма и выделением фонда на его содержание [Freedman, 1958, p. 46–47]. Выделить ветвь по принципу асимметричной сегментации может любой человек и в любой момент. Главное – наличие финансовой возможности для того, чтобы одновременно участвовать в основном (линиджевом) культе первопредка и поддерживать отдельный храм ветви. Затем отдельная ветвь может выделиться внутри этой ветви – и так далее. Теоретически, дробление на ветви ограничено лишь финансовыми возможностями на содержание храмов. Чем больше экономическое неравенство между ветвями линиджа, тем шире стремление наиболее зажиточных ветвей к отделению и созданию собственных храмов и фондов. В отличие от генеалогической, асимметричная сегментация имеет важное экономическое значение и действительно приводит к разделению единой группы на части.

Но чем же отличается отдельная ветвь от отдельного линиджа? Где пролегает грань между обычным линиджем со множеством сегментов и линиджем верхнего уровня? Во-первых, линидж верхнего уровня предполагает, что все его члены относятся к какому-то линиджу уровнем ниже. Представим, что в десцентной группе X часть членов относится к ветвям А и Б, а

часть – ни к какой. В таком линидже должно быть три храма предков: общий, предков ветви А и предков ветви Б. Члены соответствующих ветвей отправляют культ предков как в общем храме, так и в храме своей ветви, а остальные – только в общем храме. Таким образом, перед нами линидж Х, в котором выделяются ветви А и Б. Если же десцентная группа Х полностью поделена на сегменты А, Б и В, то необходимо сравнить степень взаимодействия между ними. Если основное взаимодействие между агнатами происходит внутри сегментов, а между собой они связаны слабо; если основная доля общего имущества поделена между сегментами, а общелиниджевое имущество мало, тогда перед нами отдельные линиджи, объединенные в рамках зонтичной структуры линиджа верхнего уровня. Если несмотря на наличие ветвей А, Б и В в десцентной группе наблюдается активное взаимодействие и общий ресурсный фонд велик – есть основания говорить о едином линидже и его ветвях. Если линиджи А, Б и В являются родственными, но не демонстрируют регулярного взаимодействия, не имеют общего храма и ресурсов, то говорить о линидже верхнего порядка нет оснований; перед нами просто группа родственных линиджей.

Описанное в этом разделе может натолкнуть специалиста по древней истории на сравнение с системой *цзун-фа* 宗法 (досл. «законы храма»), существовавшей в Древнем Китае. Вопреки нормам сегментации, которые присущи линиджам Нового времени, в древности генеалогическое старшинство играло решающую роль при наследовании имущества и общественного положения, и это несоответствие уже отмечалось в литературе [Cohen, 1990, p. 510, note 5]. В Средние века некоторые интеллектуалы предпринимали попытки возродить эту систему, но значительных успехов не достигли [Ebreu, 1986, p. 35–39].

На мой взгляд, система *цзун-фа* описывает отношения в рамках не линиджа, а группы близких агнатов. Более того, принципы генеалогического старшинства, схожие с этой системой, обнаруживаются в рамках семейного культа предков, который практикуют семьи и группы близкородственных семей (группы близких агнатов) в рамках линиджа (см. [Freedman, 1958, pp. 46–47]). Таким образом, несовпадение с системой *цзун-фа* объясняется тем, что сравниваются родственные группы разных экономических уровней.

Еще один ключ к проблеме *цзун-фа* могут дать этнографические материалы Полинезии. Например, у

аристократов острова Тонга были зафиксированы родственные группы (*ha'a*), в которых генеалогическое деление на старшую и боковые ветви действительно играет роль при распределении богатств и титулов: они наследуются по старшинству, в то время как младшие родственники постепенно теряют статус и смешиваются с простолюдинами [Decktor Korn, 1978]. Родственные группы Полинезии, подобные *ha'a*, изначально рассматривались как подвид линиджа [Ibid., p. 107–108]. Впрочем, при внимательном рассмотрении оказывается, что младшие родственники, утрачивая высокий социальный статус, утрачивают и право членства в группе; они продолжают быть родственниками аристократов, но в *ha'a* уже не входят [Ibid., p. 109]. С другой стороны, есть сведения о том, что членами *ha'a* могли быть не только родственники, что подрывает представления о *ha'a* как родственной группе вообще [Ibid., p. 111–113]. Если это так, то наличие линиджей с жесткой генеалогической сегментацией по старшинству оказывается фикцией в мировой этнологии [Ibid., p. 113]. Тем не менее именно такого типа линиджи реконструируются исследователями в Древнем Китае.

Подробнее я рассмотрю вопросы о системе *цзун-фа*, древних «линиджах» и связанных вопросах в отдельной работе.

Замечания, перспективы, благодарности

Необходимо отметить, что автор по образованию является историком, а не антропологом, поэтому тема линиджа выходит за границы его профессиональной компетенции. При написании статьи я опирался исключительно на работы иных антропологов, во многом подобранные случайно. Выводы носят предварительный характер, и их апробация займет некоторое время. Скорее всего, ряд положений будет впоследствии уточняться, что обязательно найдет отражение в дальнейших публикациях автора. Буду благодарен за любые отзывы и замечания, которые можно отправить на e-mail, указанный на первой странице. Перед использованием информации, изложенной в статье, рекомендуется консультация специалиста-антрополога.

Учитывая, что именно китайский линидж Нового времени находился в фокусе внимания, некоторые положения работы могут быть не применимы к линиджам других культур и эпох. Например, система генеалогической сегментации линиджа сильно отличается у письменных и бесписьменных групп,

поскольку при отсутствии письменной фиксации генеалогия имеет тенденцию к мифологизации и упрощению (часть позиций сокращается, перемещается, заменяется). В принципе, при описании родственной группы и того, как она функционирует, довольно мало свойств можно логически вывести опираясь на описания других групп или «внутреннюю логику» системы. Пример такого логического построения: «При стратификации ветвей по старшинству в аристократическом линидже младшие родственники утрачивают аристократический статус, а значит, в скором времени линидж будет объединять аристократов и простолюдинов». Это абсолютно логичное утверждение, но в реальности потерявшие статус родственники могут просто исключаться из группы, см. выше пример *ha'a* аборигенов о. Тонга. Любая информация, являющаяся теоретическим предположением и не подкреплённая прямыми данными, скорее всего, не подтвердится. В обзорной статье трудно отразить эту ситуацию, поэтому для более адекватного понимания вариативности родственных групп необходимо прочесть хотя бы несколько антропологических работ (например, указанных в списке литературы).

Автор благодарит А. В. Турского, доцента кафедры этнологии МГУ им. М. В. Ломоносова, за любезно предоставленные консультации по ряду антропологических вопросов, а также Н. В. Руденко, Д. Е. Куликова и С. В. Дмитриева за критику и помощь при редактировании настоящей статьи.

Заключение

Работая с источниками и литературой по истории, необходимо проявлять максимальную осторожность при выделении и характеристике групп, которые мы встречаем. Это могут быть родственные группы, состоящие из различных категорий родни. Некоторые группы могут являться не родственными, а территориальными или смешанными. Все они составляют единую сеть социальных связей, в рамках которой человек принадлежит сразу к нескольким группам, как формально организованным, так и нет. Весьма вероятно, что линиджи в строго антропологическом смысле данного термина появляются в Китае не ранее I тыс. н. э.

Главный критерий выделения группы из континуума социальных связей – совместная деятельность ее членов. При описании группы важно в первую очередь учитывать те

активности, которые относятся именно к данной группе. Поскольку индивиды всегда одновременно являются членами нескольких групп (семья, группа близких родственников, линидж, территориальная группа, сословная группа и др.), важно отмечать, в рамках какой именно группы происходит взаимодействие.

Линидж – лишь один из многих видов групп, которые мы можем встретить в источниках. Если мы встречаем родственную группу, она не обязательно будет линиджем, и прежде чем использовать данный термин, необходимо проверить, совпадают ли свойства описываемой группы с определением. В частности, линидж можно легко перепутать с кланом, произвольно выделенной частью родни, семьей или группой близких родственников, территориальной группой.

Термин «линидж» означает лишь принцип преимущественного учета родственных связей, образующих унилинейную десцентную группу, все члены которой могут четко определить, в каких генеалогических отношениях относятся друг к другу (при этом достоверность генеалогии особой роли не играет). Конкретные характеристики линиджа (размеры, виды и формы групповой активности, роль в системе социальных связей) варьируются в широчайших пределах и должны устанавливаться для каждого линиджа отдельно. В первую очередь линидж – это ритуальное объединение в рамках культа предков. В норме его влияние на социальную, экономическую и политическую жизнь не велико. Случаи, когда линиджи обладают более заметной ролью, относятся к разряду исключений в мировой этнографической практике.

При описании группы важно не столько определение, сколько набор конкретных характеристик описываемой общности (размер группы, наличие общей собственности, виды и регулярность взаимодействий в рамках группы, принципы набора в группу). Но у историка, как правило, нет достаточного количества данных для исчерпывающей характеристики. Поэтому адекватное отражение описываемой нами реальности возможно лишь с сохранением неопределенности там, где данных не достаточно. В частности, при описании можно использовать более общие термины («группа», «родственная группа»).

Источники и литература

- 1 Артемова, 2009 – *Артемова О. Ю.* Колено Исава: Охотники, собиратели, рыболовы (опыт изучения альтернативных социальных систем). М.: Смысл, 2009.
- 2 Васильев, 1983 – *Васильев Л. С.* Проблемы генезиса китайского государства. М.: Наука, 1983.
- 3 Грачёва, 2016 – *Грачёва Ю. А.* Особенности традиционных семейно-брачных отношений народа Наси и этнической группы Мосо // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2016. С. 125–148.
- 4 Кейдун, 2015 – *Кейдун И. Б.* Порядок ношения траура в канонических установлениях конфуцианства (по материалам трактата «Ли цзи») // Вестник СПбГУ. Востоковедение. Африканистика. 2015. № 4. С. 83–91.
- 5 Кожановская, 1993 – *Кожановская И. Ж.* Что мы знаем о формах социальной организации в Полинезии? (Обзор зарубежной и отечественной литературы) // Этнографическое обозрение, 1993. № 2. С. 163–174.
- 6 Крюков, 1961 – *Крюков М. В.* Род и государство в иньском Китае // Вестник древней истории, 1961. № 2. С. 3–22.
- 7 Сафин, 2018 – *Сафин Т. А.* Элиты эпохи Шан в эпиграфических памятниках XIII–XI вв. до н. э.: титул хоу по данным ономастики // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2018. № 4. С. 6–30.
- 8 Эванс-Притчард, 1985 – *Эванс-Притчард Э. Э.* Нуэры. Описание способов жизнеобеспечения и политических институтов одного из нилотских народов. М.: Наука, 1985.
- 9 Campbell, 2018 – *Campbell R.* Violence, Kinship and the Early Chinese State: The Shang and Their World. Cambridge: Cambridge University Press, 2018.
- 10 Chang, 1980 – *Chang Kwang-Chih.* Shang Civilization. New Haven: Yale University Press, 1980.
- 11 Cohen, 1990 – *Cohen M. L.* Lineage Organization in North China // The Journal of Asian Studies, 1990. Vol. 49. No. 3. P. 509–534.
- 12 Decktor Korn, 1978 – *Decktor Korn S. R.* Hunting the Ramage: Kinship and the Organization of Political Authority in Aboriginal Tonga // The Journal of Pacific History, 1978. Vol. 13. No. 2. P. 107–113.
- 13 Ebrey, Watson, 1986 – *Ebrey P. B., Watson J. L.* (ed.) Kinship Organization in Late Imperial China 1000–1940. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1986.

14 Ebrey, 1986 – *Ebrey P. B.* Early Stages of Descent Group Organization // *Kinship Organization in Late Imperial China 1000–1940* / Ebrey P. B., Watson J. L. (ed.). Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 1986. P. 16–61.

15 Falkenhausen, 2013 – *Falkenhausen L. von.* Archaeology and the Chinese Lineage // *Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов.* М.: ИВ РАН, 2013. С. 119–137.

16 Faure, 1990 – *Faure D.* The Lineage as a Cultural Invention: The Case of the Pearl River Delta // *Modern China.* 1989. Vol. 15. No. 1. P. 4–36.

17 Freedman, 1958 – *Freedman M.* Lineage Organization in Southeastern China. London: Athlone Press, 1958.

18 Freedman, 1966 – *Freedman M.* Chinese lineage and society: Fukien and Kwangtung. London: Athlone Press, 1966.

19 Kuper, 1982 – *Kuper A.* Lineage Theory: A Critical Retrospect // *Annual Review of Anthropology*, 1982. Vol. 11. P. 71–95.

20 Santos, 2006 – *Santos G. D.* The Anthropology of Chinese Kinship. A Critical Overview // *European Journal of East Asian Studies.* 2006. Vol. 5. No. 2. P. 275–333.

21 Watson, 1982 a – *Watson J. L.* Chinese Kinship Reconsidered: Anthropological Perspectives on Historical Research // *The China Quarterly.* 1982. No. 92. P. 589–622.

22 Watson, 1982 b – *Watson R. S.* The Creation of a Chinese Lineage: The Teng of Ha Tsuen, 1669–1751 // *Modern Asian Studies.* 1982. Vol. 16. No. 1. P. 69–100.

23 Дин, 1988 – *Дин Шань* 丁山. Цзягувэнь социянь шицзу цзи ци чжиду 甲骨文所見氏族及其制度 (Кланы и клановая система, просматриваемая в надписях на гадательных костях). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1988.

24 Ся-Шан-Чжоу дуаньдай гунчэн, 2000 – *Ся-Шан-Чжоу дуаньдай гунчэн 1996–2000 нянь цзедуань чэнго баогао: цзяньбэнь* 夏商周斷代工程1996–2000年階段成果報告: 簡本 (Отчёт по результатам проекта «Хронология Ся-Шан-Чжоу» за период 1996–2000 гг.: сокращённая версия) / Под ред. Ся-Шан-Чжоу дуаньдай гунчэн чжуаньцзя цзу 夏商周斷代工程專家組 (Экспертная группа проекта «Хронология Ся-Шан-Чжоу»). Пекин: Шицзе тушу чубань гунсы 世界圖書出版公司, 2000.

25 Чжу, 2004 – *Чжу Фэнхань* 朱鳳瀚. Шан-Чжоу цзяцзу синтай яньцзю 商周家族形態研究 (Исследование линиджевой организации Шан-Чжоу). Тяньцзинь: Тяньцзинь гуцзи чубаньшэ 天津古籍出版社, 2004.

26 Юй, 1957 – Юй Синъу 于省吾. Цун цзягувэнь кань шандай шэхуй синчжи 從甲骨文看商代社會性質 (Характер общества эпохи Шан в свете надписей на гадательных костях) // Дунбэй жэньминь дасюэ жэньвэнь кэсюэ сюэбао 東北人民大學人文科學學報. 1957. № 2–3. С. 97–136.

*Timur A. Safin**

**Lineage: Anthropology Theory in History Studies
(on the Example of China)**

ABSTRACT: The article aims at the historians (primarily, sinologists) willing to grasp the basics of the anthropological concept of lineage and its use in historical studies. Brief survey of essential literature (mostly, in English) is provided, along with detailed definitions of lineage, other kinship groups and associated terminology. Is lineage theory still of current interest in anthropology? How should we use it in our studies? How to denote lineage out of a universal social network? In fact, lineage turns out to be a term of extremely limited meaning and application. Some other types of groups may be erroneously taken for lineage, and even if the reference is correct, this fact gives us little or no information about the size and characteristics of groups in question. Lineages are diverse to the point that extrapolations are barely possible. Furthermore, concentrating research interest on lineage may result in failing to distinguish wider spectrum of kinship and social relations within the community. In most cases lineage is no more than a ritual unity, barely expressed in other spheres.

KEYWORDS: China, Chinese History, Chinese Kinship, Lineage, Clan, Chinese Lineage, Chinese Clan

* Safin Timur Alfredovich, Ph. D. (History), Research Associate, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), China Department; Research Associate, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, School for Advanced Studies in the Humanities (Moscow), tsafin93@gmail.com

*С. И. Блюмхен**

Жизнь и творчество танского поэта Ли Хэ

АННОТАЦИЯ: Одним из выдающихся поэтов среднего периода эпохи Тан 唐 (618–907) был Ли Хэ 李賀 (790–816), чьей жизни и творчеству в современной китайской, японской и западной филологии посвящено довольно много исследований, а переводы его произведений на иностранные языки вдохновили авторов подражаний. Ссылаясь на присущие Ли Хэ особенности стиля и тематики, его сравнивают со Стефаном Малларме (1842–1898), Шарлем Бодлером (1821–1867) и Джоном Китсом (1795–1821). При этом его жизни и творчеству уделяется прискорбно мало внимания в российской филологии. Цель настоящей статьи – хотя бы отчасти восполнить эту лакуну.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Тан, поэзия, Ли Хэ, даосизм, мистика

Хотя творчество Ли Хэ было знакомо специалистам и знатокам танской поэзии, о его жизни и стихах было мало известно за пределами этого узкого круга ценителей до середины XX века. Ли Хэ несколько терялся на фоне таких гигантов стихосложения, как Ли Бо 李白 (701–762) и Ду Фу 杜甫 (712–770), а также плеяды их последователей и позднейших талантов, таких как Бо Цзюй-и 白居易 (772–846), Хань Юй 韓愈 (768–824) и др. Однако во все времена, как при жизни Ли Хэ, так и после нее, у поэта были восторженные почитатели, а после смерти появились сначала биографы, а потом и исследователи.

Годы жизни Ли Хэ пришлись на непростое время. Известно, что великолепная эпоха Тан заложила основы той культуры – материальной, политической, духовной, – которую стали со временем называть «культурой традиционного Китая» и на которую ориентировались во времена последующих эпох. Но к годам жиз-

* Блюмхен Сергей Иванович, младший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), xieji@mail.ru

ни Ли Хэ этот цивилизационный блеск заметно потускнел. Описания событий эпохи, нередко именуемой в литературе средним периодом Тан или просто «средней Тан», обязательно включают рассказы о бедствиях, обрушившихся на Поднебесную как в результате самого мятежа Ань Лу-шаня¹, так и при его подавлении, для чего пришлось привлечь войска уйгуров. О страданиях китайского народа рассказывают сочинения того времени – от указов танских императоров до стихов поэтов-патриотов, но почти везде в той или иной форме присутствует горечь от утраты достижений предшествовавшего периода, эпохи становления и развития империи Тан. Воспоминания об утраченном величии служат фоном к описанию бедствий времени настоящего, эти воспоминания имплицитно присутствуют в большинстве сочинений тех времен – пусть иногда без прямой ссылки на прошлое, выражаясь в форме гнева на нежелание обладающих богатством и властью помогать попавшим в беду.

Хотя к моменту рождения Ли Хэ (790) после подавления мятежа прошло уже больше четверти века, поэт рос и проходил становление личности в социальной и духовной среде, осмыслявшей причины этого внутреннего конфликта. С точки зрения конфуцианской морали, ситуация выглядела вполне узнаваемо – государь не справился с влиянием женщины, императорской наложницы Ян Юй-хуань 楊玉環 (более известной как Ян-гуй-фэй 楊貴妃, 719–756) и плохих советников (в том числе канцлера Ян Го-чжуна 楊國忠, ум. 756, двоюродного брата Ян-гуй-фэй), а потому страна погрузилась в смуту. Император Сюань-цзун 玄宗 (личное имя Ли Лун-цзи 李隆基, 685–762, правил в 712–756) бежал из столицы и отрекся от престола в пользу сына Су-цзуна 肅宗 (личное имя Ли Хэн 李亨, 711–762, правил с 756). Для борьбы с мятежом Су-цзун обратился к внешним силам, в первую очередь к Уйгурскому каганату, и женился на дочери уйгурского правителя. Однако окончательно подавить мятеж удалось только при

¹ «Смута», или «мятеж», Ань Лу-шаня (Ань Лу-шань луань 安祿山亂) датируется периодом с декабря 755 г. по февраль 763 г. Согдиец по происхождению, Ань Лу-шань 安祿山 (703–757) на момент начала восстания командовал тремя пограничными округами из десяти, имел огромное влияние в армии и располагал большими денежными средствами. Мятеж поднял после смерти своего покровителя, первого министра (цзай-сян 宰相) Ли Линь-фу 李林甫 (ум. 753), когда преемник последнего, Ян Го-чжун 楊國忠 (ум. 756), закрепился у власти и попытался ограничить влияние Ань Лу-шаня.

следующем императоре – Дай-цзуне 代宗 (личное имя Ли Чу 李俶, 727–779, правил с 763).

Принято считать, что тяготы смуты породили поэзию, авторы которой ориентировались на широкие слои общества и занимали гражданскую позицию, обращаясь к народному песенному наследию предшествующих эпох – *юэфу* 樂府². Говоря об истории поэзии этой эпохи, М. Е. Кравцова отмечает: «Важнейшим собственнo литературным процессом считают развитие теорий поэзии, призывающих к созданию лирики социально-политического характера – повествующей о тяготах жизни простых людей, критикующей несправедливое отношение властей к народу и использующей максимально простой для восприятия широкой читательской аудитории литературный язык... Указанные теоретические разработки и усилия по их реализации в поэтической практике увенчались возникновением “Движения за новые *юэфу*” (*синь юэфу юньдун* 新樂府運動) во главе с Бо (Бай) Цзюй-и (白居易, 772–846, второе имя Лэ-тянь 樂天) и Юань Чжэнем (元稹 779–831, второе имя Вэй-чжи 微之)» [Кравцова 2018, с. 153, 154].

Однако наряду с проявлением гражданской позиции у танских поэтов проявлялись, причем многократно сильнее, тенденции к уходу от непредсказуемой и пугающей действительности, к поиску психологической опоры в кругу семьи, друзей, к уходу в иные реальности, прочь от бед охватившей страну смуты. М. Е. Кравцова отмечает, что «“Движение за новые *юэфу*” и сопряженная с ним гражданская лирика³, почитающиеся высшим

² Жанр *юэфу* возник в эпоху Хань (206 г. до н. э. – 220 г. н. э.), у его истоков стояли поэты и чиновники Музыкальной палаты (*Юэфу* 樂府), в обязанности которых входило собирание народных песен, что вдохновляло на создание собственных произведений, близких по форме к народным.

³ Отметим, что концепция «гражданской лирики» применительно к танскому Китаю выглядит неким анахронизмом – для гражданской лирики поэт должен ощущать себя именно гражданином. Здесь же, скорее всего, можно говорить о мировоззрении конфуцианского «благородного мужа» (*цзюнь-цзы* 君子), наделенного добродетелями, в том числе «гуманностью» (*жэнь* 仁), то есть чувством сопереживания и справедливости, и осуждающее воспринимающего связанные с войной вопиющие отступления от конфуцианских ценностей. Гражданственность как западная, индивидуалистическая, по сути, ценность не может выступать обозначением более всеобъемлющего концепта конфуцианской сопричастности мировому порядку путем искреннего (*синь* 信) следования долгу (*и* 義) и участия в устроении мироздания по-

поэтическим достижением *чжун Тан* (т. е. среднего периода эпохи Тан. – С. Б.), далеко не исчерпывают идейно-тематического богатства поэтического творчества того времени... “Новые *юэфу*” составляют менее одного процента поэтического наследия того же Бо Цзюй-и (более 2.800 произведений)... Значительно более многочисленны в нем поэтические послания (эпистолы) к друзьям, стихи о дружеских застольях, даосско-эзотерического (описание даосских практик) характера, с буддийскими мотивами, на любовные темы и пейзажная лирика» [Там же, с. 154].

Наглядным подтверждением этого тезиса стали жизнь и творчество Ли Хэ. На становление его как личности и поэта и соответственно на его стихи наибольшее влияние оказали три контекста – общеисторический, который мы вкратце описали выше, семейный и поэтический, волей судеб оказавшиеся тесно связанными.

Ли Хэ 李賀, второе имя – Чан-цзи 長吉, родился в Чангу 長谷, уезд Фучан 福昌, совр. пров. Хэнань, в 790 г. Его отец Ли Цзинь-су 李晉肅 «служил на границе и в свое время был мировым судьей уезда Шань 陝. Его мать была из семьи Чэн; у него была старшая сестра и младший брат» [Tu 1979, p. 19].

Семья состояла в дальнем родстве с императорским кланом Ли, основателями Тан. Одним из предков Ли Хэ был некий Чжэн-ван 鄭王 из императорского дома Тан. Со временем родство стало дальним и отражения в генеалогическом древе правителей династии, приведенном в *Синь Тан шу* 新唐書 (букв.: «Новая книга [об эпохе] Тан»), далее мы используем более привычный вариант ее названия «Новая история Тан»), не нашло. Проблема осложняется тем, что в ранний период Тан этот титул (Чжэн-вана) носили три человека и кто из них стал родоначальником семьи Ли Хэ – точно не известно⁴. Ко времени рождения Ли Хэ семья находилась в достаточно непрестом материальном положении. Как отмечает Ду Го-цин 杜國清, «вся жизнь Ли Хэ, рожденного в небогатой семье и находившегося в родстве с императорским домом Тан, определялась двумя противоположными факторами: относительной нищетой и гордостью императорской родословной» [Tu 1979, p. 19].

средством ритуала (*ли* 禮). Эмоции гражданина и «благородного мужа» могут быть сходными, но их мировоззренческая «подкладка» не идентична.

⁴ Вопрос о связи Ли Хэ с императорским домом Тан, подробные сведения о трех возможных предках из императорского рода, а также мнения по этому вопросу китайских и западных ученых детально рассмотрены в диссертации М. Т. Саут [South 1965, p. 92–95].

Был и еще один связанный с родственниками фактор, возможно оказавший влияние на становление Ли Хэ как поэта, – его отец Ли Цзинь-су предположительно приходился двадцать девятым младшим двоюродным братом поэту Ду Фу. Если в китайской традиции даже однофамилец – отчасти дальний родственник, то реальный родственник, пусть даже достаточно дальний, воспринимался как важный элемент генеалогического древа, определявшего в том числе силу рода.

Ли Хэ проявил свой поэтический талант в довольно раннем возрасте. Это породило одну из связанных с его именем легенд: согласно традиционным жизнеописаниям Ли Хэ (например, его биографии, приведенной в цз. 203 «Новой истории Тан»), Хань Юй и Хуанфу Ши⁵ приехали встретиться с Ли Хэ, когда последнему исполнилось всего шесть лет⁶, и были удивлены поэтическим талантом ребенка, сочинившего при них довольно сложное стихотворение *Гао сюань го* 高軒過 (букв.: «Проехал экипаж высокого [гостя]»), со смыслом «Визит благородного гостя»).

Ссылаясь на биографии Ли Хэ в «Старой истории Тан»⁷ (цз. 137) и «Новой истории Тан» (цз. 203), Ду Го-цин пишет о внешности поэта так: «Ли Хэ, будь то от природы или по причине своей бедности, имел хрупкое телосложение и сильно страдал от плохого состояния здоровья. О его внешности говорят, что он был худой, с густыми бровями и длинными ногтями и что еще до того, как ему исполнилось восемнадцать лет, волосы на его висках поседели» [Ту 1979, р. 19]. Хотя это описание внешности Ли Хэ

⁵ Хуанфу Ши 皇甫湜 (777–835) – поэт и писатель эпохи Тан, друг и ученик Хань Юя.

⁶ Некоторые исследователи говорят о семи годах – счет лет при определении возраста велся в традиционном Китае не от даты рождения, а от даты зачатия – согласно системе *сюйсуй* 虛歲 (букв.: «пустой год»), и тогда при рождении к возрасту ребенка добавлялся один год. При ближайшем рассмотрении этот рассказ не выдерживает критики, их встреча, скорее всего, произошла на 12–13 лет позднее. «Создание этого знаменитого стихотворения с большей вероятностью можно датировать приблизительно 809 г., когда 19-летнему Ли Хэ уже было отказано в допуске к экзамену» [Moore 2004, р. 331]. С этим можно согласиться, если время создания и дарения приблизительно совпадали. Не исключено, что стихотворение действительно было создано в 6–7 лет, хранилось как память и было подарено Хань Юю много позднее.

⁷ Официальная «Книга [об эпохе] Тан» (*Тан шу* 唐書, или *Цзю Тан шу* 舊唐書 «Старая книга [об эпохе] Тан»), далее мы используем более привычный вариант ее названия «Старая история Тан».

стало общепринятым, в отношении его точности имеются сомнения. Маловероятно, что в семье, имевшей слуг и не загружавшей ребенка работой (он мог выезжать за город в сопровождении слуги, черпая вдохновение для стихов), тот жил в условиях, столь прискорбно сказавшихся на его внешности и состоянии здоровья.



**Рис. 1. Изображение Ли Хэ в альбоме
Ваньсяо-тан Чжу-чжуан хуачжуань 晚笑堂竹莊畫傳
(«Иллюстрированные биографии Чжу-чжуана
из зала Позднего смеха»), 1743 г.⁸**

⁸ Альбом представляет собой ксилографическое воспроизведение 120 портретов знаменитых деятелей Китая всех эпох от Хань до Мин (1368–1644), принадлежащих кисти цинского художника Шангуань Чжоу 上官周 (1664/1665–1749/1752) по прозвищу (hao 號) Чжу-чжуан 竹莊. Альбом пользовался огромной популярностью в Китае и за его пределами, породив многочисленные подражания.

В путях обретения вдохновения Ли Хэ следовал устоявшейся традиции – еще достаточно молодым он стал использовать вино в качестве средства расширения сознания. Об этом вполне определенно говорится в цз. 203 *Синь Тан шу*:

«Каждый день с восходом солнца он выезжал верхом на небольшой лошадке в сопровождении слуги-мальчика, несшего на спине мешочек из древней парчи, и [если] что-то получалось, записывал [строфы] и записанное бросал в этот мешочек. Никогда не выбирал сперва заглавие, [чтобы только] после этого творить стихотворение, наподобие типовых заданий по притягиванию и сведению [заглавия и стихотворения, которые выполняли] другие люди, так, чтобы содержание стихотворения соответствовало выбранному названию. На закате дня возвращался домой и сводил [наброски] в готовое стихотворение. Если не был сильно пьян или не находился в трауре, то неизменно следовал такому распорядку дня. Пьяный же, не слишком себя контролировал. Служанка его матери заглянула в парчовый мешочек и, увидев там много [набросков] написанного, стала браниться, говоря: “Этот мальчишка не успокоится, пока не выблюет свое сердце!”»⁹.

Исходя из этого текста, в поездки Ли Хэ брал не только письменные принадлежности, но также вино и обед, потому что возвращался только на закате. Выезжая рано утром, он встречал восход солнца, черпая вдохновение из утренней свежести и красок рассвета, стимулируя остроту восприятия вином и фиксируя на бумаге пришедшие в сознание образы. Второй сеанс поиска вдохновения был связан с закатом, после чего Ли Хэ и слуга возвращались домой. Задачей мальчика было собирать исписанные листки в парчовый мешочек, не давая им затеряться, потому что пьяный Ли Хэ «не слишком себя контролировал». Побочным следствием этого способа поиска вдохновения, воспетого еще Ли Бо, стало пристрастие к вину, что получило отражение в тематике творчества Ли Хэ – одной из второстепенных, но немаловажных тем было воспевание вина и застолий с винопитием. Так, М. Е. Кравцова отмечает: «Центральное место в поэзии Ли Хэ занимают две темы: чудесный мир и мир красавиц» [Кравцова 2014, с. 990], но кроме них «поэт варьирует набор типичных для “поэзии о том, что на душе” мотивов: о бренности и эфемерности человеческого бытия <...>, о вине – “Цинь ван инь цзю” (秦王飲酒 “Пьют вино у царя Цинь”), “Сян цюань цзю” (相勸酒 “Убеждаем друг друга

⁹ Обоснование перевода этого фрагмента см. в Приложении II.

выпить”), “Цзян цзинь цзю” (將進酒 “Пусть принесут вино”))» [Там же, с. 989].

Годы шли, и нужно было позаботиться о карьере. Первым этапом должна была стать сдача провинциального экзамена, и в 809 г. Ли Хэ отправляется в Лоян. Готовясь к экзамену, он встретился с Хань Юем и подарил ему свои юношеские стихи, в том числе, вероятно, и упоминавшееся выше стихотворение *Гао сюань го*. Не исключено, что оно действительно было написано в возрасте 6-7 лет, вот только подарено много позднее. Обладая незаурядным поэтическим талантом, Ли Хэ успешно сдал провинциальные экзамены. Следующим этапом должны были стать экзамены столичные, на высшую степень *цзинь-ши* 進士 (букв.: «достигший [успеха на столичных экзаменах] муж»), и он отправился в столицу – Чанъань, но здесь яркая поэтическая одаренность Ли Хэ неожиданно оказалась препятствием.

«Самым заметным нововведением в системе экзаменов на степень *цзинь-ши* стали изменения в проверке литературных навыков. Эта проверка предусматривала создание сочинений в таких разнообразных стилях, как памятные записки, биографии, погребальные песнопения и лирические сочинения, такие как оды (*фу*¹⁰) и уставные стихи (*люй-ши*¹¹), но предпочтение отдавалось испытанию кандидатов на способность сочинять стихи. После изменения программы экзаменов в 681 г., литературная часть экзамена на степень *цзинь-ши* стала отражением увлеченности официальных кругов поэзией. Экзаменационный стих на степень *цзинь-ши* – в большей мере, чем при экзаменах на получение любой другой степени, – демонстрировал связь степени *цзинь-ши* с политической карьерой, для которой навыки литературного сочинения являлись основополагающими. В то же время эта увлеченность литературным творчеством влекла неослабевающую критику в адрес соискателей степени *цзинь-ши* в связи с их вниманием к литературной стилистике, что рассматривалось как симптом слабого знания канонов и даже как недостаточность управленческих навыков» [Moore 2004, p. 17].

Таким образом, яркая одаренность в поэзии, неизменно связанная с оригинальностью поэтического творчества, могла указы-

¹⁰ *Фу* 賦 – оды, в которых поэтические фрагменты чередуются с ритмично организованными прозаическими.

¹¹ *Люй-ши* 律詩 – уставные стихи из восьми строк, пяти или семи иероглифов в строке, с регламентированной тональной мелодикой и парным построением три–четыре и пять–шесть строк.

вать на недостаточность управленческого таланта, неготовность или нежелание следовать канонам. Не исключено, что свою роль сыграли и опасения не столь талантливых конкурентов. В результате интриги Ли Хэ не был допущен к экзамену на степень *цзинь-ши*, даже несмотря на заступничество Хань Юя. Отказ в допуске был крайне сомнительным: слог *цзинь* 進 в слове *цзинь-ши* 進士 был омофоном слога *цзинь* 晉 в имени Цзинь-су 晉肅, отца Ли Хэ, и следовательно, присвоение Ли Хэ степени *цзинь-ши* стало бы нарушением табу [Уэки и др. 1999, с. 110–111]. Рассмотревшие этот сюжет составители «Энциклопедии китайской поэзии» высказали предположение, что соперники использовали такой предлог из зависти к поэтическим талантам Ли Хэ и для устранения опасного конкурента [Там же, с. 110–111].

Получив отказ, Ли Хэ решил не бороться за своё право на сдачу экзамена. Узнав об этом, Хань Юй пришел в негодование от явной несправедливости запрета и написал Ли Хэ своё знаменитое, очень эмоциональное письмо *Хуэй бянь* 諱辯 («Оспариваю табу»)¹², призванное убедить Ли Хэ изменить решение и всё-таки сдать столичный экзамен¹³. В этом письме Хань Юй с присущей ему скрупулезностью разбирает аргументы сторонников запрета и указывает на их надуманность и незаконность.

Разочарованный, Ли Хэ от сдачи экзамена всё-таки отказался и возвратился в Чангу. Время приглушило душевную боль, и вскоре он решил вернуться к вопросу о карьере, воспользовавшись родственными связями с императорским домом – так называемой привилегией «тени» (*инь* 陰), дававшей наследственное право на занятие должности в пределах 8-го чиновничьего ранга.

В 811 г. Ли Хэ вновь приехал в Чанъань, сдал несложный для него проверочный экзамен и получил назначение на должность *фэнлилана* 奉禮郎 («молодца, прислуживающего при ритуале», т. е. младшего церемониймейстера) в Тайчансы 太常寺 (букв. «Приказ великого постоянного»; департамент, ведавший ритуалами и жертвоприношениями в храме императорских предков). Обе официальные истории Тан, и старая и новая, сходятся в том, что Ли Хэ одновременно занимал должность *селюйлана* 協律郎 («молодца, согласующего уставные тоны», т. е. капельмейстера того же Приказа великого постоянного; см. Приложение II), где снискал немалую популярность у сочинителей и исполнителей

¹² Букв. «Оспаривание табу». — *Ред.*

¹³ Имеется перевод этого письма на русский язык, выполненный И. И. Соколовой; см. [Хань и Лю 1979, с. 113–115].

песен. Такое совмещение представляется вполне возможным, поскольку «должности в штате Тайчансы были относительно близки по функциям, и те и другие, по сути, отвечали за различные аспекты проведения церемоний – грубо говоря, одни за церемониальный порядок, другие за музыкальное сопровождение» (из личного письма В. М. Рыбакова от 16 марта 2020 г.).

В таком статусе Ли Хэ прожил в столице до 814 г., когда был вынужден уйти и с этого поста – официально из-за слабого здоровья, однако некоторые исследователи полагают, что причиной стала близость к участникам какой-то придворной интриги, которые оказались проигравшей стороной. Косвенно это подтверждается тем, что «после ухода с должности Ли Хэ тщетно пытался получить назначение хоть в какую-нибудь структуру вне придворных служб» [Кравцова 2014, с. 989]. Состояние здоровья Ли Хэ продолжало ухудшаться. Осенью он отправился в Лучжоу 潞州¹⁴, чтобы попросить помощи у своего друга Чжан Чэ 張澈. Зимой, когда он находился в гостях у Чжан Чэ, состояние здоровья ухудшилось. Тяжело переболев и полностью разочаровавшись в жизни, он уехал в Чангу, где в 816/817 г. умер в возрасте 24 (по версии «Старой истории Тан») или 27 лет (как говорится в «Новой истории Тан»).

Его смерть стала быстро обрастать легендами. В составленной известным танским поэтом Ли Шан-инем 李商隱 (813–858) *Ли Чан-цзи сяо чжуань* 李長吉小傳 («Краткой биографии Ли Чан-цзи») приведен такой рассказ:

長吉將死時，忽晝見一緋衣人，駕赤虬，持一板書若太篆或霹靂石文者，云：「當召長吉。」長吉了不能讀，歛下榻叩頭，言阿嬈老且病，賀不願去。緋衣人笑曰：「帝成白玉樓，立召君為記。天上差樂，不苦也！」長吉獨泣，邊人盡見之。少之，長吉氣絕。常所居窗中，燐燐有煙氣，聞行車嚙管之聲。太夫人急止人哭，待之。如炊五斗黍許時，長吉竟死。王氏姊非能造作謂長吉者，實所見如此 [Дяньцзы бань Ли Хэши...].

Когда [Ли] Чан-цзи был при смерти, внезапно днем он увидел человека в красных одеяниях, едущего верхом на алом драконе и держащего табличку с письменами, похожими на печати из глубокой древности или на узоры на камне [в виде] ударов молнии. [Он] сказал: «Должно призвать Чан-

¹⁴ Лучжоу 潞州 – ныне район городского подчинения городского округа Чанчжи 長治 пров. Шаньси.

цзи». Чан-цзи не смог прочесть [небесную надпись]¹⁵. Он немедленно слез с лежанки и поклонился, сказав: «А-мэй¹⁶ (то есть моя мать. — С. Б.) стара и больна. [Я], Хэ, не хочу оставлять [ее]». Человек в красных одеяниях сказал, улыбаясь: «[Верховный] владыка закончил [строить] башню Белого нефрита и немедленно вызвал вас, чтобы составить [ее] описание¹⁷. Служба на Небесах весела, [там] нет горя». Чан-цзи только плакал. Все окружавшие [его] люди видели это. Вскоре дыхание Чан-цзи прервалось, и из окна комнаты, где он находился, поднялся туманный пар¹⁸. Послышались звуки отъезжающих повозок и тихих труб. [Его] мать быстро заставила [всех] плачущих замолчать. Когда они прождали столько времени, сколько потребовалось бы, чтобы пропарить пять мер проса, Чан-цзи наконец умер. [Его] старшая сестра госпожа Ван была не из тех, кто мог бы это выдумать. То, что она сказала об этом, определенно было тем, что она видела¹⁹.

Эта история получила развитие в рассказе из 49-й главы сборника *Тайпин гуанцзи*²⁰, в котором говорится о сновидении матери Ли Хэ вскоре после смерти поэта.

¹⁵ Букв. «Чан-цзи ничего не был способен прочесть [на ней]». — *Ред.*

¹⁶ Так передано звучание знака 𠂔 в переводе Саут [South 1965, p. 302]. Словарное чтение этого иероглифа – *ми* или *сянь*. Возможно, Саут использовала *мэй* вместо *ми* из соображений благозвучия.

¹⁷ Описание этого момента И. А. Алимовым несколько отличается: «дабы он сложил для этого терема парные надписи» [Су Ши 2006, с. 72].

¹⁸ Возможный альтернативный перевод: «... а в окне, [у которого он] постоянно находился, за клубился дымный пар». — *Ред.*

¹⁹ Возможный более буквальный перевод: «[Его] мать быстро заставила плачущих прекратить [рыдания] и выждала время, примерно сходное со [временем] пропарки пяти *доу* проса, [тогда] Чан-цзи наконец умер. [Его] старшая сестра госпожа Ван была не из тех, кто способен сфабриковать и состряпать [эту историю], говоря о Чан-цзи. Воистину, то, что [она] видела, было таково». — *Ред.*

²⁰ Сборник *Тайпин гуанцзи* 太平廣記 («Обширные записи [годов Тайпин]») в 500 *цзюаней*, включающий ок. 7 тыс. рассказов и преданий из разных эпох, был составлен сунским ученым и чиновником Ли Фаном 李昉 (925–996) и др. в ранний период эпохи Сун 宋 (960–1279). Работа над сборником была завершена к 978 г., но он не был напечатан, поскольку был сочтен содержащим лишь описания малозначимых и бесполезных для обучения явлений (в основном из области необычайных событий и чудес, природных и сотворенных даосскими и буддийскими монахами, а

及賀卒，夫人哀不自解。一夕夢賀來，如平生時，白夫人曰：「某幸得為夫人子，而夫人念某且深，故從小奉親命，能詩書，為文章，所以然者，非止求一位而自飾也；且欲大門族，上報夫人恩。豈期一日死，不得奉晨夕之養，得非天哉。然某雖死，非死也，乃上帝命。」夫人訊其事。賀曰：「上帝神仙之居也，近者遷都于月圃，構新宮。命曰白瑤。以某榮於詞，故召某與文士數輩，共為新宮記。帝又作凝虛殿。使某輩纂樂章。今為神仙中人，甚樂，願夫人無以為念。」既而告去。夫人寤，甚異其夢。自是哀少解 [Ли Хэ].

Когда [Ли] Хэ умер, [его] мать беспрестанно горевала. Однажды ночью приснилось [ей, что] Хэ пришел [к ней, совсем] как при жизни, и сказал матери: «Мне повезло, что я ваш сын, и ваша любовь ко мне к тому же глубока. Поэтому с детства [я] слушался [всех] ваших приказов. У меня были способности к стихам и сочинениям, и я делал это не только для того, чтобы добиться положения и почета для себя; я также хотел добавить престиж нашей семье и в то же время отплатить вам за вашу доброту²¹. Конечно, это судьба заставила меня умереть рано и не иметь возможности служить вам с утра до вечера!²² Однако хотя я и умер, но [то была] не смерть, а повеление Верховного владыки (Шан-ди. – С. Б.)». [Его] мать спросила об этом²³, и он сказал: «[Небеса] – это место, где обитает Верховный владыка, духи и бессмертные. Недавно столица была перенесена в сады Луны и был построен новый дворец, названный “Белый нефрит”. Так как я был известен [своим] талантом к словесности, меня призвали вместе с несколькими другими учеными совместно составить описание нового дворца. Верховный владыка также построил зал Сгущенной пустоты и поручил мне и другим

также встреч с бесами, духами и божествами) и потому бесполезным для обучения. Сборник ходил в рукописях и был напечатан только при Мин.

²¹ Возможный более буквальный перевод: «То, отчего я был способен к стихотворству и сочинительству, создавал тексты и статьи, [то] не только [ради] изыскания [себе] какой-то позиции и украшения себя; также [я] желал возвеличить [наш] род и сверху отплатить [вам], ма-тушке, за милость». — *Ред.*

²² Возможный более буквальный перевод: «Разве ожидал в один день умереть и не получить [возможности] заботиться [о вас] с утра до вечера, не Небо ли это [так расположило]?» — *Ред.*

²³ Возможный более буквальный перевод: «...справилась о его [служебных] делах». — *Ред.*

сочинять²⁴ музыкальные произведения. Я очень счастлив быть среди духов и небожителей.²⁵ Я хочу, чтобы вы не думали обо [мне]», – и [с этими словами] удалился. [Когда его] мать проснулась, то крайне поразилась этому сну. С этого [дня] горе понемногу отпустило [её]

* * *

В статье «“Золотой век” китайской поэзии: эпоха Тан (VII – начало X в.)», вошедшей в состав третьего тома энциклопедии «Духовная культура Китая», ее автор Е. А. Серебряков говорит о некоторой вторичности творчества Ли Хэ, считая его «восприимчивым» от Хань Юя («Самым одаренным в окружении Хань Юя был Ли Хэ (790–816), который воспринял от него смелость в обращении с поэтической формой» [Серебряков 2008а, с. 56]), однако отдает должное и самому Ли Хэ: «Ему удалось выработать индивидуальную манеру, отличавшуюся чарующей красотой языка и образов. У него много стихов о духах, о сказочных краях, о необычайных ситуациях. Он наследовал традицию чуских строф (*чу цы*) и использовал мифологические образы, повышенную метафоричность. Почти половина его стихов написана в жанре юэфу (*вэньжэнь юэфу*), обогащена художественными приемами, выработанными танскими поэтами» [Там же].

Вряд ли можно согласиться со столь скромной оценкой творчества Ли Хэ. Так, написавший посвященный эпохе Тан раздел фундаментального труда «The Columbia History of Chinese Literature» Пол Кролл характеризовал Ли Хэ как наиболее самобытного (букв.: «эксцентричного») поэта не только эпохи Тан, но всей китайской поэзии [Kroll 2001, p. 310]. Описывая творчество Ли Хэ, сам Кролл очень поэтичен: «Его поразительные стихотворения, знаменитые благодаря эмоционально насыщенным и полным внутреннего напряжения образам, представляют собой причудливые мозаики галлюцинаторных видений и персонифицированных отсылок. Не имеющее аналогов, загадочное использование Ли Хэ символов, заимствованных из “Чуских строф” и из его собственных духовных интересов, приводит иногда к почти непроницаемому языковому барьеру...» [Там же].

Столь же высокую оценку дает творчеству Ли Хэ и видный исследователь эпохи Тан Э. Шефер: «Богатые краски, необычайные

²⁴ Букв. «составлять/сводить/компилировать». — *Ред.*

²⁵ Возможный более буквальный перевод: «Ныне я — человек среди духов и небожителей, [чему] очень рад». — *Ред.*

картины и романтические образы овладели умами многих лучших поэтов IX в. Типичным для того времени было творчество Ли Хэ, поэта иллюзий, воображаемых образов и ярких красок, склонного к употреблению гиперболы и синекдохи (“янтарь” вместо “вино”, “холодный багрянец” вместо “осенние цветы”). Нас не должно удивлять, что этот юноша увлекался чтением сокровища древней классики – книги “Чу цы” и “Ланкаватара-сутры” секты чань (дзэн), что он умер молодым и что критики сунского времени говорили о его “демонической одаренности”» [Шефер 1981, с. 54, 55].

Здесь речь идет о неформальном титуле Ли Хэ – Ши-гуэй 詩鬼 (Демон Поэзии). Ду Го-цин пишет об этом так: «Многие ученые Сун оказывали Ли Хэ великую честь, противопоставляя его призрачный, или демонический, гений (*гуэй*) даосскому бессмертному гению (*сянь*) Ли Бо (701–762)» [Ту 1979, р. 9]. Позднее список танских гениев поэзии расширился до трех либо четырех персон: кроме Ли Бо, именовавшегося Ши-сянь 詩仙 (Небожитель Поэзии) и Ли Хэ по прозвищу Ши-гуэй 詩鬼 (Демон Поэзии), в него вошел Ду Фу 杜甫 как Ши-шэн 詩聖 (Святомудрый [Муж] Поэзии), а четвертым (пусть не всегда) упоминают жившего в ту эпоху чаньского поэта Ван Вэя 王維 как Ши-фо 詩佛 (Будду Поэзии). Позднее аналогичные почетные прозвища были придуманы и для других знаменитых танских поэтов, но первыми их получили Ли Бо и Ли Хэ, а прижились они на уровне узнавания без пояснений только для первой четверки²⁶.

* * *

Дошедшее до наших дней поэтическое наследие Ли Хэ насчитывает 241 стихотворение, которые можно условно разбить на две больших группы. В первую вошли стихотворения, близкие к творчеству поэтов «гражданской направленности», в них описаны исторические события и социальные реалии в отстраненном и иногда даже критическом духе. Но не они создали славу Ли Хэ, а стихи второй группы, в которых отражается «мир личного разочарования и печали, который часто приводит к призрачным мирам и сверхъестественным фантазиям» [Ту 1979, р. 11]. Остро чувствуя бренность земного бытия, Ли Хэ устремлялся мечтами в мир бессмертных небожителей и волшебных существ. Мысли свои он выражал чрезвычайно ярко и образно, широко используя изысканные метафоры.

²⁶ Королём Поэзии (Ши-ван 詩王) и Чародеем Поэзии (Ши-мо 詩魔) величался Бо Цзюй-и. — *Отв. ред.*

«Танские поэты находили янтарь подходящим цветовым образом для обозначения прозрачного красно-желтого цвета и употребляли его, в частности, как эпитет для вина. <...> Ли Хэ, утонченный поэт IX в., сделал еще один шаг, совершив метонимическую подмену и используя слово “янтарь” в значении “вино”. Такое употребление этого слова составляло неразрывную часть хорошо известного стремления Ли Хэ к красочным образам ради усиления эмоциональной окраски стиха. Ему не было равных по частоте употребления эпитетов “золотой”, “серебряный”, “темно-зеленый” и по тому, как он использовал прилагательное “белый”, передавая ослепительность освещения и резкие контрасты в описаниях пейзажа (как в черно-белой фотографии, скажем): у него “небо бело” и даже “осенний ветер – белый”». [Шефер 1981, с. 328, 329].

Впитавший творческий метод «Чуских строф» (*Чу цы* 楚辭) и доведший его до совершенства утонченным языком стихосложения и изысканностью мифологических образов, Ли Хэ создает в своих произведениях образ мира таким, каким он воспринимался бы бессмертным даосским святым. Приведем два примера – стихотворения «Пусть принесут вино» (*Цзян цзинь цзю* 將進酒) и «Струны духов» (*Шэнь сянь* 神弦), оба в переводе Л. Н. Меньшикова.

Стихотворение «Пусть принесут вино», написанное на манер *юэфу* эпохи Хань и с тем же названием, но очень вольным содержанием, весьма характерно для творчества Ли Хэ, жившего как бы в двух мирах. С одной стороны, в нем описывается пир небожителей, а с другой – исполняется песня, призывающая не отказываться от радостей земной жизни, ибо та быстротечна.

將進酒

琉璃鐘，琥珀濃，小槽酒滴真珠紅。
烹龍炮鳳玉脂泣，羅幃繡幕圍香風。
吹龍笛，擊鼉鼓；皓齒歌，細腰舞。
況是青春日將暮，桃花亂落如紅雨。
勸君終日酩酊醉，酒不到劉伶墳上土！

Пусть принесут вино

Кубок хрустальный берем,
Полный густым янтарем.
Будто бы в жемчуге алом, весь в каплях
 ковш деревянный с вином.
Жареный феникс, вареный дракон
 плачут нефритовым жиром;

Шелковый полог, расшитый шатер,
 ветер душистый кругом.
 Слышится флейта-дракон,
 Бьет крокодил-барабан,
 Рот белозубый поет,
 Тонкий колышется стан:
 «Так же, как солнце, к закату идет
 эта весна молодая;
 Персика цвет ярко-красным дождем
 льется в саду, опадая.
 Мой вам совет: до последнего дня
 пейте до дна, допьяна
 И для земли на могиле Лю Лина²⁷
 не оставляйте вина»²⁸

(Цит по: [Шефер 1981, с. 328, 329]).

Еще одним примером, наглядно показывающим свойственное Ли Хэ даосское мировосприятие, является стихотворение «Струны духов», где рассказывается о призывании духа шаманкой, ударяющей по струнам своей лютни из драгоценной древесины акации:

神弦

女巫澆酒雲滿空，玉爐炭火香咚咚。
 海神山鬼來座中，紙錢窸窣鳴旋風。
 相思木貼金舞鸞，攢蛾一噓重一彈。
 呼星召鬼歛杯盤，山魅食時人森寒。
 終南日色低平灣，神兮長在有無間。
 神噉神喜師更顏，送神萬騎還青山。

Струны духов

Шаманка вино возливает – тучи
 столпились над головой.
 В курильнице яшмовой уголь горит,
 куренья, тун-туна²⁹ бой.
 И духи морские, и демоны гор

²⁷ Лю Лин – поэт III века н. э., прославился своим пристрастием к вину. Завещал друзьям приносить на его могилу вино и выливать его на нее, чтобы он мог продолжать принимать участие в дружеских пирушках (примеч. Л. Н. Меньшикова. — С. Б.).

²⁸ Перевод стихотворения выполнен Л. Н. Меньшиковым. В дальнейшем он слегка изменил перевод, поменяв местами слова в строке «плачут нефритовым жиром» на «жиром нефритовым плачут» [Чистый поток..., с. 237].

²⁹ Здесь идет речь о звуках барабана или, возможно, шаманского бубна.

собираются к ней чередой;
 Бумажных денег шорох и шум
 и вихрей кружащихся вой.
 Узор золотой на “тоске в разлуке”³⁰ –
луаней танцует пара.
 Насуплены брови – каждому вздоху
 по струнам вторят удары.
 Взывая к звездам, демонов манит
 от блюд и от кубков паром;
 Увидишь, как горные духи едят,
 прохватит морозом и жаром.
 К Чжуншань опускается солнечный лик,
 зубцы хребта осяив.
 О, как же долго сей дух пребывал
 на грани небытия!
 Но будь он радостен, будь он гневен, –
 нахмурится ворожея,
 И тысячи всадников мчатся за духом
 за гор темно-синих края³¹
 (Цит по: [Шефер 1981, с. 217]).

* * *

Важнейшими источниками для изучения жизни и творчества Ли Хэ являются его посмертные биографии. Хронологически самые ранние сведения о Ли Хэ привел поэт Ду Му 杜牧 (803–852) в предисловии к собранию стихов Ли Хэ (831), однако японский филолог Эндо Сэйки 遠藤星希 [Эндо 2005] обратил внимание на то, что в этом предисловии практически не содержится биографической информации. Ду Му говорит не столько о самом Ли Хэ, сколько о «причудливости» его стихов, практически не приводя сведений о жизни поэта. Первым же автором, не только восхищавшимся творчеством Ли Хэ, но и составившим его краткое

³⁰ Здесь игра слов: сочетание *сянсыму* 相思木 можно воспринимать как два слова, тогда действительно его можно перевести как «дерево “тоска в разлуке”» (вариант: «дерево взаимной тоски / тоски друг по другу»), либо как одно слово – и тогда оно обозначает акацию, из красно-коричневой древесины которой изготавливали музыкальные инструменты.

³¹ Перевод стихотворения выполнен Л. Н. Меньшиковым. В оригинальном издании Э. Шефер приводит подстрочный перевод, на наш взгляд не совсем удачный из-за использования западноевропейской метафизической терминологии, такой как «горные гоблины» и «симурги» [Чистый поток..., с. 237].

жизнеописание, стал младший современник Ли Хэ, Ли Шан-инь, автор наполненных метафорами и аллюзиями стихов. Творческий метод Ли Шан-иня очень близок манере Ли Хэ и отражает очень близкое мировосприятие этих двух авторов, поэтому можно обоснованно предположить значительное влияние творчества Ли Хэ на становление Ли Шан-иня как поэта. Именно Ли Шан-инь составил первую биографию Ли Хэ – *Ли Хэ сяочжуань* 李賀小傳 («Краткая биография Ли Хэ»). Отметим, что термин *сяочжуань* имеет также смысловой оттенок «неофициальная биографии», составленной с использованием не всегда надежных источников. В год смерти Ли Хэ (816) Ли Шан-иню исполнилось три года, и он застал немало тех, кто лично знал Ли Хэ и мог рассказать о нем. В частности, «Краткую биографию Ли Хэ» он составил основываясь на рассказах старшей сестры поэта.

Более поздние биографии поэта включены в состав династийных историй: в цз. 137 «Истории Тан» и в цз. 203 «Новой истории Тан»³². Перевод этих биографий приведен ниже, в Приложении II.

Судьба творчества Ли Хэ в мире земных страстей довольно долго была сложной. Так, стихи Ли Хэ, в отличие от произведений практически всех его знаменитых современников, не попали в неоднократно переиздававшийся сборник «Триста танских стихов» (*Тан ши саньбай шов* 唐詩三百首), составленный ок. 1763 г. цинским ученым Сунь Чжу 孫誅 (1711–1778). По всей видимо-

³² *Тан шу*, или *Цзю Тан шу*, была составлена в 941–945 гг. группой историков под руководством Лю Сюя 劉昫 (887–946) по приказу Гао-цзю 高祖 (личное имя Ши Цзинтан 石敬瑭, прав. 936–942), императора Поздней Цзинь (*Хоу Цзинь* 後晉, 936–947), однако впервые опубликована была «по-видимому, лишь во времена Сун (960–1279. – С. Б.), а именно между 1000 и 1002 гг.» [Флуг 1959, с. 227]. «[Старая] история Тан» представляет собой собрание существовавших на тот момент сочинений, включая хроники и биографии. Среди биографий есть и биография Ли Хэ. Вскоре после издания «Истории Тан» при сунском императоре Жэнь-цзуну 仁宗 (1010–1063) было решено создать новую «Историю Тан», поскольку существовавшему тексту «ставили в упрек недостаток систематичности в распределении материала, неполноту фактическую в изображении событий, произвольное опущение фактов и недостаточную элегантность стиля» [Там же, с. 227–228]. Работа над *Синь Тан шу* заняла 15 лет (1045–1060) и велась комиссией под руководством историка и литератора Сун Ци 宋祁 (998–1061). В 1060 г. «Новая история Тан» была одобрена императором и получила статус официальной истории. *Синь Тан шу* в чем-то существенно дополняет «Старую историю Тан». См. подробно [Флуг 1959, с. 228–230].

сти, стихи Ли Хэ слишком далеко отступали от одобренного конфуцианскими нормами мировоззрения, с восторгом рассказывая о том, о чем «не говорил Конфуций», и потому вряд ли их знание могло помочь на экзаменах (а составленный Сунь Чжу сборник имел в том числе и образовательное назначение).

Но, разумеется, были у Ли Хэ и поклонники его таланта, например танский поэт и писатель Чжао Му 趙牧. «Чжао Му (жил в 860–70-х гг.) при создании стихотворений брал за образец стихи Ли Хэ (790–816), еще одного поэта, который так и не смог получить ученой степени» [Мооре 2004, р. 327]. Согласно биографии Чжао Му, приведенной в шестом томе собрания *Тан цайцзы чжуань* 唐才子傳 («Биографии талантов эпохи Тан») ³³, другим его именем было Лю Гуан-юань 劉光遠.

Находились поклонники творчества Ли Хэ и позднее. Богатство метафор и изысканность метонимий наряду с даосским миропониманием не оставили равнодушным автора новелл о чудесном Пу Сун-лина 蒲松齡 (1640–1715) – своим предшественником и высшим образцом в описании волшебного и чудесного он считал Цюй Юаня и Ли Хэ, о чем вполне определенно говорится в начале его автобиографического «Собственного описания Ляо-чжая» (*Ляо-чжай цзы чжи* 聊齋自志).

Как видим, интерес к творчеству Ли Хэ существовал, однако вышел за пределы узкого круга специалистов и любителей древней поэзии и стал общественно значимым феноменом духовной культуры, в первую очередь китайской и японской, лишь в XX веке. Как пишет М. Е. Кравцова, «к изучению поэзии Ли Хэ китайские литературоведы приступили еще в 1930-х гг., но на первых порах в ней усматривали типичное проявление литературного творчества знати середины Тан, где начали оживать “декадентские” тенденции» [Кравцова 2014, с. 989].

Внимание более широкого круга читателей из стран Восточной Азии к Ли Хэ и его творчеству привлекла, насколько нам известно, опубликованная в 1959 г. книга японского синолог Арай Кэна 荒井健 «Ри Га» (японское произношение имени поэта Ли Хэ), вышедшая как 14-й том серии «Собрание произведений поэтов Китая» [Арай 1959]. Книга имела успех – об этом говорит уже тот

³³ Собрание биографий было подготовлено поэтом и чиновником Синь Вэнь-фаном 辛文房 в начале XIV в., в эпоху Юань (1279–1368). В собрании представлены биографии 287 поэтов. Сохранилась более полная версия, изданная в Японии, она содержит 278 биографий в основном разделе и еще 120 в дополнительном.

факт, что до 1962 года она выдержала два переиздания. После этого большее внимание творчеству Ли Хэ стали уделять как в Китае, так и в западных синологических центрах. «Начиная приблизительно с 1980-х гг. рост научного интереса к творчеству Ли Хэ неуклонно возрастает, верным показателем чего служит увеличение числа монографических о нем исследований и изданий его поэзии, включая антологии. К началу нашего века их насчитывалось уже более двух десятков...» [Кравцова 2014, с. 989]. К двадцатым годам XXI века по связанным с Ли Хэ темам было защищено около полутора десятков диссертаций, однако первой и наиболее фундаментальной из них безусловно является труд М. Т. Саут «Ли Хэ. Ученый-чиновник периода Юань-хэ (806–821)» [South 1965].

Отметим, что творчеством Ли Хэ был очарован Э. Х. Шефер (Edward Hetsel Schafer, 1913–1991), видный исследователь эпохи Тан. Если в своей монографии «Золотые персики Самарканда» ([Schafer 1963]; рус. пер.: [Шефер 1981]) он приводит стихотворения Ли Хэ как образец нового поэтического языка, развитие которого отражало новизну и возросшее многообразие материального мира танской эпохи, то позднее, в монографии «Волшебная женщина: женщины-драконы и девы дождя в танской литературе» [Schafer 1973], его исследование в немалой мере построено как раз на творчестве Ли Хэ.

Самой фундаментальной монографией о Ли Хэ является, скорее всего, книга Ду Го-цина «Ли Хэ» [Tu 1979], содержащая глубокий анализ творчества этого танского поэта.

Как справедливо отметила М. Е. Кравцова, «в отечественном китаеведении творчество Ли Хэ остается малоизвестным, хотя есть художественные переводы в общей сложности 10 его стихотворений» [Кравцова 2014, с. 989].

Первым из российских востоковедов, упомянувшим в своих работах Ли Хэ, насколько нам известно, был академик В. М. Алексеев. Таких упоминаний Ли Хэ было два. Первое встречается в примечании к переводу упоминавшегося выше «Собственного описания Ляо-чжая»³⁴. Заинтересовавшись Пу Сун-лином (Ляо-чжаем) и переводя его новеллы, В. М. Алексеев не мог обойти вниманием упомянутую творческую автобиографию Ляо-чжая – и оказалось, что сам Ляо-чжай считал Ли Хэ наряду с Цюй Юанем своим предше-

³⁴ В переводе В. М. Алексеева – «Моя история» [Алексеев 2002, с. 418–421]. (В переводе Б. Л. Рифтина – «Собственная история Ляо Чжая». – *Отв. ред.*)

ственным в деле описания необычайного. Перевод «Собственного описания Ляо Чжая» был приведен в статье «Трагедия конфуцианской личности и мандаринской идеологии в новеллах Ляо Чжая», опубликованной в 1934 г. в «Известиях АН СССР», и в ней содержалась краткая справка о Ли Хэ:

«Ли Хэ – блистательный поэт-экспромтист, отличавшийся тонкою талией, сросшимися бровями и длинными ногтями. Он писал стихи с такою стремительностью, что даже знатоки этого дела [поэзии?] и поэты отказывались верить, пока не убеждались воочию в его исключительном даровании. Сюжеты [для] своих поэм он брал из своей совершенно необузданной фантазии» [Алексеев 2002, с. 420].

Второе упоминание о Ли Хэ в трудах В. М. Алексеева можно найти в докладе «Француз Буало и его китайские современники о поэтическом мастерстве», прочитанном в 1944 г.³⁵ В докладе приведен перевод обзора истории китайской поэзии – письма историка времен Юань и Мин Сун Ляня 宋濂 (1310–1381)³⁶. В своем «Ответе на письмо студента-сюэця Чжана по вопросу о поэзии» (*Да Чжан сюэцяй лунь ши шу* 答章秀才論詩書; возможный вариант перевода: «Письмо в ответ на суждения о стихах сюэцяя Чжана») Сун Лянь упоминает Ли Хэ (Ли Чан-цзи) так: «Теперь, говоря о поэтах, таких, как поэт Ли Чан-цзи и поэт Вэнь Фэй-цин, как поэт Ли Шан-инь, Дуань Чэн-ши, мы видим, что они всей силою души сосредоточены на том, чтобы блеснуть изящною манерой <...> но деградация поэзии такой уж слишком велика!» (пер. В. М. Алексеева [Алексеев 2002, с. 400]), а далее: «Пройдем же мимо них и устремимся вдаль» (пер. В. М. Алексеева [Там же, с. 401]). В данном случае В. М. Алексеев невольно последовал совету Сун Ляня, «пройдя мимо» Ли Хэ, о чем нам остается только сожалеть.

Первый перевод стихотворений Ли Хэ на русский язык был опубликован во втором томе четырехтомной «Антологии китайской поэзии» 1957 г. [Антология китайской поэзии 1957]. Издание было выполнено в рамках пришедшихся на 50-е – первую половину 60-х годов масштабных усилий по ознакомлению советского народа с многовековыми достижениями культуры народа китайского. Кроме того, краткая справка о Ли Хэ была включена в четвертый том «Краткой литературной энциклопедии» [Манухин 1967, с. 399–

³⁵ Текст доклада был восстановлен по сохранившимся черновикам, опубликован в [Алексеев 2002, с. 385–412].

³⁶ О Сун Ляне см. подробно [Алексеев 2002, с. 388].

400]. Подготовивший эту справку В. С. Манухин (1926–1974) подошел к ее составлению достаточно формально – в ее коротком тексте нашли отражение такие требуемые для публикации черты поэта и его творчества, как его некая оппозиционность обществу и неприятие последним, творчество как сублимация успеха, уход от реальности, мечты о счастливой жизни и отражение тягот существования простого народа, пусть даже недостаточное, о стилистической и тематической оригинальности поэта было сказано крайне скупом³⁷. Очевидно, такое описание не дает представления о событиях реальной жизни и творчестве одного из величайших поэтов-мистиков средневекового Китая.

В следующий раз к творчеству Ли Хэ обратились спустя 10 лет, в 1977 г., при выпуске тома «Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии», 16-го тома 200-томной «Библиотеки всемирной литературы» [Классическая поэзия... 1977, с. 323–325]. В этом томе были приведены четыре стихотворения, переведенные А. Сергеевым. В примечаниях к ним составители примечаний И. С. Смирнов и Б. Л. Рифтин дали справку об авторе, ставшую, несмотря на ее краткость, первой сбалансированной по содержанию информацией о жизни и творчестве поэта на русском языке: «Ли Хэ (790–816) – один из потомков танского императорского рода Ли. Жизнь поэта сложилась неудачно – он не смог сдать государственные экзамены на степень *цзинь-ши*. Поэзия его печальна и мечтательна» [Классическая поэзия... 1977, с. 855].

Наиболее полное описание биографии Ли Хэ и его творчества на русском языке приведено М. Е. Кравцовой на посвященных Ли Хэ страницах главы 19 («Поэзия эпох Тан и Сун») второй части ее совместной с И. А. Алимовым монографии «История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза» [Кравцова 2014, с. 988–993]³⁸.

Заключение

Резюмируя, следует отметить, что стихи Ли Хэ по форме нередко не вписывались в рамки, заданные «Каноном стихов» (*Ши-цзин* 詩經), а по содержанию – выходили за грань, одобряемую конфуци-

³⁷ Из статьи «Ли Хэ» в КЛЭ: «Узкая социальная практика давала Л. Х. мало материала для отражения жизни народа... Поэзия Л. Х. оригинальна, насыщена стилистич. фигурами» [Манухин 1967, с. 400].

³⁸ См. также: Кравцова М. Е. Словарь китайских поэтов с V в. до н. э. по X в. н. э. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2019. С. 153–156. – *Отв. ред.*

анством, ибо касались тем, о которых Конфуций предпочитал не говорить. Знание стихов Ли Хэ не могло помочь на экзаменах, а вот их упоминание вполне можно было истолковать превратно. Ли Хэ был слишком смел и необычен в своем творчестве, и это распространялось как на художественный метод, так и на тематику его стихов. Однако и по сей день стихи Ли Хэ кроме высокой эстетической ценности могут служить источником знаний об отношении к жизни и мировоззрении склонных к даосизму поэтов эпохи Тан. Следует также отметить особую ценность произведений Ли Хэ как сплава религиозных и народных мифологических представлений. При внимательном прочтении они могут предоставить дополнительный материал как для реконструкции древних мифов, так и для уточнения «удельного веса» тех или иных мифологических представлений в рамках включающих их систем.

В настоящей статье приведен лишь очень краткий очерк основных моментов жизни и творчества Ли Хэ, столь характерных для эпохи Тан. Изучение стихов и жизненных обстоятельств «демона поэзии» эпохи Тан будет, несомненно, продолжено.

Пользуюсь случаем выразить глубокую благодарность редакторам сборника С. В. Дмитриеву, Н. А. Орловой, Н. В. Руденко и Е. С. Скрыпник за их немалый труд по исправлению недостатков этой статьи.

Приложения

Приложение I. Хронология событий жизни Ли Хэ

- | | |
|-----|---|
| 790 | Родился в Чангу уезда Фучан в совр. пров. Хэнань. |
| 796 | Самые ранние литературные сочинения (согласно легенде). |
| 804 | Получил известность благодаря своим песням и стихам в стиле <i>юэфу</i> . |
| 806 | Волосы на висках поседали. |
| 807 | Поездка в Лоян, в ходе которой встретился с Хань Юем и произвел на него впечатление своими песнями и стихами. |
| | Умирает отец (?). |
| 809 | В Лояне Ли Хэ посетили Хань Юй и Хуанфу Ши. |
| 810 | Осенью сдал местные экзамены в Хэнане... Зимой направился в Чаньань для сдачи экзамена на степень <i>цзинь-ши</i> . Сдать экзамен ему не позволили. |
| 811 | Поздней осенью возвратился в Чангу. |
| 812 | Весной получил пост (младшего. — С. Б.) церемониймейстера в Чаньани. |

813 Весной ушел с должности и возвратился, заболев, в Чангу для восстановления здоровья. Осенью вновь уехал из Чангу в Чанъань.

814 Осенью отправился в Лучжоу, чтобы попросить помощи у своего друга Чжан Чэ.

815 Зимой в доме Чжан Чэ состояние здоровья ухудшилось.

816 Зимой возвратился в Чангу и умер.

(По: [Ту 1979, р. 18])

Приложение II. Биография Ли Хэ в двух версиях «Истории Тан»³⁹

Цзю Тан шу, цз. 137 [Лю 1975, с. 3772]	Синь Тан шу, цз. 203 [Оуян и Сун 1975, с. 5787–5788]
李賀字長吉，宗室鄭王之後。 Ли Хэ [второе имя]-цзы – Чан-цзи, из императорского рода, потомок Чжэн-вана.	李賀字長吉，系出鄭王後。 Ли Хэ [второе имя]-цзы – Чан-цзи, по [родственным] узам происходит из потомков Чжэн-вана.
	七歲能辭章，韓愈、皇甫湜始聞未信，過其家，使賀賦詩，援筆輒就如素構，自目曰『高軒過』，二人大驚，自是有名。為人纖瘦，通眉，長指爪，能疾書。每旦日出，騎弱馬，從小奚奴，背古錦囊，遇所得，書投囊中。未始先立題然後為詩，如它人牽合程課者。及暮歸，足成之。非大醉、弔喪日率如此。過亦不甚省。母使婢探囊中，見所書多，即怒曰：「是兒要嘔出心乃已耳。」 В семь лет мог писать стихами и прозой. Хань Юй и Хуанфу Ши услышав о том, сначала, [когда] слышали, не поверили, [отправились] проехать мимо его дома и [там] велели Хэ сложить стихотворение. [Тот] взялся за кисть и сразу осуществил [веленное], как будто бы составил заранее, и сам озаглавил [стихотворение] Гао сюань го 高軒過 (букв.: «Проехал экипаж высоко-

³⁹ Сайт text, откуда была взята иероглифическая часть приложения, дает иную разбивку: так, для Цзю Тан шу это цз. 141, а для Синь Тан шу – цз. 216.

	го [гостя]». — С. Б.). Двое [гостей] были крайне изумлены, с тех пор [Ли Хэ] прославился. Сложения он был худого и тощего, [имел] сросшиеся брови, длинные ногти на пальцах, мог писать [очень] быстро. Каждый день с восходом солнца он выезжал верхом на небольшой лошадке ⁴⁰ в сопровождении слуги-мальчика, несшего на спине мешочек из древней парчи, и [если] что-то получалось, записывал [строфы] и записанное бросал в этот мешочек. Никогда не выбирал сперва заглавие, [чтобы только] после этого творить стихотворение, наподобие типовых заданий по притягиванию и сведению [заглавия и стихотворения, которые выполняли] другие люди, так чтобы содержание стихотворения соответствовало выбранному названию. На закате дня возвращался домой и сводил [наброски] в готовое стихотворение. Если не был сильно пьян или не находился в трауре, то неизменно следовал такому распорядку дня. Пьяный же не слишком себя контролировал ⁴¹. Служанка его матери ⁴² заглянула в парчовый мешочек и, увидев там много [набросков] написанного, стала браниться, говоря: «Этот маль-
--	--

⁴⁰ Знак 弱, описывающий лошадку, имеет основным значением «хилый; слабый», однако нам представляется более верным использовать его иное значение «нежный, мягкий, тихий; молодой». Молодому человеку, которого очень любила мать, давали для поездок спокойную лошадку и мальчика-слугу в сопровождение.

⁴¹ Представляется возможным иной перевод данного фрагмента: «Если то был не день сильного опьянения или скорби по умершему, как правило, всегда было так. [Если] пропускал [сочинительство] — тоже не особенно уделял [этому] внимание». — *Ред.*

⁴² Возможна трактовка начала предложения как «Мать велела служанке».

⁴³ Предлагаемый нами перевод данного фрагмента отличается от более ориентированного на поэзию варианта, который мы нашли в диссертации М. Т. Саут: «His mother used to have her maid rummage through the bag and when she saw that he had written so much she would exclaim angrily: “This boy of mine won’t be content until he has vomited out his heart”» [South, p. 429]. М. Саут рассматривает его отдельно от трех предшествующих фрагментов и полагает определяющей ссылкой на наличие в парчовом мешочке многочисленных набросков для написания стихов. Соответственно и вся ситуация рассматривается как болезненная страсть Ли Хэ к стихотворчеству. Однако если считать этот фрагмент продолжением предшествующего повествования, то его смысл оказывается иным. Повествование объединено упоминанием предмета – *цзиньнан* 錦囊, т. е. «парчовый мешочек», куда Ли Хэ бросал во время прогулок наброски строф. Вернувшись после прогулки, он сводил наброски в стихотворение – сейчас же это не произошло. О причинах говорится в двух предшествующих фрагментах: о том, что он бывал иногда сильно пьян, а будучи пьян, нарушал обычный распорядок дня. Таким образом, сказанные в гневе слова служанки «выблует свое сердце» имеют скорее буквальное, нежели переносное значение (в переносном они означали бы скорее всего «пока не исторгнет [из тела] свою душу»). Впрочем, пристрастие к спиртному для сторонника даосского мировоззрения вряд ли можно рассматривать как что-то сильно порочащее, скорее, это считалось вполне легитимным средством расширения сознания.

⁴⁴ Стоит отметить, что сравнение творческой деятельности с исторжением содержимого желудка, непривычное порою для западного читателя, в китайской традиции не является чем-то необычным: ср. выражение «извергать нефриты и изрыгать жемчужины» (*пэнь-юй то-чжу* 噴玉唾珠), означающее создание литературных шедевров, из эссе минского философа Ли Чжи «Толкование разнородных [спектаклей]» («Цза-шо» 雜說), перевод которого включён в настоящий сборник. В схожем ключе трактует выражение «выблевать сердце» (*оу синь* 嘔心) в идиоме «выблевать сердце и иссочиться кровью» (*оу-синь ли-сы* 嘔心瀝血) и современный тайваньский «Словарь чэньюев» («Чэн-юй дянь» 成語典, dict.idioms.moe.edu.tw): оно объясняется как упорный труд в оттачивании творческих навыков, причём в качестве примера приводится как рассматриваемый здесь отрывок из биографии Ли Хэ и подчёркивается, что реакция его матери была вызвана мешочком, полным стихотворных набросков, тем упорством, с которым её сын продолжал писать стихи. Наконец, в предшествующей фразе среди причин пропуска сочинительства называется не только опьянение, но и траур, а интерпретация *го* 過 («переходить, пропускать») как «пьяный», а *шэн* 省 («уделять внима-

父名晉肅，以是不應進士，韓愈為之作《諱辨》，賀竟不就試。 Имя [его] отца было [Ли] Цзинь-су, поэтому [Ли Хэ] не участвовал [в столичном экзамене на степень] <i>цзинь-ши</i>. Хань Юй из-за этого написал [сочинение] «Оспариваю табу», [но Ли] Хэ в экзаменационных испытаниях не участвовал.	以父名晉肅，不肯舉進士，愈為作《諱辨》，然卒亦不就舉。 Поскольку имя [его] отца было [Ли] Цзинь-су, [Ли Хэ] не захотел сдавать экзамен на степень <i>цзинь-ши</i>, [Хань] Юй по этому поводу написал [сочинение] «Оспариваю табу», однако [Ли Хэ] всё-таки в экзамене не участвовал.
手筆敏捷，尤長於歌篇。其文思體勢，如崇巖峭壁，萬仞崛起，當時文士從而效之，無能髣髴者。 Кисть [его писала] бойко и проворно, особенно силен был в создании песен [и] стихов. Ход его мыслей [в стихах] и их взаимосвязь⁴⁵ были подобны высоким утесам и отвесным скалам, возносящимся на десятки тысяч <i>жэней</i>⁴⁶. Культурные мужи того времени следовали и подражали ему, [но] не было [среди них] способных [ему] уподобиться.	辭尚奇詭，所得皆驚邁，絕去翰墨畦逕，當時無能效者。 [В его] стихах-<i>цы</i>⁴⁷ превозносится чудесное и причудливое, те, что удалось [найти], все изумительны и превосходны, [он] недостижимо ушёл [вперёд] по стезе кисти и туши, в те времена не было способных подражать ему.
其樂府詞數十篇，至於雲韶樂工，無不諷誦。	樂府數十篇，雲韶諸工皆合之絃管。

ние») как «контролировать» вызывает некоторые сомнения. Таким образом, трактовка М. Саут представляется вполне обоснованной. — *Ред.*

⁴⁵ Возможный перевод *ти-ши* 體勢 — «структурная композиция». — *Ред.*

⁴⁶ *Жэнь* 仞 – мера длины, составлявшая в разное время 7 или 8 *чи*. Если исходить из соответствия 1 *чи* = 1/3 метра, то *жэнь* составляет 2,1–2,4 м. 10 000 *жэней* = 21–24 км, при этом высота Куньлуня, где находилась по поверьям «Нижняя столица» Небесного императора (см. подробно [Рифтин, Кобзев]), считалась равной 1 тыс. *ли* 14 *бу* 1 *чи* и 6 *цуням*, что несколько превышает 7 км. Таким образом, возвышенность поэтических мыслей Ли Хэ образно подается как втрое превышающая высоту самой высокой из гор, соприкасающейся с Небом, а для не желающих заниматься подсчетами – как некая огромная величина. О китайских единицах измерения см. подробно раздел «Метрология» в пятом томе энциклопедии «Духовная культура Китая» [Кроль и Романовский 2009].

⁴⁷ Стихотворный жанр *цы* 辭 зародился во времена Тан и отличался оригинальной мелодикой – он позволял сочетать строки разной длины, допуская самые различные их комбинации. Расцвет жанра и упорядочение его стиля приходится на эпоху Сун (960–1279; см. подробно [Серебряков 2008]).

[Сочиненных] им <i>юэфу</i> и <i>цы</i> насчитывалось несколько десятков, что же касается музыкантов [дворца] Юнь-шао ⁴⁸ , то не было такого, кто не знал бы их наизусть.	[Его] <i>юэфу</i> насчитывалось несколько десятков, все музыканты [из дворца] Юнь-шао подбирали [музыку к его стихам] на цитрах и флейтах ⁴⁹ .
補太常寺協律郎，卒，時年二十四。 Занимал [должность] <i>селюйлана</i> в <i>Тайчансы</i> ; когда умер, [ему было] 24 года.	為協律郎，卒，年二十七。 Был <i>селюйланом</i> , умер в 27 лет.
	與游者權璩、楊敬之、王恭元，每譔著，時為所取去。賀亦早世，故其詩歌世傳者鮮焉。 Объезжая [своих друзей] Цюань Цюя, Ян Цзин-чжи, Ван Гун-юаня, [он] каждый раз писал [стихи], при отъезде оставляя написанное ⁵⁰ . [Ли] Хэ рано [покинул этот] мир, поэтому те, кто передавал из поколения в поколение его стихи и песни, редки ⁵¹ .

⁴⁸ Дворец Юнь-шао-гун 雲韶宮 (букв: «дворец Великолепия облаков») – один из входивших в состав императорского дворцового комплекса в эпоху Тан. В нем проходило обучение музыке и танцам, давались представления и концерты.

⁴⁹ Термин *сянь-гуань* 弦管, букв. «цитры и флейты» (ещё буквально – «струны и трубки». — *Ред.*), означает два класса музыкальных инструментов (струнные и духовые), которые использовались не только при исполнении ритуальной музыки, но и для развлечений.

⁵⁰ Возможный перевод: «Каждое произведение, написанное вместе со странниками Цюань Цюем, Ян Цзин-чжи и Ван Гун-юанем, [всё] время [ими] забиралось и уносилось». — *Ред.*

⁵¹ Здесь наше понимание текста *Синь Тан шу* расходится с предложенным в переводе М. Т. Саут. Она пишет: «His friends Quan Qu, Yang Jing-zhi and Wang Gong-yuan frequently made off with what he wrote. This fact, coupled with his premature death, has resulted in very few of his poems and songs coming down to us» [South, p. 430]. То есть причина утраты значительной части поэтического наследия Ли Хэ – небрежное отношение его друзей к оставляемым им рукописям. Поверить в это сложно по нескольким соображениям. Во-первых, все они также были поэтами и, поддерживая дружеские отношения с Ли Хэ, который ничего не мог дать им в материальном плане, тем самым признавали его поэтический дар. Во-вторых, произведения Ли Хэ обрели большую популярность еще во время его пребывания на должности *селюйлана* в приказе Великого посто-

Источники и литература

На русском языке

Алексеев 2002 – *Алексеев В. М.* Труды по китайской литературе. В 2 кн. // Кн. 1 / В. М. Алексеев; сост. М. В. Баньковская; отв. ред. Б. Л. Рифтин. М.: Восточная литература, 2002.

Антология китайской поэзии 1957 — Антология китайской поэзии. Пер. с кит. / Под общ. ред. Го Мо-жо и Федоренко Н. Т. В 4 т. М: Гослитиздат, 1957–1958.

Классическая поэзия... 1977 – Классическая поэзия Индии, Китая, Кореи, Вьетнама, Японии / серия «Библиотека всемирной литературы». Т. 16. М.: Художественная литература, 1977.

Кравцова 2014 – *Кравцова М. Е.* Поэзия эпох Тан и Сун // *Алимов И. А., Кравцова М. Е.* История китайской классической литературы с древности и до XIII в.: поэзия, проза: в 2 ч. Часть вторая. СПб: Петербургское Востоковедение, 2014. С. 913–1006.

Кравцова 2018 – *Кравцова М. Е.* О китайской поэзии первой половины «Середины Тан» // *Asiatica: труды по философии и культурам Востока*. 2018. Т. 12 (2). С. 150–174.

Кроль и Романовский 2009 – *Кроль Ю. Л., Романовский Б. В.* Метрология // *Духовная культура Китая: энциклопедия*. В 5 т. Т. 5: Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование. М.: Восточная литература, 2009. С. 321–339.

Манухин 1967 – *Манухин В. С.* Ли Хэ // *Краткая литературная энциклопедия* / Гл. ред. А. А. Сурков. М.: Советская Энциклопедия, 1962–1978. Тт. 1–9 / Т. 4: Лакшин–Мураново. М.: Советская энциклопедия, 1967. С. 399–400.

Рифтин, Кобзев – *Рифтин Б. Л., Кобзев А. И.* Куньлунь // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2. Мифология. Религия*. М.: Восточная литература, 2007. С. 488–490.

Серебряков 2008a – *Серебряков Е. А.* «Золотой век» китайской поэзии: эпоха Тан (VII – начало X в.) // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Т. 3. Литература. Язык и письменность* / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 51–58.

Серебряков 2008b – *Серебряков Е. А.* Жанр цы: эпоха Сун: X–XII вв. // *Духовная культура Китая: энциклопедия. В 5 т. Т. 3. Ли-*

яньства, о чем упоминается в обеих «Историях Тан». В-третьих, выражение *шичуань* 世傳 «передавать из поколения в поколение» говорит скорее о сохранении и бережной передаче наследия Ли Хэ в домах трех его друзей, нежели о небрежном к нему отношении. Эти соображения и легли в основу нашего перевода.

тература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 58–65.

Су Ши 2006 – Из сборника Су Ши «Дун-по чжи линь» (материалы к истории сунских *бицзи* 6) / Пер. с кит., комм. И. А. Алимова // Письменные памятники Востока. № 1 (4). 2006. С. 54–81.

Флуг 1959 – *Флуг К. К.* История китайской печатной книги сунской эпохи X–XIII. М.–Л.: Издательство АН СССР, 1959.

Хань и Лю 1979 – *Хань Юй, Лю Цзун-юань.* Избранное / Пер. с кит., послесл., комм. И. И. Соколовой. М.: Художественная литература, 1979.

Чистый поток... 2001 – Чистый поток: Поэзия эпохи Тан (VII–X вв.) / В переводах Л. Н. Меньшикова. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2001.

Шефер 1981 – *Шефер Э.* Золотые персики Самарканда: Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981.

На восточных языках

Арай 1959 – *Арай Кэн* 荒井健. Тю:гокү сидзин сэнсю: 中国詩人選集 (Собрание [произведений] поэтов Китая). Т. 14: Ри Га 李賀 (Ли Хэ). Токио: Иванами сётэн 岩波書店, 1959.

Дяньцзы бань Ли Хэ ши... — Дяньцзы бань Ли Хэ ши цюань цзи 電子版李賀詩全集 (Полное собрание стихов Ли Хэ в электронной версии) // Ли Хэ ши цюань цзи 李賀詩全集 (Полное собрание стихов Ли Хэ) // Цифровая библиотека старокитайских текстов Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/wiki.pl?if=gb&chapter=170815> (дата обращения 15.12.2020)

Ли Хэ — *Ли Хэ* 李賀 // Тайпин гуанцзи 太平廣記 (Обширные записи [годов] Тайпин) // Цифровая библиотека старокитайских текстов Chinese Text Project. URL: <https://ctext.org/taiping-guangji/49/lihe/zh> (дата обращения 15.12.2020)

Лю 1975 — *Лю Сюй* 劉昫. Цзю Тан шу 舊唐書 (Старая книга [об эпохе] Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975.

Оуян и Сун 1975 — *Оуян Сю* 歐陽修, *Сун Ци* 宋祁. Синь Тан шу 新唐書 (Новая книга [об эпохе] Тан). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1975.

Уэки и др. 1999 – *Уэки Хисаюки* 植木久行, *Мацура Томохиса* 松浦友久 (ред.), *Уно Наото* 宇野直人, *Мацубара Акира* 松原朗 (сост.). Канси-но дзитэн 漢詩の事典 (Энциклопедия китайской поэзии). Токио: Тайсю:кан сётэн 大修館書店, 1999.

Эндо: 2005 – *Эндо Сэйки* 遠藤星希. Гакуфу бунгаку сидзё: ни окэру Ри Га но ити: «Фудзан Така» ни мотодуку ко:сацу 楽府文学史上における李賀の位置:「巫山高」に基づく考察 (Место Ли

Хэ в истории литературы *юэфу*: исследования, основанные на «Гора Ушань высока») // То:кё: дайгаку тю:гокуго тю:гоку бунга-ку кэнкю:сицу киё: 東京大學中国語中国文學研究室紀要 (Бюллетень лаборатории по изучению китайского языка и литературы Токийского университета). 2005. № 8 (1). С. 1–24.

На западных языках

Kroll 2001 – *Kroll P. W.* Poetry of the T'ang Dynasty // The Columbia history of Chinese Literature / ed. by Mair V. H. N. Y.: Columbia University Press, 2001. P. 274–313.

Kubin 2002 – *Kubin W.* Die chinesische Dichtkunst: von den Anfängen bis zum Ende der Kaiserzeit (Geschichte der chinesischen Literatur; Bd. 1). München: K.G. Saur Verlag GmbH, 2002

Moore 2004 – *Moore O.* Rituals of Recruitment in Tang China. Reading an Annual Programme in the *Collected Statements* by Wang Dingbao (879–940). Leiden–Boston: Brill, 2004.

Schafer 1963 – *Schafer E. H.* The Golden Peaches of Samarkand: A Study of T'ang Exotics. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1963.

Schafer 1973 – *Schafer E. H.* The Divine Woman: Dragon Ladies and Rain Maidens in T'ang Literature. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1973.

South 1965 – *South M. T.* Li Ho. A Scholar-official of the Yüan-ho Period (806–821) / Thesis submitted for the degree of Doctor of Philosophy in the Australian National University. Canberra, February 1965.

Tu 1979 – *Tu Kuo-ch'ing* 杜國清. Li Ho. Boston: Twayne Publishers, 1979.

*Sergei I. Blyumkhen**

Life and Lyrics of the Tang Poet Li He

ABSTRACT: Li He (790–816) was one of the outstanding poets of the Tang Dynasty (618–907). His life and lyrics became subject of much research in modern Chinese, Japanese and Western philology, and the translations of his verses inspired imitations in other languages. His distinctive style and topics led to comparisons between Li He and Mallarmé, Baudelaire and Keats. At the same time, his life and work have been woefully understudied by the philologists writing in Russian language. The purpose of this article is to partly fill in this gap.

KEYWORDS: Tang, Poetry, Li He, Taoism, Mysticism

* Blyumkhen Sergei Ivanovich, Junior Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), xieji@mail.ru

*И. В. Белая**

Раннее учение Цюаньчжэнь: источники и исследования

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена исследованию истории даосской школы Цюаньчжэнь XII–XIV вв. В работе проводится обзор научной литературы и источниковой базы. Комплексный анализ источников, агиографических сочинений, текстов стел и источников религиозной визуальной культуры (храмовой настенной росписи) позволяет реконструировать социальную историю и доктринальное содержание учения Цюаньчжэнь.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эпохи Цзинь и Юань, даосизм, школа Цюаньчжэнь, источники, исследования

На рубеже XII–XIII вв. даосизм входит в новую фазу своего развития, которую с определенной долей условности можно назвать периодом оформления, распространения и доминирования на институциональном уровне учения Полного совершенства (Цюаньчжэнь 全真)¹. Этот период продолжается и

* Белая Ирина Витальевна, д. филос. н., ведущий научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), belaya-irina@rambler.ru

© Белая И. В., 2021; © ФГБУН ИВ РАН, 2021

¹ Мы выражаем глубокую благодарность А. И. Кобзеву за аргументированные доказательства подчинительной связи между иероглифами *цюань* и *чжэнь* и предложенные им варианты перевода названия учения Цюаньчжэнь как «Полная истина» и «Целостная подлинность» вместо использовавшейся нами ранее сочинительной связи и перевода «Целостность и совершенство». При переводе названия учения Цюаньчжэнь мы взяли за основу схожий вариант, предложенный американским даологом Луисом Комяты – «Полное совершенство» (Complete Perfection), чтобы отразить единообразие перевода иероглифа «чжэнь» в словосочетании «совершенный человек»

по сей день [см.: Филонов, 2011, с. 29–30]. Основанная Ван Чжэ 王嘉 (1113–1170; рис. 1), даосское прозвище (*dao hao* 道號) Двойное ян² (Чун-ян 重陽), во второй половине XII в., школа к XIV в. из маленького религиозного сообщества превращается в мощное идеологическое и религиозное движение с институтом монашества и охватывает всю территорию Китая, условно подразделяясь на Северную (*bэй цзун* 北宗) и Южную (*нань цзун* 南宗) ветви. В XIII в. начинается масштабное возведение монастырей школы Цюаньчжэнь и привлечение большого числа послушников под руководством Цю Чу-цзи 丘處機 (1148–1227), *dao hao* Долгая весна (Чан-чунь 長春), – последнего из семи наиболее известных учеников Ван Чун-яна. В это время главным центром школы Цюаньчжэнь становится монастырь Небесного долголетия (Тяньчангуань 天長觀, совр. монастырь Белого облака – Байюньгуань 白雲觀), расположенный в Яньцзине 燕京 (совр. Пекин). В эпоху Мин (1368–1644) популярность и ареал распространения школы Цюаньчжэнь сокращается и вновь возрастает во второй половине XVII в. в связи с реформаторской деятельностью Ван Кунь-яна 王崑陽 (1622–1680), *dao hao* Постоянная луна (Чан-юэ 常月)³. Тяжелый период своей истории

(*чжэнь жэнь* 真人) – «титул, звание знаменитого даосского деятеля или подвижника рангом выше 仙人 бессмертного отшельника...» [БКРС, т. 4, с. 661], использующийся в публикациях ведущего российского даолога С. В. Филонова, на которые мы наиболее часто ссылаемся в своих работах. Обоснование варианта Л. Комяты представлено в его фундаментальной монографии, посвященной Цюаньчжэнь «Cultivating Perfection: Mysticism and Self-transformation in Early Quanzhen Daoism» [Komjathy, 2007, p. 9–17].

² Авторская орфография при написании даосских прозвищ сохранена. – *Ред.*

³ О реформах, предложенных Ван Чан-юэ, и возрождении школы Цюаньчжэнь под эгидой одного из ее направлений – школы Врат дракона (*Лунмэнь пай* 龍門派) обстоятельно писала М. Эспозито [Esposito, 2000; Esposito, 2001; Esposito, 2004]. В последние годы появляются интересные работы российского специалиста П. Д. Ленкова о реформаторской деятельности Ван Чан-юэ и разработанных им нормативных предписаниях для этого религиозного сообщества, см. [Ленков, 2017]. Завершает исследования цинского периода монография В. Б. Виноградской об одиннадцатом патриархе школы Врата дракона Лю И-мине 劉一明 (1734–1821), в которой представлен перевод его комментариев к важнейшему сочинению по даосской внутренней алхимии «Четыреста иероглифов золотой киновари» («Цзинь дань сы

школа Цюаньчжэнь пережила после Синьхайской революции (1911 г.) из-за начавшейся в стране кампании по «борьбе с суевериями», во время которой даосские святилища и монастыри оказались практически на грани исчезновения⁴. По этой причине были утрачены многие документальные свидетельства истории школы Цюаньчжэнь, что значительно усложняет изучение этого религиозного движения.

Еще больший ущерб даосизму был нанесен так называемой «культурной революцией» (1966–1976), в период которой пострадали как даосские священнослужители, так и исследователи даосизма. Несмотря на трагические события прошлых лет, в настоящее время проводятся обширные исследования в области даосизма как китайской национальной религии, ведется восстановление и реставрация даосских культурных памятников, а школа Цюаньчжэнь занимает лидирующую позицию среди других направлений даосизма на материковой территории современной КНР. Ее религиозным центром считается пекинский монастырь Белого облака, где по совместительству располагается и штаб-квартира Всекитайской ассоциации последователей даосизма (ВАПД)⁵. Несмотря на то, что исследование учения Цюаньчжэнь в России началось еще в XIX в. с перевода П. И. Кафаровым (архимандритом Палладием) «Записок о путешествии на Запад совершенного человека Чан-чуня» («Чан-чунь чжэнь жэнь си ю цзи» 長春真人西游記)⁶,

бай цзы» 金丹四百字) патриарха Южного направления школы Цюаньчжэнь Чжан Бо-дуаня 張伯端 (984–1082) [Виноградская, 2010].

⁴ Этот период в истории даосизма обстоятельно исследован В. Гуссаром [Gossaert, 2006]. О религиозной ситуации в целом см.: [Горбунова, 2011].

⁵ Современное состояние школы Цюаньчжэнь рассматривается в монографии Вэнь Цзянь и Л. А. Горобца «Даосизм в современном Китае» [Вэнь Цзянь, Горобец, 2002]. О принципах жизни монашеской общины даосов этой школы см. [Филонов, 2010, с. 131–136; 143–144].

⁶ Перевод этого сочинения был издан П. И. Кафаровым (Палладием) в «Трудах членов Российской духовной миссии в Пекине» под названием «Си-ю-цзи, или Описание путешествия на Запад» [Палладий, 1866]. Полный перевод «Чан-чунь чжэнь жэнь си ю цзи» на английский язык осуществил Артур Уэйли в «Путешествии алхимика: Путешествие даоса Чан-чуня из Китая в Гиндукуш по призыву Чингисхана» [Waley, 1931]. О вкладе П. И. Кафарова в изучение даосизма и его работе над переводом «Записок о путешествии на Запад» можно прочесть в монографии А. М. Куликова «Человек из палладия: Жизнь, научная,

[Палладий, 1866], эта тема до сих пор не получила должного освещения в трудах отечественных специалистов. Краткий экскурс в историю этого даосского движения был предпринят А. Е. Торчиновым в VI главе «Даосская “реформация” и ее последствия» монографии «Даосизм: опыт историко-религиоведческого описания» [Торчинов, 1993; Торчинов, 1998, с. 364–365; 370–384]⁷, опубликованную почти три десятилетия назад. По этой причине, в свете современных исследований учения Цюаньчжэнь многие положения и выводы этой работы требуют пересмотра. Акцент на религиозном синкретизме этого учения был сделан в кандидатской диссертации А. Д. Зельницкого «Формы религиозного синкретизма в Китае» [Зельницкий, 2005], однако данная тема не получила развития в последующих публикациях автора. Отдельным персоналиям школы Цюаньчжэнь посвящены статьи в энциклопедии «Духовная культура Китая» – «Цю Чан-чунь» [Кобзев, 2009] и «Сунь Бу-эр» [Белая, 2009]. Впоследствии о Сунь Бу-эр нами была издана серия статей [Белая, 2010 а; Белая, 2018 с; Белая, 2019 а] и монография, посвященная исследованию собрания поэтических произведений «Поучения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр» («Сунь Бу-эр юань цзюнь фа юй» 孫不二元君法語) [Белая, 2020]. Некоторые особенности этого даосского движения представлены в разделах учебного пособия «Введение в даологию» С. В. Филонова, посвященных истории Трех⁸ великих патриарших двориков⁹ школы Цюаньчжэнь [Филонов, 2010,

миссионерская и дипломатическая деятельность П. И. (Палладия) Кафарова» [Куликов, 2020].

⁷ Переиздание этого раздела монографии практически в неизменном виде было осуществлено в 2007 г. во II т. «Мифология. Религия» энциклопедии «Духовная культура Китая» [Торчинов, 2007, с. 243–248].

⁸ Авторская орфография здесь и в аналогичных случаях сохранена. – *Ред.*

⁹ Три великих патриарших дворика (*сань да цзу тин* 三大祖庭) – три главных монастыря школы Цюаньчжэнь, связанные с тремя ее патриархами, – дворец Двойного ян (Чунъянгуан 重陽宮, Люцзян 劉將, совр. г. Цзуаньчжэнь 祖庵鎮, уезд Хусянь 戶縣, пров. Шэньси) – с Ван Чун-яном, дворец Вечной радости (Юнлэгун 永樂宮, Жуйчэн 芮城, пров. Шаньси) – с Люй Дун-бинем и монастырь Белого облака (Байюньгуань 白雲觀, Пекин) – с Цю Чан-чунем. История их создания детально обсуждается в диссертации Л. Гестеркампа [Gesterkamp, 2008]. На китайском языке подробный материал о сюжетах и авторах фресок в этих монастырях представлен в монографии Цзин Ань-нина [Цзин Ань-

с. 65–112]. Причинам распространения и популярности учения Цюаньчжэнь, а также нормативным правилам для членов этого религиозного сообщества посвящены работы автора этих строк [Белая, 2010 b; Белая, 2010 c; Белая, 2010 d; Белая, 2011 a; Белая, 2011 b; Белая, 2012 a; Белая, 2012 b]. Также вышел ряд публикаций о женском подвижничестве в школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь (1115–1234) и Юань (1271–1368) [Белая, 2017 a; Белая, 2017 b; Белая, 2017 c; Белая, 2018 a; Белая, 2018 b]. Отдельные вехи истории становления и развития школы Цюаньчжэнь освещаются в диссертации «Феномен субтрадиции в даосизме (на материале корпуса сочинений Сунь Бу-эр)» [Белая, 2019 b, с. 41–124]. Обзорному описанию религиозной ситуации в Китае в эпохи Цзинь и Юань уделяется внимание в статье П. М. Кожина «Историческое развитие религиозной ситуации», подготовленной для т. II «Мифология. Религия» энциклопедии «Духовная культура Китая» [Кожин, 2007, с. 178–182].

Начало исследований школы Цюаньчжэнь в Китае было положено в работе Чэнь Мин-гуя (1824–1881) «Истоки даосского учения Чан-чуня» [Чэнь Мин-гуй, 1975]. Более детальное изучение периодов формирования, организации и экспансии школы Цюаньчжэнь, которые пришлось на эпохи Цзинь и Юань, принадлежит Чэнь Юаню [Чэнь Юань, 1941]. За его монографией последовали работы японских специалистов Кубо Норитада [Кубо Норитада, 1967] и Хатия Кунио [Хатия Кунио, 1992; Хатия Кунио, 1998; Хатия Кунио, 2007]. После пионерской работы Чэнь Юаня изучение различных аспектов учения Цюаньчжэнь продолжили современные китайские исследователи¹⁰. Среди многочисленных работ, посвященных этапам зарождения, становления и распространения учения Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань выделяются исследования таких корифеев в изучении даосизма, как Минь Чжи-тин [Минь Чжи-тин, 1990], Жэнь Ци-юй [ЧДШЖ], Цин Си-тай [ЧДШЦ], Чэнь Бин [Чэнь Бин, 1984], Тан Дай-цзянь [Тан Дай-цзянь, 2000; Тан Дай-цзянь, 2001], Го У [Го У, 2001] и Чжан Гуан-бао [Чжан Гуан-бао, 1993; Чжан Гуан-бао, 2008].

Заметных успехов в изучении ранней истории этого религиозного движения достигла и западная синология. В 1980 г.

нин, 2012]. Подробно о божественном пантеоне и архитектурных особенностях монастыря Юнлэгуна см.: [Katz, 1999].

¹⁰ Подробно о вкладе китайских исследователей в изучение даосизма см.: [Филонов, 2012].

вышла диссертация Яо Тао-чуна «Цюаньчжэнь: новое даосское направление на севере Китая в период XII и XIII вв.» [Yao Tao-chung, 1980], многие положения которой не утратили актуальности и по сей день, о чем свидетельствует подготовленный Яо Тао-чуном раздел о школе Цюаньчжэнь в двухтомной энциклопедии «Daoism Handbook» [Yao Tao-chung, 2000]. Особенно стоит отметить работы французского синолога П. Марсона [Marsonne, 2001; Marsonne, 2010; Marsonne, 2015], который сосредоточил свои изыскания на личности Ван Чун-яна, и В. Гуссара [Goossaert, 1999; Goossaert, 2000 a; Goossaert, 2001], посвятившего свои исследования становлению и развитию монашеской традиции этого религиозного движения. Отдельного внимания заслуживают работы канадского синолога С. Эскилдсена [Eskildsen, 1990; Eskildsen, 2001] и его монография «Учение и практика даосских наставников раннего Цюаньчжэнь» [Eskildsen, 2004], где сделан акцент на изучении доктринальных особенностей учения Цюаньчжэнь. Американскому даологу Л. Комяты принадлежит первый аннотированный перевод на английский язык одного из фундаментальных сочинений школы Цюаньчжэнь по «внутренней алхимии» «Наставления совершенного человека Чун-яна о золотой заставе и нефритовых затворах» («Чун-ян чжэнь жэнь цзинь гуань юй со цзюэ» 重陽真人金關玉鎖訣), представленный в его фундаментальной работе «Культивирование Совершенства: мистицизм и самопреобразование в раннем даосизме Цюаньчжэнь» [Komjathy, 2007, p. 286–367]. Помимо указанной монографии Л. Комяты издал антологию переводов фрагментов 21 сочинения школы Цюаньчжэнь, освещающих различные аспекты философского осмысления, практических методов и принципов монашеской организации этой даосской традиции [Komjathy, 2014]. Переводу и исследованию другого немаловажного для школы Цюаньчжэнь сочинения «Прямые указания о великой киновари» («Да дань чжи чжи» 大丹直指) посвящена диссертация П. Беламиде [Belamide, 2002]. Другим, менее известным исследователем, П. Аккертом был выполнен перевод комментария Лю Чу-сюаня 劉處玄 (1147–1203) к «Книге-основе о единении сокрытого»¹¹ («Инь фу цзин»

¹¹ «Книга-основа о единении сокрытого» – даосский религиозно-философский трактат из 447 (полная версия) или 370 (сокращенная версия) иероглифов, в котором рассматриваются мировоззренческие постулаты даосизма, основанные на единстве космоса, человека и социума. Его авторство приписывается даосскому деятелю VIII в. Ли

陰符經) [Ackert, 2006]. Перевод «Пятнадцати суждений Чун-яна об установлении учения» («Чун-ян ли цзяо ши у лунь» 重陽立教十五論) был сделан известной американской исследовательницей даосизма Ливией Кон [Kohn, 1993, p. 86–92], а изучение этого небольшого сочинения проведено Флориан Рейтер [Reiter, 1984–1985].

Сведения о ранней истории школы Цюаньчжэнь представлены в шести основных агиографических источниках, дошедших до наших дней в составе «Даосского канона» («Дао цзан» 道藏) [ДЦ]¹².

1. «Записи о правильной линии преемства [школы] Золотого лотоса» («Цзинь лян чжэн цзун цзи» 金蓮正宗記) в 5 цз. [ЦЛЧЦЦ]. Это самое раннее из сохранившихся в «Дао цзане» собрание жизнеописаний как исторических, так и легендарных патриархов школы Цюаньчжэнь. Согласно дате предисловия (1241 г.), эта коллекция была собрана через 14 лет после смерти в 1227 г. Цю Чан-чуня, последнего из учеников Ван Чун-яна. Составителем и автором предисловия был даосский деятель Цинь Чжи-ань 秦志安 (1188–1244), соредатор обширной коллекции даосских текстов «Драгоценный канон Сокровенного града»

Цюаню 李筌. Согласно комментарию Ли Цюаня, иероглиф *инь* означает «сокрытое», а иероглиф *фу*, стандартное значение которого – «половина верительной бирки», используется здесь в производном значении «приходить в гармонию», «соединяться» [Торчинов, 1998, с. 337]. Анализ и перевод данного сочинения выполнен Е. А. Торчиновым [Торчинов, 1998, с. 331–346]. О роли «Инь фу цзина» в учении Цюаньчжэнь см.: [Белая, 2012 b].

¹² В результате объединения ««Даосского канона» [эры] Чжэн-тун» («Чжэн-тун Дао цзан» 正統道藏) из 5 305 *цзюаней*, созданного в 1445 г. под руководством Шао И-чжэна 邵以正, и «Дополнения [эры] Вань-ли к «Даосскому канону»» («Вань-ли сюй Дао цзан» 萬曆續道藏) 1607 г. Чжан Го-сяна 張國祥 (?–1623) из 181 *цзюаня* в эпоху Мин сформировалось собрание, известное сейчас как «Даосский канон». Это собрание было взято за основу во время переиздания «Даосского канона» в 1923–1926 гг. в Шанхае на базе экземпляра, сохранившегося в пекинском монастыре Белого облака, см.: [ЧДЦЦ, 1995, с. 227, 229–230, 1701; Торчинов, 1998, с. 282–283]. При работе с источниками нами использовалось современное переиздание «Дао цзана» – «Китайский «Даосский канон»» («Чжун-хуа Дао цзан» 中華道藏), осуществленное в 2004 г., см.: [ЧХДЦ]. (Более правильный перевод названия «Дао цзан» – «Сокровищница Пути-дао». – *Отв. ред.*)

(«Сюань ду бао цзан» 玄都寶藏)¹³. «Школа Золотого лотоса» – это одно из наименований школы Цюаньчжэнь, которое произошло от названия учрежденного в 1169 г. Ван Чун-яном в Нинхае 寧海 (совр. Мупин 牟平, пров. Шаньдун) общества Золотого лотоса (Цзинь лян хуэй 金蓮會). Первая *цзюань* содержит жизнеописания четырех легендарных патриархов Цюаньчжэнь – Дун-хуа ди-цзюня¹⁴, Чжун-ли Цюаня¹⁵, Люй Дун-биня¹⁶ и Лю Цао¹⁷. Вторая *цзюань* включает в себя биографии

¹³ «“Драгоценный канон” Сокровенного града» («Сюань ду бао цзан» 玄都寶藏) – самое большое собрание даосских текстов, изданное в 1244 г. под руководством даосского деятеля школы Цюаньчжэнь Сун Дэ-фана 宋德方 (1183–1247), *дао хао* Разгоняющий облака (Пи-юнь 披雲), – ученика Лю Чу-сюаня и Цю Чан-чуня, и его ученика – Цинь Чжияня в монастыре Сокровенного града (Сюаньдугуань 玄都觀) в Пиньяне (пров. Шаньси). Эта обширная коллекция насчитывала около 7 800 *цзюаней* и являлась первым изданием, осуществленным без поддержки правящего двора, см.: [Komjathu, 2007, p. 61]; [Marstone, 2015, p. 1128]. Предполагается, что ее прообразом послужила копия более ранней даосской коллекции «“Драгоценный канон” Сокровенного града великой [империи] Цзинь» («Да Цзинь Сюань ду бао цзан» 大金玄都寶藏), изданной в Гуаньчжоу. Однако по другой версии, считается, что все копии «Да Цзинь Сюань ду бао цзана» были утеряны при монгольском нашествии, см.: [STL, p. 6]. Более подробно с историей создания «Сюань ду бао цзана» можно познакомиться в статье Ван Цзинь-пина, см.: [Wang Jin-ping, 2014].

¹⁴ Дун-хуа ди-цзюнь 東華帝君 (Владыка-повелитель [дворца] Восточного цветка) – легендарный даосский деятель Ван Сюань-фу 王玄甫. Канонизирован школой Цюаньчжэнь ок. 1240 г., см.: [Eskildsen, 2004, p. 11].

¹⁵ Чжун-ли Цюань 鍾離權, другое имя (цзы 字) – Юнь-фан 雲房, *дао хао* Правильный ян (Чжэн-ян 正陽), – один из почитаемых в народной традиции Восьми бессмертных. См.: [Филонов, 2010, с. 66].

¹⁶ Люй Дун-бинь 呂洞賓, *дао хао* Чистый ян (Чунь-ян 純陽), – популярный персонаж народной религиозной традиции. Он входит в группу знаменитых Восьми бессмертных. Согласно легенде, к тайнам даосизма Люй был приобщен в 904 г. в горах Хуашань 華山 (пров. Шэньси), где Чжун-ли Цюань передал ему рецепт чудодейственных снадобий и искусство владения мечом. См.: [Филонов, 2010, с. 65–68].

¹⁷ Лю Цао 劉操, другое имя – Цзун-чэн 宗成, *дао хао* Морская жаба (Хай-чань 海蟾), – знаменитый даос периода Пяти династий (907–960). Происходил из г. Яньшань 燕山, в районе совр. Пекина. Лю Цао долгое время жил в уединении в горах Хуашань (пров. Шэньси, уезд Хуайнсянь 華陰縣) и Чжуннаньшань 終南山 (пров. Шэньси, к югу от

Ван Чун-яна и двух даосов – Хэ Дэ-цзиня 和德瑾 (?–1170), *дао хао* Нефритовая жаба (Юй-чань 玉蟾), и Ли Лин-яна 李靈陽 (?–1189), с которыми Ван Чун-ян вел отшельническую жизнь в Люцзяне. Последние три *цзюани* рассказывают о первых учениках Ван Чун-яна, известных как «Семь совершенных людей (*ци чжэнь жэнь* 七真人)¹⁸». Жизнеописания этого собрания дополнены списком работ, которые приписываются этим даосским деятелям, а также указывают их посмертные титулы, дарованные им императорами в эпоху Юань¹⁹.

2. «Погодовые хроники Семи совершенных» («Ци чжэнь нянь пу» 七真年譜) [ЦЧНП]. Составлены в 1271 г. Ли Дао-цянем 李道謙 (1219–1296), *дао хао* Небесная радость (Тянь-лэ 天樂), – учеником Юй Дун-чжэня 余洞真 (1166–1250) – настоятеля дворца Двойного ян. Это сочинение по праву можно считать настоящим путеводителем по ранней истории школы Цюаньчжэнь. Оно содержит важные даты в становлении и развитии этого даосского движения, расположенные в хронологическом порядке, начиная с рождения Ван Чун-яна (1113 г.) и заканчивая смертью Цю Чан-чуня (1227 г.)²⁰.

3. «Записи о происхождении небожителей-сяней [школы Цюаньчжэнь, начавших свой путь] из Ганьшуй» («Ганьшуй сянь юань лу» 甘水仙源錄) в 10 цз. [ГШСЮЛ]. Коллекция эпитафий, собранных Ли Дао-цянем по многочисленным обителям школы Цюаньчжэнь. Дата составления 1288 г. Топоним Ганьшуй 甘水,

Сианя). При Хубилае (юаньский император Ши-цзу 世祖 (1215–1294), правил 1260–1294 гг.) ему был пожалован титул Совершенного владыки, прозревшего и просветленного, распространяющего Дао-Путь (Мин-у хун-дао чжэнь-цзюнь 明悟弘道真君). О нем см.: [Филонов, 2010, с. 69; Торчинов, 1998, с. 174–175].

¹⁸ Семь совершенных людей (*Ци чжэнь жэнь* 七真人) – Ма Юй 馬鈺 (1123–1183), *дао хао* Киноварный ян (Дань-ян 丹陽), Тань Чу-дуань 譚處端 (1123–1185), *дао хао* Долгое совершенство (Чан-чжэнь 長真), Цю Чу-ци 丘處機 (1148–1227), *дао хао* Долгая весна (Чан-чунь 長春), Лю Чу-сюань 劉處玄 (1147–1203), *дао хао* Долгая жизнь (Чан-шэн 長生), Ван Чу-и 王處一 (1142–1217), *цзы* Нефритовый ян (Юй-ян 玉陽), Хао Да-тун 郝大通 (1140–1212), *дао хао* Всеобъемлющее спокойствие (Гуан-нин 廣寧), Сунь Бу-эр 孫不二 (1119–1182), *дао хао* Чистота и покой (Цин-цзин 清靜).

¹⁹ См.: [STL, p. 65–66; ДЦТЯ, с. 127; ДНВ, p. 580; DZTK, p. 1135; Komjathy, 2007, p. 417–418].

²⁰ См.: [STL, p. 68; ДЦТЯ, с. 129; ДНВ, p. 580; DZTK, p. 1137–1138; Komjathy, 2007, p. 419–420].

входящий в название этого собрания происходит от местности, где в 1159 г. Ван Чун-ян получил первые наставления от небожителей, и соответствует городу Ганьхэчжэнь 甘河鎮 (на терр. совр. Сианя, пров. Шэньси). Собрание открывает текст указа Хубилая, изданного в 1269 г., которым он дарует почетные титулы Пяти патриархам (у цзу 五祖)²¹, Ван Чун-яну и Семи совершенным. Первые восемь *цзюаней* представляют собой коллекцию из 57 эпитафий видным деятелям школы Цюаньчжэнь. Записи приводятся в хронологической последовательности, начинаясь с памятной надписи Ван Чун-яну и завершаясь эпитафией даосу школы Цюаньчжэнь Шэнь Чжи-чжэню 申志貞 (1210–1284). Содержат предисловия и поэтические строки различных деятелей этого религиозного движения. В двух последних *цзюанях* преимущественно тексты стел, излагающие историю различных обителей школы Цюаньчжэнь. Текст начинается с предисловия Ли Дао-цяня и заканчивается послесловием Чжан Хао-гу 張好古 (ок. 1290).

Среди этой обширной коллекции зарубежные специалисты выделяют две стелы, тексты которых, по их мнению, детально описывают жизнь Ван Чун-яна и дают наиболее полное представление о ранней истории школы Цюаньчжэнь²²:

а) Стела патриарху учения Цюаньчжэнь, совершенному человеку Чун-яну, божественному небожителю-сяню с гор Чжуннаньшань («Чжуннаньшань шэнь сянь Чун-ян чжэнь жэнь Цюаньчжэнь цзю цзу бэй» 終南山神仙重陽真人全真教祖碑) [ЦЦЦЦБ а, ЦЦЦЦБ б, ЦЦЦЦБ с] (1225 г., рис. 2). Автор текста – Цзинь-юань Шу 金源璿 (1172–1232);

б) Записи о следах [деяний] небожителя-сяня патриарха-наставника Чун-яна с гор Чжуннаньшань («Чжуннаньшань Чун-ян цзу ши сянь цзи цзи» 終南山重陽祖師仙跡記) [СЦЦ а, СЦЦ б] (1232 г., рис. 3). Автор – даосский деятель Лю Цзу-цянь 劉祖謙.

4. «Продолжение “Всепроникающего зеркала совершенных и небожителей-сяней минувших времен, воплотивших Дао-Путь”» («Ли-ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь суй бянь» 歷世真仙體道通鑑續編) в 5 цз. [ЛШСБ]. Включает в себя жизнеописания Ван

²¹ К началу XIV в. в число Пяти патриархов входили Лао-цзы, Дунхуа ди-цзюнь, Чжунли Цюань, Люй Дун-бинь и Лю Цао. В современных богослужениях (гун кэ 功課) школы Цюаньчжэнь место Лао-цзы занял Ван Чун-ян, см.: [Komjathy, 2007, p. 481].

²² См.: [STL, p. 123–124; ДЦТЯ, с. 727–728; ДНБ, р. 580; DZTK, p. 1141; Komjathy, 2007, p. 416].

Чун-яна²³, Ма Дань-яна²⁴, Тань Чу-дуаня²⁵, Лю Чу-сюаня²⁶, Цю Чу-цзи²⁷, Ван Чу-и²⁸, Хао Да-туна²⁹, Хэ Дэ-цзиня³⁰, Ли Лин-яна³¹ и других деятелей школы Цюаньчжэнь последующих поколений. Является частью трилогии, состоящей из «Всепроникающего зеркала совершенных и небожителей-сяней минувших времен, воплотивших Дао-Путь» («Ли-ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь» 歷世真仙體道通鑑) в 53 цз. [ЛШ] и «Дополнения к “Всепроникающему зеркалу совершенных и небожителей-сяней минувших времен, воплотивших Дао-Путь”» («Ли-ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь хоу цзи» 歷世真仙體道通鑑後集) в 6 цз. [ЛШХЦ], в котором приведено жизнеописание Сунь Бу-эр³². Все три части были написаны даосским наставником школы Цюаньчжэнь из монастыря Плывущих облаков (Фуюньгуань 浮雲觀, Лунсин 隆興 (совр. Наньчан 南昌), пров. Цзянси) Чжао Дао-и 趙道一 (ок. 1294–1307), предположительно, в конце XIII–нач. XIV вв.³³

5. Иллюстрированные жизнеописания, [повествующие] о происхождении небожителей-сяней правильной линии преемства [школы] Золотого лотоса («Цзинь лян чжэн цзун сянь юань сянь чжуань» 金蓮正宗仙源像傳) [ЦЛЧЦСЧ]. Дата предисловия – 1326 г. Текст написан двумя даосскими деятелями школы Цюаньчжэнь Лю Чжи-сюанем 劉志玄 и Се Си-чанем 謝西蟾. Интересно, что авторами предисловия к этому собранию стали Лю Чжи-сюань и 39-й патриарх школы Небесных наставников (Тяньши 天師) Чжан Сы-чэн 張嗣成 (?–1343), дао хао Великий сокровенный (Тай-сюань 太玄). Собрание жизнеописаний открывает текст приглашения, которое Чингисхан (правил 1206–1227) отправил патриарху школы Цюаньчжэнь Цю Чан-чуню, а также указы императоров эпохи Юань, даровавшие почетные

²³ [ЛШСБ, с 579–583].

²⁴ [ЛШСБ, с 583–587].

²⁵ [ЛШСБ, с 588–589].

²⁶ [ЛШСБ, с 589–591].

²⁷ [ЛШСБ, с 591–595].

²⁸ [ЛШСБ, с 596–597].

²⁹ [ЛШСБ, с 597–598].

³⁰ [ЛШСБ, с 598].

³¹ [ЛШСБ, с 598–599].

³² Сунь сянь-гу 孫仙姑 (Бессмертная дева Сунь) [ЛШХЦ, с. 661–663].

³³ См.: [STL, р. 56–594 ДЦТЯ, с. 221–222; DZTK, р.893; Komjathy, 2007, р. 418–419].

титулы первым патриархам школы Цюаньчжэнь в 1269 г. и 1310 г. Далее следуют иллюстрированные жизнеописания Пяти патриархов школы Цюаньчжэнь – Лао-цзы³⁴, Дун-хуа ди-цзюня³⁵, Чжун-ли Цюаня³⁶, Люй Дун-биня³⁷ и Лю Цао³⁸. Завершают коллекцию жизнеописания Ван Чун-яня³⁹ и Семи совершенных – Ма Юя⁴⁰, Тань Чу-дуаня⁴¹, Лю Чу-сюаня⁴², Цю Чу-ци⁴³, Ван Чу-и⁴⁴, Хао Да-туна⁴⁵ и Сунь Бу-эр⁴⁶. В жизнеописаниях представлены портреты Пяти патриархов и Семи совершенных, перечислены почетные титулы, которые даровали им юаньские императоры, и приводятся списки написанных ими сочинений⁴⁷.

Помимо вышеперечисленных источников сведения о ранней истории Цюаньчжэнь были записаны на стелах, установленных в разные годы учениками и последователями в многочисленных обителях этой школы⁴⁸.

³⁴ Хунь-юань Лао-цзы 混元老子 (Старый мудрец, [возникший из] хаотичного начала) [ЦЛЧЦСЧ, с. 58].

³⁵ Дун-хуа ди-цзюнь 東華帝君 [ЦЛЧЦСЧ, с. 58].

³⁶ Чжэн-ян-цзы 正陽子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 59].

³⁷ Чунь-ян-цзы 純陽子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 59].

³⁸ Хай-чань-цзы 海蟾子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 59–60].

³⁹ Чун-ян-цзы 重陽子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 60–62].

⁴⁰ Дань-ян-цзы 丹陽子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 62–63].

⁴¹ Чан-чжэнь-цзы 長真子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 63–64].

⁴² Чан-шэнь-цзы 長生子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 64].

⁴³ Чан-чунь-цзы 長春子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 64–66].

⁴⁴ Юй-ян-цзы 玉陽子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 66–67].

⁴⁵ Гуан-нин-цзы 廣寧子 [ЦЛЧЦСЧ, с. 67–68].

⁴⁶ Цин-цин сань-жэнь 清靜散人 (Отшельница Чистоты и покоя) [ЦЛЧЦСЧ, с. 68].

⁴⁷ [STL, p. 64–65; ДЦТЯ, с. 128; ДНВ, p. 580; DZTK, p. 1136–1137; Komjathy, 2007, p.418].

⁴⁸ В современном собрании надписей на даосских стелах «Даосские [надписи] на бронзовых [сосудах] и каменных [стелах]» («Дао цзя цзинь ши люэ» 道家金石略 [ср. пер. А. Д. Зельницкого – «Компендиум [надписей] школы Дао на бронзе и камне». – *Ред.*]) приводятся тексты 374 стел школы Цюаньчжэнь, полностью или частично сохранившихся до наших дней, см.: [ДЦЦШЛ, с. 429–817]. Столь малое количество стел этой школы обусловлено последствиями «культурной революции», во время которой большинство обителей школы Цюаньчжэнь значительно пострадали, а стелы были разрушены или утеряны. Однако эта лакуна постепенно восполняется, и результатом реставрационных работ стало издание стел, посвященное непосредственно школе Цюаньчжэнь – «Новое издание надписей на каменных [стелах] школы Цюаньчжэнь»

Подробности, касающиеся обучения Ван Чун-яном первых учеников, содержатся как в их собственных воспоминаниях, так и воспоминаниях их учеников, записанных в жанре *юй лу* 語錄 («записи речей»). Наиболее детальные описания присутствуют в «Записях речей совершенного человека Дань-яна» («Дань-ян чжэнь жэнь юй лу» 丹陽真人語錄) [ДЯЮЛ] (ок. 1183 г.) – второго патриарха школы Цюаньчжэнь Ма Юя, – в воспоминаниях его ученика Инь Чжи-пина 尹志平 (1169–1251), *дао хао* Чистая гармония (Цин-хэ 清和), – «Записи речей совершенного человека Цин-хэ [во время] путешествия на Север» («Цин-хэ чжэнь жэнь бэй ю юй лу» 清和真人北游語錄) [ЦХБЮЮЛ] (1237 г.) и в *юй лу* Лю Чу-сюаня «Предельно совершенные записи речей совершенного человека Чан-шэна о недеянии, чистоте и покое» («У-вэй цин-цзин Чан-шэн чжэнь жэнь чжи чжэнь юй лу» 無為清靜長生真人至真語錄) [ЧШЮЛ] (1202 г.).

Интересным и необычным источником, из которого мы можем узнать об истории школы Цюаньчжэнь, являются настенные росписи палаты Чун-яна (Чун-ян дэнь 重陽殿) во дворце Вечной радости (Юнлэгун 永樂宮) – одного из Трех великих патриарших дворовиков школы Цюаньчжэнь. Рисунки этой палаты можно по праву считать «визуальной историей» раннего периода этого религиозного движения. Предполагается, что основой для их сюжетов послужило жизнеописание Ван Чун-яна, снабженное 55-ю иллюстрациями различных событий его жизни, которое было составлено в 1260 г. даосским деятелем Жэнь Ши-линем 任士林, см. [Gesterkamp, 2008, p. 235, n. 102]. К сожалению, сам текст источника был утрачен, и до наших дней сохранилось только выгравированное на стеле «Предисловие к иллюстрациям преобразований совершенного человека Вана [по прозвищу] Чун-ян, совершенных из чувства сострадания» («Чун-ян Ван чжэнь жэнь минь хуа ту суй» 重陽王真人憫化圖序) [МХТС]. В этом предисловии сказано, что иллюстрации нарисовал патриарх школы Цюаньчжэнь Ли Чжи-чан 李志常 (1193–1256), *дао хао* Совершенное постоянство (Чжэнь-чан 真

[эпох] Цзинь и Юань» («Цзинь Юань Цюаньчжэнь цзяо ши кэ синь бянь» 金元全真教石刻新編) [ЦЮЦЧЦ]. В настоящее время самая большая коллекция стел, привезенных из разных обителей школы Цюаньчжэнь, находится во дворце Двойного ян и является частью архитектурного комплекса монастыря под названием «Лес стел Патриаршей обители» (*Цзу ань бэй линь* 祖庵碑林).

常), а его ученик Чжан Мин-чэн 張明成 выполнил каллиграфию к рисункам, см. [Gesterkamp, 2008, p. 234].

Сам монастырь пережил множество исторических перипетий, однако существенно пострадал лишь в период японской оккупации, во время которой сгорели при пожаре и были полностью разрушены несколько его залов, см. [Gesterkamp, 2008, p. 233]. Строительство храмового комплекса велось на участке, где ранее располагалась кумирня в честь Люй Дун-биня. Проект монастыря был разработан даосским деятелем Сун Дэ-фаном, а его строительство началось в 1245 г. под руководством Пань Дэ-чуна 潘德冲 (1190–1256), *дао хао* Прорывающаяся гармония (Чун-хэ 冲和). Монастырь был построен согласно традиционному расположению залов с юга на север. Открывает монастырский комплекс палата Дракона и тигра (Лун ху дэнь 龍虎殿). Центральная палата посвящена Трем чистым (Сань цин дэнь 三清殿): триаде высших божеств даосского пантеона – Небесному достопочтенному Дао и Дэ (Дао-Дэ тянь-цзунь 道德天尊), Небесному достопочтенному Изначального начала (Юань-ши тянь-цзунь 元始天尊) и Небесному достопочтенному Духовной драгоценности (Лин-бао тянь-цзунь 靈寶天尊). Позади нее расположены две палаты, посвященные Люй Дун-биню – Чунь-ян дэнь 純陽殿 – и Ван Чун-яну – Чун-ян дэнь 重陽殿.

Изначально в архитектурный комплекс монастыря входила четвертая палата, посвященная Цю Чан-чуню, которая была разрушена во время Второй мировой войны японскими солдатами вместе с несколькими другими залами, располагавшимися по бокам от центральных сооружений. Центральную палату, посвященную Трем чистым, украшают изображения пантеона небесного двора из 286 божеств⁴⁹, работа над изображениями которых была завершена в 1325 г. Росписи на стенах следующих двух палат изображают сцены из рассказов о жизни и чудесных деяниях Люй Дун-биня и Ван Чун-яна. Согласно надписям, оставленным живописцами, росписи зала Чунь-яна были закончены в 1358 г. учениками именитого художника эпохи Юань Чжу Хао-гу 朱好古 под руководством

⁴⁹ Согласно исследованиям Ван Сюня настенных росписей дворца Вечной радости, основой для изображений божеств даосского пантеона школы Цюаньчжэнь послужило их описание в сочинении «Главные ритуалы [школ] Высшей чистоты и Духовной драгоценности» («Шанцин Линбао да фа» 上清靈寶大法) [ШЛДФ, с. 488–489] (ок. 1119–1125), см.: [Ван Сюнь, 1963, с. 22].

Чжан Цзунь-ли 張尊禮 и Ли Хун-и 李弘宜. К сожалению, сведения о создателях настенных росписей зала Чун-яна отсутствуют, однако по дате, указанной на одном из фрагментов, можно предположить, что эта работа была завершена в 1368 г., см.: [Gesterkamp, 2008, p. 57]. Особенностью храмовой живописи обителей школы Цюаньчжэнь стало изображение «народных» божеств, восходящих к местным культам, а также включение портретов наставников Цюаньчжэнь в божественный пантеон, см.: [Gesterkamp, 2008, p. 59–60]. В связи с ирригационными работами по строительству дамбы на реке Хуанхэ Юнлэгун был перемещен из Юнлэ 永樂 в село Лунцюаньцунь 龍泉村 уезда Жуйчэн (пров. Шаньси), где был заново воссоздан к 1964 г., см.: [Gesterkamp, 2008, p. 232]. Во время демонтажа настенные фрески были разделены на блоки по 1 м², а затем собраны на новом месте. К настоящему времени от оригинальной росписи зала, посвященного Ван Чун-яну, осталось 49 фрагментов, каждый из которых снабжен надписью, разъясняющей изображенный эпизод.

Несмотря на довольно обширную источниковую базу, позволяющую реконструировать раннюю историю школы Цюаньчжэнь, достаточно сложно верифицировать описанные в них события. Это связано в первую очередь с тем, что эти источники отражают определенный срез даосского самосознания и представления самих адептов Цюаньчжэнь об истории развития своей школы. Во-вторых, необходимо учесть, что самое раннее жизнеописание патриархов школы Цюаньчжэнь – «Записи о правильной линии преемства [школы] Золотого лотоса» – было составлено через 71 год после смерти Ван Чун-яна и через 14 лет после смерти его самого молодого ученика – Цю Чан-чуня.

Среди исторических источников, посвященных школе Цюаньчжэнь, стоит отметить работы историографа Юань Хао-вэня 元好問 (1190–1275), который явно симпатизировал данной школе [ТГГЦ; ТСГЦ; ЦВГЦ; ЧЧАЛ]⁵⁰. Также информация о Цюаньчжэнь была зафиксирована в «Истории Цзинь» («Цзинь ши» 金史), ставшей предметом исследований китайского ученого Тан Дай-цзяня [Тан Дай-цзянь, 2000; Тан Дай-цзянь, 2001], и «Истории Юань» («Юань ши» 元史), которая была детально проанализирована китайским исследователем Чжан Гуан-бао

⁵⁰ О вкладе Юань Хао-вэня в популяризацию учения Цюаньчжэнь см.: [Marstone, 2015, p. 1125, n. 28].

[Чжан Гуан-бао, 2008]. Основные события, описываемые в этих источниках, относятся к периоду институционального оформления школы Цюаньчжэнь под руководством Цю Чан-чуня и ее дальнейшего развития.

Детальный рассказ о деятельности патриарха школы Цюаньчжэнь Цю Чан-чуня и его визите к Чингисхану содержится в «Записках о путешествии на Запад совершенного человека Чан-чуня» в 2 *цзюанях*, автор предисловия Сунь Си 孫錫 [ЧЧСЮЦ]. «Записки о путешествии на Запад» были созданы в 1228 г. на основе путевого дневника Ли Чжи-чана – одного из девятнадцати учеников Цю Чан-чуня, сопровождавших его в ставку Чингисхана. Повествование начинается с краткого биографического очерка жизни Цю Чан-чуня, предшествовавшей его путешествию, и заканчивается описанием последующих лет его религиозной деятельности на посту патриарха Цюаньчжэнь после возвращения в Яньцзин до его кончины в 1227 г.

Основное содержание этого источника посвящено описанию путешествия Цю Чан-чуня в Гиндукуш (совр. Афганистан), которое началось весной 1221 г. и закончилось весной 1224 г. «Записки о путешествии на Запад» содержат не только географическое описание местности и природных явлений, пройденных городов и селений, быта и обычаев различных народностей, но и более 80 стихотворений Цю Чан-чуня, посвященных увиденным местам и произошедшим в путешествии встречам и событиям. Согласно записям Ли Чжи-чана, во время бесед с Чингисханом, который хотел узнать даосские секреты «бессмертия», Цю Чан-чунь проповедовал ему даосское учение, советовал умеренный образ жизни как ключ к долголетию, а также рассказал о методах управления государством на основе конфуцианских добродетелей, за что был удостоен именованья «Божественный небожитель» (*шэнь сянь* 神仙). Однако детальное содержание бесед с монгольским ханом в источнике не приводится. Сочинение завершается текстами посланий Чингисхана к Цю Чан-чуню (и ответами Цю), а также указов: об освобождении последователей школы Цюаньчжэнь и ее монастырских обитателей от налогов и податей (3-й лунный месяц 1223 г.), назначении Цю Чан-чуня управлять всеми «ушедшими из семьи добрыми людьми» (*чу цзя шань жэнь* 出家善人), то есть монахами (9-й лунный месяц 1223 г.), а по сути, лидером всех религиозных конфессий Китая и даровании ему в

Яньцзине монастыря Небесного долголетия⁵¹ (8-й лунный месяц 1223 г.). В конце приводится список 18 из 19 учеников⁵² Цю Чан-чуня, сопровождавших его в этом путешествии⁵³.

Содержание бесед, в которых Цю Чан-чунь изложил Чингисхану основные принципы даосского учения и методов пестования жизни, было отражено в другом сочинении, также включенном в собрание даосских текстов «Дао цзан» – «Записи торжественных встреч Сокровенного ветра⁵⁴» («Сюань фэн цин хуэй лу» 玄風慶會錄)⁵⁵ (1232 г.) [СФЦХЛ]. Автор – И-ла Чу-цай 移刺楚材. Зарубежные исследователи отмечают, что хотя авторство «Сюань фэн цин хуэй лу» приписывается государственному деятелю Е-люй Чу-цаю 耶律楚材 (1189–1243), по сути это краткое переложение более раннего его сочинения о визите к Чингисхану Цю Чан-чуня – «Записи о путешествии на Запад» («Си ю лу» 西遊錄, 1228 г.), которое сделал И-ла А-хай 移刺阿海, см.: [Marsonne, 2015, p. 1127, n. 32; DZTK, p. 1138].

Наиболее достоверным, но сложным для анализа биографическим источником, дополняющим и уточняющим события, изложенные в жизнеописаниях, являются поэтические

⁵¹ К моменту возвращения Цю Чан-чуня разрушенный в 1202 г. монастырь Небесного долголетия был восстановлен и переименован во дворец Великого предела (Тайцзигун 太極宮). После смерти Цю Чан-чуня в 1227 г. монастырь получил название в честь даосского патриарха – дворец Долгой весны (Чанчуньгун 長春宮), а в 1443 г. переименован в монастырь Белого облака (Байюньгуань 白雲觀) [Komjathy, 2007, p. 58, n. 57; Филонов, 2010, с. 80–83].

⁵² Согласно предположениям исследователей, девятнадцатый ученик – Чжао Дао-цзянь 趙道堅 (1163–1221), *dao hao* Пустота и покой (Сюй-цзин 虛靜), – скончался в пути [STL, p. 315, n. 421]. Однако, несмотря на то, что Сюй-цзин действительно умер в дороге [Палладий, 1866, с. 422, сн. 465], его имя первым значится в списке восемнадцати учеников [ЧЧСЮЦ, с. 23], [Komjathy, 2007, p. 56, n. 53] и личность девятнадцатого ученика, если таковой существовал, остается неизвестной.

⁵³ [STL, p. 66–67; 159–160; ДЦТЯ, с. 1131–1132; ДНВ, p. 580; DZTK, p. 1141–1142; Komjathy, 2007, p. 415; Кобзев, 2009, с. 926–927].

⁵⁴ Сокровенный ветер (*сюань фэн* 玄風) – одно из наименований даосизма в эпохи Цзинь и Юань.

⁵⁵ Перевод фрагментов из «Сюань фэн цин хуэй лу» выполнил Артур Уэйли в «Путешествии алхимика», см. [Waley, 1931, p. 21–25].

произведения, написанные самим Ван Чун-яном⁵⁶. В них он рассказывает о себе, делится своими мыслями и чувствами, описывает различные события своей жизни, разъясняет свое учение друзьям и последователям и говорит в поэтической форме о методах «внутренней алхимии» (*нэй дань* 內丹), которым он следовал. Самое обширное собрание его стихотворений, которое сохранилось в «Дао цзане» – «Собрание [поэтических произведений] Чун-яна о Полном совершенстве» («Чун-ян Цюаньчжэнь цзи» 重陽全真集) [ЧЯЦЧЦ] в 13 *цзюанях* – было составлено почти через двадцать лет после смерти Ван Чун-яна его учеником Лю Чан-шэном. Собрание открывает датированное 1188 г. предисловие Фань И 范懌, написанное по просьбе учеников Лю Чу-сюаня – Цао Тяня 曹填 (?–1207) и Лю Чжэнь-и 劉真一 (?–1206). Исследователи предполагают, что основой этой коллекции послужило более раннее собрание стихотворений Ван Чун-яна, составленное и изданное еще при жизни наставника⁵⁷. В эту поэтическую антологию вошло более 1 тыс. стихотворений Ван Чун-яна разных жанров, которые охватывают значительный период его жизни. Первая, вторая и десятая *цзюани* содержат стихотворения в жанре *ши* 詩. В третью по восьмую и с одиннадцатой по тринадцатую *цзюани* включены лирические песни-*цы* 詞. Девятая *цзюань* имеет смешанный состав из стихотворений в жанре *ши*, песен-*цы* и гимнов-*гэ* 歌⁵⁸.

Среди них присутствуют стихотворения, подтверждающие события, изложенные в жизнеописаниях: «Гимн о прозрении совершенства» («У чжэнь гэ» 悟真歌) [ЧЯЦЧЦ, с. 327], «Могила живого мертвеца», преподнесено Нин Бо-гуну» («Хо сы жэнь му цзэн Нин Бо-гун» 活死人墓贈寧伯功) [ЧЯЦЧЦ, с. 286], стихи «О сожженной хижине» («Шао ань» 燒庵) [ЧЯЦЧЦ, с. 285, 302, 318], «Зал Полного совершенства» («Цюаньчжэнь тан» 全真堂) [ЧЯЦЧЦ, с. 281], стихи членам общества Золотого лотоса⁵⁹ (*Цзинь лян хуэй* 金蓮會) – «Стихи об обществе Золотого лотоса» («Цзинь лян хуэй ши» 金蓮會詩) и «Письмо, открывающее [смысл] и проливающее свет на сообщество Золотого лотоса»

⁵⁶ Избранные стихотворения из этого собрания были выгравированы на «Стеле со стихотворениями и гимнами Ван Чун-яна» («Ван Чун-ян ши гэ бэй» 王重陽詩歌碑) 1306 г. [ШГБ], см.: (Рис. 4).

⁵⁷ См.: [DZTK, p. 1158; Komjathy, 2007, p. 387].

⁵⁸ См.: [STL, p. 144–145; ДЦТЯ, с. 906–907; ДНВ, p. 574; DZTK, p. 1158–1159; Komjathy, 2007, p. 386–388].

⁵⁹ См.: [ЧЯЦЧЦ, с. 328; ЧЯЦЧЦ, с. 335].

(«Цзинь лян шэ кай мин шу» 金蓮社開明疏), стихи членам общества Нефритового цветка⁶⁰ (Юй хуа хуэй 玉花會) – «Письмо об обществе Нефритового цветка» («Юй хуа хуэй шу» 玉花會疏) и «Письмо о сообществе Нефритового цветка» («Юй хуа шэ шу» 玉花社疏), а также предсмертное стихотворение Ван Чун-яна – «Об узах не мирской семьи»⁶¹ («Цзе у вай цинь» 結物外親) [ЧЯЦЦЦ, с. 275]. Детальное исследование этого собрания поэтических произведений принадлежит японскому даологу Хатия Кунио [Хатия Кунио, 2007] и его китайскому коллеге Чэнь Хун-мину [Чэнь Хун-мин, 2007].

В итоге предпринятого обзора можно заключить, что до наших дней сохранилась обширная источниковедческая база, подкрепленная богатым иллюстративным материалом, представляющая исследовательский интерес для уточнения характерных особенностей учения Цюаньчжэнь и деятельности патриархов по его распространению.

Источники и литература

Белая, 2009 – Белая И. В. Сунь Бу-эр // ДКК(Н). С. 789–791.

Белая, 2010 а – Белая И. В. Жизнеописание наставницы Сунь Бу-эр в даосской традиции // Вопросы культурологии, 2010. № 1. С. 28–32.

Белая, 2010 б – Белая И. В. Духовное совершенствование в раннем учении школы Совершенной истины (Цюань-чжэнь) // Вопросы культурологии. 2010, № 5. С. 25–30.

Белая, 2010 с – Белая И. В. «Пятнадцать статей, устанавливающих учение Чун-яна». Пер. на рус. яз. фрагментов, вступительная статья и комментарий // Философско-антропологические исследования. Вып. I–II. 2010. С. 93–102.

Белая, 2010 d – Белая И. В. Предпосылки распространения учения Совершенной истины в Китае XII–XIII вв. // Научные ведомости БелГУ. 2010, № 2 (73). С. 5–12.

Белая, 2011 а – Белая И. В. Десять советов даосского монаха Лю Чан-шэна // Материалы докладов XVIII Международной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». М.: Изд. МГУ, 2011. Веб-сайт конференции «Ломоносов». URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2011/1171/6257_3470.pdf (дата обращения 1.10.2020).

Белая, 2011 б – Белая И. В. Нормативные правила даосской школы Совершенной истины XII–XIV вв. // В поисках «китайского

⁶⁰ См.: [ЧЯЦЦЦ, с. 328; ЧЯЦЦЦ, с. 335].

⁶¹ Букв. «Связывание во вневещественное родство». – Ред.

чуда»: сборник статей, посвященный 80-летию Ю. В. Чудодеева (Ученые записки Отдела Китая ИВ РАН. Вып. 5). М.: ИВ РАН, 2011. С. 342–353.

Белая, 2012 а – *Белая И. В.* «Десять увещаний» Ма Дань-яна как источник по истории даосской школы Цюаньчжэнь // Вестник РГГУ. Серия «Востоковедение. Африканистика». 2012, № 20. С. 249–259.

Белая, 2012 б – *Белая И. В.* Образы «Инь фу цина» в даосском учении Цюаньчжэнь // Общество и государство в Китае, Т. XLII. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2012. С. 354–365.

Белая, 2017 а – *Белая И. В.* О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань: Ч. 1: Пу-ча Дао-юань // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 2 (8). С. 19–29.

Белая, 2017 б – *Белая И. В.* О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань: Ч. 2: Во-лэ Шоу-цзянь // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 3 (9). С. 16–23.

Белая, 2017 с – *Белая И. В.* О развитии женского монашества в даосской школе Цюаньчжэнь в эпохи Цзинь и Юань: Ч. 3: Ао-дунь Мяо-шань // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2017. № 4 (10). Ч. 1. С. 9–18.

Белая, 2018 а – *Белая И. В.* Даоски в Пекине: становление женской монастырской традиции школы Цюаньчжэнь в XIII–XIV вв. // Вопросы философии. 2018. № 4. С. 159–167.

Белая, 2018 б – *Белая И. В.* Об общинно-ритуальной деятельности женщин в средневековом даосизме (на примере текстов стел школы Цюаньчжэнь, установленных в Пекине) // Вопросы философии. 2018. № 8. С. 139–149.

Белая, 2018 с – *Белая И. В.* О «Встрече» и одном стихотворении Сунь Бу-эр: к проблеме интерпретации даосской поэзии // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 4 (46). С. 45–50.

Белая, 2019 а – *Белая И. В.* «Женское мастерство внутренней алхимии», изложенное в семи стихах Сунь Бу-эр // Вопросы философии, 2019. № 4. С. 138–152.

Белая, 2019 б – *Белая И. В.* Феномен субтрадиции в даосизме (на материале корпуса сочинений Сунь Бу-эр). Дисс... д. филос. н. Казань, Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2019.

Белая, 2020 – *Белая И. В.* Поучения Изначальной владычицы Сунь Бу-эр: Даосское учение для женщин. М.: Ганга, 2020.

БКРС – Большой китайско-русский словарь: В 4 т. / Гл. ред. И. М. Ошанин. М.: Наука, ГРВЛ, 1983–1984.

Виноградская, 2010 – Чжан Бо-дуань, Лю И-мин: Раскрытие секретов даосской алхимии / Пер. с кит. В. Б. Виноградской. М.: Ганга, 2010.

Вэнь Цзянь, Горобец, 2002 – *Вэнь Цзянь, Горобец Л. А.* Даосизм в современном Китае. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2002.

Горбунова, 2011 – *Горбунова С. А.* Законодательные инициативы гоминьдановского правительства в сфере религий // Общество и государство в Китае. Т. ХLI. М.: ИВ РАН, 2011. С. 379–385.

ДКК (М) – Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; Ин-т Дальнего Востока. М.: Вост. лит., 2006. Т. 2. Мифология. Религия / Ред. М. Л. Титаренко, Б. Л. Рифтин, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов, Д. Г. Главева, С. М. Аникеева. М.: Вост. лит., 2007.

ДКК (Н) – Духовная культура Китая: Энциклопедия: В 5 т. / Гл. ред. М. Л. Титаренко; ИДВ. Т. 5. Наука, техническая и военная мысль, здравоохранение и образование / Ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, В. Е. Еремеев, А. Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2009.

Зельницкий, 2005 – *Зельницкий А. Д.* Формы религиозного синкретизма в Китае. Дисс... к. филос. н. СПб., СПбГУ, 2005.

Кобзев, 2009 – *Кобзев А. И.* Цю Чан-чунь // ДКК(Н). С. 925–928.

Кожин, 2007 – *Кожин П. М.* Историческое развитие религиозной ситуации // ДКК(М). С. 172–189.

Куликов, 2020 – *Куликов А. М.* Человек из палладия: Жизнь, научная, миссионерская и дипломатическая деятельность П. И. (Палладия) Кафарова. М., 2020 (в печати).

Ленков, 2017 – *Ленков П. Д.* Действия (карма) и монашеская дисциплина согласно учению школы Цюаньчжэнь (по тексту «Лун мэнь синь фа») // *Asiatica: Труды по философии и культурам Востока.* 2017. № 2 (11). С. 41–54.

Палладий, 1866 – Си-ю-цзи, или Описание путешествия на Запад) / Пер. *Палладия* [П. И. Кафарова] // Труды членов Российской духовной миссии в Пекине. Т. IV. СПб, 1866. С. 269–434.

Торчинов, 1993 – *Торчинов Е. А.* Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. СПб.: Андреев и сыновья, 1993.

Торчинов, 1998 – *Торчинов Е. А.* Даосизм: Опыт историко-религиоведческого описания. 2-е изд., доп. СПб.: Лань, 1998.

Торчинов, 2007 – *Торчинов Е. А.* История даосизма // ДКК (М). С. 243–248.

Филонов, 2010 – *Филонов С. В.* Введение в даологию. Учебное пособие. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010.

Филонов, 2011 – *Филонов С. В.* Золотые книги и нефритовые письма: даосские письменные памятники III–VI вв. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2011.

Филонов, 2012 – *Филонов С. В.* Исследование даосизма в Китае: достижения и перспективы // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке, 2012. № 3 (35). С. 83–92.

Ackert, 2006 – *Ackert P.* Liu Chuxuan (1147–1203) and his Commentary on the Daoist Scripture Huangdi yinfu jing. Wiesbaden: Harrassowitz, 2006.

Belamide, 2002 – *Belamide P.* Self-cultivation and Quanzhen Daoism, with Special Reference to the Legacy of Qiu Chuji. Ph. D. diss., University of Toronto, 2002.

DHB – Daoism Handbook. Ed. by L. Kohn. Leiden; Boston; Köln: Brill, 2000.

DZTK – Dao Zang Tong Kao 道藏通考. The Taoist Canon: A Historical Companion to the *Daozang*. 3 Vol. / Ed. by K. Schipper & F. Verellen. Chicago–London: The University of Chicago Press, 2004.

Eskildsen, 1990 – *Eskildsen S.* Asceticism in Ch'üan-chen Taoism. B. C. Asian Review, № 3–4, 1990. P. 153–191.

Eskildsen, 2001 – *Eskildsen S.* Seeking Sins of Proof: Vision and Other Trance Phenomena in Early Quanzhen Taoism / Journal of Chinese Religions, Vol. 29, 2001. P. 139–160.

Eskildsen, 2004 – *Eskildsen S.* The Teachings and Practices of the Early Quanzhen Taoist Masters. Albany: State University of New York Press, 2004.

Esposito, 2000 – *Esposito M.* Daoism in the Qing (1644–1911) // DHB. P. 623–658.

Esposito, 2001 – *Esposito M.* Longmen Taoism in Qing China: Doctrinal Ideal and Local Reality // Journal of Chinese Religion, Vol. 29, 2001. P. 191–231.

Esposito, 2004 – *Esposito M.* The Longmen School and Its Controversial History during the Qing Dynasty // Religion and Chinese Society. Vol. II: Taoism and Local Religion in Modern China / A Centennial Conference of the École française d'Extrême-Orient. Paris: École française d'Extrême-Orient, 2004. P. 621–698.

Gesterkamp, 2008 – *Gesterkamp L.* The Heavenly Court: A Study on the Iconopraxis of Daoist Temple Painting. PhD diss. Leiden: Leiden University, 2008.

Goossaert, 1999 – *Goossaert V.* La creation du taoïsme moderne: Lorde Quanzhen. Ph.D diss., Paris: Ecole Pratique des Hautes Etudes, Section des Sciences Religieuses, 1997.

Goossaert, 1999 a – *Goossaert V.* Entre quatre murs: Un ermite taoïste du XIIIe siècle et la question de la modernité // *Toung Pao*, Vol. 85, 1999. P. 391–418.

Goossaert, 2000 b – *Goossaert V.* Poemes taoïstes des cinq veilles // *Etudes chinoises*, Vol. 19, № 1–2, 2000, P. 249–270.

Goossaert, 2001 – *Goossaert V.* The Invention of an Order: Collective Identity in Thirteenth-Century Quanzhen Taoism / *Journal of Chinese Religions*, Vol. 29, 2001. P. 111–138.

Goossaert, 2006 – *Gossaert V.* 1898: The Beginning of the End for Chinese Religion? // *Journal of Asian Studies*, 2006, № 2 (65). P. 307–336.

Katz, 1999 – *Katz Paul. R.* Images of the Immortal: The Cult of Lü Dongbin at the Palace of Eternal Joy. Honolulu: University of Hawai'i Press, 1999.

Kohn, 1993 – *Kohn L.* The Taoist Experience: an Anthology. Albany: State University of New York Press, 1993.

Komjathy, 2007 – *Komjathy L.* Cultivating Perfection: Mysticism and Self-transformation in Early Quanzhen Daoism. Leiden–Boston: Brill, 2007. C. 286–367.

Komjathy, 2014 – *Komjathy L.* The Way of Complete Perfection: A Quanzhen Daoist Anthology. SUNY Press, 2014.

Marsone, 2001 – *Marsone P.* The Accounts of the Foundation of the Quanzhen Movement: A Hagiographic Treatment of History // *Journal of Chinese Religions*, Vol. 29, 2001. P. 95–110.

Marsone, 2010 – *Marsone P.* Wang Chongyang et la fondation du Quanzhen : ascètes taoïstes et alchimie intérieure // *Coll. Mémoires de l'Institut des Hautes Études chinoises*, vol. XL. Paris: Collège de France, 2010.

Marsone, 2015 – *Marsone P.* Daoism under the Jurchen Jin Dynasty // *MCHR*. Vol. II. P. 1111–1159.

Reiter, 1984-1985 – *Reiter Florian C.* Ch'ung-yang Sets Forth His Teachings in Fifteen Discourses // *Monumenta Serica* 36 (1984–1985). P. 33–54.

MCHR – *Modern Chinese Religion* Vol. I–II Song–Liao–Jin–Yuan (960–1368 AD) / Ed. by J. Lagerwey & P. Marsone. Leiden–Boston: Brill, 2015.

STL – *Boltz J.* A Survey of Taoist Literature, Tenth to Seventh Centuries. Berkeley: Institute of East Asian Studies, 1987.

Waley, 1931 – *Waley A.* The Travels of an Alchemist: The Journey of the Taoist Ch'ang-ch'un from China to the Hindukush at the Summons of Chingiz Khan. London: Routledge and Kegan Paul, 1931.

Wang Jin-ping, 2014 – *Wang Jin-ping.* A Social History of the Treasured Canon of the Mysterious Capital in North China Under Mongol-Yuan Rule // *East Asian Publishing and Society*, Vol. 4, № 1, 2014. P. 1–35.

Yao Tao-chung, 1980 – *Yao Tao-chung.* Ch'üanchen: a New Taoist Sect in North China During the 12th and 13th Centuries. Ph. D. dissertation (University of Arizona), 1980.

Yao Tao-chung, 2000 – *Yao Tao-chung.* Quanzhen–Complete Perfection // *DHB*. P. 567–593.

Ван Сюнь, 1963 – *Ван Сюнь* 王遜. Юнлэгун Сань цин дянх бихуа тичай шитань 永樂宮三清殿壁画题材试探 (Попытка изучения сюжетов настенных росписей палаты Трех чистых дворца Вечной радости) // Вэнь у 文物 (Памятники культуры), 1963. № 8. С. 19–39.

Го У, 2001 – *Го У* 郭武. Цюаньчжэнь даоцзу Ван Чун-ян чжуань 全真道祖王重陽傳 (Жизнеописание патриарха Цюаньчжэнь Ван Чун-яна). Гонконг: Пэн-Ин сяньгуань 蓬瀛仙館, 2001.

Кубо Норитада, 1967 – *Кубо Норитада* 窪徳忠. Тю:гоку-но сю:кё: кайкаку: дзэн синкё: но сэйрицу 中国の宗教改革: 全真教の成立 (Реформация религии в Китае: Образование учения Цюаньчжэнь). Киото: Ходзюкан 法蔵館, 1967.

Минь Чжи-тин, 1990 – *Минь Чжи-тин* 閔智亭. Даоцзяо ифань 道教儀範 (Даосский ритуал). Пекин: Чжунго даоцзяо сюэюань бяньинь 中國道教學院編印, 1999.

Тан Дай-цзянь, 2000 – *Тан Дай-цзянь* 唐代劍. Ван Чжэ, Цю Чу-цзи пинчжуань 王嘉, 丘处机评传 (Критические биографии Ван Чжэ и Цю Чу-цзи). Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ 南京大学出版社, 2000.

Тан Дай-цзянь, 2001 – *Тан Дай-цзянь* 唐代劍. Ван Чжэ шэнпин шицзи као шу 王喆生平事迹考述 (Исследование жизнеописаний Ван Чжэ с комментариями) // Цзун цзяо сюэ янь цзю 宗教学研究 (Религиоведческие исследования), 2001. № 1. С. 27–36.

Хатия Кунио, 1992 – *Хатия Кунио* 蜂屋邦夫. Киндай до:кё-но кэнкё: :О: Тё:ё: то Ба Танъё 金代道教の研究: 王重陽と馬丹陽 (Исследование даосизма в эпоху Цзинь: Ван Чун-ян и Ма Дань-ян). Токио: Кюко сёин 汲古書院, 1992.

Хатия Кунио, 1998 – *Хатия Кунио* 蜂屋邦夫. Кингэн дзидай-но до:кё: :ситидзин кэнкю: 金元時代の道教: 七真研究 (Даосизм в эпохи Цзинь и Юань: исследование Семи совершенных). Токио: Кюко сёин 汲古書院, 1998.

Хатия Кунио, 2007 – *Хатия Кунио* 蜂屋邦夫. Цзинь дай даоцзяо яньцзю: Ван Чун-ян юй Ма Дань-ян 金代道教研究: 王重陽與馬丹陽 (Исследование даосизма в эпоху Цзинь: Ван Чун-ян и Ма Дань-ян). Пер. Цинь Вэй-гана 欽偉剛. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中國社會科學出版社, 2007.

Цзин Ань-нин, 2012 – *Цзин Ань-нин* 景安寧. Дао цзяо Цюаньчжэнь пай гун гуань, цзаосян юй цзу ши 道教全真派宮觀, 造像與祖師 (Храмы, изображения и патриархи даосской школы Цюаньчжэнь). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2012.

Чжан Гуан-бао, 1993 – *Чжан Гуан-бао* 張廣保. Цзинь Юань Цюаньчжэнь дао нэйдань синьсинлунь яньцзю 金元全真道內丹心性論研究 (Исследование суждений о сердце и внутренней

природе во «внутренней алхимии» учения Цюаньчжэнь в [эпохи] Цзинь и Юань). Тайбэй: Вэньцзинь чубаньшэ 文津出版社, 1993.

Чжан Гуан-бао, 2008 – *Чжан Гуан-бао* 張廣保. Цзинь Юань Цюаньчжэнь цзяо ши синь яньцзю 金元全真教史新研究 (Новое исследование истории учения Цюаньчжэнь в период Цзинь и Юань). Гонконг: Цинсун чубаньшэ 青松出版社, 2008.

Чэнь Бин, 1984 – *Чэнь Бин* 陳兵. Люэлунь Цюаньчжэнь дао дэ сань цзяо хэ и шо 略論全真道的三教合一說 (Краткое обсуждение доктрины «единства трех учений» учения Цюаньчжэнь) // Шицзе цзунцзяо яньцзю 世界宗教研究 (Исследования мировых религий), 1984. № 1. С. 7–21.

Чэнь Мин-гуй, 1975 – *Чэнь Мин-гуй* 陳銘珪. Чан-чунь дао цзяо юаньлю 長春道教源流 (Истоки даосского учения Чан-чуня). Тайбэй: Гуанвэнь шуцзюй 廣文書局, 1975.

Чэнь Хун-мин, 2007 – *Чэнь Хун-мин* 陳宏銘. Цзинь Юань Цюаньчжэнь даоши цы яньцзю 金元全真道士詞研究 (Исследование поэзии даосов школы Цюаньчжэнь [эпох] Цзинь и Юань). В 2 т. Юнхэ: Хуамулань вэньхуа чубаньшэ 花木蘭文化出版社, 2007.

Чэнь Юань, 1941 – *Чэнь Юань* 陳垣. Нань Сун чу Хэбэй синь даоцзяо као 南宋初河北新道教考 (Исследование новых даосских учений провинции Хэбэй в начале [эпохи] Южная Сун). Бэйпин: Фужэнь дасюэ 輔仁大學, 1941.

ГШСЮЛ – *Ли Дао-цян* 李道謙. Ганьшуй сянь юань лу 甘水仙源錄 (Записи о происхождении небожителей-сяней [школы Цюаньчжэнь, начавших свой путь] из Ганьшуй). 10 цз. ЧХДЦ. Т. 47. С. 113–212.

ДЦ – Дао цзан 道藏 (Даосский канон). Папки 1–112. Шанхай: Ханьфэньлоу 涵芬樓, 1923–1926.

ДЯЮЛ – *Ма Юй* 馬鈺. Дань-ян чжэнь жэнь юй лу 丹陽真人語錄 (Записи речей совершенного человека Дань-яна). ЧХДЦ. Т. 26. С. 403–408.

ЛШ – *Чжао Дао-и* 趙道一. Ли-ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь 歷世真仙體道通鑑 (Всепроникающее зеркало совершенных и небожителей-сяней минувших времен, воплотивших Дао-Путь). 53 цз. ЧХДЦ. Т. 47. С. 213–578.

ЛШСБ – *Чжао Дао-и* 趙道一. Ли-ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь суй бянь 歷世真仙體道通鑑續編 (Продолжение «Всепроникающего зеркала совершенных и небожителей-сяней минувших времен, воплотивших Дао-Путь»). 5 цз. ЧХДЦ. Т. 47. С. 579–616.

ЛШХЦ – *Чжао Дао-и* 趙道一. Ли-ши чжэнь сянь ти дао тун цзянь хоу цзи 歷世真仙體道通鑑後集 (Дополнение ко «Всепроникающему зеркалу совершенных и небожителей-сяней минувших времен, воплотивших Дао-Путь»). 6 цз. ЧХДЦ. Т. 47. С. 617–663.

МХТС – *Жэнь Ши-линь* 任士林. Чун-ян Ван чжэнь жэнь минь хуа ту сюй 重陽王真人憫化圖序 (Предисловие к иллюстрациям преобразований совершенного человека Вана [по прозвищу] Чун-ян, совершенных из чувства сострадания). ДЦЦШЛ. С. 717–718.

СФЦХЛ – *И-ла Чу-цай* 移刺楚材. Сюань фэн цин хуэй лу 玄風慶會錄 (Записи торжественных встреч Сокровенного ветра). ЧХДЦ. Т. 47. С. 25–28.

СЦЦ а – *Лю Цзу-цянь* 劉祖謙. Чжуннаньшань Чун-ян цзу ши сянь цзи цзи 終南山重陽祖師仙跡記 (Записи о следах [деяний] небожителя-сяня, патриарха-наставника Чун-яна с гор Чжуннаньшань). ЧХДЦ. Т. 47. С. 117–118.

СЦЦ б – *Лю Цзу-цянь* 劉祖謙. Чжуннаньшань Чун-ян цзу ши сянь цзи цзи 終南山重陽祖師仙迹記 (Записи о следах [деяний] небожителя-сяня, патриарха-наставника Чун-яна с гор Чжуннаньшань). ДЦЦШЛ. С. 460–462; ДЦБВ. URL: <http://www.daobei.info/> 終南山重陽祖師仙迹記/ (дата обращения 1.10.2020).

ТГГЦ – *Юань Хао-вэнь* 元好問. Тайгугуань цзи 太古觀記 (Записи о монастыре Великой древности) 元好問. 太古觀記. ДЦЦШЛ. С. 482–483.

ТСГЦ – *Юань Хао-вэнь* 元好問. Тунсянгуань цзи 通仙觀記 (Записи о монастыре Проникновения к небожителям). ДЦЦШЛ. С. 476–477.

ЦВГЦ – *Юань Хао-вэнь* 元好問. Цзывэйгуань цзи 紫微觀記 (Записи о монастыре Пурпурно-мельчайшего). ДЦЦШЛ. С. 474–475.

ЦЛЧЦСЧ – *Лю Чжи-сюань, Се Си-чань* 劉志玄, 謝西蟾. Цзинь лян чжэн цзун сянь юань сян чжуань 金蓮正宗仙源像傳 (Иллюстрированные жизнеописания, [повествующие] о происхождении небожителей-сяней правильной линии преемства [школы] Золотого лотоса). ЧХДЦ. Т. 47. С. 54–68.

ЦЛЧЦЦ – *Цинь Чжи-ань* 秦志安. Цзинь лян чжэн цзун цзи 金蓮正宗記 (Записи о правильной линии преемства [школы] Золотого лотоса). 5 цз. ЧХДЦ. Т. 47. С. 29–53.

ЦХБЮЮЛ – *Инь Чжи-пин* 尹志平. Цин-хэ чжэнь жэнь бэй ю юй лу 清和真人北游語錄 (Записи речей совершенного человека Цин-хэ [во время] путешествия на Север). 4 цз. ЧХДЦ. Т. 26. С. 725–752.

ЦЧНП – *Ли Дао-цянь* 李道謙. Ци чжэнь нянь пу 七真年譜 (Погодовые хроники Семи совершенных). ЧХДЦ. Т. 47. С. 69–76.

ЦЧЦЦБ а – *Цзинь-юань Шу* 金源璫. Чжуннаньшань шэнь сянь Чун-ян чжэнь жэнь Цюаньчжэнь цзяо цзу бэй 終南山神仙重陽真人全真教祖碑 (Стела патриарху учения Цюаньчжэнь совершенному человеку Чун-яну, божественному небожителю-сяню с гор Чжуннаньшань). ЧХДЦ. Т. 47. С. 114–117.

ЦЧЦЦБ в – *Цзинь-юань Шу* 金源璫. Чжуннаньшань шэнь сянь Чун-ян-цзы Ван чжэнь жэнь Цюаньчжэнь цзяо цзу бэй (Цюаньчжэнь цзяо цзу бэй) 終南山神仙重陽子王真人全真教祖碑 (全真教祖碑) (Стела патриарху учения Цюаньчжэнь совершенному человеку Вану [по прозвищу] Чун-ян-цзы, божественному небожителю-сяню с гор Чжуннаньшань (Стела патриарху учения Цюаньчжэнь)). ДЦЦШЛ. С. 450–454.

ЦЧЦЦБ с – *Цзинь-юань Шу* 金源璫. Цюаньчжэнь цзяо цзу бэй (Стела патриарху учения Цюаньчжэнь) 金源璫. 全真教祖碑. ДЦБВ. URL: <http://www.daobei.info/全真教祖碑/> (дата обращения 1.10.2020).

ЧХДЦ – Чжун хуа Дао цзан 中華道藏 (Китайский «Даосский канон»). В 48 тт., гл. ред. Чжан Цзи-юй 張繼禹. Пекин: Хуася чубаньшэ 华夏出版社, 2004.

ЧЧАЛ – *Юань Хао-вэнь* 元好問. Чанчжэньань лу 長真庵銘 (Записи о ските Долгого совершенства). ДЦЦШЛ. С. 483–484.

ЧЧСЮЦ – *Ли Чжи-чан* 李志常. Чан-чунь чжэнь-жэнь си ю цзи 長春真人西遊記 (Записки о путешествии на Запад совершенного человека Чан-чуня). ЧХДЦ. Т. 47, С. 1–24.

ЧШЮЛ – *Лю Чу-сюань* 劉處玄. У-вэй цин-цзин Чан-шэнь чжэнь жэнь чжи чжэнь юй лу 無為清靜長生真人至真語錄 (Предельно совершенные записи речей совершенного человека Чан-шэна о недеянии, чистоте и покое). ЧХДЦ. Т. 26. С. 546–558.

ЧЯЦЧЦ – *Ван Чжэ* 王嘉. Чун-ян Цюаньчжэнь цзи 重陽全真集 (Собрание [поэтических произведений] Чун-яна о Полном совершенстве). 13 цз. ЧХДЦ. Т. 26. С. 273–358.

ЧЯЦШЧТ – *Чжан Бан-чжи* 張邦直. Чун-ян цзу ши чжи ту 重陽祖師之圖 (Портрет патриарха-наставника Чун-яна). ДЦБВ. URL: <http://www.daobei.info/重陽祖師之圖/> (дата обращения 1.10.2020).

ШГБ – *Ян Тай-чу, Лю Дао-си* 楊太初, 劉道希. Ван Чун-ян ши гэ бэй 王重陽詩歌碑 (Стела со стихотворениями и гимнами Ван Чун-яна). ДЦБВ. URL: <http://www.daobei.info/王重陽詩歌碑/> (дата обращения 1.10.2020).

ШЛДФ – *Цзинь Юнь-чжун* 金允中. Шанцин Линбао да фа 上清靈寶大法 (Главные ритуалы [школ] Высшей чистоты и Духовной драгоценности). 66 цз. ЧХДЦ. Т. 33. С. 167–779.

ДЦБВ – Даоцзяо бэйвэнь цзыляо ку 道教碑文資料庫 (Хранилище материалов с даосских стел). Веб-сайт электронной библиотеки даосских стел. URL: <http://www.daobei.info> (дата обращения 1.10.2020).

ДЦТЯ – Дао цзан ти яо 道藏提要 (Перечень и важнейшее [содержание сочинений] «Даосского канона») / Гл. ред. Жэнь Цзи-юй 任繼愈. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中國社會科學出版社, 1991.

ДЦЦШЛ – Дао цзя цзинь ши люэ 道家金石略 (Даосские надписи на бронзовых [сосудах] и каменных [стелах]) / Сост. Чэнь Юань, Чэнь Чжи-чао, Цзэн Цин-ин 陳垣, 陳智超, 曾慶瑛. Пекин: Вэньу чубаньшэ 文物出版社, 1988.

ЦЮЦЧЦ – Цзинь Юань Цюаньчжэнь цзяо ши кэ синь бянь 金元全真教石刻新编 (Новое издание надписей на каменных [стелах] школы Цюаньчжэнь [эпох] Цзинь и Юань) / Сост. Ван Цзун-юй 王宗昱. Пекин: Пекин дасюэ чубаньшэ 北京大学出版社, 2005.

ЧДДЦ – Чжунхуа даоцзяо да цыдянь 中華道教大辭典 (Большой китайский словарь по даосизму) / Гл. ред. Ху Фу-чэнь 胡孚琛. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中國社會科學出版社, 1995.

ЧДШЖ – Чжунго даоцзяо ши 中國道教史 (История даосизма в Китае) / Гл. ред. Жэнь Цзи-юй 任繼愈. Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ 上海人民出版社, 1990.

ЧДШЦ – Чжунго даоцзяо ши 中國道教史 (История даосизма в Китае): В 4 т. Изд. испр. и дополн. / Гл. ред. Цин Си-тай 卿希泰. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ 四川人民出版社, 1996.

*Irina V. Belaya**

Early Quanzhen Order: Sources and Researches

ABSTRACT: The article is devoted to the history of Quanzhen school of Daoism in the XII-XIV centuries. The paper reviews sources and literature. The comprehensive analysis of the historical sources, hagiographic writings, stele texts, and visual culture (temple murals) make possible the reconstruction of the social history and doctrines of Quanzhen's teaching.

KEYWORDS: Jin and Yuan Dynasties, Daoism, Quanzhen, Sources, Researches

* Belaya Irina Vital'evna, Dr. Hab. (Philosophy), Leading Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), belaya-irina@rambler.ru

Иллюстрации



Рис. 1. Чжан Бан-чжи 張邦直. Портрет патриарха-наставника Чун-яна («Чун-ян цзу ши чжи ту» 重陽祖師之圖) [ЧЯЦШЧТ], 1293 г.

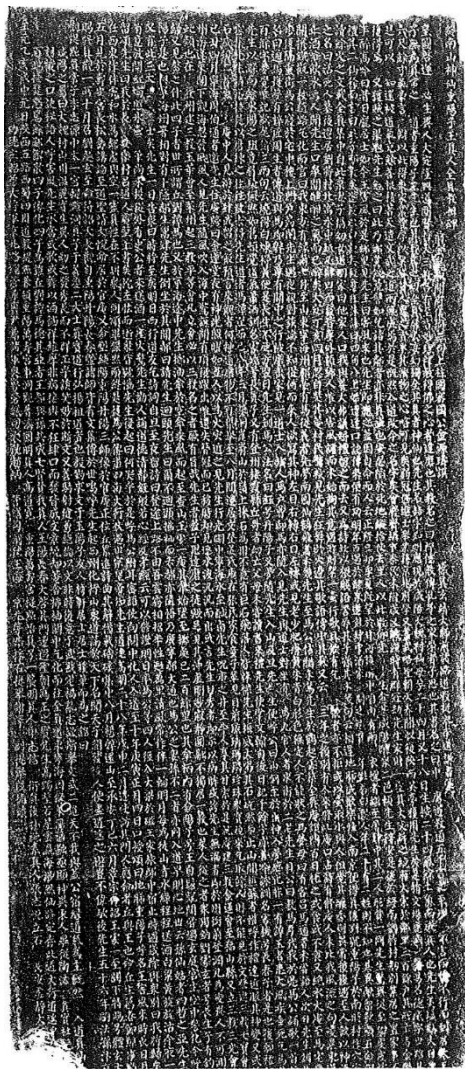


Рис. 2. Вань-янь Шу 完顏璫. Стела патриарху учения Цюаньчжэнь совершенному человеку Вану [по прозвищу] Чун-ян-цзы, божественному небожителю-сяню с гор Чжуннаньшань («Чжуннаньшань шэнь сянь Чун-ян-цзы Ван чжэнь жэнь Цюаньчжэнь цзяо цзу бэй» 終南山神仙重陽子王真人全真教祖碑) [ЦЧЦЦБ b; ЦЧЦЦБ c], 1225 г.



Рис. 3. Лю Цзу-цянь 劉祖謙. Записи о следах [деяний] небожителя-сяня патриарха-наставника Чун-яна с гор Чжуннаньшань («Чжуннаньшань Чун-ян цзу ши сянь цзи цзи» 終南山重陽祖師仙迹記) [СЦЦ Ъ], 1232 г.

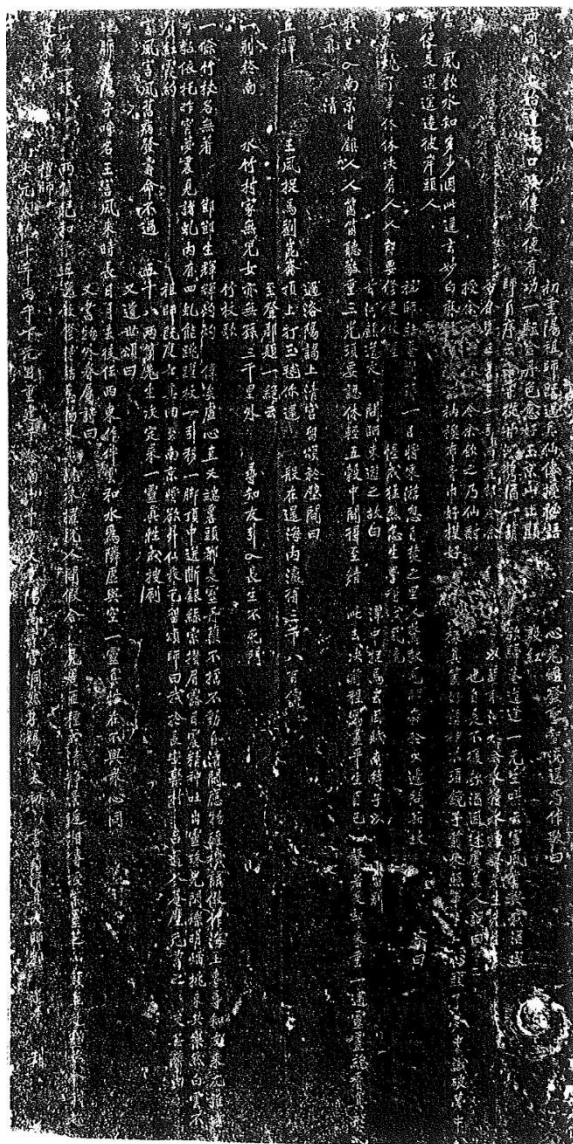


Рис. 4. Ян Тай-чу 楊太初, Лю Дао-си 劉道希. Стела со стихотворениями и гимнами Ван Чун-яна («Ван Чун-ян ши гэ бэй» 王重陽詩歌碑) [ШГБ], 1306 г.

И. С. Колнин*

**О различных изданиях и наименованиях
труда Ван Даюаня, аутентичности источника
и сочинениях с похожими названиями**

АННОТАЦИЯ: Сочинение Ван Даюаня 汪大淵 (1-ая пол. XIV в. – 1350 или позднее) *Дао и чжи люэ* 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров»; ДИЧЛ; 1349/1350 г.) – уникальный памятник о заморских странах времён империи Юань, дошедший до наших дней. Существовали различные издания этого сочинения, которые несколько отличались друг от друга, а также другие работы с похожими названиями. В данной статье предпринята попытка кратко описать и дать характеристику этим изданиям и иным сочинениям, а также выяснить, насколько сведения из ДИЧЛ были новы для эпохи Юань и не были ли они переписаны из предшествующих источников, насколько аутентична нынешняя редакция ДИЧЛ, изданная Су Цзицином.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *Дао и чжи люэ*, *Дао и чжи*, Ван Даюань, историко-географическое описание, Юань

Введение

Дао и чжи люэ 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров»; в дальнейшем ДИЧЛ; 1349/1350 гг.) является единственным известным нам историко-географическим источником эпохи Юань (1279–1368), который целиком посвящён описанию различных географических объектов (стран,

* Колнин Илья Сергеевич, младший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), minmi98@yandex.ru

городов, портов и т. д.) на морских торговых путях Китая. Его автор, Ван Даюань 汪大淵 (первая пол. XIV в. – не ранее 1350), издал своё сочинение после двух крупных мореплаваний, которые он совершил в первой половине XIV в. Первоначально в конце 1349 – начале 1350 гг. его труд был подготовлен в качестве приложения к местной хронике г. Цюаньчжоу – *Цинъюань сюй чжи* 清源續志 («Продолжение описания [области] Цинъюань»; ЦЮСЧ; ок. 1351 г.; область ¹ Цинъюань соответствует современному г. Цюаньчжоу 泉州 в провинции Фуцзянь), после чего Ван Даюань вернулся в г. Наньчан 南昌, место своего рождения, где самостоятельно издал своё произведение ещё раз.

История различных изданий и циркулирования труда Ван Даюаня чрезвычайно сложна и не исследована ни в западной, ни в отечественной науке, поэтому, как нам кажется, этому вопросу, а также критике китайских работ по этой теме стоит посвятить отдельную статью.

Упоминания в каталогах и различные издания *Дао и чжи* и *Дао и чжи люэ*

Первый момент, на который необходимо обратить внимание, – ни в одном предисловии не фигурирует название труда Ван Даюаня, а в авторском предисловии он именует его *Дао и чжи* («Описание островных варваров»), а не *Дао и чжи люэ* («Краткое описание островных варваров»), что привычнее современному читателю. С чем это может быть связано и каково же изначальное название текста?

Ни *Дао и чжи люэ*, ни ЦЮСЧ нет в *Юнлэ да дянь* 永樂大典 («Великий свод [эры правления под девизом] Юнлэ») эпохи Мин (1368–1644). При этом труд Ван Даюаня встречается в других минских каталогах: в *Вэньюаньгэ шуму* 文淵閣書目 («Каталог книг Вэньюаньгэ»; 1441 г.)²; *Баовэньтан шуму* 寶文堂書目 («Каталог книг Баовэньтан») ³, *Цзяньюньлоу шуму* 絳雲樓書目

¹ В данном случае под областью имеется в виду историческое название местности.

² Дословный перевод «Каталог книг павильона Литературной глубины». Составлен Ян Шици 楊士奇 (1365–1444), членом академии Ханьлинь.

³ Дословно «Каталог книг зала Драгоценных письмён». Составлен в середине XVI в. Чао Ли 晁瑬 (1507–1560; получил степень *цзиньши* 進士 (дословно «продвинувшийся учёный») в 1541 г.) и Чао Дунъю 晁東吳 (1531–1554).

(«Каталог книг Цзяньюньлоу»)⁴ и в *Шугутан шуму* 述古堂書目 (Каталог книг Шугутан)⁵, где он фигурирует под названием *Дао и чжи*, причём первый из них – каталог императорского дворца [Су, 2000, с. 12]. Китайский исследователь Ляо Дакэ 廖大珂 в своей статье добавляет к этому списку *Нэйгэ шуму* 內閣書目 («Каталог книг государственной канцелярии») и *Лучжутан шуму* 蓀竹堂書目 («Каталог книг Лучжутан») ⁶, а также отмечает, что в *Шугутан шуму* кроме того указан и автор ДИЧЛ – Ван Хуаньчжан 汪煥章 (имя-цзы 字 Ван Даюаня). *Дао и чжи* и пересказ истории его создания, известные из предисловий и авторского послесловия, также представлены в книге Хэ Цяюаня 何喬遠 (1558–1632) *Минь шу* 閩書 («Книга [местности] Минь»; 1619 г.) [Ляо, 2001, с. 135-136]. Под этим же названием источник упоминается в более поздних минских и цинских географических сочинениях, например, в *Хуаньюй тунчжи* 寰宇通志 («Всеобщее описание опоясывающего пространства»; 1456 г.), *Мин итун чжи* 明一統志 («Воедино сведённое описание [империи] Мин»), *Дун Си ян као* 東西洋考 («Исследование [стран] Восточного и Западного океанов»; 1618 г.) и в *Гуцзинь тушу цзичэн* 古今圖書集成 («Полное собрание древних и современных схем и книг»; XVIII в.).

Название *Дао и чжи люэ* появляется в цинском своде *Сыку цюаньшу* 四庫全書 («Полное [собрание] книг четырёх хранилищ»), где оно записано так же, как в современном устоявшемся виде, в то время как в *Сыку цюаньшу цзунму* (тияо) 四庫全書總目提要 («Аннотации к общему каталогу “Полного [собрания] книг четырёх хранилищ”») и *Сыку цюаньшу цзяньмин мулу* 四庫全書簡明目錄 («Краткая и ясная каталожная запись к “Полному [собранию] книг четырёх хранилищ”») третий иероглиф записан по-другому – *чжи* 志. Вероятно, это просто разнописи иероглифа *чжи* 志/誌, а не разные издания.

Как полагает Су Цицин 蘇繼庠, автор комментированного и аннотированного издания ДИЧЛ, в эпоху Мин не было

⁴ Дословно «Каталог книг терема Багровых облаков». Составлен в середине XVII в. Цянь Цяньи 錢謙益 (1582–1664), известным историком, политиком и поэтом конца эпохи Мин.

⁵ Дословно «Каталог книг зала Изложения древнего». Составлен во второй половине XVII в. Цянь Цзэном 錢曾 (1629–1701), выдающимся библиографом эпохи Цин.

⁶ Дословно «Каталог книг зала Зелёного бамбука». Составлен минским библиографом Е Шэном 叶盛 (1420–1474).

ксилографических изданий *Дао и чжи люэ* помимо того, которое Ван Даюань самостоятельно издал в Наньчане, а в цинское время были только рукописные издания [Су, 2000, с. 12].

Подробный разбор различных изданий сочинения Ван Даюаня приведён в статье современных китайских исследователей Сюн Чэна 熊程 и Ся Жунлиня 夏荣林. Авторы выделяют несколько таких изданий:

1) Приложение к местной хронике ЦЮСЧ. Самая первая редакция труда Ван Даюаня, которая была закончена раньше самого ЦЮСЧ. Сюн и Ся полагают, что Ван оставил копию своей первой рукописной редакции У Цзяню 吴鑒⁷, а сам вернулся в Наньчан с рукописным оригиналом, который использовал для создания последующего ксилографического издания. Сама местная хроника ЦЮСЧ упоминается лишь в *Вэньюаньгэ шуму* под названием *Цюаньчжоу лу Цинъюань чжи* 泉州路清源志 («Описание [области] Цинъюань округа Цюаньчжоу»; 12 томов). Вероятнее всего, ЦЮСЧ было утеряно ближе к концу эпохи Мин, а вместе с ним – и первое издание произведения Ван Даюаня.

2) Юаньское ксилографическое издание, самостоятельно напечатанное Ван Даюанем в Наньчане. Это издание встречалось крайне редко, в нём присутствовало предисловия У Цзяня и Чжан Чжу 張翥 (1287–1368)⁸, а также послесловие Ван Даюаня, отсутствовало предисловие к ЦЮСЧ, из чего можно сделать вывод, что оно вышло раньше ЦЮСЧ.

3) Экземпляр из книжного собрания Юань Бяо 袁表 (XVI в.)⁹, к которому он собственноручно написал послесловие, датированное 1548 г. Юань Бяо критиковал труд Ван Даюаня за отсутствие информации о Японии, которую он добавил в свой экземпляр собственноручно. Следовательно, Юань Бяо не был знаком с его биографией и не знал о том, куда плавал Ван Даюань и что в книгу он заносил лишь те страны, в которых бывал (по крайней мере согласно словам автора). Все последующие издания, в которые было включено послесловие Юань Бяо, восходят к этому экземпляру.

4) ДИЧЛ из *Сыку цюаньшу*. В аннотации к нему говорится, что предисловие У Цзяня к ЦЮСЧ было добавлено сюда по ошибке, из

⁷ Составитель ЦЮСЧ, а также предисловия к нему и к ДИЧЛ.

⁸ Известный литератор и стихотворец эпохи Юань, судя по всему был знаком с Ван Даюанем лично, так как своё предисловие написал специально для второго издания ДИЧЛ.

⁹ Уроженец провинции Фуцзянь, чиновник и литератор эпохи Мин.

чего можно сделать предположение, что юаньское ксилографическое издание (пункт 2) распространялось без этого предисловия. В свою очередь, ДИЧЛ из *Сыку цюаньшу* был переписан с минского рукописного издания, хранившегося в Тяньигэ 天一閣 («Павильон Тяньи») ¹⁰, которое впоследствии было утрачено.

5) Неидентифицированное юаньское издание. В *Цзяньюньлоу шу* значится книга под названием *Дао и чжи* без уточнения, идёт ли речь о ксилографе или манускрипте. После пожара в Цзяньюньлоу эту книгу перевезли в другое хранилище – Шугутан Цянь Цзэна, где этот экземпляр указан как «старая копия [книги] юаньского автора» (*Юань жэнь цзю чао бэнь* 元人舊鈔本). Впоследствии сунские и юаньские книги были перемещены из этого собрания в хранилище Цзинсытан 靜思堂 («зал Безмятежных размышлений») рода Ци 季, однако в нём уже не значится это юаньское издание, вероятно, оно было утеряно.

6) Минское рукописное издание из собрания *Чжи шэндао чжай* 知聖道齋 («Кабинет Познания Святомудрого пути») Пэн Юаньжуя 彭元瑞 (1731–1803). Пэн Юаньжуй был одним из составителей *Сыку цюаньшу*, однако его экземпляр отличается от ДИЧЛ из *Сыку цюаньшу*, то есть и от минского рукописного издания из Тяньигэ. Ныне хранится в Пекинской библиотеке.

7) Рукописное издание из собрания *Чжущутан* 竹書堂 Дин Бина 丁丙 (1832–1899). Переписано с небольшими изменениями из издания в *Сыку цюаньшу*, в конце приложено послесловие Юань Бяо. Ныне хранится в Нанкинской библиотеке.

8) Старое рукописное издание, хранившееся у Ли Вэньтяня 李文田 (1834–1895) и отредактированное им. Утеряно.

9) Объединённое ксилографическое издание *Дао и чжи люэ* и *Нингута цзюлюэ* 寧古塔紀略 («Краткие записки из Нингута») ¹¹ под названием *Чжифучжай цуншу* 知服齋叢書 («Сборник кабинета Познания повинностей»), изданное Лун Фэнбяо 龍鳳鏞 (1867–1909) в Пекине в 1892 г. За основу было взято издание Ли Вэньтяня, схоже с изданием Пэн Юаньжуя, снабжено аннотацией из *Сыку цюаньшу*, всеми предисловиями и послесловием Юань Бяо. Вероятно, второе ксилографическое издание после самостоятельно изданного Ван Даюанем в Наньчане [Сюн, Ся, 2015, с. 77–78].

¹⁰ «Павильон небесного единения». Древнейшая частная библиотека в Китае, основанная в 1561 г. в г. Нинбо, провинция Чжэцзян.

¹¹ Сочинение о местности Нингута (провинция Хэйлунцзян, г. Муданьцзян 牡丹江, уезд Хайлинь 海林), законченное в 1721 г.

В своём комментированном издании ДИЧЛ, вышедшем в 1981 г. и впоследствии переизданном в 2000 г., Су Цзицин взял за основу текст ДИЧЛ из *Сыку цюаньшу*, при этом он использовал издания Пэн Юаньжуя, Дин Бина и Лун Фэнбяо (фактически все дошедшие до нас издания), указывая разнописи и различия в их текстах.

Дао и чжи эпохи Сун

Разобравшись с различными изданиями *Дао и чжи* и *Дао и чжи люэ*, вернёмся к вопросу о наименовании источника. Впервые на эту проблему обратил внимание Ляо Дакэ, до этого было принято считать, что *Дао и чжи* и *Дао и чжи люэ* – одно и то же произведение. Ляо обнаружил в источнике сунского времени упоминание названия трактата *Дао и чжи*. Лю Юэ 劉燾 (1146–1216), уроженец провинции Фуцзянь, в 1172 г. сдавший экзамен на степень *цзиньши* и впоследствии служивший чиновником в местности Минь 閩 (современная провинция Фуцзянь), написал собрание стихов и прозы в 20 *цзюанях* *Юньчжуан цзи* 雲莊集 («Собрание из облачного пристанища»). 5-й *цзюань* этого собрания именуется *Цинъюань вэньцзи сюй* 清源文集序 («Прембула к собранию сочинений [области] Цинъюань»), и в нём в том числе сказано следующее:

清源郡志成于嘉泰之初元... 新安程公來鎮之明年，謂郡從事武陽李君方子曰：此邦號文章之藪而有志無集非闕歟？子其為我輯之。李君既承命... 收拾得詩賦雜文凡七百篇，合為四十卷... 與郡人所編《島夷志》則別為之秩以附焉 [Ляо, 2001, с. 136].

Цинъюань цзюнь чжи было закончено в 1-й год [эры правления под девизом] Цзятай (1201 г.)... На следующий год после того, как синьяньский господин Чэн прибыл поддерживать [порядок] в эту [область]¹², обратились к *цунши*¹³ [из этого округа], уянцу¹⁴ господину Ли Фанцзы: «[Неофициальное] название этой страны (Цинъюань. – И. К.)

¹² Синьянь 新安 – уезд городского округа Лоян 洛陽 в провинции Хэнань. Под господином Чэном, вероятно, подразумевается Чэн Чжо 程卓 (вторая половина XII в. – 1223), чиновник времён Южной Сун, который в том числе был управляющим Цюаньчжоу в 1210–1220-х гг. Ляо Дакэ соотнёс это событие с 9-м годом эры правления под девизом Цзядин 嘉定九年 (1216 г.) [Ляо, 2001, с. 136].

¹³ *Цунши* 從事 – помощник цензора, делопроизводитель.

¹⁴ Посёлок Уян 武陽 в уезде Наньчан, провинция Цзянси.

– “Угодья Литературных Шедевров”, и [то, что у неё] есть описание, [но] нет собрания, – разве не упущение? Вы, учитель, их для нас соберите». Господин Ли принял приказ... получил, собрал и обрёл стихи, оды и различные записи, всего 700 *пяней*¹⁵, объединил их в 40 *цзюаней*... и для сочинённого человеком из [этого] округа *Дао и чжи* таким образом отдельно [осуществили] упорядочение, дабы приложить [к описанию].

Из этого фрагмента можно сделать вывод, что после написания *Цинъюань цзюньчжи* (1201 г.) в 1216 г. поступил приказ дополнить местную хронику собранием местных литературных произведений, в связи с чем были найдены и отобраны различные стихи и заметки. Помимо прочего, к обновлённому варианту хроники было приложено некое сочинение под названием *Дао и чжи*, написанное местным уроженцем, скорее всего в эпоху правления Цзядин 嘉定 (1208-1224), т. е. между 1208 и 1216 гг. Нам неизвестно, каково было содержание этого *Дао и чжи*, но кажется вероятным, что оно также было связано с заморскими странами.

Как следует из предисловия к ЦЮСЧ, к моменту составления ЦЮСЧ и написания ДИЧЛ *Цинъюань цзюньчжи* уже было утеряно. Однако, как полагает Ляо Дакэ, анонимное сунское *Дао и чжи* могло сохраниться в виде отдельного издания и быть использовано Ван Даюанем для составления нового сочинения на основе предыдущего с соответствующими правками и дополнениями из лично увиденного Ваном и по аналогии точно так же приложенного к ЦЮСЧ. Именно поэтому Ван напрямую не указал своё авторство в своём послесловии, а сочинение оставил под названием *Дао и чжи*, затем, вернувшись в Наньчан, провёл вторую редакцию сочинения, вычеркнул ненужные сведения и озаглавил его *Дао и чжи люэ*. Ляо Дакэ идёт дальше и выдвигает предположение, что «старое описание пяти лет»¹⁶ на самом деле указывает на сунское *Дао и чжи*, а точнее на *Цинъюань цзюнь чжи*, которое, возможно, было окончено на 5-й год правления под девизом Цинъюань 慶元五年 – 1201 г.

Ещё один интересный момент, который не отмечали предыдущие авторы – в *Вэньюаньгэ шуму*, законченном в 1441 г.,

¹⁵ В данном случае под словом *пянь* 篇 подразумеваются отдельные произведения, сочинения, каждое из которых составляло одну главу.

¹⁶ По поводу выражения «старое описание пяти лет», а также биографии Ван Даюаня, предисловий и послесловия ДИЧЛ см. статью [Колнин, 2021].

числились три местных хроники области Цинъюань: *Цюаньчжоу лу Цинъюань чжи*, 12 томов (цэ 冊); *Цинъюань чжи*, 6 томов; *Цинъюань чжи*, 4 тома, а также *Дао и чжи*, 1 том, которое, как считает Ляо Дакэ, – сунское анонимное *Дао и чжи*. Каталог хранился в Нанкине вплоть до 1421 г., затем его перевезли в новую столицу – Пекин, таким образом, согласно Ляо Дакэ, в своём предисловии Ма Хуань 馬歡 (ок. 1380–1460), переводчик с арабского и персидского и один из сопровождавших адмирала Чжэн Хэ в его плаваниях, имел в виду именно сунское *Дао и чжи* [Ляо, 2001, с. 137–138]. С другой стороны, если в императорском каталоге значились все три местных хроники, непонятно, почему из последней должно было пропасть приложенное *Дао и чжи*. В противном случае логичнее всего было пользоваться именно этой последней хроникой, а следовательно и приложенным к ней *Дао и чжи* Ван Даюаня. Поэтому довод Ляо Дакэ о том, что Ма Хуань читал именно сунское сочинение *Дао и чжи* кажется нам слабо аргументированным и необидительным.

Издание, первоначально упоминавшееся в *Цзяньюньлоу шуму*, Ляо Дакэ также считает сунским *Дао и чжи*. По его мнению, Цянь Цзэн просто не знал историю написания и передачи этих источников, поэтому атрибутировал его эпохой Юань и посчитал, что это то же самое, что и *Дао и чжи* Ван Даюаня.

Далее Ляо Дакэ приводит фрагменты из *Хуаньюй тунчжи* и *Мин итун чжи*, которые, по его мнению, были заимствованы именно из *Дао и чжи*, а не *Дао и чжи люэ*. Так, фрагменты, содержащиеся в *Дао и чжи люэ* в главах про Сянь 暹 (Сиам) и Лоху 羅斛 (средневековое государство Лаво на территории современного Таиланда) скомпилированы в *Хуаньюй тунчжи* и *Мин итун чжи* в главе про Сяньло 暹羅 (Сиам), глава про Лаво в них отсутствует. Кроме того, в *Дао и чжи люэ* содержится уже устаревшая информация: в нём присутствуют две главы: *Саньфоци* 三佛齊 (Шривиджая¹⁷) и *Цзюган* 舊港 (г. Палембанг на о. Суматра), в то время как в эпоху Юань Шривиджайская империя уже фактически прекратила своё существование, следовательно, Ван Даюань переписал описание Шривиджай из более ранних источников, а Палембанг описал из личных наблюдений [Ляо, 2001, с. 138–141].

¹⁷ Империя, существовавшая приблизительно в VII–XIV вв. на территории о. Суматра. В период расцвета в X–XI вв. распространила своё влияние на о. Ява и южную оконечность Малаккского полуострова.

Можно предположить, что часть материалов действительно была переписана из более ранних источников (скорее всего, по большей части сунских), несмотря на заверения Ван Даюаня и авторов предисловий о том, что в книге зафиксировано лишь лично увиденное и услышанное. Это была обычная практика для китайских источников, в том числе историко-географических трактатов. Однако у нас нет оснований утверждать, что большая часть материала была переписана из сунского анонимного *Дао и чжи*, мы лишь знаем, что такое сочинение существовало и было приложено к хронике области Цинъюань. Это делает вероятность его последующего использования Ван Даюанем (особенно учитывая схожесть их названий) очень высокой, но насколько много информации было заимствовано – узнать невозможно. Так или иначе, *Дао и чжи люэ* можно назвать в основном самостоятельным сочинением, вобравшим в себя много новой информации, актуальной именно для юаньской эпохи: например, указание стоимости местной валюты в бумажных деньгах, использовавшихся в эру правления Чжунтун 中統 (1260–1264)¹⁸; упоминание того, что Сиам покорился Лаво в 1349 г.; описание монгольских экспедиций на Яву; проблемы в торговле с Цзяочжи 交趾 (Северо-Центральный Вьетнам; в сунских источниках об этом ничего не говорится) и многие другие факты, которые ясно говорят о том, что если и использовался текст сунского *Дао и чжи*, то он подвергся полномасштабной правке и редакции, было добавлено множество новой информации, а также личные наблюдения Ван Даюаня.

Кроме того, отдельные главы более чем наполовину (а иногда почти целиком) состоят из описаний исторических событий, произошедших в эпоху Юань, и связанных с ними современных реалий. Так, в главе 58 *Гоуланьшань* 勾欄山 (небольшой о. Гелам недалеко от о. Ява, Индонезия) рассказывается о неудачном монгольском походе на Яву и затонувших возле этого острова судах, а также об экипажах этих кораблей, члены которых были вынуждены обосноваться на этом острове, постепенно «смешались» с местными жителями и ныне живут среди них. Ранее, насколько известно, остров Гелам никогда не описывался в китайских источниках, в *Дао и чжи люэ* представлено его первое

¹⁸ В 1275 г. произошло возвращение к использованию бронзовых монет в качестве официальной валюты. Это наталкивает на мысль, что либо в частной торговле в середине XIV в. продолжали пользоваться бумажными деньгами, либо Ван Даюань заимствовал обменные курсы из официальных документов.

дошедшее до нас описание. На этот сюжет отведено 78 иероглифов из 135 иероглифов во всей главе (ок. 57,7%).

Второй пример ещё более показателен. В главе *Малуцзянь* 馬魯澗 (г. Мераге, Иран; столица империи Хулагуидов) по сути представлено описание улуса Хулагуидов¹⁹. После краткого описания географического положения страны, а также упоминания того, что в этой стране разводят лошадей, вся остальная глава посвящена повествованию о том, как Хулагу покорил эту страну и ввёл здесь новые порядки. Описание реалий, которые напрямую не связаны с основанием империи Хулагуидов, и установленных после этого норм составляет лишь 36 иероглифов из 147 иероглифов в главе (ок. 24,5%). Ранее топоним Малуцзянь также не фигурировал в китайских источниках.

Конечно, как минимум эти две главы, скорее всего, не входили в сунское сочинение *Дао и чжи*, ведь большая часть их содержания не относится к эпохе Сун, следовательно, как минимум макроструктура (главы-описания географических объектов) сунского *Дао и чжи* и труда Ван Даюаня отличались друг от друга. Стало быть, в задачи Ван Даюаня входили по крайней мере не только дополнения к главам сунского памятника.

Помимо этого, как нам кажется, есть и основания полагать, что текст сунского *Дао и чжи* уже мог быть утерян и недоступен Ван Даюаню во время работы над своим сочинением. На это указывает то обстоятельство, что описания иноземных стран к югу от Китая из официальной истории *Сун ши* 宋史 («История [империи] Сун»), написанной при Юань, и сунской энциклопедии *Шилинь гуанцзи* 事林廣記 («Пространные заметки о лесе дел»; первоначально написана сунским чиновником Чэнь Юаньцзином 陳元靚 в XIII в.) во многом взяты из другого сунского сочинения о заморских странах *Чжу фань чжи* 諸蕃志 («Описание всех иноземцев»; 1225 г.), а в случае с наиболее удалёнными от Китая странами переписаны почти дословно. К этому также следует добавить, что сочинение под названием *Дао и чжи* не фигурирует ни в одном каталоге сунского времени. Можно сделать предположение, что либо сунское *Дао и чжи* по своей информативности уступало *Чжу фань чжи*, либо оно было

¹⁹ Государство, созданное в 1256 г. на территории современных Ирана, Azerbaijan, Армении, частично – Пакистана, Афганистана, Туркменистана, Ирака, Сирии и Турции в ходе завоевательных походов внука Чингисхана Хулагу (1217–1265) и просуществовавшее до 1335 г.

утеряно ещё в конце эпохи Сун (или как минимум было неизвестно составителям этих каталогов и других источников).

Интересно отметить, что существовало и ещё одно сочинение с похожим названием. Немецкий учёный Р. Птак обратил внимание на то, что в некоторых изданиях сунской энциклопедии *Шилинь гуанцзи цзюань*, посвящённый заморским странам, именуется *Дао и цза чжи* 島夷雜誌 («Различные описания островных варваров»), а сокращённо мог также именоваться *Дао и чжи*. *Цзюань* об иноземных странах во всех изданиях *Шилинь гуанцзи* в своём содержании сильно отличается от *Дао и чжи люэ*, тем не менее схожесть их названий, конечно, усиливает путаницу [Ptak, 2016 a, p. 54-55]. Как писал отечественный специалист по связям Китая с Африкой в древности и средневековье В. А. Вельгус (1922-1980), название *Дао и цза чжи* эта глава носит и в самом раннем из дошедших до нас изданий 1325 г. [Вельгус, 1978, с. 178]. Из этого можно сделать вывод, что именно таковым было первоначальное название этой главы, а в последующих изданиях ей присвоили более общее собирательное название *Фанго лэй* 方國類 («Государства [всех] стран света, [сгруппированные по] разделам») – в том числе, возможно, чтобы избежать путаницы названий. Судя по более поздним изданиям *Шилинь гуанцзи* с главой *Фанго лэй*, помимо изменения названия раздела было также изменено и расширено его содержание, добавлены описания других стран.

Р. Птак считает, что имя Ван Даюаня как автора *Дао и чжи* не упомянуто у Хэ Цяюаня и в других каталогах, потому что он был всего лишь составителем одного небольшого раздела в крупной местной хронике. Также им была высказана идея, что в авторском предисловии к *Ин я шэн лань* 瀛涯勝覽 («Пленительные виды морских краёв»; 1433 г.) Ма Хуаня могла иметься в виду глава *Дао и цза чжи* из *Шилинь гуанцзи* [Ptak, 2016 b, p. 211-212]. Приводим соответствующий фрагмент в нашем переводе:

余昔觀《島夷誌》，載天時、氣候之別，地理、人物之異，慨然歎：普天之下何若是之不同耶？……然後知《島夷誌》之所著不誣，而尤有大可奇詫者焉 [Фэн, 1955, с. 1].

Я некогда читал книгу *Дао и чжи*, [в которую] была внесена [информация] о различиях в погоде и климате, инаковостях устройства земли и людей. [Я] воодушевлённо вздохнул [в восхищении]: «Повсюду под небом каким образом может быть подобная несхожесть?» ... После этого (после плаваний в составе экспедиций Чжэн Хэ. – И. К.) я

узнал, что написанное в *Дао и чжи* не обман и в гораздо большей степени существует то, чему весьма можно удивиться и поразиться.

Второе предположение Р. Птака о том, что под *Дао и чжи* у Ма Хуаня имеется в виду глава *Дао и цза чжи* из *Шилинь гуанцзи*, кажется нам маловероятным: в главе *Дао и цза чжи* описано меньше стран к югу от Китая, при этом присутствуют описания стран и племён к северу от Китая, которые для Ма Хуаня и экспедиций Чжэн Хэ были явно неактуальны. Скорее всего Ма Хуань читал версию *Дао и чжи* из ЦЮСЧ.

Таким образом, мы считаем вероятным, что все (или почти все) ссылки на *Дао и чжи* и *Дао и чжи люэ* в различных китайских сочинениях эпохи Мин и позднее относятся именно к юаньскому труду кисти Ван Даюаня. Сунское сочинение *Дао и чжи* (или же некий текст, охарактеризованный как «сочинение об описании островных варваров»), конечно, существовало, однако, кажется, не оказало серьёзного влияния на другие произведения схожей тематики и, более того, возможно, было утеряно ещё в конце эпохи Сун. ДИЧЛ, напротив, было известным и авторитетным трудом, который часто цитировали или на который ссылались последующие авторы.

Источники и литература

1. Вельгус, 1978 – *Вельгус В. А.* Известия о странах и народах Африки и морские связи в бассейнах Тихого и Индийского океанов (Китайские источники ранее XI в.). М.: ГРВЛ «Наука», 1978.

2. Колнин, 2021 – *Колнин И. С.* Биография Ван Даюаня 汪大淵 по данным паратекста *Дао и чжи люэ* 島夷誌略 («Краткое описание островных варваров»; 1349/1350) и иным источникам // *Orientalistica*. Том 4. № 1. 2021 (в печати).

3. Ptak, 2016 a – *Ptak R.* The Sea Route Between Taiwan and the Philippines in Chinese Texts (c. 1100–1600): New Questions Related to an Old Theme // *Journal of Asian History*. Vol. 50. № 1. 2016. P. 47–71.

4. Ptak, 2016 b – *Ptak, R.* Die Penghu-Inseln während der Song-Epoche. Notizen zum ‚Song zhi-Fragment‘ im Min shu und zu Anderen Quellen // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Vol. 166. № 1. 2016. P. 195–218.

5. Ляо Дакэ, 2001 – *Ляо Дакэ* 廖大珂. *Дао и чжи* фэй Ван Даюань чжуань *Дао и чжи люэ* бянь 《岛夷志》非汪大渊撰《岛夷志略》辨 («Дао и чжи» – не составленное Ван Даюанем *Дао и*

чжи люэ: выяснение) // Чжунго ши яньцзю 中国史研究 (Исследования китайской истории). 2001. № 4. С. 135–140.

6. Су Цзицин, 2000 – Су Цзицин 蘇繼廌. *Дао и чжи люэ* цзяоши 島夷誌略校釋 (*Дао и чжи люэ* со сверкой и пояснениями). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 2000.

7. Сюн Чэн, Ся Жунлинь, 2015 – Сюн Чэн 熊程, Ся Жунлинь 夏荣林. *Дао и чжи люэ* баньбэнь шулюэ 《島夷志略》版本述略 (Краткое описание изданий *Дао и чжи люэ*) // Муданьцзян шифань сюэюань сюэбао 牡丹江师范学院学报 (Вестник Муданьцзянского педагогического университета). 2015. № 1. С. 76–79.

8. Фэн Чэнцзюнь, 1955 – Фэн Чэнцзюнь 馮承鈞. *Ин я шэн лань* цзяочжу 瀛涯勝覽校注 (*Ин я шэн лань* со сверкой и примечаниями). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中華書局, 1955.

*Ilia S. Kolnin**

**Different Editions and Names
of Wang Dayuan's Treatise,
Authenticity of the Source
and Other Works with Similar Titles**

ABSTRACT: Wang Dayuan's treatise *Daoyi zhilüe* («A Brief Account of Island Barbarians»; 1349/1350) is a unique source on foreign countries during the Yuan dynasty (1279-1368) which survived up to the present day. Various editions of this sources, slightly different from one another, used to exist along with other works with similar titles. This article attempts to briefly describe and characterize these editions together with other sources, to determine the authenticity of the present edition of DYZL, and to explore if the information from DYZL was genuinely new during the Yuan dynasty and if it was copied from earlier sources.

KEYWORDS: *Daoyi zhilüe*, *Daoyi zhi*, Wang Dayuan, Historical-Geographical Description, Yuan Dynasty

* Kolnin Ilia Sergeevich, Junior Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), minmi98@yandex.ru

*Н. В. Руденко**

Своенравная дорога до тунчжоуского острога: жизненный путь Ли Чжи

АННОТАЦИЯ: Статья представляет собой краткую биографию минского философа Ли Чжи 李贄 (1527–1602) и призвана отразить главные вехи его жизненного и карьерного пути, а также в общих чертах установить круг общения мыслителя, места его пребывания и мотивы судьбоносных поступков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ли Чжи, Мин, китайская философия, неоконфуцианство, Тайчжоуская школа

Изложенная ниже биография мятежного философа Ли Чжи 李贄 (1527–1602), переводы трёх эссе которого включены в настоящий сборник, призвана расширить и дополнить существующее в отечественной синологии представление о главных вехах его жизненного пути, в общих чертах описанного ранее А. И. Кобзевым [Кобзев 2002, с. 390–397] и Д. Н. Воскресенским [Воскресенский 2006, с. 256–259]. Основным источником послужила погодичная биография Ли Чжи, составленная Ли Жуй-ляном 李瑞良 и вошедшая в 26-томное собрание его сочинений [Чжан 2010 d, с. 413–488], кроме того, были использованы данные из биографий Ли Чжи, написанных современными исследователями Сюй Су-минем 许苏民 [Сюй 2006] и Сюй Цзянь-пином 许建平 [Сюй 2004].

Ли Чжи родился в уезде Цзиньцзян 晉江 префектуры Цюаньчжоу 泉州 провинции Фуцзянь 26-го числа десятого месяца шестого года периода Цзя-цзин¹, что соответствует 19 ноября

* Руденко Николай Владимирович, к. филос. н., научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), nikolay_rudenko@mail.ru

© Руденко Н. В., 2021; © ФГБУН ИВ РАН, 2021

¹ Цзя-цзин 嘉靖 (1522–1566, букв. «Отрадное умиротворение») – девиз правления императора Чжу Хоу-цуня 朱厚熜 (храмовое имя Ши-цзун 世宗, правил в 1521–1567 гг.).

1527 г.² по григорианскому календарю. Изначально его фамильный знак был Линь 林, а имя (мин 名) – Цзай-чжи 載贄³, однако вскоре после получения первой ученой степени, не позднее 1552 г.,

² Стоит отметить, что в ряде источников-родословных в качестве даты рождения указывается пятый год правления под девизом Цзя-цзин (в этом случае корректной датой будет 30 ноября 1526 г.), однако сам Ли Чжи указывал шестой год, а его знакомые и друзья свидетельствовали о том, что философ умер в возрасте 76 лет, что также является аргументом в пользу 19 ноября 1527 г. (поскольку в традиционном Китае возраст считался по количеству пережитых календарных лет, т. е. человек, появившись на свет, уже считался однолетним) [Чжан 2010 d, с. 419].

³ Выражение *цзай-чжи* 載贄/質 («нести дары») восходит к каноническому «[Трактату] Учителя Мэна» («Мэн-цзы» 孟子), где в главе «“Тэн-ский князь Вэнь-гун”», [часть] нижняя» («Тэн Вэнь-гун ся» 滕文公下) приведён следующий диалог: «Чжоу Сяо, вопрошая, сказал: “Древние благородные мужи служили?” Учитель Мэн сказал: “Служили. Предание гласит: [Когда] Учитель Кун три месяца был без государя, то [выглядел] будто потерянный, а выезжая за границу [княжества], непременно нёс [с собой] дары”» 周霄問曰: “古之君子仕乎?” 孟子曰: “仕。傳曰: ‘孔子三月無君, 則皇皇如也, 出疆必載質。’” [Вань и Лань 2007, с. 126] (пер. И. И. Семененко с незначительными изменениями [Мэнцзы в новом переводе... 2016, с. 407]).

Крупнейший сунский конфуцианец Чжу Си 朱熹 (1130–1200) в «Четверокнижии» с [разбивкой на] статьи и фразы и сводными примечаниями» («Сы-шу чжан-цзюй цзи-чжу» 四書章句集注) так прокомментировал вышеизложенный фрагмент: «“Дары-чжи 質” – одинаково с чжи 贄, ниже – одинаково. “Чжоу Сяо” – человек из [княжества] Вэй. “Без государя” – [так] названа [ситуация, когда] не удалось [найти возможность для] службы и служить государю. “Потерянный” – смысл [выражения в том, что] как будто имеется [то, чего] ищешь, но [это] не удаётся. “Выезжая за границу” – [так] названа [ситуация, когда] теряют место [при дворе] и покидают княжество. “Дары” – то, что держат [при себе], чтобы увидеться с [другими] людьми, например [если] служилый – то держит [при себе] фазана. Тот, кто, выезжая за границу, несёт это, собирается воспользоваться [этим], чтобы увидеться с государем княжества, куда [он] направляется, и послужить ему» 質與贄同, 下同。周霄, 魏人。無君, 謂不得仕而事君也。皇皇, 如有求而弗得之意。出疆, 謂失位而去國也。質, 所執以見人者, 如士則執雉也。出疆載之者, 將以見所適國之君而事之也。 [Чжу 1983, с. 266] (пер. И. И. Семененко с незначительными изменениями, ср. [Мэнцзы в новом переводе... 2016, с. 409]).

Таким образом, вероятно, имя Цзай-чжи стоит считать своеобразным пожеланием достижения успеха в карьере чиновника (поскольку принесение даров было необходимым для поступления на государеву службу), что, как мы увидим далее, вполне соответствовало надеждам отца Ли Чжи.

он сменил фамилию на Ли⁴, а позже в 1566 г. на императорский престол вступил император Чжу Цзай-хоу (朱載堉, 1537–1572, девиз правления Лун-цин 隆慶), и философу пришлось отказаться и от табуированного иероглифа *цзай*. Величание (*цзы* 字) Ли Чжи – Хун-фу 宏甫, из прозваний (*хао* 號) он чаще всего использовал Чжо-у 卓吾 (Выдающийся Я), среди иных – Вэнь-лин Цзюй-ши 溫陵居士 (Пребывающий [на Покое] Муж с Теплых Курганов)⁵, Бай-цюань Цзюй-ши 百泉居士 (Пребывающий [на Покое] Муж из [местности] Сотен Источников)⁶, Чжан-чжэ 長者 (Старшой), Сы-чжай 思齋 Тоскующий по [Бай-]чжаю⁷, а также Чжо-у Лао-цзы 卓吾老子 (Старец-Учитель Выдающийся Я).

Род Линь исконно занимался морской торговлей и обеднел, вероятнее всего, вследствие введения «морского запрета» в 1371 г., который со временем соблюдался все жёстче и, по сути, поставил данный род деятельности вне закона. Отец философа Ли, имя которого остается неустановленным (известно лишь величание Чжун-сю 鍾秀 и упоминавшееся выше прозвание Бай-чжай), был уже не торговцем, а частным учителем, он же впервые и познакомил сына с конфуцианскими канонами, когда тому исполнилось семь лет. Мать Ли Чжи, урожденная Сюй (Сюй-ши 徐氏), скончалась, когда ему было шесть-семь лет, после чего отец взял в жены урожденную Дун (Дун-ши 董氏), кроме того, Ли Чжи имел семь младших братьев и сестер. Также стоит упомянуть дядю философа Ли Тин-гюя 李廷桂 (величание Чжун-ци 鍾氣, прозвание Чжан-тянь 章田), который, по свидетельству родственника Ли Чжи Линь Ци-цяя 林奇材, разбогател на продаже земли⁸

⁴ Как полагает А. И. Кобзев, солидаризируясь с Ж. Ф. Биллетером, это было инициировано отцом Ли Чжи ради «открытия дороги к чиновничьей карьере и смене социального статуса, что и ознаменовалось отказом от фамилии, ассоциировавшейся с торговлей и инородной идеологией» [Кобзев 2002, с. 391]. Об инородном элементе родословной Линей будет сказано ниже. Информации о конкретной дате смены фамилии автору статьи пока обнаружить не удалось.

⁵ Псевдоним связан с местом рождения – префектурой Цюаньчжоу, известной также как Вэньлин 溫陵 (букв. Теплые Курганы).

⁶ Псевдоним связан с первым местом службы – уездом Хуй 輝, известным также как Байцюань 百泉 (букв. Сотни Источников).

⁷ Бай-чжай 白齋 (букв. Белый кабинет) – прозвание отца Ли Чжи, человека, судя по его роду деятельности, достаточно образованного.

⁸ В связи с чем можно предположить, что его прозвание означает «видные поля».

и строительных работах и оказывал значительную материальную поддержку семье [Чжан 2010 d, с. 420].

Цюаньчжоу был одним из крупнейших торговых портов своего времени, и в родословной мыслителя не обошлось без иноземной крови: предок Ли Чжи по имени Линь Ну 林鷺, крупный торговец, в 1376 г. совершил плавание до острова Ормуз, принял ислам, взял в жены местную женщину и вернулся с ней обратно в Китай. Трудно сказать, насколько прочно мусульманские традиции вошли в жизнь представителей рода Линь, но в целом ко времени Ли Чжи данный инокультурный компонент уже не играл в семье сколько-нибудь значительной роли, никаких прямых либо косвенных упоминаний ислама не обнаруживается и в произведениях Ли Чжи. Тем не менее соответствующие вопросы до сих пор сохраняют научную актуальность: так, Сюй Цзянь-пин 许建平 предпринял оригинальную попытку связать именно с мусульманскими устоями любовь философа к чистоте, а гипертрофированный скептицизм – с запретом поклонения идолам [Сюй 2005, с. 26–27]. Определенные мусульманские черты усматриваются некоторыми исследователями и в ритуале захоронения, который описал Ли Чжи в своем завещании («Оставленное слово учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн и-янь» 李卓吾先生遺言) [Чжан 2010 с, с. 314], перевод Д. Н. Воскресенского см. [Воскресенский 2006, с. 262], подробнее о данной проблеме см. [Чэнь и Ван 2014]).

Свое дебютное эссе – «Суждения о старом земледельце и старом огороднике» («Лао-нун лао-пу лунь» 老農老圃論) – Ли Чжи написал в 12-летнем возрасте, высказав мнение, что в знаменитом эпизоде⁹ из «Обсужденных речей» («Лунь-юй» 論語) Конфуций

⁹ Глава «Цзы-Лу» (子路), 4-й фрагмент: «Фань Чи попросил научить [его] засеванию. Учитель [Конфуций] сказал: “[В этом] я уступаю старому земледельцу”. [Фань Чи] попросил научить его огородничеству. [Учитель] сказал: “[В этом] я уступаю старому огороднику”. Фань Чи вышел, и Учитель сказал: “[Кто] мелкий человек, [так] это Фань Сюй! Верхи любят благопристойность – значит, в народе не будет никого, кто бы осмелился не [выказать] уважение. Верхи любят долг – значит, в народе не будет никого, кто бы осмелился не подчиниться. Верхи любят благонадежность – значит, в народе не будет никого, кто бы осмелился не применить [собственные] свойства. Будет подобно этому – тогда народ со [всех] четырех сторон запеленает и взвалит на спину своих сыновей и придет! Разве понадобится [тогда самим] засеять?»» 樊遲請學稼，子曰：“吾不如老農”。請學為圃。曰：“吾不如老圃”。樊遲出，子曰：“小人哉，樊須也！上好禮，則民莫敢不敬；上好義，則民莫敢不服；上好信，則民莫敢不用情。夫如

обругал Фань Чи из-за раздражения, а источник этого раздражения – другой учитель, указавший на пробелы в образовании последователей Куна, «пожилой человек с посохом и корзинами на плечах»¹⁰. В 16 лет будущий философ пошел в префектурное училище (*фу-сюэ* 府學), в 21 год женился на 15-летней урожденной Хуан (Хуан-ши 黃氏), семью которой он позже описывал как образованную и зажиточную. О жизни Ли Чжи в возрасте 20–26 лет в целом известно крайне мало, сам он писал, что в то время «скитался по четырем сторонам света в поисках пропитания» (*ху-коу сы-фан* 糊口四方) [Чжан 2010 с, с. 124]. Время получения им первой ученой степени *сю-цзя* 秀才 (букв. «цветущего таланта») также остается неустановленным, экзамен же на степень *цзюй-жэня* 舉人 (букв. «возвысившегося человека») будущий философ выдержал в 1552 г. В 1554 г. у него родилась дочь (все дети Ли Чжи, кроме нее, умерли в раннем возрасте).

Из-за необходимости обеспечивать семью Ли принял решение не участвовать в экзаменах на высшую степень *цзинь-ши* 進士 (букв. «продвинутого мужа») и без промедления начать карьеру чиновника. Ожидание вакансии тем не менее растянулось примерно на три года – лишь в 1555 г. он получил назначение на должность уполномоченного по делам просвещения (*цзяо-юй* 教諭) в далеком уезде Хуй 輝 префектуры Вэйхуй 衛輝 провинции

是，則四方之民襁負其子而至矣，焉用稼？” [Чжан 2006, с. 188]. Ср. пер. Л. С. Переломова [Конфуцианское «Четверокнижие» 2004, с. 204–205].

¹⁰ Глава «Учитель Вэй» («Вэй-цзы» 微子), 7-й фрагмент: «Цзы-Лу следовал [за Учителем Конфуцием] и отстал. Встретил пожилого человека, который с помощью посоха нёс на плечах корзины. Цзы-Лу, спрашивая, сказал: “Вы видели Мужа-Учителя [моего]?” Пожилой человек сказал: “Четырьмя [членами] тела не двигаешь, пяти [видов] злаков не разделяешь – что же это за Муж-Учитель [у тебя]!” Воткнул свой посох [в землю] и [принялся] полоть. Цзы-Лу, [почтительно] сложив руки на груди, стоял. [Человек] оставил Цзы-Лу на ночлег: убил курицу, приготовил просо и накормил его, объявились [и] двое его сыновей. На следующий день Цзы-Лу двинулся [в путь], дабы сообщить [Конфуцию о произошедшем]. Учитель сказал: “Это отшельник”. Послал Цзы-Лу повторно свидеться с ним. Когда [Цзы-Лу] добрался [до прежнего места], [тот] уже двинулся [оттуда в путь]» 子路從而後，遇丈人，以杖荷蓀。子路問曰：“子見夫子乎？”丈人曰：“四體不勤，五穀不分。孰為夫子？”植其杖而芸。子路拱而立。止子路宿，殺雞為黍而食之，見其二子焉。明日，子路行以告。子曰：“隱者也。”使子路反見之。至則行矣 [Чжан 2006, с. 284]. Ср. пер. Л. С. Переломова [Конфуцианское «Четверокнижие» 2004, с. 230].

Хэнань. Увы, дорога к месту долгожданной службы омрачилась смертью новорожденного сына Ли Чжи. В уезде Хуй философ прослужил до 1560 г., после чего был приглашён в Нанкин на должность «мужа обширных [знаний]» (*бо-ши* 博士) в нанкинский Надзор за сыновьями государства¹¹.

Не прошло, однако, и нескольких месяцев после переезда в южную столицу, как Ли Чжи пришлось ее покинуть – поступила весть о кончине его отца и философ был вынужден вернуться в родные места на 27 месяцев¹² для совершения траурных церемоний. Путешествие сулило опасности (в то время побережье Цюаньчжоу часто подвергалось нападениям пиратов) – и действительно, по прибытии он обнаружил родной город в осаде японских и местных разбойников. Ли Чжи пришлось присоединиться к защитникам и участвовать в обороне на равных с другими жителями.

Исполнив траурные обязательства, в 1562 г. Ли Чжи отправился с семьей в Пекин и принялся искать там вакантную должность, в ожидании которой занимался частным преподаванием. Лишь в середине 1564 г. его утверждают на прежнюю должность *бо-ши*, на сей раз в пекинском Надзоре за сыновьями государства. И вновь ситуация повторяется с поразительной точностью: поступает весть о кончине деда Ли Чжи Ли Цзун-цзе 李宗潔 и философу снова приходится приостановить карьеру и ехать в Цюаньчжоу. Одновременно с этим умирает от болезни второй сын Ли. Чтобы обеспечить безопасность жены и детей и не брать их с собой в Цюаньчжоу, философ приобретает участок в уезде Хуй. Тем не менее уберечь родных от беды ему не удалось: за время отсутствия две его дочери погибли от голода, вызванного засухой, а остальные выжили только благодаря помощи чиновника Дэн Линь-цая¹³. Во время отправления траура Ли, видимо накопив

¹¹ Надзор за сыновьями государства (*Го-цзы цзянь* 國子監) – главное высшее учебное заведение в императорском Китае с эпохи Суй 隨 (581–618) до начала XX в.

¹² Расчет длительности трехгодичного траура был аналогичен подсчету возраста: календарный год начала траура считался первым, во время празднования Нового года происходил переход ко второму, и, наконец, с наступлением следующего, третьего года траур завершался.

¹³ Дэн Линь-цай 鄧林材 (получил степень *цзюй-жэня* в 1561 г., величание Цзы-пэй 子培, прозвание Ши-ян 石陽) – чиновник, друг Ли Чжи, во время описываемых событий занимал должность судьи (*туй-гуань* 推官, букв. «проталкивающий [расследования] чиновник») префектуры Вэйхуй. Здесь и далее биографическая информация приводится согласно

за время пребывания в столице определенные сбережения, наконец осуществил захоронение прадеда, деда и отца, которые оставались непогребенными долгие годы из-за бедности рода.

В 1566 г. Ли Чжи возвращается с семьей в Пекин, где получает назначение на секретарскую должность ведающего делами (*сы-у* 司務) в Отделении¹⁴ благопристойности (*Ли-бу* 禮部). Коллеги по отделению Ли Фэн-ян¹⁵ и Сюй Юн-цзянь¹⁶ впервые знакомят философа с учением Ван Шоу-жэня¹⁷ и буддийскими сутрами. «Писания о [местности] Минь»¹⁸ свидетельствуют, что именно высокая оценка способностей философа со стороны коллег и породила псевдоним «Выдающийся Я»¹⁹ [Чжан 2010 d, с. 433].

Чжан Цзянь-е 张建业 [Чжан 2010 a], если не указано иное; если информация не указывается – обнаружить её автору статьи не удалось.

¹⁴ Отделения (*бу* 部) – в империи Мин государственные учреждения, по функции аналогичные министерствам.

¹⁵ Ли Фэн-ян 李逢陽 (1529–1572, величание Вэй-мин 維明, прозвание Хань-фэн 翰峰 – чиновник, дослужившийся до заведующего департаментом (*лан-чжун* 郎中, букв. «мóлодец, [охраняющий] центральный [дворец]») Отделения благопристойности.

¹⁶ Сюй Юн-цзянь 徐用檢 (1528–1611, величание Кэ-сянь 克賢, прозвание Лу-юань 魯源, Лу-чжай 魯齋) – чиновник и литератор, в разное время занимал такие высокие должности, как глава (букв. *ши* 使, «посланник») [ведомства] проверок и расследований [провинции] Гуандун (*Гуандун ань-ча ши* 廣東按察使), глава («ведомства» по покрытию управлением) (*бу-чжэн ши* 布政使) провинции Хэнань и глава Жертвенного приказа (*Тай-чан сы цин* 太常寺卿, букв. «сановник храма Великого постоянного»).

¹⁷ Ван Шоу-жэнь 王守仁 (1472–1529, величание Бо-ань 伯安, прозвание Ян-мин 陽明) – крупнейший философ-неоконфуцианец эпохи Мин (1368–1644), выдающийся литератор, военачальник и государственный деятель. Его учение «идейно доминировало в Китае до середины XVII в. и оказало значительное влияние на развитие философской мысли в Корее и Японии» [Кобзев 2006, с. 184–186]. О его жизненном пути и исследовании его идей см. [Кобзев 2020].

¹⁸ «Писания о [местности] Минь» («Минь шу» 閩書) – сочинение земляка Ли Чжи историка Хэ Цяо-юаня 何喬遠 (1558–1631), включающее в том числе биографию философа. Минь 閩 – традиционное обозначение региона современной провинции Фуцзянь.

¹⁹ Что, вероятно, следует считать иронией. В ироничном ключе о своих именах и псевдонимах Ли Чжи высказывается, например, в автобиографическом эссе «Абрис суждений о Чжо-у» («Чжоу-у лунь-люэ» 卓吾論略), русский перевод которого см. [Руденко 2019].

В течение следующих пяти лет до 1570 г. Ли Чжи постигает учение Ван Шоу-жэня совместно с Ли Фэн-яном и Ли Цаем²⁰.

В 1571 г. философа переводят в Нанкин на должность заместителя начальника департамента (букв. *юань-вай лан* 員外郎, «сверхштатного молодца») в Отделении наказаний (*Син-бу* 刑部), где он активно включается в местное интеллектуальное сообщество и знакомится со своими ближайшими друзьями-единомышленниками Гэн Дин-ли²¹ и Цзяо Хуном²², будущим идейным оппонентом Гэн Дин-сяном, прямым учеником Ван Шоу-жэня Ван Цзи²³, представителями Тайчжоуской школы (*Тайчжоу сюэпай* 太州學派) Ло Жу-фаном²⁴ и Ван Би²⁵, а также многими другими

²⁰ Ли Цай 李材 (1529–1607, величание Мэн-чэн 孟誠, прозвание Цзянь-ло 見羅) – чиновник, во время описываемых событий занимал должность распорядителя канцелярии (букв. *чжу-ши* 主事, «главенствующий над делами») Отделения наказаний.

²¹ Гэн Дин-ли 耿定理 (1534–1584, величание Цзы-юн 子庸, прозвание Чу-кун 楚控) – близкий друг Ли Чжи, который после своей отставки в 1580 г. приехал в имение Гэнов, где жил до смерти Дин-ли. Его брат Гэн Дин-сян 耿定嚮 (1524–1597, величание Цай-лунь 在倫, прозвания Чу-тун 楚侗, Тянь-тай 天台) – влиятельный сановник, видный представитель Тайчжоуской школы. В отличие от Дин-сяна, Дин-ли глубоко интересовался даосизмом и буддизмом и стремился не к официальной карьере, а к личному духовному совершенствованию.

²² Цзяо Хун 焦竑 (1540–1620) – известный мыслитель, один из ближайших друзей Ли Чжи. Его величания: Жо-хоу 弱侯, Цун-у 從吾, Шу-ду 叔度; прозвания: Шань-юань 澹園, И-юань 漪園, И-нань-шэн 漪南生, Тай-ши-ши 太史氏. Лун-дун Шань-нун 龍洞山農 (Горец-Крестьянин из Драконьей Пещеры) – также одно из его прозваний, подробно об этом см. [Чжан 2010, т. 1, с. 278]. Занимал должность редактора-составителя (*сю-чжуань* 修撰) двора Леса кистей (*Хань-линь юань* 翰林院, известен также как «академия Ханьлинь»), впоследствии попал в опалу и был сослан в провинцию Фуцзянь на должность помощника главы уезда (букв. *тун-чжи* 同知, «едино [с главой] ведающий [уездом]») Нинчжоу 寧州.

²³ Ван Цзи 王畿 (1498–1583, величание Жу-чжун 汝中, прозвание Лун-си 龍谿) – ближайший ученик Ван Шоу-жэня, выступавший за свободу и гибкость в вопросах выбора пути самосовершенствования и трактовки конфуцианских идей, а также уделявший особое внимание «благому знанию» (良知 *лян чжи*), или «благосмыслию», и его связи с природой будды. Подробно см. [Кобзев 2006, с. 180–181].

²⁴ Ло Жу-фан 羅汝芳 (1515–1588, величание Вэй-дэ 維德, прозвание Цзинь-си 近谿) – представитель Тайчжоуской школы последователей Ван Шоу-жэня, ученик Ван Цзи и Янь Цзюня 顏鈞 (1504–1596). Занимал должность «участника управления» (*цань-чжэн* 參政), главы ведомства

мыслителями. Около 1574 г. получает повышение до *лан-чжуна*, а в 1575–1576 гг. совершает путешествие в горы Тяньчжуншань 天中山 в уезде Хуанъань 黃安 провинции Хугуан²⁶, где начинает работу над «Книгой для сокрытия» («Цан-шу» 藏書) – одним из своих самых известных произведений (подробно см. в статье «Книги для сожжения: краткая библиография Ли Чжи» настоящего сборника).

В 1577 г. официальная карьера Ли Чжи достигает пика – его назначают ведающим префектурой Яоань 姚安 в провинции Юньнань. По дороге в далекий край он останавливается в доме Гэн Дин-ли в уезде Хуанъань, где оставляет свою дочь и зятя и дает обещание другу вернуться спустя три года, когда получит право на более высокое жалование, которое позволит им заниматься духовным совершенствованием, не отвлекаясь ни на что иное. На высокой должности философ показал себя эффективным и гибким руководителем, успешно обеспечивая мир в беспокойном регионе с преобладанием неханьского населения, кроме того, он оставил о себе добрую память как инициатор строительства моста через реку Ляньханьхэ 連厂河, который и по сей день носит имя Ли Чжи [Ли Чжи цяо]. Помимо служебных дел, он также погружается в изучение буддизма.

В 1580 г. наступает срок нового повышения, однако Ли Чжи направляет в вышестоящие инстанции прошение об отставке. Провинциальный цензор-ревизор (*цзянь-ча юй-ши* 監察御史, букв. «надзирающий и расследующий императорский историограф») Лю Вэй 劉維 пытался уговорить Ли Чжи остаться на службе, протестовали против его ухода и местные власти, которые сначала не дали разрешения философу покинуть должность, однако тот был

по покрытию управлением провинции Юньнань; как и Ли Чжи, придерживался принципов гибкости в управлении и минимального вмешательства в уклад жизни местных народностей. Одна из центральных категорий эгалитаристского учения Ло Жу-фана – «младенческое сердце» (*чи-цзы чжи синь* 赤子之心), интуитивно мудрое и свойственное каждому человеку независимо от происхождения и социального положения (что напоминает «детское сердце» (*тун-синь* 童心) Ли Чжи, подробно о котором см. статью «“Толкование разнородных [спектаклей]” и “Толкование детского сердца”: эссе Ли Чжи об истоках совершенного творчества Поднебесной» настоящего сборника).

²⁵ Ван Би 王璧 (1511–1587, величание Цзун-шунь 宗順, прозвание Дун-я 東崖) – сын и продолжатель учения основоположника Тайчжоуской школы Ван Гэня 王艮 (1483–1541), подробно см. [Кобзев 2006, с. 167–169].

²⁶ Хугуан 湖廣 – провинция, объединявшая прежние провинции Хубэй и Хунань с эпохи Юань (1271–1368) до начала эпохи Цин (1644–1911).

непреклонен и удалился в местные горы Цзицзушань²⁷, где пребывал до тех пор, пока с его решением не смирились. Вскоре после отставки в 1581 г. Ли Чжи, согласно прежнему обещанию, прибывает в имение Гэнов, а через несколько месяцев переселяется в расположенный поблизости в горах Уюньшань 五云山 книжный двор²⁸ «Небесное гнездо» (*Тянь-во шу-юань* 天窩書院), где преподаёт свое учение вместе с Гэн Дин-ли. В конце года философ по приглашению друга Чжоу Сы-цзю²⁹ впервые посещает озеро Лунху 龍湖 в уезде Мачэн 麻城, который в недалеком будущем надолго станет его пристанищем. Вплоть до середины 1584 г. Ли Чжи живет на книжном дворе и занимается обучением младших членов семьи Гэнов, а также совершает кратковременные путешествия на озеро Лунху (1582) и к знаменитым Красным скалам³⁰ (1584).

В 1584 г. умирает Гэн Дин-ли, что становится для философа тяжелой утратой, а вскоре обостряются его взаимоотношения с братом покойного, Гэн Дин-сяном, который к тому времени стал проявлять явное недовольство гостем. Исследователи называют разные причины данного конфликта: с одной стороны, Гэн Дин-сян был обеспокоен негативным влиянием Ли Чжи на брата и молодёжь, поскольку тот демонстративно отказался от службы и был скептически настроен к официальной карьере; с другой – инициатором разлада мог стать сам Ли Чжи, осудивший отказ Гэна от

²⁷ Цзицзушань 雞足山 – букв. «гора Петушиная Лапа», получила свое название, вероятно, по аналогии с одноименной почитаемой в буддизме индийской горой Куккутапада, в которой, по преданию, достиг нирваны Будда Кашьяпа. Судя по всему, Ли Чжи начал тесное знакомство с буддизмом именно во время визита в местный буддийский монастырь в бытность ведающим префектурой Яоань.

²⁸ Книжные дворы (*шу-юань* 書院, часто переводятся как «академии») – негосударственные образовательные центры, в которых наставники жили и обучали своих воспитанников, занимаясь также и написанием собственных трудов.

²⁹ Чжоу Сы-цзю 周思久 (получил степень *цзинь-ши* в 1553 г., величание Лю-тан 柳塘) – чиновник, занимал должность главы префектуры Цюньчжоу 琼州 провинции Гуандун.

³⁰ Красные скалы (*Чи-би* 赤壁) – место масштабной битвы объединённых войск правителей царства У 吳 и царства Шу 蜀 Сунь Цюаня 孫權 (182–252) и Лю Бэя 劉備 (162–223) против армии владыки царства Вэй 魏 Цао Цао 曹操 (155–220), произошедшей в 208 г. и описанной в классическом романе Ло Гуань-чжуна 羅貫中 (1330–1400) «[Художественное] переложение смысла [повествования] о трёх царствах» («Сань-го янь-и» 三國演義), известном в русском переводе как «Троецарствие».

спасения своего учителя Хэ Синь-иня³¹. В сложившейся обстановке Ли Чжи решает покинуть «Небесное гнездо» и переехать в Мачэн, однако первая попытка найти там место для проживания в 1584 г. не увенчалась успехом (ему пришлось вернуться спустя несколько дней), и лишь в 1585 г. при содействии Чжоу Сы-цзю и Чжоу Сы-цзина³² он строит скит Вималакирти³³ (*Вэймо-ань* 維摩庵) и селится в нем в одиночестве, оставив жену и дочь в Хуаньане. Через два года, осенью 1587-го, он отправляет их в родные места вместе с Чжуан Фэн-вэнем³⁴, что знаменует окончательное расставание философа с семьей.

В этот период главным образом и разгорается эпистолярная дуэль Ли Чжи и Гэн Дин-сяна, которая впоследствии легла в основу первого издания «Книги для сожжения», заглавие которой в связи с этим, возможно, правильное было бы переводить как «Письма для сожжения» (иероглиф 書 書 имеет оба этих значения) – «Книгой» они стали позже, когда к письмам добавились философские, исторические и стихотворные произведения. Помимо этого, во время проживания в ските Ли Чжи заводит переписку с Мэй Дань-жань 梅澹然, дочерью своего высокопоставленного друга Мэй Го-чжэня³⁵, которая, овдовев, заинтересовалась буддизмом.

Летом 1588 г. философ принимает постриг и обрывает голову, однако оставляет нетронутой растительность на лице, не изменяет имени и не выбирает себе наставника, вероятно желая совместить в своем облике обе идентичности – буддийскую и конфуцианскую. Свой поступок он позже объяснял желанием освободиться от пут общества, что неудивительно, учитывая, как дорого ему

³¹ Подробно о нём, а также перевод его некролога см. [Руденко 2020]. Подробно о конфликте между Ли Чжи и Гэн Дин-сяном см. [Jin 2001].

³² Чжоу Сы-цзин 周思敬 (ум. 1597, величание Цзы-ли 子禮, прозвание Ю-шань 友山) – один из ближайших друзей Ли Чжи.

³³ Вималакирти – легендарный современник Будды, благочестивый мирянин, прославившийся умом и достигший просветления. Является центральным персонажем «Вималакирти-сутры» подробнее см. [Комиссарова 2007].

³⁴ Чжуан Фэн-вэнь 莊鳳文 (1554–1606, величание Чунь-фу 純夫/純甫) – зять Ли Чжи.

³⁵ Мэй Го-чжэнь 梅國楨 (1542–1605, величание Кэ-шэн 客生/克生, прозвание Хэн-сян 衡湘) – чиновник, занимал должности второго помощника главы цензората (*ю цянй ду юй-ши* 右僉都御史, букв. «правого помогающего столичному императорскому историографу»), инспектора (*сюнь-фу* 巡撫, букв. «объезжающего и улаживающего») префектуры Датун 大同, второго заместителя главы (*ю ши-лан* 右侍郎, букв. «правого молодца-прислужника») Отделения вооружений (*Бин-бу* 兵部).

стоило исполнение социальных обязательств: необходимость помогать младшим братьям не позволила ему претендовать на высшую учёную степень, соблюдение траура – значительно затормозило карьеру и лишило жизни дочерей, а трёхлетняя задержка выхода на пенсию из соображения обеспечения семьи украла невосполнимое время общения и духовных поисков с ближайшим другом Гэн Дин-ли. Осенью он переселяется из скита в буддийский монастырь Чжи-фо-юань (芝佛院, букв. «[монастырское] подворье Грибо[подобных] будд³⁶»), расположенный на южном берегу озера Лунху. Во время его пребывания там в 1590 г. были изданы «Письма для сожжения», прообраз будущей одноимённой «Книги», что вызвало бурное возмущение Гэн Дин-сяна, составившего в ответ «Стремящееся предостеречь письмо» («Цю цзин шу» 求儆書) с заявлением, что Ли Чжи «заставляет учеников-последователей подхватывать [свой] нрав и ступать [за своей] тенью, яд [от него] разольётся дальше, чем на мириады [последующих] поколений» 使後學承風步影, 毒流萬世之下 и что «то, что отличает [его] от [диких] птиц и зверей, – едва заметная граница, и только» 所以異於禽獸者幾希界限耳 [Чжан 2010 d, с. 452]. Вероятно, письмо Гэна возымело свой эффект – и Ли Чжи, видимо спасаясь от преследований, отправляется в префектуру Хэнчжоу 衡州 провинции Хугуан, где встречается с помощником главы префектуры Шэнь Те 沈鐵, а после отправляется в Учан 武昌, где знакомится с местным сановником Лю Дун-сином³⁷, который становится его покровителем и защитником. Там же он впервые встречается

³⁶ Название монастыря связано с преданием, согласно которому во время рытья земли для его фундамента были обнаружены несколько грибов, очертаниями напоминавших Будду [Хубэй Мачэн Чжи-фо-юань]. Ранее Д. Н. Воскресенский ошибочно перевел название монастыря как «пристройка “Кунжутное семя” при храме “Буддийская Обитель”», усмотрев в этом «важную мысль буддистов... о том, что в мельчайшем зернышке может быть заключен Космос и, поняв это, человек может обрести прозрение», т. е. отделил друг от друга иероглифы *чжи* 芝 и *фо-юань* 佛院 и истолковал первый как «кунжут», посчитав сокращением от *чжима* 芝麻 [Воскресенский 2006, с. 257].

³⁷ Лю Дун-син 劉東星 (1538–1601, величание Цзы-мин 子明, прозвание Цзинь-чуань 晉川) – чиновник, в разное время глава ведомства по покрытию управлением провинции Хугуан, первый заместитель главы цензурата (*цзо фу-ду юй-ши* 左副都御史, букв. «левый заместитель столичного императорского историографа»), второй заместитель главы Отделения чинов (*ли-бу* 吏部), глава (*шан-шу* 尚書, букв. «державший в ведении писания») Отделения [общественных] работ (*гун-бу* 工部) и др.

с братьями Юанями³⁸. Зимой он возвращается в монастырь Чжи-фо-юань, где распоряжается выделить место для собственного захоронения.

В 1591 г. Ли Чжи вновь едет в Учан, на сей раз в компании с Юань Хун-дао, и сталкивается там с агрессией в свой адрес – разъярённая толпа изгоняет его из города, обвинив в «извращении пути-дао и смущении люда» (*цзо дао хо чжун* 左道惑眾, это же выражение в 1602 г. прозвучит в обвинительном императорском указе). Остановившись на некоторое время в близлежащем буддийском монастыре Хун-шань-сы (洪山寺, букв. «[буддийский] монастырь Величественных гор»), они дожидаются приезда Лю Дун-сина, и тот с демонстративным почтением проводит Ли Чжи обратно в город. Далее философ какое-то время живет попеременно то в Учане, то в соседнем Ханьяне 漢陽 и возвращается в Чжи-фо-юань в начале 1593 г.

В Мачэне Ли Чжи продолжает переписку с Мэй Дань-жань и ее сестрами, которые к тому времени постриглись в монахини, а также периодически принимает гостей-единомышленников. В конце 1595 г. мыслитель, наконец, улаживает отношения с Гэн Дин-сяном, прибыв в Хуанъянь по приглашению его племянника Гэн Жу-няня 耿汝念. В 1596 г. Ли Чжи также на год покидает Чжи-фо-юань, дабы навестить своего благодетеля Лю Дун-сина в его родных местах, в деревне Пиншан 坪上 уезда Циньшуй 沁水 провинции Шаньси. Затем философ на несколько месяцев останавливается в Датуне у Мэй Го-чжэня, а после отправляется в Пекин, где полгода живет в буддийском монастыре Цзи-лэ-сы (極樂寺, букв. «[буддийский] монастырь Предельного блаженства») недалеко от столицы.

Весной 1598 г. Ли Чжи вместе с попавшим в опалу и пониженным в должности Цзяо Хуном путешествуют на лодке на юг до Нанкина, где селится в буддийский монастырь Юн-цин-сы (永慶寺, букв. «[буддийский] монастырь Вечного ликования»), именно в южной столице в 1599 г. он встречается со знаменитым

³⁸ Братья Юани – основатели и руководители литературного Гунъяньского течения (*Гунъянь пай* 公安派): Юань Цзун-дао 袁宗道 (1560–1600), Юань Хун-дао 袁宏道 (1568–1610) и Юань Чжун-дао 袁中道 (1570–1626). Идейная основа данного объединения сформировалась под явным влиянием Ли Чжи и предполагала изменение литературы со сменой эпох в противовес подражанию древним стандартам, а также особую ценность подлинных чувств и эмоций в творчестве [Серебряков 2008, с. 69–70].

миссионером Маттео Риччи³⁹. В 1600 г. Лю Дун-син прибывает в Нанкин по служебным делам, и они вместе едут в префектуру Цзинин 濟寧, где он служил. После этого Ли Чжи не едет обратно в Нанкин согласно первоначальному плану, а возвращается в Мачэн, ссылаясь на одолевшие его болезни и, вероятно, предчувствуя близкую кончину.

Покая у озера Лунху он, однако, не находит: от его злопыхателей с каждым днем поступает все больше угроз физической расправы и уничтожения монастыря Чжи-фо-юань, а с назначением на должность помощника инспекции (*аньча-сы цянъши* 按察司僉事, букв. «помогающего в делах ведомства проверок и расследований») провинции Хугуан Фэн Ин-цзин 馮應京 эти угрозы претворяются в жизнь: чиновник отдает распоряжение разрушить обитель и подвергнуть наказанию ее обитателей. Ли Чжи был проинформирован о готовящемся погроме заранее и успел спрятаться у Ян Дин-цзяня⁴⁰, после чего укрылся в горах Хуанбошань 黃蘗山 провинции Хэнань. Оттуда в 1601 г. он в сопровождении Ма Цзин-луня⁴¹ добирается до владения последнего в префектуре Тунчжоу 通州 близ Пекина. Лю Дун-син, узнав о преследованиях, отправляет туда людей, чтобы сопроводить Ли Чжи в надежное место в Цзинин, однако он отказывается отправляться куда-либо, а вскоре и сам Лю Дун-син умирает, не дожив до отставки.

В 1602 г. в Тунчжоу Ли Чжи, уже будучи тяжело больным, составляет завещание, а двадцатого числа второго месяца цензор нравов (*ли-кэ цзи-ши-чжун* 禮科給事中, букв. «несущий службу центральному [дворцу] по разряду благопристойности») Чжан Вэнь-да 張問達 направляет императору донесение, в котором обвиняет философа в крамольной переоценке исторических персонажей, непризнании утверждаемого и отрицаемого Конфуцием и прочих «бесчинствах», а также в разврате и пагубном влиянии на

³⁹ Маттео Риччи (1552–1610) – итальянский миссионер-иезуит, первый из европейцев после эпохи Юань получивший разрешение на въезд во внутренние территории Поднебесной и добившийся признания при императорском дворе. Подробнее см. [Дубровская 2000].

⁴⁰ Ян Дин-цзянь 楊定見 (прозвание Фэн-ли 鳳里) – ученик Ли Чжи, обитатель монастыря Чжи-фо-юань.

⁴¹ Ма Цзин-лунь 馬經綸 (1562–1605, величание Чжу-и 主一, прозвание Чэн-со 誠所) – ученый-чиновник, один из ближайших друзей Ли Чжи в последние годы его жизни, служил в цензorate, откуда был уволен в 1595 г. за неллицеприятный доклад императору.

молодое поколение; подчеркивалось также, что Ли Чжи представляет особую угрозу, находясь в Тунчжоу, в непосредственной близости от столицы. Императору предлагалось отдать распоряжение задержать Ли Чжи, доставить его в родные места и там осудить, а все его произведения запретить и уничтожить. Предложение было одобрено, император Чжу И-цзюнь⁴² издает соответствующий указ, и вскоре отряд гвардейцев арестовывает философа и доставляет его в тунчжоускую тюрьму.

Находясь в заключении, Ли Чжи продолжает писать, несмотря на тяжелую болезнь: его последними произведениями стали несколько стихотворений и предисловий. Узнав, что его готовятся отправить в Цюаньчжоу, пятнадцатого числа третьего месяца (26 апреля 1602 г.) он подзывает брадобрее и, выхватив у него из рук бритву, надрезает себе горло со словами: «Мне семьдесят шесть лет. Умру и дело с концом, к чему возвращаться?». Смерть Ли Чжи наступила на следующий день. Официальная версия произошедшего, объявленная властями, звучала так: «Чжи был арестован и доставлен [в тюрьму], страшился наказания, от недоедания умер» 贊逮至，懼罪，不食死 [Чжан 2010 d, с. 486]. Философ был похоронен в Тунчжоу около буддийского монастыря Ин-фу-сы (迎福寺, букв. «[буддийский] монастырь Встречи благословения») согласно своему завещанию.

Так в тунчжоуском остроге и завершился жизненный путь Ли Чжи, что вызвало большой общественный резонанс. Его книги, несмотря на запрет, а возможно и благодаря ему, обрели еще большую популярность, из-за чего в 1625 г. властям пришлось повторно издать аналогичный указ и проводить операции по изъятию книг философа в правительственных учреждениях империи. Тем не менее уже к концу XVII в. философ, кажется, оказался практически забыт и обрёл новую популярность только через сотни лет в начале XX века, когда деятели «движения за Новую культуру» выдвинули его в качестве одного из прогрессивных мыслителей и критиков конфуцианства⁴³.

Источники и литература

На русском языке

⁴² Чжу И-цзюнь 朱翊鈞 (1563–1620) – император, правивший под девизом Вань-ли 萬曆 (букв. «Мириады [лет] длящегося [правления]»), 1573–1620), храмовое имя Шэнь-цзун 神宗.

⁴³ Об этих событиях, а также об исследовании идей Ли Чжи в XX в. см., например, [Чжан 2017].

Воскресенский 2006 – *Воскресенский Д. Н.* Литературный мир средневекового Китая: китайская классическая проза на байхуа: собрание трудов. М.: Восточная литература, 2006.

Дубровская 2000 – *Дубровская Д. В.* Миссия иезуитов в Китае. Маттео Риччи и другие (1552–1775 гг.). М.: «Крафт+»; ИВ РАН, 2000.

Кобзев 2002 – *Кобзев А. И.* Философия китайского неоконфуцианства. М.: Восточная литература, 2002.

Кобзев 2006 – *Кобзев А. И.* Ван Гэнь; Ван Цзи; Ван Ян-мин; Ван Би // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 1: Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. М.: Вост. лит., 2006. С. 167–169; 170–171; 180–181; 184–186.

Кобзев 2020 – *Кобзев А. И.* Превратности судьбы Ван Шоу-жэня и его «учения о сердце» // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 245–275.

Комиссарова 2007 – *Комиссарова Т. Г.* «Вэй-мо цзе цзин» // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 2: Мифология. Религия / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2007. С. 408–411.

Конфуцианское «Четверокнижие» 2004 – Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004.

Мэнцзы в новом переводе... 2016 – Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исслед., пер. с кит., примеч. и прил. И. И. Семененко. М.: Восточная литература, 2016.

Руденко 2019 – *Руденко Н. В.* «Абрис Чжо-у в суждениях»: Ироничная автобиография Ли Чжи // Общество и государство в Китае. Т. XLIX. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2019. С. 453–478.

Руденко 2020 – *Руденко Н. В.* Конфуций, которому не повезло: «Суждения о Хэ Синь-ине» Ли Чжи // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2020. С. 368–398.

Серебряков 2008 – *Серебряков Е. А.* Классическая поэзия // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3: Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 43–75.

На западных языках

Billeter 1979 – *Billeter J.-F.* Li Zhi, philosophe maudit (1527–1602) contribution à une sociologie du mandarinat chinois de la fin des Ming. Geneve: Droz, 1979.

Handler-Spitz (eds.) 2016 – *Handler-Spitz R., Lee P. C., Saussy H.* (eds.). *A Book to Burn & A Book to Keep (Hidden): Selected Writings of Li Zhi*. N. Y.: Columbia University Press, 2016.

Jin 2001 – *Jin J.* *Heresy and Persecution in Late Ming Society: Reinterpreting the Case of Li Zhi // Late Imperial China*. Vol. 22. № 2, December 2001. P. 1–34.

На китайском языке

Вань и Лань 2007 – *Вань Ли-хуа 万丽华, Лань Сюй 蓝旭* (ред.). *Мэн-цзы 孟子* («[Трактат] Учителя Мэна»). Пекин: Чжун-хуа шуцзюй 中华书局, 2007.

Ли Чжи цяо – Ли Чжи цяо 李贽桥 (Мост Ли Чжи) // Веб-сайт правительства уезда Яоань. URL: http://www.yaoan.gov.cn/mPages_41_4266.aspx (дата обращения 15.12.2020).

Сюй 2004 – *Сюй Цзянь-пин 许建平*. Ли Чжо-у чжуань 李卓吾传 (Биография Ли Чжо-у). Пекин: Дунфан чубаньшэ 东方出版社, 2004.

Сюй 2005 – *Сюй Цзянь-пин 许建平*. Ли Чжи сысян яньбянь ши 李贽思想演变史 (История эволюции идей Ли Чжи). Пекин: Жэньминь чубаньшэ 人民出版社, 2005.

Сюй 2006 – *Сюй Су-минь 许苏民*. Ли Чжи пин чжуань 李贽评传 (Комментированная биография Ли Чжи). Нанкин: Наньцзин дасюэ чубаньшэ 南京大学出版社, 2006.

Хубэй Мачэн Чжи-фо-юань – Хубэй Мачэн Чжи-фо-юань 湖北麻城芝佛院 ([Буддийское] подворье Будд-грибов [уезда] Мачэн [провинции] Хубэй) // Интернет-энциклопедия Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item/湖北麻城芝佛院> (дата обращения 15.12.2020)

Чжан 2010 а – *Чжан Цзянь-е 张建业* (ред.). Ли Чжи цюань цзи чжу 李贽全集注 (Полное собрание [сочинений] Ли Чжи с примечаниями). В 26 т. Т. I: «Фэнь шу» чжу (и) 焚书注 (一) («Книга для сожжения» с примечаниями [1]) / Ред. Чжан Цзянь-е, коммент Чжан Цзянь-е, Чжан Дай 张岱. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社, 2010.

Чжан 2010 б – *Чжан Цзянь-е 张建业* (ред.). Ли Чжи цюань цзи чжу 李贽全集注 (Полное собрание [сочинений] Ли Чжи с примечаниями). В 26 т. Т. II: «Фэнь шу» чжу (эр) 焚书注 (二) («Книга для сожжения» с примечаниями [2]) / Ред. Чжан Цзянь-е, коммент Чжан Цзянь-е, Чжан Дай 张岱. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社, 2010.

Чжан 2010 с – *Чжан Цзянь-е 张建业* (ред.). Ли Чжи цюань цзи чжу 李贽全集注 (Полное собрание сочинений Ли Чжи с примечаниями). В 26 т. Т. III: «Сюй “Фэнь шу”» чжу 续焚书注 («Продол-

жение “Книги для сожжения”» с примечаниями). Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社, 2010.

Чжан 2010 d – *Чжан Цзянь-е* 张建业 (ред.). Ли Чжи цюань цзи чжу 李贽全集注 (Полное комментированное сочинений Ли Чжи с примечаниями). В 26 т. Т. XXVI: Фулу 附录 (Приложения). Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社, 2010.

Чжан 2017 – *Чжан Цзянь-е* 张建业. Гуаньюй Ли Чжи дэ сысян хэ яньцзю – цзинянь Ли Чжи даньчэнь 490 чжоунянь цзичэнь 415 чжоунянь 关于李贽的思想和研究—纪念李贽诞辰 490 周年忌辰 415 周年 (Об идеях и изучении Ли Чжи: к 490-й годовщине со дня рождения и 415-й годовщине со дня кончины Ли Чжи) // Бэйцзин кэцзи дасюэ сюэбао (шэхуй кэсюэ бань) 北京科技大学学报 (社会科学版) (Вестник Пекинского научно-технического университета [серия «Общественные науки»]). 2017. Т. 33. № 1. С. 42–47.

Чжан 2006 – *Чжан Янь-ин* 张燕婴 (ред.). Лунь-юй 论语 (Обсуждённые речи). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 2006.

Чжу 1983 – *Чжу Си* 朱熹. «Сы-шу» чжан-цзюй цзи-чжу 四书章句集注 («Четверокнижие» с [разбивкой на] статьи и фразы и сводными примечаниями). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 1983.

Чэнь и Ван 2014 – *Чэнь Мин-хай* 陈明海, *Ван Ли-ли* 王俐俐. Ли Чжи иссланыцзю цинцзе таньси 李贽伊斯兰教情结探析 (Анализ исламских пристрастий Ли Чжи) // Хуайбэй шифань дасюэ сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань) 淮北师范大学学报 (哲学社会科学版) (Вестник Хуайбэйского педагогического университета [серия «Философские и общественные науки»]). 2014. Т. 35. № 1. С. 63–66.

Nikolai V. Rudenko*

A Road of Willful Reason Which Led to Tongzhou Prison: The Life of Li Zhi

ABSTRACT: The paper presents a brief biography of the late Ming thinker Li Zhi 李贽 (1527–1602). It highlights the key milestones in his life and career and describes his communication circle, places of residence, and motives for some of his crucial decisions.

KEYWORDS: Li Zhi, Ming, Chinese Philosophy, Neo-Confucianism, Taizhou School

* Rudenko Nikolai Vladimirovich, Ph. D. (Philosophy), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), nikolay_rudenko@mail.ru

*Н. В. Руденко**

**Книги для сожжения:
краткая библиография Ли Чжи**

АННОТАЦИЯ: Статья представляет собой краткую библиографию минского философа Ли Чжи 李贄 (1527–1602) и призвана в общих чертах охарактеризовать его главные произведения, а также перечислить сомнительные с точки зрения атрибуции работы. Большинство из них представляют собой сборники произведений малых форм – эссе, стихов, предисловий и комментариев к другим произведениям. При этом самостоятельные произведения Ли Чжи весьма немногочисленны и ограничиваются, по сути, «Книгой для сожжения» («Фэнь-шу» 焚書), «Продолженной “Книгой для сожжения”» («Сюй Фэнь-шу» 續焚書) и «Записями трактований о древности» («Дао-гу лу» 道古錄).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Ли Чжи, Мин, китайская философия, неоконфуцианство, Тайчжоуская школа

Вольнодумный минский философ Ли Чжи 李贄 (1527–1602), переводы трёх эссе и биография которого включены в настоящий сборник, оставил после себя обширное творческое наследие – полное комментированное собрание его сочинений. Изданное в Пекине в 2010 г. [Чжан 2010], оно насчитывает целых 26 томов, что является беспрецедентным для изданий такого рода, особенно с учётом более чем трёхсотлетнего запрета на издание и хранение трудов мыслителя. Тем не менее в центре внимания исследователей, как правило, оказываются лишь самые известные его сборники – «Книга для сожжения» («Фэнь-шу» 焚書) и «Книга для сокрытия» («Цан-шу» 藏書), а также наследующие им «Продол-

* Руденко Николай Владимирович, к. филос. н., научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), nikolay_rudenko@mail.ru

женная “Книга для сожжения”» («Сюй Фэнь-шу» 續焚書) и «Продолженная “Книга для сокрытия”» («Сюй Цан-шу» 續藏書), остальные же труды зачастую остаются в тени.

Приведённая ниже краткая библиография Ли Чжи призвана в определённой мере восполнить этот пробел и охарактеризовать ключевые дошедшие до наших дней труды философа, включенные в 26-томное «Собрание сочинений» (а также некоторые другие работы, приведённые в библиографии американского исследователя Чан Хок-лама (кит. Чэнь Сюэ-линь) [Chan 1980]). Большинство из них представляют собой сборники произведений малых форм – эссе, стихов, предисловий и комментариев к другим произведениям. Произведения приводятся в порядке следования в указанных изданиях; библиографическая информация дается согласно им же.

1. «Книга для сожжения». Судя по сохранившимся письменным свидетельствам, пережила как минимум три издания, каждое из которых включало всё больше произведений, глав и *цзюаней*. Впервые «Книга», предположительно, была напечатана в 1590 г. в уезде Мачэн 麻城 провинции Хугуан¹, затем была переиздана в 1592 г. в Учане 武昌 (эти издания на текущий момент считаются утерянными) и, наконец, в 1600 г. (подробнее об истории издания «Книги для сожжения» см. [Сюй 2008]), последующие же издания увидели свет уже после кончины философа и запрета на издание и хранение его произведений, будучи опубликованы нелегально. Объем последней, единственной дошедшей до наших дней версии составляет шесть *цзюаней*. Наиболее известный и репрезентативный для изучения философских идей Ли Чжи сборник писем, эссе и стихотворений разных периодов его жизни.

2. «Продолженная “Книга для сожжения”», пять *цзюаней*. Аналогичный предыдущему по структуре и содержанию сборник, изданный последователями Ли Чжи в 1618 г., уже после его смерти.

3. «Книга для сокрытия», 60 *цзюаней*, издана в 1599 г. Сборник жизнеописаний правителей и государственных деятелей с глубокой древности до конца эпохи Юань. Согласно характеристике ведущего западного исследователя творчества Ли Чжи Р. Хэндлер-Шпиц, текст её дублирует «Историческую компиляцию, [сгруппированную по] прошедшим [династийным] сменам, в редакции левого [историографа]» («Ли-дай ши-цзуань цзо-бянь» 歷代史纂

¹ См. примеч. 26 статьи «Своенравная дорога до тунчжоуского острога: жизненный путь Ли Чжи» настоящего сборника.

左編) старшего современника Ли Чжи учёного Тан Шунь-чжи² [Handler-Spitz (eds.) 2016, p. 16]. В лаконичных авторских комментариях Ли Чжи дает собственную независимую, зачастую крайне нелицеприятную оценку историческим фигурам (по оценке А. И. Кобзева, «Книга для сокрытия» включает около 800 биографий [Кобзев 2006, с. 315]).

4. «Продолженная “Книга для сожжения”», 27 *цзюаней*. Предположительно, создана около 1601 г., издана в 1609 г., после смерти Ли Чжи. Аналогичный предыдущему исторический сборник, в который вошли жизнеописания правителей и государственных деятелей уже эпохи Мин (по оценке А. И. Кобзева – около 400 [Там же]) вместе с комментариями философа.

5. «Начальный сборник с омота» («Чу тань-цзи» 初潭集), 30 *цзюаней*, издан в 1588 г. «Омут» в названии указывает, скорее всего, на озеро Лунху 龍湖 (букв. «Драконье озеро»), которое также было известно как Лунтань 龍潭 («Драконий омут»). На его берегу был расположен буддийский монастырь Чжифо-юань 芝佛院 (букв. «[монастырское] подворье Грибо[подобных] будд»³), где философ прожил много лет. Совмещённое издание «Новых речей о толках, [ходящих в] мире» («Ши-шо синь-юй» 世說新語) историка и литератора Лю И-цина 劉義慶 (403–444) и «Леса разделов господина Цзяо» («Цзяо-ши лэй-линь» 焦氏類林) Цзяо Хуна⁴ под редакцией и с комментариями Ли Чжи, в которых он высказывает свои философские идеи. Сборник разделен на пять частей, соотнесенных с конфуцианскими «пятью нормами [отношений]» (*у-лунь* 五倫), расположенными, что примечательно, в нестандартном порядке – первыми идут отношения между мужем и женой (*фу-фу* 夫婦), затем между отцом и сыном (*фу-цзы* 父子), старшим и младшим братьями (*сюн-ди* 兄弟), наставнические и дружеские отношения (*ши-ю* 師友) и, в самую последнюю очередь, отношения между государем и подданным (*цзюнь-чэнь* 君臣).

² Тан Шунь-чжи 唐順之 (1507–1560, величания (*цзы* 字) Ин-дэ 應德, И-сю 義修, прозвание (*хао* 號) Цзин-чуань 荊川) – крупный государственный деятель и ученый эпохи Мин (1368–1644), историк, литератор, математик. Здесь и далее биографическая информация приводится согласно Чжан Цзянь-е 張建業 [Чжан 2010], если не указано иное.

³ См. примеч. 37 статьи «Своенравная дорога до тунчжоуского острога: жизненный путь Ли Чжи» настоящего сборника.

⁴ См. примеч. 22 вышеуказанной статьи.

6. «Разбор “[Трактата] Учителя Лао”» («Лао-цзы цзе» 老子解), два *цзюаня*, написан в 1574 г., издан в 1581 г. Издание классического даосского «Канона пути и благодати» («Дао-дэ цзин» 道德經) с разъяснительными комментариями Ли Чжи.

7. «Разбор “[Трактата] Учителя Чжуана”» («Чжуан-цзы цзе» 莊子解), два *цзюаня*, написан в 1582 г. Издание семи «внутренних глав» (*нэй-пянь* 內篇) «[Трактата] Учителя Чжуана» с разъяснениями Ли Чжи, а также комментариями известных даосских каноников Го Сяна 郭象 (252–312) и Люй Хуй-цина 呂惠卿 (1032–1111).

8. «Записи трактований о древности» («Дао-гу лу» 道古錄), или «Записи трактований о древности [при] ясном светильнике» («Мин-дэн дао-гу лу» 明燈道古錄), два *цзюаня*, написаны во время визита Ли Чжи к Лю Дун-сину⁵ в его родные места (1596–1597), изданы в 1597 г. «Записи» построены в форме вопросов сыновей Лю по поводу конфуцианского «Четверокнижия»⁶ и ответов на них Ли Чжи.

9. «Единение триады “[Трактата] Учителя Суня”» («Сунь-цзы цань тун» 孫子參同), три *цзюаня*, написано в 1597 г. Издание классического военного трактата «Методы вооружённых [противостояний] Учителя Суня» («Сунь-цзы бин-фа» 孫子兵法) с разъяснениями Ли Чжи, а также комментариями Цао Цао⁷ (эти три автора и объединены в триаду). Название также, по-видимому, отсылает к известному даосскому нумерологически-алхимическому сочинению начала нашей эры «Свидетельство единения триады» («Цань-тун ци» 參同契).

10. «Девятижды правленные “Предпосылки перемен”» («Цзю чжэн И инь» 九正易因), два *цзюаня*, изданы в 1602 г. Издание «Канона перемен» («И-цзин» 易經) с разъяснениями и исправлениями Ли Чжи, считается его последней крупной работой.

⁵ См. примеч. 40 вышеуказанной статьи.

⁶ «Четверокнижие» («Сы-шу» 四書) – базовый свод неоконфуцианских канонов, включавший «Великое учение» («Да-сюэ» 大學), «Обсуждённые речи» («Лунь-юй» 論語), «[Трактат] Учителя Мэна» («Мэн-цзы» 孟子) и «Срединное и обыденное» («Чжун-юн» 中庸). Перевод на русский язык см. [Конфуцианское «Четверокнижие» 2004].

⁷ Цао Цао 曹操 (155–220, величание Мэн-дэ 孟德) – военачальник и фактический правитель царства Вэй 魏 в конце эпохи Восточная Хань (25–220), получил широкую популярность как один из антагонистов классического романа Ло Гуань-чжуна 羅貫中 (1330–1400) «[Художественное] переложение смысла [повествования] о трёх царствах» («Сань-го янь-и» 三國演義), известного в русском переводе как «Троецарствие».

11. «Читая собрание Шэн-аня» («Ду Шэн-ань цзи» 讀昇庵集), 20 *цзюаней*, составлено в 1596 г. Собрание сочинений Ян Шэня⁸, Ли Чжи здесь принадлежит лишь редакция и предисловие.

12. «Записи о предпосылках и плодах» («Инь-го лу» 因果錄), три *цзюаня*, время составления неизвестно. Собрание рассказов и эссе о кармическом воздаянии с комментариями Ли Чжи.

13. «Лучшее из записей [из залы] Сумрачного естества» («Ань-жань лу цзуй» 暗然錄最), четыре *цзюаня*, время составления неизвестно. Издание избранных фрагментов из сборника Пань Ши-цзао⁹ «Скомпилированное по разделам из залы Сумрачного естества» (Ань-жань тан лэй-цзуань 闇然堂類纂) с комментариями Ли Чжи.

14. «Изящное осмеяние» («Я-сяо» 雅笑), три *цзюаня*, время составления неизвестно. Сборник юмористических рассказов-анекдотов с комментариями Ли Чжи.

15. «Погодичный реестр [событий из жизни] учителя Ян-мина¹⁰» («Ян-мин сянь-шэн нянь пу» 陽明先生年譜), два *цзюаня*, написан в 1600 г. Основой для данного жизнеописания выступила одноимённый «Погодичный реестр [событий из жизни] учителя Ян-мина» Цянь Куаня¹¹, дополненный комментариями Ли Чжи.

Помимо вышеперечисленных произведений до наших дней дошел ряд эссе, стихотворений, предисловий и писем, не вошедших в «Книги для сожжения» (всего около 50), см. [Чжан 2010, т. 26, с. 493–539].

Произведения, вошедшие в собрания сочинений Ли Чжи и/или подписанные его именем, но, вероятно, ему не принадлежащие:

⁸ Ян Шэнь 楊慎 (1488–1559, величание Юн-сю 用修, прозвание Шэн-ань 昇庵) – известный литератор, редактор-составитель двора Леса кистей, впоследствии был послан на службу в Юньнань.

⁹ Пань Ши-цзао 潘士藻 (1537–1600, величание Цюй-хуа 去華, прозвание Сюэ-сун 雪松) – чиновник и литератор, занимал должность цензора (*юй-ши* 御史, букв. «столичного историографа») и сановника Ведомства высших драгоценностей (*шан-бао сы цин* 尚寶司卿), в ведении которого находились печати императора.

¹⁰ См. примеч. 17 статьи «Своенравная дорога до тунчжоуского острога: жизненный путь Ли Чжи» настоящего сборника.

¹¹ Цянь Куань 錢寬 (1497–1574, величания Хун-фу 洪甫, Дэ-хун 德洪, прозвание Сюй-шань 緒山) – философ, ученик Ван Шоу-жэня, внесший значительный вклад в подготовку к изданию его трудов.

1. «Записанные беседы в дубовой роще¹²» («Цзо-линь цзи-тань» 柞林紀譚), один *цзюань*, время составления неизвестно. Записи бесед Ли Чжи с братьями Юанями¹³, составитель – Юань Чжун-дао.

2. «Ответы и вопросы [из монастыря] Вечного ликования» («Юн-цин да вэнь» 永慶答問), один *цзюань*, написаны в 1598 г. Записи бесед Ли Чжи с обитателями буддийского монастыря Юн-цин-сы, составитель – некий Шэ Юн-нин 余永寧.

3. «“Предание о преданных и верных долгу [удальцах из] речных заводей” с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн пи-пин Чжун-и шуй-ху чжуань» 李卓吾先生批評《忠義水滸傳》). Издание классического романа¹⁴ с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

4. «“Преданные и верные долгу [удальцы] из речных заводей”: полная книга с выставленными изображениями, оценками и пометками» («Чу-сян пи-дянь Чжун-и шуй-ху цюань-шу» 出像評點《忠義水滸》全書). Издание классического романа с другими авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

5. «“Записки о путешествии на Запад” с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн пи-пин Си-ю цзи» 李卓吾先生批評《西遊記》). Издание классического романа с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

6. «“Описание [эпохи] Трёх царств” с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн пи-пин Сань го чжи» 李卓吾先生批評《三國志》). Судя по заглавию, это издание скорее не самого знаменитого романа «Троецарствие», а его первоосновы и прообраза, «Просто[народного] сказа¹⁵ [по мотивам] “Описания [эпохи] Трёх царств”» («Сань го чжи пин-хуа» 三國志平話), с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

7. «“Новые речи о [ходящих в] мире’ с дополнениями” с ремарками и пометками Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у пи-дянь Ши-шо синь-юй бу» 李卓吾批點《世說新語補》). Дополненное издание

¹² В этом произведении «старцем из дубовой рощи» (*цзо-линь соу* 柞林叟) назван Ли Чжи.

¹³ См. примеч. 41 статьи «Своенравная дорога до тунчжоуского острога: жизненный путь Ли Чжи» настоящего сборника.

¹⁴ Подробно о сомнительном авторстве этого и других комментариев к классическим китайским романам см. [Оу-ян 1984; Цзинь 2012; Чжан 2001; Чжан 2007, Чжан 2009].

¹⁵ Просто[народный] сказ (*пин-хуа* 平話) – жанр фольклорного творчества, прозаический сказ. Подробнее о нём см. [Воскресенский 2008, с. 96; Спешнев 2008, с.117]

упомянутого выше сборника Лю И-цина с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста. По мнению Чан Хок-лама, составителем данного произведения был Хэ Лян-цзюнь¹⁶ [Chan 1980, с. 173]).

8. «“Записки о лютне”¹⁷ с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн пи-пин Пи-па цзи» 李卓吾先生批評《琵琶記》). Издание одноимённой пьесы с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

9. «“Записки о нефритовой шкатулке”¹⁸ с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн пи-пин Юй-хэ цзи» 李卓吾先生批評《玉合記》). Издание одноимённой пьесы с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

10. «“Записки о сокровенных покаях”¹⁹ с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн пи-пин Ю-гуй цзи» 李

¹⁶ Хэ Лян-цзюнь 何良俊 (1506–1573, величание Юань-лан 元朗, прозвание Чжэ-ху 柘湖) – крупный литератор и драматург эпохи Мин.

¹⁷ «Лютня» («Пи-па» 琵琶), или «Записки о лютне» («Пи-па цзи» 琵琶記), – романтическая пьеса в жанре «южных представлений» (*нань-си* 南戲), автор – Гао Мин 高明 (ок. 1305–1359). Сюжет повествует о молодом учёном Цай Бо-цзе 蔡伯喈, который, оставив жену Чжао У-нян 趙五娘 присматривать за родителями, уехал в столицу для сдачи экзамена. После блестящего успеха Цай Бо-цзе пришлось остаться в городе и жениться на дочери министра, но первая жена, дождавшись смерти родителей ученого, самостоятельно приехала к Цаю в столицу, и они счастливо воссоединились.

¹⁸ «Записки о нефритовой шкатулке» (Юй-хэ цзи 玉合記) – пьеса в жанре «преданий о чудесном» (*чуань-ци* 傳奇), автор – Мэй Дин-цзо (梅鼎祚, 1549–1615), современник Ли Чжи. Сюжет основан на известной истории эпохи Тан (618–907) и повествует о любви поэта Хань Сяна 韓翔 и наложницы Лю Лю, которые оказываются разлучены во время мятежа Ань Лу-шаня 安祿山 (703–757, период смуты 755–763), но благодаря помощи друзей поэта воссоединяются вновь.

¹⁹ «Поклонение луне» («Бай-юэ» 拜月), также известна под названиями «Беседка Поклонения луне» («Бай-юэ тин» 拜月亭), «Записки о поклонении луне» («Бай-юэ цзи» 拜月記) и «Записки о беседке Поклонения луне» («Бай-юэ тин цзи» 拜月亭記). Романтическая пьеса в жанре «разнородных спектаклей» (*цза-цзюй* 雜劇), автор – известный драматург Гуань Хань-цин (關漢卿, ок. 1220–1300). Позже была переработана в жанре «южных представлений» Ши Хуем (施惠, годы жизни неизвестны, творческая активность – конец XIII в.). Сюжет повествует о любви бедного ученого по имени Цзян Ши-лун 蔣世隆 и дочери министра Ван Жуй-лань 王瑞蘭, которые преодолевают трудности и расставания и в конце концов становятся мужем и женой.

卓吾先生批評《幽閨記》). Издание одноимённой пьесы с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

11. «Записки о Хун-фу²⁰» с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн пи-пин Хун-фу цзи» 李卓吾先生批評《紅拂記》). Издание одноименной пьесы с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

12. «Северные “Записки о Западном флигеле”²¹» с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» («Ли Чжо-у сянь-шэн пи-пин бэй Си-сян цзи» 李卓吾先生批評北《西廂記》). Издание одноименной пьесы с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

13. «“Четверокнижие” с оценками» («Сы-шу пин» 《四書》評)²². Издание конфуцианского канона с авторскими примечаниями и ремарками на полях и внутри текста.

14. «Историческая канва с оценками главного» («Ши-ган пин-яо» 史綱評要), 36 *цзюаней*. Аналогичная «Книге для сокрытия» компиляция трудов, описывающая историю правящих династий

²⁰ «Записки о Хун-фу» («Хун-фу цзи» 紅拂記) – пьеса в жанре «преданий о чудесном», автор – Чжан Фэн-и 張鳳翼 (1527–1613). Сюжет основывается на двух танских новеллах. Первая из них – «Предание о пришельце с курчавой бородой» («Цю-жань кэ чжуань» 虬髯客傳) Ду Гуан-тина 杜光庭 (850–933), которая повествует о любовной истории певички Хун-фу, сбежавшей из дома сановника Ян Су 楊素 с военачальником Ли Цзином 李靖. Вторая входит в сборник «События и стихи, [положенные] в основу [произведений]» («Бэнь ши ши» 本事詩), составленный Мэн Ци (孟榮, вторая половина IX в.), и рассказывает о принцессе погибшего государства Южного Чэнь (Нань Чэнь 南陳, 557–589) по имени Лэ-чан 樂昌, которая была разлучена с мужем Сюй Дэ-янем 徐德言 и попала наложницей в дом к упомянутому сановнику Ян Су, но тот, узнав о судьбе принцессы, проникся к ней сочувствием и позволил вернуться к мужу.

²¹ «Западный флигель» («Си сян» 西廂), или «Записки о Западном флигеле» («Си сян цзи» 西廂記), – романтическая пьеса в жанре «разнородных спектаклей», автор – Ван Ши-фу 王實甫 (ок. 1260–1337). Сюжет повествует о любви молодого ученого Чжан Гуна 張珙 и знатной девушки Цуй Ин-ин 崔鶯, которые преодолевают препятствия социального характера и в конце концов женятся. Определение «северные» (бэй 北) обозначает оригинальную версию в противопоставление пьесе минского драматурга Ли Жи-хуа 李日華 (получил учёную степень *цзинь-ши* 進士 [букв. «продвинутого служилого»] в 1592 г.) «Южные “Записки о Западном флигеле”» («Нань Си-сян цзи» 南《西廂記》).

²² Подробно о проблеме авторства данного произведения, а также сомнительной атрибуции вышеприведённых комментариев к пьесам см. [Руденко 2015].

с глубокой древности до конца эпохи Юань, с авторскими комментариями. Основа – официальные истории и «Всепроницающее зеркало, управлению помогающее» («Цзы-чжи тун-цзянь» 資治通鑑) знаменитого историка Сы-ма Гуана 司馬光 (1019–1086).

Кроме этого, в библиографии Чан Хок-лама были обнаружены следующие любопытные произведения, отсутствующие в 26-томном «Полном собрании» (полный список см. [Chan 1980, с. 163–182]). Вероятно, редакторы последнего сочли их либо не дошедшими до наших дней, либо не принадлежащими кисти Ли Чжи, либо входящими в состав других его произведений.

1. «[Трактат] Учителя Мо» (Мо-цзы 墨子), 15 *цзюаней*. Издание знаменитого сборника моистских философских трактатов с ремарками Ли Чжи.

2. «Копии текстов и записей учителя Лун-си»²³ («Лун-си сянь-шэн вэнь-лу чао» 龍谿先生文錄抄), девять *цзюаней*. Подборка философских эссе Ван Цзи с ремарками Ли Чжи.

3. «Копии записей речей учителя Лун-си с ремарками и оценками учителя Чжо-у» («Чжо-у сянь-шэн пи-пин Лун-си сянь-шэн юй-лу чао» 卓吾先生批評龍溪先生語錄鈔), восемь *цзюаней*. Собрание речей Ван Цзи с ремарками Ли Чжи.

4. «Копия учения о пути-дао учителя Ян-мина» («Ян-мин сянь-шэн дао-сюэ чао» 陽明先生道學鈔), семь *цзюаней*. Собрание эссе Ван Шоу-жэня о делах военного и гражданского управления.

5. «Совмещённое отобранное учителем Ли Чжо-у собрание [стихов] Тао и Вана» («Ли Чжо-у сянь-шэн хэ сюань Тао Ван цзи» 李卓吾先生合選陶王集), четыре *цзюаня*. Сборник стихов знаменитых средневековых поэтов Тао Цяня 陶潛 (365–427) и Ван Вэя 王維 (701–761), подробно о них см. [Серебряков 2008, с. 444–445, 234–235].

6. «Собранное и отобранное Чжо-у [из трактатов] всех школ» («Чжо-у чжу-цзя цзи сюань» 卓吾諸家集選), восемь *цзюаней*. Сборник произведений четырех мыслителей – Чао Цо²⁴, Цзя И²⁵, Чэнь Ляна²⁶ и Чжан Цзюй-чжэна²⁷ – с комментариями Ли Чжи.

²³ См. примеч. 24 статьи «Своенравная дорога до тунчжоуского острога: жизненный путь Ли Чжи» настоящего сборника.

²⁴ Чао Цо 晁錯 (ок. 200–154 до н. э.) – ханьский сановник и литератор. Подробнее о нем см. «Записки историографа», главу 101 «Поставленные в ряд предания о Юань Ане и Чао Цо» («Юань Ан Чао Цо ле-чжуань» 袁盎晁錯列傳) [Сы-ма 1959, с. 2113–2120], перевод на русский язык: [Сыма 2002, с. 210–220].

²⁵ Цзя И 賈誼 (200–168 до н. э.) – ханьский сановник и литератор, подробнее о нём см. «Поставленное в ряд предание о Цюй Юане и

7. «Снабженное ремарками и отобранное учителем Ли Чжоу-у из черновика ответов трону князя Чжан Вэнь-чжуна» («Ли Чжоу-у сянь-шэн пи-сюань Чжан Вэнь-чжун гун цзоу-дуй гао» 李卓吾先生批選張文忠公奏對稿), два *цзюаня*. Сборник ответных обращений Чжан Цзюй-чжэна к императору.

8. «Изложение тонкостей трех учений Старцем-Учителем Выдающимся Я» («Чжоу-у лао-цзы сань-цзяо мяо-шу» 卓吾老子三教妙述), четыре *цзюаня*, альтернативное название – «Статья со словами о добре» («Янь шань пянь» 言善篇). Собрание текстов о единонаправленности конфуцианства, буддизма и даосизма.

Наконец, из не сохранившихся работ стоит упомянуть «Книгу толкований» («Шо-шу» 說書, упоминается в письмах Ли Чжи от 1588 и 1589 гг., два *цзюаня*), которая, предположительно, представляла собой комментарии Ли Чжи к конфуцианскому «Четверокнижию», а также собрание стихотворений Су Ши²⁸ под названием «Собрание небожителя По» («По-сянь цзи» 坡仙集, 1600 г., 16 *цзюаней*).

Таким образом, из приведенной библиографии Ли Чжи видно, что его творческое наследие по большей части составляют комментарии (стоит отметить, чаще всего весьма лаконичные) к другим произведениям, а собственные сочинения фактически ограничиваются «Книгами для сожжения» и «Записями трактований о древности».

Источники и литература

На русском языке

Воскресенский 2008 – Воскресенский Д. Н. Повествовательная проза на языке *байхуа* // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5

учёном Цзя» («Цюй Юань Цзя-шэн ле-чжуань» 屈原賈生列傳) [Сы-ма 1959, с. 1933–1950], перевод на русский язык: [Сыма 1996, с. 281–294].

²⁶ Чэнь Лян 陳亮 (1143–1194, изначальное имя Жу-нэн 汝能, величание Тун-фу 同甫, прозвание Лун-чуань 龍川) – мыслитель и литератор эпохи Сун (960–1279), согласно определению А. И. Кобзева, «акцентировал внимание на социально-утилитарном значении знания» [Кобзев 2006, с. 368].

²⁷ Чжан Цзюй-чжэн 張居正 (1525–1582, величание Шу-да 叔大, прозвание Тай-юэ 太岳) – высокопоставленный сановник, архитектор фискальных и административных реформ в конце эпохи Мин.

²⁸ Су Ши 蘇軾 (1037–1101, величания Цзы-чжань 子瞻, Хэ-чжун 和仲, прозвания Те-гуань 東坡居士, Дао-жэнь 鐵冠道人, Дун-по Цзюй-ши 東坡居士) – знаменитый поэт, художник и каллиграф эпохи Сун, также известный своей деятельностью на государственной службе. Подробнее см. [Серебряков 2008, с. 414–415].

т. / гл. ред. М. Л. Титаренко // Т. 3: Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 93–109.

Кобзев 2006 – *Кобзев А. И.* Ван Цзи; Ван Ян-мин; Ли Чжи; Неоконфуцианство // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко // Т. 1: Философия / ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзев, А. Е. Лукьянов. М.: Восточная литература, 2006. С. 170–171; 180–181; 310–315; 368–369.*

Кобзев 2020 – *Кобзев А. И.* Превратности судьбы Ван Шоу-жэня и его «учения о сердце» // *Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 245–275.*

Конфуцианское «Четверокнижие» 2004 – Конфуцианское «Четверокнижие» («Сы шу») / Пер. с кит. и коммент. А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова, Л. С. Переломова, П. С. Попова при участии В. М. Майорова. М.: Восточная литература, 2004.

Мэнцзы в новом переводе... 2016 – Мэнцзы в новом переводе с классическими комментариями Чжао Ци и Чжу Си / исслед., пер. с кит., примеч. и прил. И. И. Семененко. М.: Восточная литература, 2016.

Руденко 2015 – *Руденко Н. В.* Дискуссия об авторстве «Критических комментариев к Четверокнижию» // *Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 124–142.*

Сыма 1996 – *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 8. / Пер. с кит. Р. В. Вяткина. М.: Восточная литература, 1996.

Сыма 2002 – *Сыма Цянь.* Исторические записки (Ши цзи). Т. 8. / Пер. с кит. Р. В. Вяткина и А. М. Карапетьянца. М.: Восточная литература, 2002.

Серебряков 2008 – *Серебряков Е. А.* Классическая поэзия; Ван Вэй; Су Ши; Тао Юань-мин // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко // Т. 3: Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 43–75; 234–235; 414–415; 444–445.*

Спешнев 2008 – *Спешнев Н. А.* Песенно-повествовательное искусство // *Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко // Т. 3: Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко и др. М.: Восточная литература, 2008. С. 110–119.*

На западных языках

Chan 1980 – *Chan H. Li Chih, 1527–1602, in Contemporary Chinese Historiography: New Light on his Life and Works. N. Y.: M. E. Sharpe, 1980.*

Handler-Spitz (eds.) 2016 – *Handler-Spitz R., Lee P. C., Saussy H. (eds.). A Book to Burn & A Book to Keep (Hidden): Selected Writings of Li Zhi. N.Y.: Columbia University Press, 2016.*

На китайском языке

Оу-ян 1984 – Оу-ян Дай-фа 欧阳代发. Юань каньбэнь «Шуй ху» Ли пин цюэ чу Ли Чжи чжи шоу бянь: цзянь пин «“Жун пин” Е Чжоу вэйцзо шо чжи» 袁刊本《水浒》李评确出李贽之手辨：兼评《〈容本〉李评为叶昼伪作说质疑》(Констатация того, что «Предание [об удайцах из] речных заводов» в издании Юаня с оценками Ли достоверно принадлежит кисти Ли Чжи: с комментарием [по поводу] «Сомнения в гипотезе, что “издание Жуна” с оценками Ли является подделкой Е Чжоу») // Шуй ху чжэн мин 水浒争鸣 (Дискуссии о «Речных заводах»). 1984. № 3. С. 251–262.

Сы-ма 1959 – *Сы-ма Цянь* 司马迁. Ши цзи 史记 (Записки историкографа). Пекин: Чжунхуа шуцзюй 中华书局, 1959.

Сюй 2008 – Сюй Цзянь-пин 许建平. «Фэнь-шу» канькэ гочэн, баньбэнь цзи чжэньвэй 《焚书》刊刻过程、版本及真伪 (Процесс печати, издания и аутентичность «Книги для сожжения») // Фудань сюэбао (Шэхуй кэсюэ бань) 复旦学报 (社会科学版) (Фуданьский вестник [серия: «Общественные науки»]). 2008. № 5. С. 104–114.

Хубэй Мацэн Чжифо-юань – Хубэй Мацэн Чжифо-юань 湖北麻城芝佛院 (Буддийское) подворье Грибо[подобных] будд [уезда] Мацэн [провинции] Хубэй) // Интернет-энциклопедия Baidu. URL: <https://baike.baidu.com/item> 湖北麻城芝佛院 (дата обращения 15.12.2020)/

Цзинь 2012 – *Цзинь Хуй-цзин* 金惠经. Ли Чжи юй «Сань-го янь и» 李贽与《三国演义》 (Ли Чжи и «[Художественное] переложение смысла [повествования о] трёх царствах») // Бэйцзин кэцзи дасюэ сюэбао (Шэхуй кэсюэ бань) 北京科技大学学报 (社会科学版) (Вестник Пекинского научно-технического университета [серия: «Общественные науки»]). 2012. Т. 28. № 4. С. 13–21.

Чжан 2001 – Чжан Сяо-фан 张小芳. Е Чжоу «Шуй ху чжуань» пиндянь дэ тунсу пиньгэ 叶昼《水浒传》评点的通俗品格 (Популярный характер комментариев Е Чжоу к «Преданию [об удайцах из] речных заводей»). Наньтун шифань сюэюань сюэбао (Чжэсюэ шэхуй кэсюэ бань) 南通师范学院学报 (哲学社会科学版) (Вестник Наньтунского педагогического института [серия: «Философские и общественные науки»]). 2001. № 3. С. 60–63.

Чжан 2007 – Чжан Тянь-син 张天星. Лунь «Ли Чжо-у сянь-шэн пипин “Си ю цзи”» дэ пиньюй юй Ли Чжи сысян дэ маодунь: цзянь лунь гай пинбэнь дэ пинчжэ гуйшу вэньти 论《李卓吾先生批评西游记》的评语与李贽思想的矛盾：兼论该评本的评者归属问题 (О комментариях в «“Записках о путешествии на Запад” с ремарками и оценками учителя Ли Чжо-у» и противоречиях

в идеях Ли Чжи: с обращением к проблеме авторства данного комментированного издания) // Цзянхуай луньтань 江淮论坛 (Форум [района] Янцзы-Хуайхэ). 2007. № 1. С. 142–147.

Чжан 2009 – *Чжан Тун-шэн* 张同胜. Лунь Ли Чжи дэ «Шуй ху чжуань» пиндянь 论李贽的《水浒传》评点 (О комментариях Ли Чжи к «Преданию [об удалцах из] речных заводей») // Цзилинь дасюэ сюэбао 吉林大学学报 (Вестник Цзилиньского университета). 2009. Т. 30. № 4. С. 16–19.

Чжан 2010 – *Чжан Цзянь-е* 张建业 (ред.). Ли Чжи цюань цзи чжу 李贽全集注 (Полное собрание [сочинений] Ли Чжи с примечаниями). В 26 т. Пекин: Шэхуй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ 社会科学文献出版社, 2010.

*Nikolai V. Rudenko**

Books to Burn:

Li Zhi's Brief Bibliography

ABSTRACT: The paper presents a brief bibliography of Late Ming thinker Li Zhi 李贽 (1527–1602) and gives a general review of his main writings as well as a list of some works of dubious attribution. Most of Li Zhi's writings can be described as collections of small texts: essays, verse, prefaces and commentaries to other works. Also Li Zhi has very few independent writings. They seem to be limited to «A Book to Burn» (*Fen shu* 焚書), «Continued “Book to Burn”» (*Xu Fen shu* 續焚書) and «Records of Talks about Antiquity» (*Dao gu lu* 道古錄).

KEYWORDS: Li Zhi, Ming, Chinese Philosophy, Neo-Confucianism, Taizhou School

* Rudenko Nikolai Vladimirovich, Ph. D. (Philosophy), Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), nikolay_rudenko@mail.ru

НОВОЕ И НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ

ORCID: 0000-0002-0883-3133

DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-144-191

*С. Г. Андреева**

Политика Китая на Дальнем Востоке в 1880-е гг.: к вопросу о порте Гамильтон

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются отдельные аспекты политики Китая на Дальнем Востоке, в частности, в отношении Кореи, в 1880-е гг. на примере дела о порте Гамильтон. Представлен краткий анализ действий Китая, Кореи, России и Великобритании в дипломатической сфере в контексте решения соответствующей территориальной и политической проблемы.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: архивные материалы, дипломатия, международные отношения, Китай, Корея, Англия, Россия, Ли Хунчжан, порт Гамильтон

Вторая половина XIX века стала во многом особым периодом в геополитике, характеризовавшимся рядом изменений баланса сил между ведущими державами, вовлечением во внешнеполитический «оборот» новых пространственных объектов, появлением на международной арене новых участников, определенным смещением внешнеполитических акцентов, видоизменением стратегических задач и средств. Действовавшая в указанный период геополитическая структура, основанная на Венской системе, носила преимущественно европоцентристский характер (так называемый «Европейский концерт»). В то же время расширение геополитических планов и стремление к решению собственных политических и экономических задач неизбежно приводило к конфликтам интересов основных мировых держав, к их столкновению.

* Андреева Светлана Геннадиевна, к. и. н., научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), surfgrid-to@list.ru

ям – открытым или опосредованным – на новых территориях, а также к появлению в структуре международных отношений новых игроков, влияние и потенциальную активность которых приходилось, в той или иной степени, принимать во внимание. Несмотря на то что центром преимущественной внешнеполитической активности ведущих государств во многом оставалась Европа (и Ближний Восток), смещение геополитических интересов в сторону Центральной Азии и Дальневосточного региона вело, помимо прочего, к тому, что существовавшие между странами противоречия и противостояние находили выражение в новых пространственных, экономических и политических условиях. В частности, коллизия интересов, имевшая место между Англией и Российской империей (Турция, Балканы), по мере продвижения этих стран на восток (Центральная Азия, Индия, Китай) выходила на новый уровень.

В деле решения стратегических задач сдерживания продвижения России в Азии и на Дальнем Востоке Великобритания применяла различные подходы, в том числе не только используя уже сложившиеся обстоятельства и факторы, но и формируя новую, потенциально перспективную для себя ситуацию. Что касается Дальнего Востока, то в эти события и действия нередко оказывался втянут Китай. В рассматриваемый период Дальний Восток оказался одним из эпицентров внешнеполитического, экономического, дипломатического взаимодействия ряда государств, что вело к формированию мощного «клубка» противоречий, разнообразных тактических решений, становившихся во многом реакцией на действия со стороны других участников геополитических процессов, а также различного уровня стратегических планов, направленных на продвижение собственных интересов за счет ослабления или использования других игроков и фигурантов.

Как представляется, при анализе общей геополитической ситуации на Дальнем Востоке в указанное время следует учитывать, что Цинская империя, несмотря на сложное политическое и экономическое положение в стране, а также весьма непростые, многоплановые и многоаспектные внешнеполитические обстоятельства, тем не менее старалась действовать как самостоятельная сила. Нередко стремясь следовать принципу *и и чжи и*¹, одной из значимых стратегических концепций, реализовывавшихся

¹ 以夷制夷 – «использование [одних] варваров для управления [другими] варварами».

на практике, в частности, Ли Хунчжаном² – во многом ключевой фигурой внешней политики Цинской империи в то время, Китай даже под давлением обстоятельств все же вел весьма активную и в целом небезуспешную внешнюю политику.

Примечательно, что одним из объектов внешнеполитической деятельности и одновременно своего рода «инструментов» политического давления на потенциальных «противников» для ряда ведущих участников геополитических процессов в Дальневосточном регионе в рассматриваемый период стала Корея. Следует отметить, что принятая в то время среди европейских государств практика обеспечения баланса сил и взаимного сдерживания за счет дипломатических средств, прежде всего оформления разнонаправленных международных соглашений, получила своеобразное развитие и на Дальнем Востоке, в частности в связи с Кореей. Речь идет о заключении Кореей по инициативе и при непосредственной поддержке и участии Китая (и лично Ли Хунчжана) ряда во многом идентичных договоров со всеми «заинтересованными сторонами» – основными державами Запада, активно действовавшими в данном регионе, а также с Японией. Фактически Китай в этом случае выступил «спонсором» соответствующих договорных процессов. С одной стороны, это можно рассматривать как прямую реализацию концепции *и и чжи и*, а с другой – как применение методов европейской дипломатии, цель которых может быть выражена словами Гладстона³: «[...] поддерживая единство всех, вы нейтрализуете и связываете эгоистические устремления каждой из них... Совместное действие фатально для эгоистических целей» (цит. по [Киссинджер, 2018, с. 158]).

В то же время каждая из заинтересованных держав, действуя в целом в единых сложившихся дипломатических рамках, стремилась изыскивать дополнительные средства к реализации своих целей, стараясь при этом пользоваться создающимися независи-

² Ли Хунчжан (李鴻章, 1823–1901) – один из крупнейших государственных деятелей Цинской империи. Занимал в правительстве ряд ключевых постов: государственного канцлера, губернатора столичной провинции Чжили, управляющего корейскими делами и т. д. В последние десятилетия правления цинской династии во многом руководил внешней политикой Китая.

³ Гладстон, Уильям Юарт (William Ewart Gladstone; 1809–1898) – английский государственный деятель, писатель. 45-й (1886–1886) и 47-й (1892–1894) премьер-министр Великобритании.

мо от них внешними обстоятельствами или при необходимости, создавая ситуацию, которую затем можно было бы повернуть в свою пользу.

В этом плане безусловно лидирующие позиции как по использованию существующих средств, так и по формированию новых факторов в различных многоходовых политических комбинациях занимала Великобритания⁴.

В качестве одного из примеров действий Великобритании по формированию нужной для себя ситуации можно рассмотреть историю событий вокруг острова Гамильтон.

Прежде всего – несколько слов о самом «предмете» анализа.

Порт Гамильтон (корейское название – Комундо 巨文島) – группа из трех крупных и ряда мелких островов (образующих внутреннюю бухту, удобную для захода судов) на юге Корейского полуострова в Корейском проливе. Европейское название (Port Hamilton) острова получили в 1845 г. в честь У. А. Б. Гамильтона⁵, являвшегося с 1845 по 1855 г. вторым секретарем Адмиралтейства. Благодаря своему стратегически удобному расположению, а также хорошим условиям стоянки, порт Гамильтон нередко посещался различными судами. В частности, в 1854 г. в него заходили суда Е. В. Путятин⁶ по дороге в Японию.

Интересующие нас в связи с портом Гамильтон события относятся к середине 1880-х гг. Великобритания проявляла все возрастающий интерес к различным территориям в Южно-Китайском, Восточно-Китайском, Желтом морях в целях оценки возможности и потенциала создания в этих районах станций и баз разного уровня. Одной из таких баз важного стратегического значения стал Гонконг⁷. Острова Комундо также были включены в сферу внимания Англии.

Эта активность со стороны Великобритании не осталась незамеченной, в том числе Китаем. 24.03.1885 г. Ли Хунчжан пере-

⁴ Хотя можно отметить, что и дальневосточные государства, а именно Япония и Китай, также довольно эффективно справлялись с решением проблем в режиме многозадачности.

⁵ Бейли-Гамильтон, Уильям Александр (William Alexander Baillie-Hamilton, 1803–1881) – английский адмирал.

⁶ Путятин, Евфимий Васильевич (1803–1883) – русский адмирал, государственный деятель и дипломат, в 1855 г. подписавший первый Договор о дружбе и торговле с Японией.

⁷ Колония Великобритании с 1842 г.; официально в аренде с учетом Новых территорий – с 1898 г.

дал в *Цзунли-ямэнь*⁸ следующее сообщение: «Английские военные корабли отправились для занятия небольших корейских островов, расположенных между Чемульпо и Пусаном и именуемых [Портом] Гамильтон, где будут накапливать и запасать уголь и воду. [Это делается] для того, чтобы отрезать русским судам путь в Восточно-Китайское море. На днях английский консул Бренан⁹ конфиденциально сообщил мне, что несколько дней назад [английский] командующий флотом в сопровождении нескольких кораблей направился в этот регион. Судя по географической карте Кореи, речь идет о находящемся в открытом море острове Чеджудо 濟州島, а не о порте Лазарева¹⁰ на северо-востоке. И даже если англичане временно займут его, то ни Корею, ни Китаю ущерба не будет» [Ли Хунчжан, 1985, с. 475–476]. Очевидно, что у китайского правительства, с учетом непростой внутри- и внешнеполитической

⁸ *Цзунли-ямэнь* 總理衙門 (также *Цзунли гэ го ши-у-ямэнь* 總理各國事務衙門) – одно из правительственных учреждений империи Цин. Выполнял функции министерства иностранных дел, существовал с 1861 по 1901 г.

⁹ Бренан, Байрон (Byron Brenan, 1847–1927) – британский дипломат в Китае. Консул в Чифу (1883–1885), консул в Пекине и Тяньцзине (1885–1983), генеральный консул (Consul General) в Гуанчжоу (1893–1898), генеральный консул в Шанхае (1899–1901).

¹⁰ Порт Лазарева – бухта в 10 милях к северу от корейского г. Гензан. Использовалась русскими судами для временного захода и стоянки. Ввиду значимости этого пункта в контексте данной статьи приведем выдержку из рапорта командира клипера «Крейсер» капитана 1-го ранга Остолопова, совершившего в июне 1886 г. инспекционный осмотр берегов Кореи: «[...] Ознакомившись с окрестностями порта Лазарева, я вывел заключение, что как коммерческий порт он, при изменении корейского правительства к лучшему, может развиваться в значительный торговый пункт, и начало этому уже положено в Гензане, но военным портом при нынешних средствах атаки не может быть. [...] Все эти соображения я дозволил себе высказать вследствие убеждения, что порту этому в жизни Востока скоро придется играть немаловажную роль; если возьмут его англичане, это будет порт активный для операций против наших берегов и в то же время он завладеет торговлей с Кореей и будет угрозой для Японии; если же этот порт делается достоянием России, то будет тыловой обороной наших здешних портов, нужных нам для будущего нашего значения на море. В настоящее время занятие этого порта не встретит никакого препятствия. Полная деморализация корейского правительства и неспособность к противодействию силой облегчит его занятие и будет встречено столь же пассивно, как и занятие Гамильтона» [АВПРИ, ф. Тихоокеанский стол, оп. 487, д. 1367, л. 17об, 22об–23].

обстановки, возможность занятия англичанами «неизвестных» корейских островов не вызвала особого беспокойства.

14 апреля 1885 г. командующий английским флотом вице-адмирал У. М. Дауэлл¹¹ получил приказ Адмиралтейства: «Занять Порт Гамильтон и информировать о ходе дела» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 81]¹². Три английских военных корабля были отправлены для занятия порта с условием «не поднимать флага, кроме как в случае появления русских военных кораблей» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 81]. На запрос, направленный в Форин-офис¹³ посланником Цинской империи в Великобритании маркизом Цзэном¹⁴ в связи с указанными событиями, был получен ответ, в котором, в частности, указывалось, что в настоящее время подтверждение не поступило, однако «[...] очевидно, ввиду особых обстоятельств, было признано нужным уполномочить командующего флотом на временное занятие, в случае необходимости, порта Гамильтон. При обычных обстоятельствах правительство Ее Величества провело бы предварительное обсуждение с китайским правительством для согласования по данному вопросу. Однако ввиду возможности занятия этих островов какой-либо другой державой правительством Ее Величества было признано необходимым предпринять указанный шаг.

Правительство Ее Величества не имеет намерения совершать что-либо, что могло бы повредить престижу Китая, а потому оно готово к достижению такой договоренности, которая не будет приводить к какому-либо ущербу интересам Китая в этом регионе» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 81].

¹¹ Дауэлл, Уильям Монтагу (William Montagu Dowell, 1825–1912) – адмирал английского флота.

¹² Приведенные здесь и далее материалы АВПРИ (ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 81–93) представляют собой выдержки из подборки документов, касающихся порта Гамильтон, официально опубликованных (для служебного пользования) британским правительством в 1887 г. для рассмотрения в Парламенте. Перевод документов с английского языка для включения в данную статью выполнен автором.

¹³ Форин-офис (Foreign Office) – неофициальное название внешне-политического ведомства Великобритании, в настоящее время – Министерство иностранных дел и по делам Содружества.

¹⁴ Цзэн Цзицзэ (曾纪泽, 1839–1890) – китайский дипломат, ученый и литератор, в 1878–1885 гг. посланник Цинской империи в Великобритании. В отечественной и западной научной литературе известен как «маркиз Цзэн».

Можно предполагать, что для Китая, занятого решением действительно актуальных и неотложных проблем (война с Францией¹⁵, урегулирование осложнений с Японией после событий 1884 г. в Корее¹⁶ и т. д.), занятие англичанами неких неких островов под предлогом предотвращения гипотетической возможности захвата их каких-либо другим государством вряд ли было вопросом первостепенной важности. Тем не менее в одном аспекте Китай, весьма щепетильный в вопросе поддержания собственного престижа, среагировал сразу: речь идет о недопущении какого-либо посягательства на суверенные права Цинской империи в отношении Кореи. Например, в своем послании лорду Гренвиллю¹⁷ от 27 апреля 1885 г. маркиз Цзэн подчеркивал: «[...] Поскольку указанные острова принадлежат королевству Корея – государству, имеющему не только общую границу с Китаем, но являющемуся вассалом Китайской империи, упомянутое занятие этих островов любой иностранной державой, естественно, не может остаться без внимания со стороны Пекина» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 82].

Правительство Китая, очевидно, стремилось как можно скорее «снять» возникшую вдруг еще и эту проблему, для чего на разных компетентных уровнях велись соответствующие переговоры. Вот, в частности, сообщение маркиза Цзэна в *Цзунли-ямынь* от 01.05.1885 г.: «По поводу островов Аньдао¹⁸ уже неоднократно были споры, можно договориться о нижеследующем: китайское правительство соглашается с тем, что факт занятия англичанами этих островов не создает каких-либо помех или затруднений. Например, через год после занятия их англичанами

¹⁵ Речь идет о франко-китайской войне 1884–1885 гг. по поводу части территории Северного Вьетнама.

¹⁶ Речь идет о попытке государственного переворота в Корее во главе с Ким Оккюном (金玉均, 1851–1894). Переворот был подавлен при содействии китайских войск под командованием Юань Шикая. Во время этого мятежа пострадало японское посольство в Сеуле. В результате этих событий Корея по рекомендации Китая вынуждена была пойти на заключение с Японией невыгодного Хансонского договора (1885), по которому корейское правительство обязывалось, в частности, принести извинения Японии за причиненный ущерб, а также выплатить значительную компенсацию семьям погибших японцев.

¹⁷ Левесон-Гоуэр, Джордж, второй граф Гренвиль (George Leveson-Gower Granville, 1815–1891) – британский политик, министр иностранных дел в 1880–1885 гг.

¹⁸ В китайском тексте использован термин Аньдао 安島, тем не менее, очевидно, речь идет об островах Комунодо.

должна быть определена сумма годовой ренты, которая подлежит уплате королю Кореи. Корея выплачивает дань Китаю. В отношении Аньдао тоже должна быть внесена соответствующая сумма, надлежащая часть которой подлежит направлению в Китай в качестве дани. При этом должно быть установлено, что англичане обязуются не причинять ущерб правам и интересам населения острова [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 491].

Примечательно, что центральное правительство Китая проявляло определенную нерешительность в данном вопросе, возлагая, по сути, всю ответственность на Ли Хунчжана. В одном из посланий, адресованных Ли Хунчжану, в частности, говорилось: «[...] Речь идет о территории государства, являющегося нашим вассалом. Можем ли мы разрешить подобное ее занятие и будет ли это выгодно Китаю, тем более при отсутствии [в Корее] устойчивой власти, пусть даже под предлогом предотвращения занятия этой территории другим государством? И так слишком много злоупотреблений. Это дело следует любым способом уладить, необходимо добиться надлежащей договоренности. Ли Хунчжану поручается тщательно рассмотреть этот вопрос и в кратчайшие сроки представить доклад» [Ли Хунчжан, 1985, с. 492].

Интересен также отчет, направленный Ли Хунчжаном в *Цзунли-ямынь* в связи с рассматриваемым делом: «[...] Англичане именуют занятые ими острова Аньдао Гамильтоном¹⁹, в Китае они также именуются Цзюймодао (巨磨島. – С. А.). Это важный пункт на выходе из Восточно-Китайского моря, недалеко от корейского города Пусан и довольно близко от японских островов Цусима. Недавно японский представитель Ито²⁰ в беседе с [маркизом] Цзэном сообщил, что упомянутый захват англичанами этих островов Японии невыгоден, однако, поскольку это сделано, вероятно, с целью сдерживания России, то пока [Япония] может подождать. [...] Если пойти на заключение [с англичанами] соглашения, чтобы восстановить наше сюзеренное право, то даже несмотря на то, что Япония не признает Корею нашим вассалом, утверждая, что Корея является самостоятельным государством, тем не менее [настоящее положение дел] в Поднебесной всем известно и никакая сила на Востоке не сможет нам помешать. Если

¹⁹ В китайском тексте данное название передано транскрипцией Хамидунь 哈密敦.

²⁰ Ито Хиробуми (伊藤博文, 1841–1909) – выдающийся государственный деятель Японии, министр внутренних дел (с 1878 г.), первый (а также пятый, седьмой и десятый) премьер-министр Японии.

будет дано согласие на занятие островов, то русские непременно потребуют для себя права занять порт Лазарева. А еще и Япония может вмешаться, и впоследствии это приведет к еще большим осложнениям. По-видимому, следует на время отложить обсуждение этого вопроса. Если англичане действительно намерены занять [эту территорию], то следует действовать после согласования с Кореей. Хотя Корея – маленькое и слабое государство, я полагаю, нельзя без оснований давать подобное разрешение [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 493].

Заметим, что, несмотря на общую сложность внешнеполитического положения Цинской империи и существенное давление обстоятельств, Китай стремился обеспечивать свои интересы и настаивал на своем видении ситуации и на своих правах в этой связи. Об этом свидетельствуют, в частности, попытки Китая не допустить оккупации порта Гамильтон или, по крайней мере, убедить Великобританию отказаться от своего намерения. Примечательно в этом плане сообщение Ли Хунчжана в *Цзунли-ямынь* от 03.05.1885 г.: «[...] Ни в коем случае нельзя соглашаться на занятие англичанами порта Гамильтон. [...] На днях в конфиденциальной беседе с российским посланником было замечено, что если англичанам будет разрешено занять эти острова, то и Россия может выразить пожелание занять какой-нибудь остров. Прошу незамедлительно направить телеграмму Цзэну и остановить его действия, чтобы потом не сожалеть. Я планирую направить Дин Жучана²¹ с военными кораблями на Гамильтон для выяснения обстановки и образа действий англичан, а также секретным письмом рекомендовать корейскому королю ни в коем случае не соглашаться и не давать разрешение [на занятие островов]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 494]. С точки зрения концепции *и и чжи и* – вполне адекватный анализ обстановки. Соответствующее уведомление было направлено империей Цин в Форин-офис (06.05.1885): «[...] Китайское правительство было бы довольно, если бы обстоятельства позволили ему согласиться со взглядами правительства Ее Величества в отношении предполагаемого занятия [Гамильтона], однако следует учитывать, что российский посланник в Пекине дал понять представителям *Цзунли-ямыня*,

²¹ Дин Жучан (丁汝昌, 1836–1895) – китайский адмирал. В 1882 г. являлся наблюдателем во время корейско-американских переговоров и фактически контролировал действия корейцев при подписании корейско-американского договора. В 1884 г. принимал участие во франко-китайской войне. С 1888 г. командовал Северной эскадрой.

что в случае согласия китайского правительства на занятие англичанами островов, образующих порт Гамильтон, российское правительство может счесть необходимым занять какой-либо другой остров или часть территории корейского королевства. Принимая во внимание возможность того, что и Япония поступит так же, китайское правительство выражает сожаление в связи с тем, что в целях предотвращения возникновения описанной выше ситуации, а также ввиду вероятных осложнений, которые эта ситуация может повлечь за собой, правительство Китая не может уполномочить своего посланника на заключение соглашения, предложенного правительством Ее Величества, а также должно обязать своего представителя выразить надежду, что правительство Ее Величества все же не сочтет необходимым занять указанные острова» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 82об].

Отметим, что, как видно, в том числе из представленных документов, все переговоры по поводу части корейской (!) территории велись Великобританией не с правительством Кореи, а с Китаем. Тем самым Великобритания, по сути, признавала зависимое от Китая положение Кореи, несмотря на включение во все заключенные Кореей в 1880-х гг. с западными державами соглашения положения о признании статуса Кореи как независимого и самостоятельного государства. Фактически в рассматриваемый период большинство вопросов, касавшихся «корейских дел», решались Китаем и третьими странами, хотя формально с учетом интересов и «мнения» корейского короля и правительства.

В случае с портом Гамильтон Корея выступила фактически как «пассивная» сторона, хотя и предпринявшая ряд действий, но роль которой в данном деле оказалась минимальной. Даже чтобы на месте ознакомиться с положением дел и заявить англичанам свой протест, представителям корейского правительства пришлось воспользоваться поддержкой и содействием специально командированного Ли Хунчжаном в Корею адмирала Дин Жучана.

На китайском военном корабле корейский сановник Ом Сэён (严世永, 1832–1903) и советник корейского короля П. Г. Мёллендорф²² направились сначала в сам порт Гамильтон, где от командира одного из стоявших там на стоянке английских судов

²² Мёллендорф, Пауль Георг фон (Paul Georg von Möllendorff, 1841–1901) – немецкий востоковед и дипломат, сотрудник китайской таможни в Шанхае и Ханькоу, немецкий вице-консул в Тяньцзине. По рекомендации Ли Хунчжана отправился в Корею, где в 1882–1885 гг. находился на службе в качестве советника корейского короля Коджона.

узнали, что командующий английским флотом адмирал Дауэлл находится в Нагасаки. Вследствие этого китайский адмирал Дин Жучан вместе с корейскими представителями были вынуждены отправиться в Японию.

Вот что, в частности, сообщал вице-адмирал Дауэлл в своем докладе секретарю Адмиралтейства (19 мая 1885 г.): «Вчера утром в порт Гамильтон прибыли китайские суда “Чаоюн” и “Янвэй”²³ под командованием адмирала Дина, доставившие двух корейских официальных представителей – г-на Ом Сэёна, члена Внутреннего Совета, и г-на П. Г. Мёллендорфа, члена корейской Коллегии иностранных дел. В то же утро эти два господина нанесли мне визит и сообщили, что они направлены королем Кореи для посещения порта Гамильтон, чтобы убедиться в верности сведений, полученных Его Величеством, о занятии нами [этих островов], а также чтобы, в случае если эта информация верна, узнать у меня, в силу каких полномочий и на каком основании эта операция была произведена. [...] Я ответил, что в соответствии с приказом правительства Ее Величества мною была занята бухта порта Гамильтон, однако, по моему мнению, эта оккупация будет носить лишь временный характер. Затем они (корейские представители. – С. А.) сообщили, что они уполномочены заявить официальный протест против занятия указанной территории, и просили меня уведомить правительство Ее Величества, что такой протест был ими сделан. Я предложил им оформить их заявление в письменном виде, и они обещали это сделать» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 85].

В итоге корейские представители направили вице-адмиралу Дауэллу следующее письменное заявление: «Имеем честь настоящим сообщить, что как только Его Величество король Кореи получил известие о том, что часть территории, составляющая владение Его Величества, именуемая “порт Гамильтон”, была занята силами военно-морского флота под командованием Вашего Превосходительства, Его Величество, воспользовавшись случаем, представившимся благодаря визиту в Масанпо двух военных кораблей Его Величества императора Китая, обратился с просьбой к Его Превосходительству адмиралу Дину сопроводить указанных корейских официальных лиц в порт Гамильтон для проверки правильности полученного сообщения. По прибытии в порт Га-

²³ Китайские военные корабли «Чаоюн» 超勇 и «Янвэй» 扬威 были построены и приобретены Китаем в Англии. Для их приемки в 1879 г. в Европу был направлен Дин Жучан.

мильтон мы обнаружили несколько кораблей Ее Величества [...] в самой гавани, а также британский флаг, поднятый на самой высокой точке острова. Мы обратились за разъяснениями к капитану корабля Ее Величества “Flying Fish”, который сообщил нам, что занятие острова было произведено им на основании приказа Вашего Превосходительства, а также что в данный момент Вы находитесь в Нагасаки.

Адмирал Дин любезно согласился доставить нас в этот порт.

Мы прибыли утром 18-го мая и в тот же день имели беседу с Вашим Превосходительством по указанному вопросу. В этой связи мы теперь имеем честь требовать от имени Его Величества короля Кореи, чтобы Вы сообщили нам, по какому праву и на каком основании такой военный захват части территории дружественной державы был произведен силами военно-морского флота Ее Величества, находящимися под Вашим командованием.

Далее, мы требуем, чтобы Вы предприняли все надлежащие шаги, чтобы убедительно показать всем соответствующим трактатным державам, что порт Гамильтон является неотъемлемой частью владения Его Величества короля Кореи» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 86].

Обращение соответствующего содержания было направлено Коллегией иностранных дел Кореи правительству Великобритании (25 мая 1885 г.): «[...] Порт Гамильтон, принадлежащий Корее, не может быть захвачен никакой другой державой. Выражаем надежду, что Великобритания, в силу существующих между нашими государствами дружеских отношений, откажется от своего намерения и что ее флот будет немедленно выведен (с указанной территории). В противном случае Корея не будет молчать и направит соответствующее обращение к другим трактатным державам [...]» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 84].

Несмотря на заявленные протесты, стало очевидно, что ни Китай, ни тем более Корея не могут оказать никакого действительного влияния на Великобританию даже в вопросе о порте Гамильтон. В то же время, по-видимому, в английском правительстве возникло намерение оформить так или иначе официально свое пребывание на этой территории. Вот, в частности, письмо лорда Гренвиля английскому поверенному в делах в Пекине О’Конору²⁴ (29.05.1885 г.): «[...] Я должен поставить Вас в из-

²⁴ О’Конор, Николас Родерик (Nicholas Roderick O’Conor, 1843–1908) – британский дипломат, поверенный в делах в Пекине, в 1892–

вестность о том, что правительство Ее Величества выразило готовность выплачивать Корее сумму, не превышающую 5 тыс. фунтов стерлингов в год, в виде арендной платы за порт Гамильтон на то время, что он будет использоваться нашей страной в качестве угольной станции. Вам предоставляются полномочия провести переговоры с корейским правительством по данному предмету» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 84]. Заметим, что речь идет об «угольной станции», а не о создании «военной базы для противостояния России». Примечательно также, что английскому представителю рекомендовали «по возможности представить указанное предложение Корее через *китайское правительство* (курсив мой. – С. А.)» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 84].

Текст аналогичного содержания находим, в частности, и в следующем послании Ли Хунчжана, адресованном китайскому военному агенту в Корее Чэнь Даошу 陳道樹 (01.07.1885 г.): «Англичане заняли порт Гамильтон, не следует рассчитывать, что они уйдут. Они намерены взять его у Кореи во временную аренду с выплатой ежегодно 20 тыс. лянов серебром. Все вопросы, связанные с поземельным налогом, а также отношения с местным населением определяются и регулируются корейскими властями. Следует, как обычно, заключить конфиденциальный договор, чтобы позволить нам провести переговоры и не допустить ущерба для Кореи. Надеюсь, Вы сообщите это конфиденциально корейскому правительству, а также согласуете это дело с английским представителем в Корее [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 531].

Важно отметить, что ситуация осложнялась рядом специфических внешнеполитических моментов, а также рядом внутривосточных событий, имевших место в рассматриваемое время в Корее.

Вторая половина XIX века ознаменовалась для Китая фактическим разрушением официальной, законодательно закреплённой вассальной системы империи Цин. Прежде всего, это коснулось *сы и* 四夷 – четырех внешних «варварских» государств, издавна входивших в систему данников Китая²⁵.

1895 гг. чрезвычайный посол и полномочный министр Великобритании в империи Цин.

²⁵ Согласно положениям законодательного кодекса Цинской империи «Дай Цин хуэй дянь» 大清會典 (цз. 56), говоря обобщенно, к этим четырем данническим государствам относились Корея, архипелаг Рюкю, часть Вьетнама (Аннам 安南) и Бирма.

Островное государство Рюкю еще в 1870-х гг. перешло под управление Японии. Франко-китайская война (1884–1885) привела к утрате Китаем своего «вассала» на юго-западе – Франция установила свой протекторат над Северным Вьетнамом. Одновременно под угрозой оказалось и сюзеренное право Китая (пусть и номинальное) в отношении Бирмы.

Великобритания в своем стремлении оградить от любых возможных посягательств свою главную колонию – Индию, «жемчужину в короне Британской империи», – старалась, помимо прочего, создать вокруг нее своего рода «буферную зону», т. е. так или иначе взять под свой контроль соседние с Индией территории. В контексте данной статьи принципиальное значение имеет Третья англо-бирманская война (1885–1887), приведшая к утрате империей Цин своего, пусть и формального, сюзеренного права в отношении Бирмы, а также к потере части приграничных территорий. Стоит отметить, что китайское правительство пыталось отстаивать свои позиции в Бирме, указывая, например, что «Бирма непрерывно осуществляла жертвоприношения, выплачивала дань в соответствии со сложившимся порядком; пограничные дела также могут быть рассмотрены и оформлены при получении надлежащего указа. Пусть даже Бирма определит какого-либо другого человека на должность правителя, следует сначала уведомить Китай и принимать окончательное решение после получения его дозволения. Это является проявлением порядка» [Ли Хунчжан, 1985, с. 607]. Безусловно, с учетом всех обстоятельств очевидно, что никакого существенного влияния на действия Великобритании Китай оказывать не мог, хотя и пытался отстаивать свои интересы путем переговоров. Результатом стало заключение в июне 1886 г. соглашения, по которому Англия получила право управления в Бирме «по своему усмотрению», хотя и обязывалась взамен прекратить активные попытки проникновения на территорию Тибета. Китай при этом понес как определенные территориальные потери (некоторые приграничные с Бирмой участки, которые Китай считал своими, перешли к Бирме и, соответственно, под контроль Англии), а также ощутил и своего рода «репутационные убытки» – империя Цин потеряла еще одного «данника».

Таким образом, в рассматриваемое время Корея оставалась фактически единственным «официальным» вассалом империи Цин.

1880-е годы в Корее ознаменовались активной борьбой различных групп в корейских придворных кругах за власть, прежде всего противостоянием «прокитайской партии», поддерживавшей

королеву Мин²⁶, со сторонниками смены власти и реформ, ориентировавшимися во многом на Японию и ее опыт прогрессивных преобразований, начавшихся после Реставрации Мэйдзи (1868). Все это выразилось в социально-политических волнениях и череде попыток дворцовых переворотов. Безусловно, Китай, стремившийся при любых обстоятельствах поддерживать свой престиж как государства-сюзерена, не мог оставаться в стороне. Положение сюзерена обязывало (*noblesse oblige*). Соответственно, несмотря на весь комплекс проблем, сложившийся для Китая в рассматриваемый период на «внешнем контуре» (война с Францией, беспокойная обстановка на северо-западных границах и т. д.), Китай был вынужден направить войска для урегулирования положения в Корее. Принятые им меры увенчались определенным успехом и даже способствовали некоторому повышению авторитета империи Цин в Корее, однако в то же время привели к политическому конфликту с Японией. Следствием этого стало подписание 18.04.1885 г. Тяньцзиньского соглашения между Ли Хунчжаном и Ито Хиробуми (так называемое Соглашение Ли–Ито) в отношении Кореи, зафиксировавшее, помимо прочего, обязательство каждой из договаривающихся сторон вывести из Кореи свои войска (кроме непосредственной охраны дипломатических представительств) и в будущем воздерживаться от их использования, а в случае необходимости ввода войск соответствующая сторона была обязана своевременно уведомить об этом другую сторону. Таким образом, возможность для Китая осуществлять в Корее какие-либо действительно «активные» действия оказывалась скованной этим соглашением.

Отметим, что подходы отдельных компетентных представителей властных структур Великобритании касательно порта Гамильтон не были однозначными и единообразными. Вот, например, мнение вице-адмирала Дауэлла, выраженное им в мае 1885 г. в письме в Адмиралтейство: «До тех пор пока мы занимаем преобладающее положение на море, Гонконг является достаточной базой. Порт Гамильтон может пострадать от артиллерийского обстрела, если только он не будет должным образом укреплен, что, в свою очередь, потребует присутствия здесь эскадры для его защиты. При необходимости порт Гамильтон может быть использован для якорной стоянки без официального его занятия. Любая держава, решившая удерживать его на постоянной основе, вы-

²⁶ Королева Мин (1851–1895) – супруга короля Кореи Коджона, игравшая существенную роль в политике корейского государства.

нуждена будет превратить его во вторую Мальту» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 83об, № 19].

Также стоит привести выдержку из письма британского адмирала Дж. Уиллза²⁷ в Адмиралтейство (от 7 января 1886 г.): «[...] В период моего пребывания в должности командующего я неоднократно посещал порт Гамильтон и продолжаю придерживаться мнения, которое сформировалось у меня тогда, – что порт Гамильтон является бесполезным и слишком затратным (по его содержанию) в мирное время, а во время войны или при проведении периодических операций он может стать для нас “слабым местом”, поскольку командующий флотом будет вынужден выделить часть кораблей своей эскадры для защиты этих островов и образуемой ими гавани вместо того, чтобы использовать их для защиты нашей коммерческой деятельности.

Прошлой весной велись разговоры о том, что если Англия не займет порт Гамильтон, то это сделает какая-либо другая держава. Простой взгляд на карту и несколько минут размышлений позволяют понять, что это абсурдное предположение. Только нация, “обладающая приоритетом на море”, может позволить себе удерживать это наше новое приобретение, поскольку эти острова практически пустынные и бесплодны.

Предполагается, что в случае войны наличие угольной станции в более северном порту является необходимым. Я не поддерживаю это мнение.

Угольные транспортные суда, оснащенные должным образом, могут быть загружены кардиффским углем в Гонконге и следовать за нашими военными кораблями. Если же предполагается превратить порт Гамильтон в обычное колониальное владение и укрепить его, подобно Гибралтару или Мальте, то основные возражения против этого могут быть представлены не в плане морского дела, но с политической точки зрения [...].

Таким образом, я бы рекомендовал вернуть порт Гамильтон его законным владельцам» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 91].

Неоднозначность положения порта Гамильтон вызывала вопросы и у ряда других представителей власти в Великобритании.

²⁷Уиллз, Джордж Омманни (George Ommanney Willes, 1823–1901) – английский адмирал, главнокомандующий флотом (Commander-in-Chief) Великобритании (1886–1888).

Так, английский посланник в Китае С. Х. Макартни²⁸, в своем послании от апреля 1886 г. к министру иностранных дел графу Розбери²⁹ отмечая, в частности, что «[...] российский представитель в Пекине неоднократно обращался к китайскому правительству с требованием добиться вывода британских войск с островов, составляющих порт Гамильтон, заявляя при этом, что в случае если оккупация Англией указанных островов будет продолжаться, Россия может оказаться вынужденной занять какой-либо пункт в Корее», запрашивал «инструкции правительства Ее Величества относительно продолжения оккупации порта Гамильтон, которая, как предполагалось вначале, должна была носить только временный характер» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 93]. В ответ на это из Форин-офиса был получен меморандум следующего содержания: «[...] Правительство Ее Величества не имеет намерения продолжать оккупацию порта Гамильтон, выступая тем самым против просьб со стороны китайского правительства, однако нам представляется, что такой шаг противоречил бы интересам обеих стран – Китая и Англии – ввиду возможности занятия этих островов какой-либо другой европейской державой.

Если китайское правительство готово гарантировать, что подобная оккупация не произойдет, то тем самым одна из целей, которые правительство Ее Величества преследовало, занимая порт Гамильтон, будет выполнена.

Если бы китайское правительство выразило готовность принять на себя подобную ответственность, то, по предположению правительства Ее Величества, Китаю следовало бы обратиться к России и другим заинтересованным странам с предложением заключить международное соглашение, которое гарантировало бы интересы Кореи. Если такое предложение будет принято, правительство Ее Величества будет готово присоединиться в качестве одной из сторон к подобному соглашению и немедленно оставить порт Гамильтон, при условии что эта территория признается неотъемлемой частью собственной территории Кореи» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 93].

²⁸ Макартни, Сэмюэл Халлидей (Samuel Halliday Macarthey, 1833–1906) – военный хирург, дипломат, посланник Великобритании в империи Цин, впоследствии советник Китайского представительства в Лондоне.

²⁹ Примроуз, Арчибальд Филипп (Archibald Philip Primrose, 1847–1929), пятый граф Розбери (5th Earl of Rosebery) – британский государственный деятель, министр иностранных дел (1886, 1892–1894), премьер-министр Великобритании (1894–1895).

Соответствующее сообщение касательно ответа Англии в деле о порте Гамильтон было направлено маркизом Цзэном в *Цзунли-ямэнь* (18.04.1886 г.): «Если бы Китай обратился с просьбой к России, Японии и всем западным державам о заключении совместного договора о том, что они не будут занимать территорию Кореи, то Англия сразу покинет Комундо» [Ли Хунчжан, 1985, с. 659].

Таким образом, англичане продолжали оставаться в порту Гамильтон, используя его, очевидно, в качестве дополнительного средства давления, прежде всего на Китай, а также опосредованно на Россию. Последняя тенденция становится особенно заметной в политической дискуссии вокруг порта Гамильтон между Великобританией и Китаем в 1886 г.

Следует подчеркнуть, что анализ любой политической ситуации всегда и неизбежно является многофакторным, требующим учета максимально возможного числа условий, аспектов и обстоятельств. В контексте рассматриваемой проблемы немаловажное значение имело и еще одно событие, казалось бы, незначительное, однако приведшее к заметным и далеко идущим последствиям для «судьбы» вопроса о порте Гамильтон, а также для политической ситуации в регионе в целом. Речь идет об обстоятельствах, связанных с обращением корейского короля Коджона с письмом к российскому поверенному в делах в Корее Веберу³⁰, содержавшим просьбу о защите и покровительстве со стороны Российской империи.

Необходимо учитывать, что позиции корейского короля, находившегося в эпицентре борьбы интересов разных групп во властных кругах Кореи, оказались довольно слабыми, поэтому естественно, что он пытался всячески обеспечить себе поддержку, обращаясь в этих целях к различным потенциальным «покровителям», в том числе и к России.

В июле 1886 г. российского поверенного в делах в Корее Вебера посетил один из крупных корейских сановников. Вот что отмечал сам Вебер по поводу имевшей место беседы: «[...] (он) сообщил мне, что король крайне тяготеет тем перевесом и влиянием, которые имеет здешний китайский представитель³¹ на страну и которыми он пользуется лишь в ущерб достоинству Ко-

³⁰ Вебер, Карл Иванович (1841–1910) – российский дипломат, возглавлял первую российскую дипломатическую миссию в Корее (1885–1897).

³¹ Речь идет о Юань Шикае (袁世凱, 1859–1916) – одном из крупнейших государственных деятелей Китая конца эпохи Цин – начала периода Китайской Республики, который с 1885 по 1894 г. занимал должность китайского представителя в Корее.

роля и благосостоянию Кореи. Король убедился, что Китай не в состоянии защитить эту страну, если у нее будут какие-нибудь серьезные затруднения с другими нациями, и доказательство этому он видит в деле о Гамильтоне. Он еще убедился в том, что возрождение Кореи не в интересах Китая и что поэтому пекинское правительство тормозит и противодействует через своего агента здесь всяким преобразованиям и нововведениям. Так, оно препятствует разработке копей и приисков, могущих снабдить Корею средствами, которые обеспечили бы страну и поставили бы ее в материальном отношении в независимость от Китая. Из всех стран одна Россия может освободить ее из настоящего безвыходного положения. В тесной дружбе с нею король усматривает единственное средство для водворения мира и спокойствия и для развития страны» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 109об–110]. При этом сановник сообщил о намерении короля обратиться к российскому представителю с письмом, в котором он будет просить «о содействии России для упрочения независимости Кореи под нашим влиянием» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 110].

Через несколько дней Веберу был доставлен документ, на котором «[...] имеются печати короля и министра внутренних дел. Король говорит в ней, что желание всецело изменить прежний порядок вещей (т. е. зависимость Кореи от Китая) заставляет его прибегнуть к России, которая, как он надеется, не откажет ему, в случае надобности, в помощи» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 111–111об].

Надо сказать, что у корейского короля, очевидно, были основания для тревоги и беспокойства. В рассматриваемое время в очередной раз в Сеуле возникли слухи о состоявшемся якобы тайном соглашении о протекторате России над Кореей. Как сообщил Веберу советник короля Кореи О. Н. Денни³², «слухи эти исходят от китайского представителя Юаня, который, как он (Денни. – С. А.) имеет основания думать, получил эти сведения от английского Генерального консула». [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 111об] Следствием этого стала определенная активизация деятельности китайского представителя, направленная на оказание давления на корейского короля и сановников, с тем

³² Денни, Оуэн Никерсон (Owen Nickerson Denny, 1838–1900) – американский дипломат, назначенный в 1877 г. консулом в Тяньцзинь; с 1880 г. генеральным консулом в Шанхае. В 1885–1890 гг. – советник короля Кореи и вице-президент корейской Коллегии иностранных дел.

чтобы препятствовать любым самостоятельным шагам Кореи и поддерживать «сюзеренное» право Китая в отношении этой страны. Отметим, что в данном случае давление со стороны Юань Шикая оказалось слишком сильным. Как указывает Вебер, «Юань стал всячески мутить и стращать корейцев. Он грозил им, что в скором времени появится китайский флот и армия в 30 тыс. человек, и даже члены Китайской миссии открыто высказывались, что цель их присылки – низвержение Короля, место которого займет Дай-ин-гун³³. Своими кознями он сумел навести такую панику на корейцев, что нашлись изменники, которые сообщили китайцам о существовании послания Короля, обратившегося ко мне вследствие того, что он был напуган угрозами китайца» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л.113].

Подчеркнем, что обращение корейского короля к России и его потенциальные последствия, в принципе, могли быть на руку Великобритании, но сулили серьезные осложнения как для Китая, так и для России, которых оба этих государства стремились избежать. Вот что, в частности, указывал поверенный в делах в Сеуле Вебер: «[...] Россия принимает живое участие в судьбе Кореи и, согласно имеющимся у меня инструкциям, я уполномочен уверить корейского короля, что Императорский Кабинет всегда будет готов оказать возможное содействие, если бы наступили обстоятельства, которые могли бы грозить независимости или целостности страны этой. Тем не менее я должен указать на важность задуманного Королем поступка и на затруднения и усложнения, в которые Корея неизбежно будет вовлечена впоследствии. Предлагая свою дружбу здешнему правительству, Россия, вместе с тем, желала бы сохранить дружеские отношения с соседним Китаем, и поэтому я всегда указывал в своих беседах с корейскими сановниками, что им следует избегать всего, что могло бы повести к разрыву их добрых отношений с Китаем» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л.110об]. Эта позиция вполне соответствовала инструкциям, полученным Вебером от Министерства иностранных дел (январь 1886 г.), в которых, в частности, подчеркивалось: «[...] Ваше донесение подтверждает уже ранее полученные нами сведения о том, что в настоящее время в Корее господствует влияние Китая. Король, как можно заключить из того же донесения, бессилен бороться против этого

³³ Имеется в виду Ли Хаын 李夏應 (1820–1898), именуемый по своему титулу Хынсон-тэвонгун 興宣大院君 или просто Тэвонгун 大院君), – корейский принц-регент, отец короля Коджона.

влияния, и обеспечить свое личное положение он считает возможным лишь при условии внешней поддержки. Такую поддержку он желал бы получить от нас [...].

С другой стороны, из сообщений посланника нашего в Пекине явствует, что китайское правительство с напряженным вниманием наблюдает за положением дел в Корее и для обеспечения своего влияния сосредоточило в Маньчжурии, поблизости от сухопутной корейской границы, значительные вооруженные силы. В беседах с действительным статским советником Поповым³⁴ китайские министры объяснили ему, что предосторожность эта вызвана необходимостью иметь готовые средства для подавления весьма возможных в Корее внутренних смут и для защиты страны этой от посягательства со стороны Японии, но посланник наш совершенно основательно не доверяет искренности этих уверений и расположен скорее думать, что означенная выше мера обуславливается слухами о наших замыслах на Корею, каковые слухи, как Вы сами замечаете, поддерживаются англичанами с целью отвести глаза китайского правительства от занятия порта Гамильтона.

Таковое положение дел обязывает нас быть крайне осмотрительными.

[...] положение Китая относительно Кореи гораздо выгоднее, чем наше, а из этого следует, что мы не должны давать китайскому правительству повода воспользоваться этим преимуществом. Вооруженное вмешательство этого правительства в дела Кореи, которое повело бы к поглощению страны этой, было бы для нас крайне неблагоприятно и могло бы даже вовлечь нас в столкновение с Китаем, а [...] всякое столкновение с империей Богдохана потребовало бы с нашей стороны громадных жертв, которые ни в каком случае не были бы искуплены результатами борьбы. Положение наше на побережье Тихого океана не настолько еще обеспечено, чтобы мы могли рассчитывать здесь на какой-либо успех, а успехи, которые мы в состоянии одержать на нашей границе с северо-западным Китаем, повели бы, в крайнем случае, лишь к нежелательному расширению наших среднеазиатских владений.

[...] Соображения эти [...] обязывают Вас [...] сосредоточить все Ваши усилия на установлении с Кореей хороших отношений, которые, по возможности, удовлетворяли бы потребностям наших пограничных владений, и, не отнимая у короля надежды

³⁴ Попов, Сергей Иванович (1824–?) – российский дипломат, посланник в Китае в 1883–1886 гг.

на нашу поддержку, советовать ему воздерживаться от таких действий, которые могли бы окончательно испортить его отношение к Китаю» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 63об–66].

Ввиду вышесказанного, с учетом всех обстоятельств российские дипломаты в своих беседах с китайскими представителями выражали неверие в подлинность такого послания или даже отрицали его наличие. При этом показательно, что корейская сторона также старалась по возможности нивелировать негативные последствия этого дела, указывая, что это письмо – дело рук «низких людей», старавшихся очернить короля.

Обеспокоенность китайской стороны этим вопросом отражена, например, в сообщении китайского представителя в России Лю Жуйфэня³⁵ (22.08.1886): «Сегодня имел встречу с товарищем министра иностранных дел Влангали³⁶, спросил его, правда ли, что Вебер получил от корейцев секретное послание с просьбой о предоставлении Кореи покровительства со стороны России. Корея в течение нескольких тысяч лет являлась вассалом Китая, и это всем известно. Я выразил надежду, что российское правительство не примет это письмо и не будет оказывать Корею покровительство. Влангали отвечал, что ему не известно, чтобы Корея обращалась за защитой. Я заметил, что письмо, отправленное корейцами Веберу, является ложным и сфабриковано группой изменников при корейском правительстве. Поэтому российскому правительству ни в коем случае не следует верить этому письму, чтобы не нанести вред дружественным российско-китайским отношениям. Влангали на это отвечал, что Вебер такому письму не поверит. Я подчеркнул, что если все же такое обращение имело место, то Китай не уступит своей позиции [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 702].

В то же время Юань Шикай сообщал по данному делу из Сеула: «Спрашивал различных чиновников, все говорят, что этот документ сфабрикован низкими людьми³⁷, а король и правительство ничего об этом не знают. [...] Вебер отрицает, что это дело имело место [...]» [Ли Хунчжан, 1985, с. 703].

³⁵ Лю Жуйфэнь (刘瑞芬, 1827–1892) – китайский государственный деятель эпохи Цин, дипломат.

³⁶ Влангали, Александр Георгиевич (1824–1908) – русский географ, дипломат, посланник в Китае (1863–1869 и 1870–1873), с 1882 г. товарищ министра иностранных дел, с 1897 г. член Государственного Совета Российской империи.

³⁷ Кит. *сяожэнь* 小人.

Описанную выше позицию российского правительства, направленную на предотвращение любых открытых конфликтов между Россией и Китаем, по-видимому, старался поддерживать и Ли Хунчжан. Так, он, например, отмечал: «[...] на вопрос о том, правда ли, что корейский король посылал людей для вручения российскому представителю письма с просьбой о покровительстве и защите со стороны России, все говорят, что это – дело рук низких людей. Многие в корейском правительстве [...] признают, что отправка такого документа – клевета. [...] в Сеуле [...] повсеместно китайцы и иностранцы находятся в смятении и встревожены, корейцы опасаются ввода войск. [...] В настоящее время, по-видимому, следует сохранять спокойствие и не допускать волнений. Необходимо подождать, прежде чем действовать» [Ли Хунчжан, 1985, с. 705].

Таким образом, общая сложность ситуации была вызвана рядом обстоятельств, поводом для которых во многом послужили события вокруг порта Гамильтон.

Можно отметить, что корейское правительство, несмотря на всю сложность внутривластической ситуации и вполне очевидную безрезультатность предпринимаемых им действий, тем не менее не переставало отстаивать свои права в отношении территории своей страны – в данном случае порта Гамильтон. Об этом свидетельствует, в частности, нота, направленная Коллегией иностранных дел Кореи английскому посланнику в Пекине Джону Уолшему³⁸ (22 июня / 4 июля 1886 г.), в которой корейское правительство, отмечая *inter alia*, что продолжающаяся вопреки заявленным протестам оккупация Англией островов Комундо (порт Гамильтон) «не только противоречит справедливости, законности и международному праву, [...] но и составляет нарушение первой статьи Договора о дружбе и торговых сношениях, заключенного со стороны Кореи со всей торжественностью и полным доверием [...]», объявляло, что ввиду вышеприведенных оснований, а также «чтобы справедливость была оказана, верховные права Кореи сохранены и столь счастливо существовавшие в прошлом сердечные отношения и дружба могли пребывать во все времена нерушимыми», и если Великобритания «откажется исправить зло, совершенное занятием порта Гамильтон, наше государство, вследствие жизненной для него важности вопроса, должно будет обратиться к державам, с которыми оно имеет договоры, с прось-

³⁸ Уолшем, Джон Джеймс (John James Walsham; 1830–1905) – британский дипломат, представитель Великобритании в Китае и Корею в ранге чрезвычайного посланника и полномочного министра (1885–1892).

бой об их дружественном посредничестве» [АВПРИ, ф. 191 Миссия в Сеуле, оп. 768, д. 39, л. 204–206].

Кроме того, участие в урегулировании данной проблемы принял и советник корейского короля О. Н. Денни, который специально совершил в 1886 г. поездку в Тяньцзинь для непосредственных переговоров с Ли Хунчжаном. В ходе состоявшейся между ними беседы Денни, помимо прочего, указал Ли Хунчжану «на облыжные поступки заискивающих дружбу Китая англичан, желающих плодотворить лишь недоразумения между нами³⁹ и Китаем для достижения своих корыстных целей. Главной причиной постоянных тревог в Корее [...] он (Денни. – С. А.) считает захват Англией порта Гамильтон, могущий служить соблазнительным прецедентом для других наций и побуждающий англичан отвечать на требования корейцев об очищении порта различными инсинуациями, чтобы выдвинуть другой какой-нибудь вопрос на первый план. Науськивая при этом Китай на Россию, Англия действительно в состоянии перессорить между собой обе Державы, имеющие, при общей тысячеверстной границе, полное основание избегать всяких недоразумений. Г. Денни не отрицал возможности занятия нами (порта) Лазарева и прибавил, что в случае бездействия Китая по отношению к Гамильтону Россия не признает за Богдыханским правительством права вступить за Корею. Кроме того, он говорил, что Корея, привыкшая смотреть на Китай как на своего защитника и покровителя, будет иметь основание сомневаться в могуществе или доброй воле его, если он не оградит целостности ее и не поможет возвратить ей оторванную территорию.

Г. Денни поверил мне, что все старания его были направлены к тому, чтобы убедить Канцлера в необходимости выдачи Гамильтона и заключения с нами по поводу Кореи соглашения, имеющего выяснить наше взаимное положение в этой стране и обеспечить, насколько возможно, ее самостоятельность и неприкосновенность» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 167об–168об].

Сообщая об этом, Вебер выражает мнение о том, что весь комплекс факторов (переговоры с Денни, публикации в прессе, полученные сведения о положении дел в Корее, осложнения, вызванные чрезмерно активными действиями китайского представителя в Сеуле Юань Шикая), по-видимому, повлиял на решение Ли Хунчжана урегулировать отношения с Россией, для чего первым шагом должно было стать решение вопроса о порте Гамильтон.

³⁹ В данном случае речь идет о России (цитата взята из сообщения российского поверенного в делах в Сеуле Вебера о беседе с Денни).

В этой связи Вебер высказал свое суждение: «Я слышал здесь, что подобное требование относительно Гамильтона действительно уже заявлено со стороны Китайского правительства англичанам и что они, вследствие этого, предложили открыть этот порт и (порт. – С. А.) Лазарева для иностранной торговли. Я имею основание думать, что корейцы добровольно не согласятся на такое предложение, имеющее лишь целью парализовать значение выдачи острова, который фактически останется в руках англичан. Последние в этом случае по-прежнему воспользуются им для угольного склада и станции своих военных судов, и вторичный захват его последует при первом столкновении Англии с нами или с Китаем, или с Японией. Торговли в Гамильтоне, разумеется, никакой не может быть, разве он сделается для севера тем, что Гонконг – для южного Китая, т. е. приютом для контрабандистов. Мне также передали слух, что английским правительством куплены на острове все удобные для поселения места, так что, если он будет открыт для иностранной торговли и найдутся даже желающие там поселиться, они не будут иметь возможности к тому без согласия англичан.

Относительно предложенного г. Денни соглашения я осмеливаюсь высказать [...] свои опасения, что оно окажется, вероятно, лишь паллиативной мерой, которая едва ли в состоянии существенно изменить положение в нашу пользу. Я сомневаюсь в искренности китайцев и в добросовестном исполнении ими каких-либо принятых на себя обязательств, и поэтому опасаясь, что они, связывая нас означенным соглашением, нисколько не стесняясь, будут преследовать прежние свои цели, вмешиваться во все дела и тормозить всячески развитие этого края» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 1, л. 169–170].

Таким образом, Россия, несмотря на отсутствие прямой заинтересованности в данном вопросе, благодаря настойчивому давлению со стороны Великобритании на Китай и недостаточной прочности позиций последнего для реального противодействия этому давлению, оказалась втянута в переговоры с империей Цин по поводу Кореи.

Вот что отмечал в этой связи российский поверенный в делах в Пекине Н. Ф. Ладыженский⁴⁰ (июль 1886 г.): «Гамильтон, по-

⁴⁰ Ладыженский, Николай Федорович (1852–?) – российский дипломат, в начале 1880-х делопроизводитель Азиатского департамента МИД, затем 1-й секретарь российской дипломатической миссии в Пекине, с

видимому, служит предметом неофициальных переговоров, а пока лишь обмена мыслей в Лондоне и Сеуле. Выступая покровителями Кореи, китайцы, конечно, желали бы очищения острова, но формальных требований не предъявлено. Они думают, что в случае удаления англичан Гамильтон будет занят нами, и, с другой стороны, опасаются занятия нами порта Лазарева, если англичане останутся на острове. Не имея особых приказаний, я, тем не менее, не упускал случая объяснять китайцам, насколько присутствие Англии у входа в Печилийский залив⁴¹ угрожает не нам, а им. В Пекине министры уклончиво отвечали, что остров – корейский, хотя едва ли можно сомневаться, что эти соображения производили на них впечатление. Но Ли Хунчжан, ответственный руководитель корейских дел, о котором прежде говорили то же, принял, по-видимому, дело более к сердцу и через посторонних доверенных лиц поручил спросить меня несколько времени тому назад секретно, не могу ли я от имени моего правительства дать ему обещание, что, если бы Китай принудил англичан очистить остров, мы не займем его. Если же согласимся, он просил бы меня приехать в Тяньцзинь и затем формально потребовал бы удаления англичан с Гамильтона. Я через тех же лиц отвечал, что ничего не могу сказать на основании подобных предложений из вторых рук, если же Ли желает иметь со мной свидание, то пусть лично заявит об этом Шишмареву⁴² или напишет мне сам, либо поручит это сделать от своего имени близкому лицу, упомянув о цели переговоров. [...] Вчера я получил известие, что Ли поручил доверенному лицу, немцу Детрингу⁴³, написать мне от его имени приглашение прибыть в Тяньцзинь, дабы придти к соглашению о Гамильтоне. [...] Не зная намерений Императорского правительства относительно Кореи, полагаю, тем не менее, что нам едва ли следует упускать предоставляющуюся возможность содействовать изгнанию англичан с острова, оставаясь самим в стороне

марта по ноябрь 1886 г. исполнял обязанности поверенного в делах России в Китае.

⁴¹ Печилийский залив (иначе – Чжилийский залив, кит. Бохайвань 渤海灣) – залив в северо-западной части Желтого моря у берегов Китая. Фактически представляет собой «ворота» г. Тяньцзинь. В настоящее время именуется Бохайским заливом.

⁴² Шишмарёв, Яков Парфеньевич (1833–1915) – переводчик, монголовед, дипломат, генеральный консул Российской империи в Урге.

⁴³ Детринг, Густав (Gustav Detring, 1842–1913) – комиссар китайских морских таможен в Тяньцзине (с 1877 г.).

и придя к этому результату усилиями одного Китая. Кроме практических последствий, оно значительно подняло бы наш престиж и доказало бы неосновательность приписываемой нам жажды захватов. Здесь ходят слухи, что англичане недовольны стоянкой и недалеко от мысли очистить остров, но, не знаю, следует ли нам на основании подобных слухов рисковать успехом столь серьезного дела. Если Министерству угодно приказать мне, по получении приглашения от Ли ехать в Тяньцзинь, я мог бы войти с ним в секретное **письменное** (выделено мной. – С. А.) соглашение о том, что, если Гамильтон, по настоянию китайцев, будет к данному сроку, который следует установить, очищен, ни мы, ни китайцы его не займем. Смею предположить, что, быть может, возможно было бы, если Министерству угодно, при этом случае попробовать обобщить вопрос и распространить коллективную гарантию неприкосновенности на всю корейскую территорию. [...] едва ли следует медлить в настоящем случае. Могут возникнуть вопросы, которые отвлекут внимание китайцев от острова или изменят намерения, и дело может быть потеряно. Считаю нелишним упомянуть, что за безусловный успех отвечать заранее в сношениях с китайцами трудно» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 6–9об].

Здесь важно привести ответное указание МИД (18 августа 1886 г.): «На запрос о цели мы уже ответили, что не имеем вовсе видов на порт Лазарев или вообще на Корею. Равным образом, мы чужды намерения занимать Гамильтон, если его покинут англичане. Можете в этом смысле переговорить с Ли, если он сам коснется этих вопросов. Письменное соглашение преждевременно (выделено мной. – С. А.).[...]» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 13].

Общее представление о сложившейся ситуации находим, в частности, в донесении Ладыженского от 16 сентября 1886 г.: «[...] Принятие С. С. Вебером письма, в коем Король просил, насколько мне известно, спасти его от свержения с престола китайцами, было достаточным поводом для того, чтобы Китай грозно выступил на защиту своих исторических прав и готов был оружием восстановить поколебавшееся свое в Сеуле положение. Как я имел уже честь донести Императорскому министерству, за последние годы произошла значительная перемена во взглядах Китая на Корею и на задачи, которые он имеет преследовать на полуострове. Недавнее намерение гарантировать неприкосновенность королевства привлечением иностранных государств к заключению с ним на равных правах договоров сменилось опасением видеть усиле-

ние чьего-либо чужого влияния в Сеуле и сознанием того значения, которое Корея, благодаря стратегическому своему положению, призвана иметь в будущих событиях Востока. Неопротестованное европейскими государствами занятие англичанами порта Гамильтона доказало китайцам, насколько заключение договоров даже на равных правах мало гарантирует неприкосновенность страны. Также рушились и возлагавшиеся на скорое развитие Кореи надежды. [...] Китай признал необходимым прочно обеспечить за собой господствующее в полуострове влияние и направил свои действия к этой цели. Понятие народного самосознания и гордости, бывшее результатом франко-китайского столкновения, и неусыпные наговоры на нас, угрожающих, будто бы, Корею, дали Китаю в данном вопросе особую смелость и энергию.

Вашему Высокопревосходительству известны из донесений моих те средства, которыми Китай достигал такого преобладания. Вмешательство чрез своего Резидента в Сеуле во внутренние дела и стремление вполне руководить ими, постепенное присоединение корейской морской таможни, т. е. значительной доходной статьи, к китайскому таможенному ведомству, постоянное направление эмигрантов в северные части полуострова с целью отделения нас со временем от Кореи, назначение советниками Короля лиц, выбранных Ли Хунчжаном и заключивших контракт с ним, а не с корейским правительством⁴⁴, и расположение в виде постоянной угрозы Корею сильной армии близ границ ее были наиболее заметными из Пекина действиями, предпринятыми Китаем в помянутом выше направлении.

[...] Вскоре [...] я принужден был убедиться, что, кроме вопроса об очищении Порт-Гамильтона, китайское правительство встревожено и другими еще событиями, мне неизвестными, но имеющими, по-видимому, весьма серьезный характер. Обратившийся сначала ко мне чрез посредство посторонних доверенных лиц Ли Хунчжан, полагавший, вероятно, что мы с особой поспешностью примем его намеки на изгнание англичан с занятого ими острова, с последних чисел июля и первых августа месяца, стал с особой настойчивостью просить свидания со мной. Я ежедневно получал из Тяньцзиня письма, в которых мне передавали, что Генерал-

⁴⁴ Отметим, что данный пункт описан не совсем точно: кандидатуры советников корейского короля действительно выбирались и утверждались Ли Хунчжаном, однако затем эти лица заключали соответствующий «трудовой» договор и с правительством Кореи.

губернатор с величайшим нетерпением ожидает моего прибытия и просит не предпринимать что-либо в Корее, не переговорив с ним.

[...] По прибытии в Тяньцзинь, где я был встречен Генерал-губернатором с нескрываемой радостью, я убедился в серьезности положения. Полученное мной в то же время от С. С. Вебера письмо [...] еще более утвердили меня в этом и объяснили те причины охватившей Китай тревоги, которые я до того времени принужден был угадывать.

Положение Ли Хунчжана, между тем, становилось все более и более трудным, и в приезде моем он усматривал не только средство обеспечить благополучное разрешение возникших недоразумений, но и упрочить в будущем успех той миролюбивой относительно нас политики, которой он является ныне, в противовес увлечениям Пекинских правителей, защитником.

[...] Ли Хунчжану, как руководителю корейских дел, повелено было действовать..., на него возложена ответственность, если бы принятые им меры оказались недостаточными и если бы чужеземцам удалось проникнуть в Корею, и дана полная свобода действий. Одновременно с этим к границе стянуто по распоряжению из Пекина более тридцати тысяч человек; в Порт-Артуре – десант, и в Нагасаки собраны находившиеся в плавании броненосцы.

[...] Среди тревоги, охватившей высшие правительственные сферы, Ли Хунчжан один сохраняет спокойствие. Сознывая, ввиду возможности вмешательства России и Японии, опасность предписанного ему образа действий, а, вероятно, не полагая, вопреки Пекину, что настало время, когда Китай в состоянии будет преследовать свои цели, не внимая воле других Держав, Генерал-губернатор усмотрел в непосредственном общении с представителем Императорского правительства лучшее средство благополучно разрешить вопрос. Ли Хунчжан надеялся, что подобное общение, разъяснив дело и, во всяком случае, предупредив случайности, даст ему возможность с большим авторитетом высказать свои взгляды в Пекине и, опираясь на происходящий обмен мыслей, сдержат порыв негодования и смелости, охвативший правителей Китая при известии об измене Короля.

Насколько, вместе с тем, Ли Хунчжан сам верил в опасность, видно из обращенной им ко мне помянутой выше просьбы приостановить действия наши в Корее до тех пор, пока он не обменяется со мной по поводу этому мыслями.

[...] Ли Хунчжан желает, по-видимому, иметь точку опоры в нас, и ныне, насколько до сего времени можно судить, полагает возможным разъяснением и улажением нынешних затруднений

обеспечить за собой в будущем преобладающее влияние и в вопросах внешней политики Китая. [...] Позволю себе надеяться, что после должных и всесторонних объяснений и обсуждений положения наших отношений Ли Хунчжан присоединит к такому сознанию и убеждение в бескорыстности и миролюбии политики Императорского правительства, в чем Китай доньше по разным причинам сомневался.

Достижение подобных результатов в Пекине крайне затруднительно. Министры *Цзунли-ямэня*, не имея в международных делах ни личной ответственности, ни авторитета и стараясь, в ограждение себя, придерживаться самых узких и односторонних взглядов, полагают, что пренебрежением к правам и желаниям иностранных народов они докажут своим повелителям ревность в охране интересов Китая. Тем же принципом руководствуются [...] и начальники пограничных с нами областей Китая. Не имея, таким образом, ни надлежащих сведений, ни опыта, ни авторитета и ответственности и равнодушно относясь к важнейшим вопросам, Министры, в случае серьезных затруднений, спешат передать дело в руки Ли Хунчжана, который и принужден решать их по своему усмотрению и на свою ответственность. [...] И ныне еще *Цзунли-ямэнь*, угождая увлечениям замкнутого Двора, готов был по неведению своему вовлечь Китай в занятие Кореи и подготовить грозу, последствия коей трудно было бы предвидеть [...] Ли Хунчжан один выступил на защиту того, что он признавал благом своей родины, и, смею думать, Императорское правительство, предоставив ему в настоящем случае возможность подробно и всесторонне разъяснить недоразумения и доказать Пекину неосновательность и бесплодность его подозрений, предотвратило опасность, которая в течение уже некоторого времени готовилась для влияния нашего в Корею» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 23–30].

Обеспокоенность Ли Хунчжана общим, все усложнявшимся, положением дел и стремление к скорейшему урегулированию возникшей, «дополнительной», проблемы с портом Гамильтон, чтобы снять напряженность хотя бы на одном направлении, находили отражение в официальной корреспонденции как самого Ли Хунчжана, так и других так или иначе подчиненных ему чиновников. Так, например, в донесении (06.09.1886) китайского уполномоченного на переговорах по российско-китайской грани-

це У Дачэна⁴⁵ говорится, в частности, следующее: «[...] ...обсуждал с российским представителем вопрос об островах Комундо. Русские действительно настаивают на том, что у них нет намерения занять [эти острова]. Если английские военные корабли уйдут, то, я уверен, русские не будут действовать по их примеру. Когда все дела здесь будут завершены, я вернусь в Тяньцзинь и смогу переговорить с англичанами для улаживания этого дела об островах. Англичане должны отказаться от своих стремлений, при этом обязательно заключение (письменного) соглашения, достаточно устной договоренности» [Ли Хунчжан, 1985, с. 711].

Ввиду сложившейся ситуации российское Министерство иностранных дел приняло решение уполномочить Ладыженского на ведение переговоров с Ли Хунчжаном, чтобы убедить последнего «в необходимости для Китая воздержаться от вмешательства в корейские дела» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 33].

Показательными в плане анализа понимания и восприятия в Китае и в России сложившейся ситуации можно считать протоколы переговоров Ли Хунчжана и Ладыженского. Вот, например, фрагмент их беседы от 25.09.1886 г.: «[...] Ли: “Что касается дела об островах Комундо, в прошлый раз я вручил Вам ноту английского правительства. Теперь, г-н Ладыженский, после того, как Вы выполнили перевод и ознакомились с документом, каково Ваше мнение?” Ладыженский: “На представленное мною донесение было получено телеграфное распоряжение постараться гарантировать Чжунтану⁴⁶, что российское государство не имеет намерения занимать Комундо или другое место на территории Кореи”. Ли: “Можно ли на основании этого суждения, уважаемый представитель, подписать дипломатическую ноту?” Ладыженский: “Что касается гарантий, то я могу их представить только лично и нет необходимости еще раз излагать все это письменно. Поскольку моя страна никогда не занимала территорию Китая, зачем же тогда нужен официальный документ?” Ли: “Китай ни в малейшей степени не сомневается в намерениях России, но вот англичане говорят, что как только они уйдут, Россия сразу займет [эту территорию]. Какой же может быть вред, если Вы, г-н Ладыженский, составите письменную ноту, гарантирую-

⁴⁵ У Дачэн (吳大澂, 1835–1902) – государственный деятель империи Цин, в 1885–1886 гг. ведущий переговоры с Россией по демаркации русско-китайской границы.

⁴⁶ Ли Чжунтан 李中堂 – одно из официальных имен Ли Хунчжана.

шую, что Россия не будет занимать никаких корейских портов, чтобы я мог успокоить англичан?” Ладыженский: “Россия и Англия являются независимыми государствами, имеют равное положение, как же я могу без оснований давать подобные письменные обязательства? Почему Англия приказывает нам дать такие гарантии, а не приказывает прежде дать подобные обязательства Францию или Германию?” Ли: “Англия изначально обратилась к Китаю за подобными гарантиями, а Китай не может прежде не спросить Россию. В ноте английского правительства говорится, что Англия боится, что если она уйдет (с этой территории. — С. А.), то ее сразу займет другое государство. И понятно, что под термином ‘другое государство’ имеется в виду Россия, а не какая-то третья страна”. Ладыженский: “Россия может дать гарантии только Китаю, никаких гарантий Англии мы давать не будем”. Ли: “Если Россия дает такие гарантии Китаю, то Китай сможет дать объяснения Англии и приказать ей уйти с островов”. Ладыженский: “Россия просто дает гарантии Китаю, а что касается образа действий Китая, то Россия не имеет права спрашивать. [...] Англия имеет большую выгоду от торговли с Китаем, поэтому она никак не может хотеть, чтобы дело с островами Комундо привело к ухудшению отношений с Китаем. Если Китай действительно прикажет англичанам уйти (с островов — С. А.), то они не смогут не подчиниться. Что же касается попыток оправдать себя за счет России, то их слова не соответствуют действительности”. Ли: “Позавчера я отправил военные корабли для инспектирования ситуации с Комундо. Они увидели, что в данном пункте стоит на якоре только один английский военный корабль, артиллерия не установлена, укрепления не созданы, по-видимому, есть нужда в материалах. Они вновь заявили о том, что если будет возможно превратить Комундо и порт Лазарева в порты, открытые для всех держав, то они тут же уйдут. Что Вы по этому поводу думаете?” Ладыженский: “Если Корея может дополнительно учредить открытый порт, то России от этого не будет ни вреда, ни пользы”. Ли: “Англия обязательно при обсуждении увяжет порт Лазарева и Комундо, выражая опасения, что Россия имеет намерение занять порт Лазарева, хотя это место отстоит от Гензана на 20 с лишним *ли* и, по-видимому, нет необходимости открывать еще один порт. Комундо представляет собой отдельные острова в море, здесь ничего не производится и никакая торговля невозможна. Я придерживаюсь мнения, что в этом нет ничего хорошего, поэтому пока еще не говорил об этом королю Кореи.

Вчера провел конфиденциальную беседу с Брандтом⁴⁷, говорили, что даже в случае создания открытого порта, если нет людей, которые занимались бы здесь торговлей, то по-прежнему возможен его насильственный захват. Таким образом, создание открытых портов тоже не станет мерой, позволяющей избежать бедствий”. Ладыженский: “Россия действительно не имеет намерения занимать порт Лазарева, и если Китай прикажет покинуть Комундо, то Англия вынуждена будет это сделать. Заслуги Чжунтана велики, и если он сейчас прикажет Англии покинуть Комундо, то его авторитет еще более возрастет и все державы станут еще более его уважать”» [Цзиньдай Чжунго вайцзяо, 2008].

Примечательны и следующие замечания, показывающие, что обе стороны, настаивая на своей позиции, вполне объективно оценивали общую, в том числе внешнеполитическую, ситуацию (29.09.1886): «Ли: “Хорошие отношения между Китаем и Россией существуют уже долгое время, и мы действительно не имеем сомнений в отношении России. В последнее время появились третьи лица, которые провоцируют Китай, надеясь нарушить мир между (нашими странами). Если мы сейчас заключим соглашение, то даже если эти третьи лица будут распускать ложные слухи, им уже никто не будет верить. Это пойдет на пользу дружественным отношениям наших стран”. Ладыженский: “Японский министр Ито сообщил нашему посланнику в Токио, что Китай в последнее время имеет намерение превратить Корею в свою провинцию. Может ли Россия сначала направить своих представителей для контроля?” Ли: “Ито сообщил, что, по словам нашего официального представителя в Токио, Россия имеет намерение занять корейскую территорию и Китаю следует действовать первым. Все это не что иное, как провокация с целью рассорить наши два государства, рассчитывая приобрести выгоду за счет Китая. Для Японии использование подобных приемов является обычным делом”. Ладыженский: “Если оба наших государства дадут взаимные гарантии не занимать указанную территорию, то Япония уже не сможет прибегнуть к подобным уловкам и не осмелится рассчитывать отделить и захватить территорию (Корею)”. Ли: “Корея является вассалом Китая, и Китай издавна имеет право предоставлять Корею защите. В то же время Россия является страной, с которой осуществляется равноценная торговля,

⁴⁷ Брандт, Максимилиан Август Сципио фон (Maximilian August Scipio von Brandt, 1835–1920) – немецкий дипломат, посланник Германии в Пекине.

поэтому она не имеет права оказывать покровительство Корее, и единственное, что Россия может сделать, – это представить четкий документ, содержащий ее обязательство не занимать указанную территорию”. Ладыженский: “Англия более 10 лет присматривалась к островам Комундо. Пользуясь противоречиями между Россией и Англией в связи с Афганистаном, англичане захватили эти острова, не иначе как под тем предлогом, что в противном случае их захватит Россия”. Ли: “Англичане первыми начали разведывать эти острова, прежде всего Гамильтон, в честь которого они и назвали эту группу островов, соответственно, они давно имели такое намерение. Прежде чем занять эти острова, англичане уведомили Китай, указав, что если эту территорию займет не Англия, то это сделает Россия. Англичане говорили, что заняли острова Комундо не только ради выгоды для Великобритании, а для пользы Китая. В то время Китай сразу дал опровержение, не поддаваясь внешнему влиянию, в противном случае сейчас он бы не мог приказывать Англии покинуть острова. Сегодня утром в беседе со мной Бренан сказал, что английский посланник Уолшем⁴⁸ надеется, что Комундо и порт Лазарева будут превращены в открытые порты. Я сказал, что русские говорят, что действительно не будут занимать порт Лазарева. Занятие англичанами островов Комундо – это уже свершившийся факт. Разве можно уравнивать эти два вопроса? Вопрос о порте Лазарева уже отложен. После того, как Китай и Россия обмениваются взаимными нотами, мы обязательно заставим англичан уйти с Комундо, используя еще более вескую аргументацию”. Ладыженский: “Англичане и сами знают, что их доводы несостоятельны, и они не могут не уйти (с островов), не опасаясь стать посмешищем. Поэтому они и обращаются с просьбой об открытии портов, чтобы таким образом сохранить свое достоинство и репутацию”» [Цзиньдай Чжунго вайцзяо, 2008].

А вот как характеризовал эти события сам Ладыженский (28.09.1886): «После трудных переговоров я и Ли согласились обмениваться тождественного содержания письмами, упомянув, что они написаны от имени наших правительств, на французском и китайском языках. Россия и Китай соглашаются, ввиду обеспечения мира в королевстве и устранения недоразумения, не изменять существующего положения в Корее и не занимать ее территории. Прошу позволения подписать. Соблюдая прежнюю осторожность, полагаю, лучше о Гамильтоне не упоминать. Китай сам

⁴⁸ Уолшем, Джон Джеймс (John James Walsham, 1830–1905) – английский дипломат, посланник Великобритании в Китае и Корее (1885–1892).

спешит изгнать англичан, не опасаясь более наших намерений. [...]» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 35].

В ходе переговоров своего рода «камнем преткновения» стало расхождение в подходах к проблеме, определившееся спецификой китайской и европейской (русской) дипломатии. Китай, пытаясь поддержать свой статус сюзерена, стремился включить в текст соглашения указание на вассальное положение Кореи. В то же время для русской стороны, настаивавшей на равенстве положений участников соглашения, такая формулировка, предполагавшая наличие у Китая определенных преимущественных прав в отношении Кореи, была неприемлема. Ввиду этого русский представитель отстаивал необходимость включения в договор указания на равнозначные обязательства обеих сторон – России и Китая – по сохранению неизменности *status quo* Кореи.

Как видим, в том числе из приведенных выше документов, Ли Хунчжан в беседах с Ладыженским неоднократно подчеркивал, что Корея является вассалом империи Цин. Этот вопрос вызывал значительные опасения и в Пекине. Вот, в частности, сообщение *Цзунли-ямэня* (12.10.1886): «[...] Российский представитель предложил изменить текст ноты, и в нем правительства двух стран однозначно договариваются не изменять существующего *status quo* Кореи. Таким образом, здесь содержится намек на возможную “защиту и покровительство”, и в будущем это может создать множество проблем при урегулировании вопросов в отношении зависимого государства. Поэтому это положение обязательно следует исключить» [Ли Хунчжан, 1985, с. 730].

Примечательна общая характеристика ситуации, представленная в донесении Ладыженского и МИД от 28 октября 1886 г.: «[...] Предметом первых наших совещаний (с Ли Хунчжаном. – С. А.) послужит захваченный англичанами остров, причем канцлер просил меня высказать, какими, по мнению моему, средствами возможно достигнуть очищения его пришельцами.

Полагая необходимым руководствоваться той осторожной сдержанностью, которая, насколько я мог судить, положена была Императорским министерством в основу образа действий нашего в означенном вопросе, я повторил канцлеру то, что до того времени было уже высказано мной по поводу этого дела министрам *Цзунли-ямэня*, а чрез доверенных лиц и ему, Ли Хунчжану [...].

Я объяснил канцлеру, что захват порта Гамильтона, хотя и был, по объяснению самих англичан, предпринят против нас и во время возникших между нами и Великобританией недоразумений, но, на самом деле, не представляет серьезной угрозы нашему

Тихоокеанскому побережью, что доказывается и тем нескрываемым равнодушием, с которым мы впервые отнеслись и продолжаем относиться к помянутому вопросу. Я подробно высказал, что если занятие порта Гамильтона и есть угроза, то она всецело направлена против Китая, т. е. с острова этого легко закрыть Печелийский залив и предпринять военные действия против северных портов и побережья Империи. На обращенную ко мне просьбу оказать в сем деле Китаю помощь нашу я отвечал, что Императорское правительство, разрешив своему представителю в Пекине прибыть в Тяньцзинь для разъяснения дела и обмена мыслей, тем самым оказало Китаю немаловажную поддержку и доказало ему свое доброжелательство.

Из последующих бесед моих с канцлером выяснилось, как, собственно, совершено было занятие порта Гамильтона.

Маркиз Цзэн, находившийся под неоспоримым влиянием английских государственных людей, согласился с представленными ему в Лондоне настояниями и доводами о необходимости предупредить Россию в занятии названной позиции и, представив своему правительству дело в превратном виде, обещал согласие Китая англичанам, которые и поспешили поднять свой флаг на острове. Предъявленный в то время корейцами робкий протест против подобного поступка лишь для формы был поддержан китайцами, не желавшими, по-видимому, преждевременно, не будучи уверены в успехе англичан, рисковать навлечь на себя наше неудовольствие или немедленно выступать сторонниками Англии в готовившейся с нами борьбе.

[...] по указаниям канцлера, корейское правительство энергически восстало против продолжения занятия острова.

[...] правительство Королевы (Великобритании – С. А.), не отказываясь совершенно от удаления английского гарнизона с острова, ставит условием подобного занятия либо поручительство Китая за неприкосновенность порта Гамильтона, либо коллективную всех Держав гарантию корейской территории. На вопрос Ли Хунчжана, какого я мнения о вышеизложенном предложении англичан, я отвечал, что подобное коллективное обеспечение неприкосновенности Кореи всеми заключившими с ней договоры государствами, если бы оно и состоялось, едва ли имело бы предвиденные англичанами последствия. Во всяком случае, Державы, не имеющие серьезных интересов в Корее, не выступят, даже и при существовании подобного соглашения, на активную защиту королевства, и означенный договор будет иметь результатом своим лишь то, что Англия, не имеющая ныне

права на вмешательство в корейские дела ни по географическому своему положению, ни по значимости торговых ее в полуострове интересов, получит это право в ущерб непосредственной заинтересованности в судьбе Кореи соседних с королевством Держав.

На предложение же канцлера письменно заявить ему, что мы не имеем видов на порт Гамильтон, для предъявления такой бумаги англичанам, дабы они не имели основания оставаться на острове, я энергически отвечал отказом, объяснив, что подобное заявление не соответствовало бы ни миролюбивой, но достойной политике Императорского правительства, ни тому первостепенному положению, которое мы в среде других государств занимаем. Вместе с тем, я высказал канцлеру, что настоящее ходатайство его, несомненно, внушено ему кем-либо, кто был убежден, что мы на подписание подобного заявления никогда не согласимся, чем надеялся возбудить между нами новые недоразумения и сомнения.

[...] чрез несколько дней при свидании со мной Ли Хунчжан сообщил, что у него, по поручению своего посланника, был английский местный консул, которому канцлер объяснил положение вопроса и категорически потребовал назначения срока, в который англичане очистили бы временно занятый ими остров. В ответ на это консул предложил от имени своего правительства Ли Хунчжану, чтобы Корея объявила порт Гамильтон и порт Лазарев открытыми европейской торговле портами, объяснив, что привлечение европейских интересов в эти местности послужит гарантией их неприкосновенности, после чего англичане немедленно удалятся. Канцлер, убедившись, по-видимому, из этой новой постановки вопроса, в том, что англичане, видя согласие, установившееся с нами, недалеко от действительного очищения Гамильтона, в крайне резких, как он сам передавал мне, выражениях высказал английскому консулу, что соединение имен этих двух местностей нимало не соответствует интимному положению вопроса, так как в одном случае совершен захват чужого владения, а в другом не существует указаний на наличие какого-либо с нашей стороны намерения относительно завладения портом Лазарева, кроме, разве, неустанной клеветы, цели коей ныне разгаданы.

На обращенный ко мне вопрос, какого я о подобной постановке дела мнения, я вполне одобрил все высказанное канцлером английскому агенту и, со своей стороны, объяснил, что излагаемый разговор доказывает, что англичане, опасаясь неудовольствия Китая, готовы покинуть Гамильтон, но желали бы сделать это с личиной достоинства. Посоветовав канцлеру действовать энергичнее, я, вместе с тем, высказал ему мое мнение о совер-

шенной бесполезности открытия портов Гамильтон и Лазарева европейской торговле.

Впоследствии Ли Хунчжан передал мне, что английский посланник, которому тяньцзиньский консул сообщил подробности посещения канцлера, обещал содействовать очищению острова и телеграфировал уже в этом смысле в Лондон.

По прибытии моем в Пекин сэр Джон Уолшем, при свидании со мной, высказал в частном разговоре твердое свое намерение содействовать оставлению англичанами порта Гамильтон.

Донося [...] о вышеизложенном, позволяю себе предположить, что отныне можно ожидать очищения острова в ближайшем будущем, т. е. захват его, сделанный в надежде вовлечь Китай в содействие Англии на случай разрыва с нами и продолженный в ожидании возбудить недоверие Китая к нам, не только не оправдал возложенных на деяние это надежд, но и привел к противоположным результатам, побудив Ли Хунчжана просить свидания со мной и, следовательно, предоставив нам возможность сблизиться и, в то же время, устранить опасность серьезных и немедленных недоразумений» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 46–49об].

С учетом описанных выше принципиальных для каждой из сторон, но, по-видимому, трудно разрешимых противоречий, а также, вероятно, ввиду наличия в отношениях России и Китая более важных и актуальных вопросов, МИД России в инструкции российскому представителю указывал на необходимость постараться «склонить Ли на подписание тождественной ноты, текст коей вполне одобрен. Если не удастся, удовольствуйтесь словесным соглашением, которое, однако, не считаем вполне надежным» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 42].

Приверженность каждой из сторон своей принципиальной позиции отражена, например, и в следующем донесении Ли Хунчжана в *Цзунли-ямэнь* (26.10.1886): «[...] Передал российскому представителю приказ (*Цзунли-ямэня*. – С. А.) о необходимости исключить фразу об “обеспечении неизменности status quo Кореи”. [...] в ответной телеграмме указано, что такая формулировка не создает препятствия для традиционного образа действий Китая и Россия в будущем не сможет вмешиваться и предлагать свое покровительство (Корее. – С. А.); при этом, поскольку эта фраза составляет единое целое с двумя последующими положениями, ее нельзя исключить. Вчера Ладыженский приходил ко мне с прощальным визитом. Он сказал, что пусть даже в текст ноты не внесены изменения, однако, как он уже объяснял, она является выражением стремлений российского государства, поэтому

указанная формулировка должна оставаться неизменной. [...] мною было предложено еще раз все обдумать и взвесить возможность включения в текст дополнительных фраз, чтобы сделать исходный документ более ясным и четким. Однако [Ладыженский не соглашается] ни пересмотреть, ни еще раз обсудить исходный документ. В настоящее время прошу *Цзунли-ямэнь* передать нотой английскому посланнику сделанное мне российским представителем лично заявление о том, что “(Россия. – С. А.) не будет занимать территорию Кореи”, и потребовать от англичан очищения островов Комундо, чтобы тем самым положить конец данному делу» [Ли Хунчжан, 1985, с. 733].

Таким образом, переговоры Ли Хунчжана и Ладыженского не привели к подписанию официальной ноты; их следствием стала своего рода устная договоренность, очевидно, понимаемая каждой из сторон по-своему. В исследованиях ряда отечественных специалистов эта договоренность обозначена как «джентльменское соглашение»⁴⁹.

В свою очередь, следствием этой договоренности между Россией и Китаем стало и еще одно, по сути, устное соглашение – между Китаем и Великобританией – об очищении последней порта Гамильтон. Ведь никакого фактического акта, которым бы подтверждалось обязательство англичан перед Китаем (или Кореей) уйти с Гамильтона, подписано не было. Имел место ряд официальных уведомлений, направленных китайским правительством, о том, что Россия заявила Китаю об отсутствии у нее намерения занимать территорию Кореи, вследствие чего Англия может покинуть Гамильтон. Вот, в частности, донесение английского посланника в Пекине Уолшема министру иностранных дел Великобритании графу Иддесли⁵⁰ (05.11.1886): «[...] В официальной ноте, полученной мной от министров *Цзунли-ямэня*, в вежливой форме указывается на затруднительную ситуацию, созданную вследствие нашей временной оккупации порта Гамильтон, а также содержится уведомление об ответе, который был официально дан российским правительством в связи с возникшими недавно слухами о планах России по созданию своего протектората в Корее, и его определенном обещании не занимать корейскую территорию ни при каких обстоятельствах после очищения порта Гамильтон.

⁴⁹ См., например: Пак Б. Д. Россия и Корея. М., 1979. С. 99.

⁵⁰ Стаффорд Норткот (Stafford Northcote, 1818–1887), первый граф Иддесли (1st Earl of Iddesleigh) – английский государственный деятель, в 1886–1887 гг. министр иностранных дел Великобритании.

В этой ноте далее говорится, что китайское правительство получило соответствующие гарантии в ходе переговоров и что вследствие этого оно теперь может, со стороны Китая, дать надлежащие гарантии правительству Ее Величества, которое, в свою очередь, как надеется правительство Китая, в ближайшее время сможет обеспечить прекращение временной оккупации порта Гамильтон» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 96об].

В этой связи можно привести также проект телеграммы командующему английским флотом: «Правительство Ее Величества приняло решение об уходе из порта Гамильтон. Свяжитесь с посланником Великобритании в Пекине для согласования вопросов касательно вывода гарнизона, ликвидации складов и т. д.» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 98об].

Так или иначе, как сообщил 28 февраля 1887 г. вице-адмирал Гамильтон секретарю Адмиралтейства, «27-го в порте Гамильтон спущен флаг» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 101].

Подчеркнем, что, очевидно, правовой статус договоренностей подобного типа не может быть оценен однозначно. Сама форма «джентльменского соглашения» (*gentlemen's agreement*) как разновидности устного договора, появившаяся в международной практике во второй половине XIX в., обычно понимается как особый вид неформальной международной договоренности. По мнению ряда исследователей, являющихся сторонниками неправовой природы такого рода политических актов, джентльменское соглашение по сути представляет собой «упрощенную форму международного соглашения в устной форме, обладающего морально-этической, а не юридической обязательной силой» [Ромашев, Остроухов, 2018, с. 261].

С учетом этого отсутствие письменного договора, которым бы четко фиксировались обязательства сторон, безусловно, может при необходимости служить основанием для утверждения об отсутствии договоренности и соответствующих обязательств. Примечательно, что вопрос о самом наличии подобной договоренности между Китаем и Россией возник спустя некоторое время в российских правительственных и дипломатических кругах.

Отметим, что после завершения переговоров между Ли Хунчжаном и Ладыженским сам факт их договоренности, как и определенный положительный ее эффект, по-видимому, не вызывали особых сомнений. Вот что, в частности, отмечал по этому поводу вновь назначенный российский посланник в Пекине А. М. Ку-

мани⁵¹ в своем письме посланнику России в Токио Д. Е. Шевичу⁵² (декабрь 1886 г.): «После важных переговоров Ладыженского с Ли Хунчжаном условлено было словесно, что ни Россия, ни Китай не предпримут ни изменения внутреннего положения дел в Корее, ни занятия войсками ее территории. Это успешно рассеяло опасения, возбужденные против нас в китайцах. Успокоение их, по-видимому, здесь продолжается. Тем не менее, думаю, что нам нужно продолжать зорко следить за действиями и даже признаками на месте. Мне было приказано всячески предупреждать затруднения с Китаем» [АВПРИ, ф. Миссия в Токио, оп. 529, д. 142, л. 34].

Таким образом, очевидно, в российских дипломатических кругах с самого начала понимали, что устная договоренность Ли Хунчжана с Ладыженским носила ситуационный характер, поэтому уже с 1887 г., когда из заявлений китайского правительства о том, что оно «не давало Корее какой-либо особой гарантии неприкосновенности Гамильтона, так как охранение целостности вассальной территории и без того составляет обязанность и право Китая»⁵³ [АВПРИ, ф. Миссия в Токио, оп. 529, д. 142, л. 50], стало ясно, что Китай не признает за собой никаких обязательств в этой связи, российские посланники в Пекине стали предпринимать усилия по закреплению соответствующей договоренности в письменной форме. Необходимость документального оформления подобного соглашения становилась все более очевидной по мере осложнения как внутривосточной ситуации в Корее, так и общей ситуации в регионе в конце 1880-х гг. В частности, об этом упомянуто в отчете полковника Генерального штаба Вебеля⁵⁴, командированного в Корею в 1889 г.: «О заключении соглашения между нами и Китаем относительно того, чтобы не вводить своих войск в пределы Кореи, велись, как известно, переговоры между Временно Управляющим нашей Миссией в Пекине г. Ладыженским и Вице-королем Ли Хунчжаном. В 1886 г. перегово-

⁵¹ Кумани, Алексей Михайлович (1833–1897) – российский дипломат, посланник России в Китае в 1886–1890 гг.

⁵² Шевич, Дмитрий Егорович (1839–1906) – российский дипломат, посланник России в Японии (1886–1892).

⁵³ Отметим между прочим, что подобные заявления китайского правительства стали, очевидно, появляться после ухода англичан из Гамильтона.

⁵⁴ Вебель, Фердинанд Маврикиевич (1855–1919) – генерал от инфантерии Русской императорской армии, участник Русско-турецкой войны (1877–1878), Русско-японской войны (1904–1905), с 1885 по 1892 г. служил при штабе Приамурского военного округа.

воры эти выразились в форме так называемого Тяньцзинского соглашения. В действительности соглашение это не было подписано. С приездом в Пекин Д. С. С. Кумани [*Цзунли-ямэнь*] уклонился подписать то, что, собственно, было условлено Ли Хунчжаном. С тех пор наш посланник не упускал случая поднять вновь этот вопрос и был намерен в сентябре минувшего года опять возобновить переговоры уже непосредственно с Ли Хунчжаном при свидании в Тяньцзине» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 68].

В этом контексте достаточно неожиданно выглядит возмущение, высказанное в 1891 г. следующим посланником России в Пекине А. П. Кассини⁵⁵ относительно того, что российская дипломатия основывала свои действия в отношении Кореи на договоренности, обязательства по которой Китаем не признаются.

Вновь «открытые» посланником Кассини обстоятельства рассматриваемого дела заставили его, полагавшего себя «не вправе скрыть... факт столь большой важности», направить донесение соответствующего содержания в МИД Н. К. Гирсу⁵⁶, а также ряду других компетентных лиц. В частности, в своем письме графу Д. А. Капнисту⁵⁷ Кассини по поводу так называемого «словесного соглашения, заключенного в Тяньцзине в октябре 1886 г. между нашим Поверенным в делах г-ном Ладыженским и Вице-королем Ли Хунчжаном», отмечал: «[...] соглашение это, хотя оно было лишь словесное, должно было обеспечивать нас от всякой случайности со стороны Китая в Корее и, в то же время, давало Китаю с нашей стороны подобную же гарантию. Вот уже 5 лет, как мы основываем свою корейскую политику на этом соглашении, и я верил в него, как и все остальные. Между тем, при проезде через Тяньцзинь я убедился, что Ли Хунчжан, приняв от нас заявление о том, что мы не будем посягать на неприкосновенность Кореи, сам, в то же время, вовсе не давал соответствующего обещания от имени китайского правительства.

[...] Означенный случай так необыкновенен, что я решительно затрудняюсь найти для него объяснение. Произошло ли это от недоразумения? Или это плод слишком живого воображения моло-

⁵⁵ Кассини, Артур Павлович (1835–1919) – русский дипломат, посланник Российской империи в Китае в 1891–1896 гг.

⁵⁶ Гирс, Николай Карлович (1820–1895) – российский дипломат, министр иностранных дел в 1882–1895 гг.

⁵⁷ Капнист, Дмитрий Алексеевич (1837–1904) – русский дипломат, сенатор, директор азиатского департамента Министерства иностранных дел (1891–1896).

дого Поверенного в делах, жаждавшего в короткий период своего управления заставить говорить о себе? Самое удивительное в этом спутанном деле то, что г-н Кумани, прошедший около четырех лет в Пекине, отнесся ко всему, что ему говорил по сему вопросу г-н Ладыженский, как к словам Евангелия, и, таким образом, сам бессознательно укрепил веру Императорского правительства в существование этого мифического соглашения.

Если даже допустить, что Ли Хунчжаном во время его бесед с г-ном Ладыженским даны были какие-либо неопределенные успокоительные заверения относительно будущей политики Китая в Корее, то заверения эти положительно не имели значения, т. к. Вице-король весьма недвусмысленно прибавил, что его правительство категорически отказалось ратифицировать выработанный им, Ли Хунчжаном, и г-ном Ладыженским проект соглашения. Как ни велико влияние и политическое значение, которым пользуется в Китае Печилийский Вице-король, он, все же, не настолько силен, чтобы подчинить пекинское правительство своей воле, и я, впрочем, убежден, что он никогда и не имел к тому ни малейшего поползновения.

Не для чего обманывать себя: наш Поверенный в делах в этом несчастном деле попал впросак. Ли Хунчжан воспользовался обменом мыслей с нашим молодым представителем, чтобы узнать то, что ему было нужно, и чтобы основательно выведать, на что можно надеяться и чего опасаться от нас в корейском вопросе. Он достиг своей цели.

Со своей же стороны он ограничился несколькими неопределенными фразами, никоим образом не налагающими какой-либо ответственности ни на его правительство, ни на него лично, но которым г-н Ладыженский приписал значение и важность, которых они никогда не имели и не могли иметь.

Я должен сознаться, что настоящее открытие произвело на меня глубокое впечатление [...]. В настоящую минуту опасности нет. Китайское правительство слишком занято своими внутренними неурядицами, чтобы создавать еще и внешние затруднения, возбуждая недоразумения своей корейской политикой. Но каково было бы впечатление и в каком странном свете мне пришлось бы выставить нашу дипломатию, если бы Императорское правительство, при известных обстоятельствах, предложило мне напомнить китайскому правительству обязательства, которых оно и не думало брать на себя» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 69–72].

Причина подобной реакции российского дипломата представляется не совсем ясной, ведь и официальная дипломатическая пе-

реписки, и действия компетентных ведомств не дают однозначных свидетельств того, что российское правительство всерьез считало, что Китай взял на себя перед Россией какие-либо обязательства в отношении Кореи. Напротив, именно неготовность китайской стороны принимать на себя подобные обязательства вместе с очевидной невозможностью достижения какого-либо компромисса вынудили Ладыженского завершить переговоры без представления Китаю каких-либо письменных обязательств. При этом и сам Ладыженский в своих отчетах, и, подчеркнем, Ли Хунчжан в официальной переписке указывали, что устное обещание о том, что Россия не будет занимать территории Кореи, было дано российским представителем лично от себя.

Еще более удивительным возмущение Кассини выглядит ввиду того обстоятельства, что это его «открытие» было основано на сообщении (ноябрь 1891 г.) А. С. Ваховича⁵⁸, входившего в то время в состав российской миссии и присутствовавшего при некоторых переговорах Ладыженского и Ли Хунчжана.

Вахович отмечал исключительную трудность положения, в которое был поставлен во время этих переговоров Ладыженский, вынужденный искать подходящее решение под давлением Китая, который настаивал на собственном понимании ситуации и отказываться от своей позиции не имел намерения, и при этом пытаться следовать достаточно двусмысленной политике российского правительства, которое, как пишет Вахович, с одной стороны, не хотело открыто признать Корею вассалом Китая, а с другой – не смело заявить о ее самостоятельности [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 135об]. При этом Вахович четко указывает следующее: «Вернувшись в Пекин, ни г. Ладыженский, ни я не придавали никакого значения неудавшимся переговорам, избегая даже вспоминать о них; только потом, уже, вероятно, неожиданно и для самого г. Ладыженского, им придан был смысл и сила, которых на самом деле в них нет» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 139].

Далее Вахович представляет собственную, очевидно, вполне объективную, оценку указанных событий: «Установив даже, что между г. Ладыженским и Ли Хунчжаном было заключено это пресловутое соглашение, раз что китайский Двор и *Цзунли-ямынь* не одобрили и отвергли подписание его, этим самым они лишили его всякой силы и

⁵⁸ Вахович, Александр Степанович (1858–1904) – российский дипломат, на службе в МИД в 1882–1904 гг., 1892 г. российский консул в Ханькоу.

обязательства и для самого Ли Хунчжана как лица, во всяком случае подчиненного, как бы ни высоко было его положение.

Положим, далее, что мнения, взгляды и обещания, выраженные г. Ладыженскому Ли Хунчжаном, были и искренние, и самые благонамеренные и что этот последний не отказался бы, в случае чего, от них, даже при высказанном в свое время Двором их неодобрении, что, впрочем, маловероятно, во всяком случае, взгляды и обещания эти относились бы только лично до Ли Хунчжана, а отнюдь не были бы обязательны для Китая, который и самые торжественные договоры, скрепленные печатью его Богдоханов, бесцеремонно игнорирует и нарушает, когда ему это выгодно.

Всякая ссылка, поэтому, в сношениях двух государств на частное соглашение, состоявшееся между их агентами, но не получившее санкции, хотя бы только одного правительства, нелогична и невозможна (курсив мой. — С. А.)» [АВПРИ, ф. Японский стол, оп. 493, д. 115, л. 139об–140].

Таким образом, очевидно, что Ладыженский во время бесед с Ли Хунчжаном действовал вполне правильно и однозначно в рамках полученных от МИД инструкций. Несомненно, российский МИД вполне объективно оценивал и саму ситуацию с переговорами, и их результат. Не случайно уже Кумани начал «зондировать почву» в смысле возможности заключения с Китаем официального письменного договора по Корее. Это подтверждается и тем фактом, что, как отмечает на основании соответствующих архивных материалов Б. Пак, «Министерство иностранных дел России вплоть до начала японо-китайской войны не снимало с повестки дня вопрос об оформлении с Китаем письменного соглашения по корейскому вопросу» [Пак, 1999, с. 123].

Рассматривая ситуацию в целом, можно сделать ряд определенных выводов.

Дело вокруг порта Гамильтон, на первый взгляд вполне незначительное, оказалось весьма любопытным как в плане международных отношений и дипломатии, так и в определенной степени с правовой точки зрения. В ходе урегулирования этого вопроса, по сути, отчетливо проявились актуальные в то время особенности внешней политики и дипломатические подходы, прежде всего трех государств – Китая, России и Великобритании. Каждая их сторон, оказавшихся вовлеченными в возникшую ситуацию, отстаивала собственные позиции и интересы.

Примечательно, что сама ситуация была фактически искусственно создана Англией. Вполне вероятно, англичане изначально не придавали столь большого значения самому рассматривае-

тому объекту, т. е. порту Гамильтон, планируя, видимо, использовать его лишь как стоянку судов и угольную базу. Превращение его в какой-либо реальный «форт» в целях противодействия потенциальным противникам, например России, было бы, по-видимому, весьма затратно, сопряжено с трудностями и не имело бы особого смысла ввиду отсутствия какой-либо действительной уникальности его географического положения, особенно с учетом приобретения Англией такой базы, как Гонконг. В то же время Великобритания постаралась извлечь из этой ситуации максимум возможных «дивидендов» для себя. Используя в качестве вполне умозрительного предлога заявление о том, что если эта территория не будет занята Англией, то это сделает другая держава, прежде всего Россия, англичане сумели вовлечь в это дело и Китай, и Россию, которые, по сути, вообще не имели ни каких-либо планов, ни интересов в этом направлении. Таким образом, Англия использовала дело о порте Гамильтон для давления, прежде всего, на Китай и опосредованно на Россию.

Китай, занятый урегулированием собственных весьма сложных и многочисленных внутренних и внешнеполитических проблем, очевидно, отнесся к этому внезапно возникшему затруднению как к явной помехе решению действительно серьезных и актуальных вопросов. В то же время, привлекая к этому делу Россию, Китай, хотя и не имевший в действительности средств для оказания на нее прямого давления, несомненно, пытался добиться определенных преимуществ в связи с насущными проблемами русско-китайских отношений, включая торгово-экономические аспекты, пограничные дела, в том числе касающиеся Кореи и т. д. При этом Китай, верный известным принципам, стремился отстаивать свои, освященные традицией, сюзеренные права в отношении ряда «данников», прежде всего Кореи.

Россия, как представляется, оказалась вовлечена в данное дело, по сути, случайно, не имея в отношении порта Гамильтон никакой заинтересованности. При этом очевидно, что российское правительство, не обладая в данном регионе в рассматриваемое время надлежащей и достаточной силой, необходимой для действительно эффективного и активного продвижения и отстаивания своих интересов, направляло свои действия, прежде всего, на предотвращение возможных осложнений и обеспечение стабильности своего положения на Дальнем Востоке.

Все подобные особенности положения каждой из указанных сторон и общая сложность ситуации привели к складыванию довольно специфической в дипломатическом и правовом плане кар-

тины. Не углубляясь в сложность самой формы переговорного процесса, когда Китай, по сути, выступал в роли посредника между Англией и Россией, вообще не заинтересованной в данном деле, и при этом переговоры велись в отношении территории другого государства – Кореи, мнение которой фактически вообще не учитывалось, отметим ряд любопытных аспектов.

Сам ход дела позволяет сделать вывод о том, что несмотря на заявления, каждая из сторон, по-видимому, не придавала данному вопросу принципиального значения. В известном смысле Ладыженский, говоря о том, что Англия готова уйти с Гамильтона и лишь ищет возможность сделать это, сохранив «лицо» и достоинство, видимо, был прав. Китай также стремился как можно скорее устранить эту помеху, чтобы иметь возможность заняться по-настоящему важными делами. Для России это дело не представляло особого интереса и, по сути, тоже было лишним затруднением при решении действительно значимых проблем на Дальнем Востоке. Вероятно, этим, помимо прочего, и определялась форма достигнутых сторонами соглашений: и договоренность Китая с Россией, и соглашение между Англией и Китаем были осуществлены в устной форме, в известной степени даже как договоренности между частными лицами. Ли Хунчжан использовал полученную от российского представителя Ладыженского «личную» гарантию того, что Россия не займет территорию Кореи, как основание, чтобы требовать от Англии ухода из Гамильтона. И, по-видимому, этого оказалось достаточно – официальный письменный договор в этой связи между Китаем и Англией не был оформлен. При этом, судя по всему, проводившиеся между заинтересованными сторонами переговоры, прежде всего между представителями России и Китая, не предусматривали последующего закрепления достигнутых результатов в виде официальных документов, во всяком случае, никакого соответствующего заявления переговаривающимися сторонами сделано не было.

Таким образом, видимо, можно говорить о том, что по результатам урегулирования дела о порте Гамильтон каждая из сторон-участниц оказалась вольна оценивать сложившуюся ситуацию и поступать по своему усмотрению, вплоть до отказа от факта принятия на себя каких-либо обязательств, поскольку в юридическом плане они не были закреплены в надлежащем официальном документе. Так или иначе, каждая сторона, по сути, решила свои проблемы, возникшие в рассматриваемой ситуации, не приняв при этом на себя никаких особых обязательств.

Сокращение

АВПРИ – Архив внешней политики Российской империи

Источники и литература

1. Киссинджер, 2018 – *Киссинджер Г.* Дипломатия. М.: АСТ, 2018.
2. Ли Хунчжан, 1985 – Ли Хунчжан цюаньцзи 李鴻章全集 (Полное собрание документов и сочинений Ли Хунчжана). Т. 1. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ 人民出版社, 1985.
3. Цзиньдай Чжунго вайцзяо, 2008 – Цзиньдай Чжунго вайцзяо ши цзыляо цзяо 近代中国外交史资料辑要 (Сборник важнейших материалов по истории китайской дипломатии в новое время) / Сост. Цзян Тинфу 蒋廷黻. Чанша: Хунань цзяоюй чубаньшэ 湖南教育出版社, 2008.
4. Ромашев, Остроухов, 2018 – *Ромашев Ю. С., Остроухов Н. В.* Правовая природа устных международных договоров // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018, № 4, с. 254–269.
5. Пак, 1999 – *Пак Б.* Новые материалы об устном соглашении Ладыженского–Ли Хунчжана 1886 г. // Проблемы Дальнего Востока. 1999. № 5. С. 116–124.

*Svetlana G. Andreeva**

Chinese Policy at the Far East in 1880s: The Case of Port Hamilton

ABSTRACT: This article presents the analysis of some aspects of the Chinese policy in the Far East in 1880s, particularly with regard to Korea, based on the case of Port Hamilton. It contains brief description of diplomatic activities of China, Korea, Russia and Great Britain aimed at solving the territorial and political problem.

KEYWORDS: Archive Materials, Diplomacy, International Relations, China, Korea, Great Britain, Russia, Li Hongzhang, Port Hamilton

*Andreeva Svetlana Gennadievna, Ph. D. (History), China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), surfgrid-to@list.ru

*Е. Г. Калкаев**

Китайская линия. Место репрессий против китайцев в «национальных» операциях НКВД

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается место репрессий против китайцев в контексте «национальных» операций «большого террора». Особое место уделяется соотношению «Харбинской» и «Китайской» операций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: «большой террор», НКВД, «Китайская» операция, «Харбинская» операция, «национальные» операции, китайская диаспора

Репрессии «большого террора» коснулись значительной части населения Советского Союза, в том числе и выходцев из других стран. Затронули они и китайцев. Масштабная операция НКВД против представителей этой национальности началась в Дальневосточном крае в самом конце 1937 г., а через месяц, 31 января 1938 г., решением Политбюро ЦК ВКП(б) китайцы оказались в списках операций против «национальных контрреволюционных контингентов» [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 468–469].

Оформляя внесудебные решения по этим операциям, комиссия НКВД и прокурора СССР отнесла большинство «китайских» дел к «Харбинской» операции, что нашло отражение и в материалах отчётности наркомата. Этот факт позволил ряду историков не только прийти к выводу, что «„китайская“ операция, рекомендованная к проведению решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г., не была выделена в отдельную карательную акцию» [Аблажей, Потапова, 2019, с. 152], но и сделать более масштабное обобщение, заключив, что «карательные органы в 1937–1938 гг. проводили 11 “национальных” репрессивных акций: “Польскую”, “Немецкую”, “Харбинскую”, “Латышскую”, “Греческую”, “Ру-

* Калкаев Евгений Геннадьевич, научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), kalkaev@gmail.com

мынскую”, “Финскую”, “Эстонскую”, “Иранскую”, “Афганскую” и “Смешанную” (или “Разную”)). При этом утверждается, что «“китайская”, “македонская” и “ болгарская” линии не были запущены органами НКВД как отдельные репрессивные акции» [Потопова, 2019, с. 159]. Т. е. «Китайская» операция, прежде всего, рассматривается как часть «Харбинской»¹.

Данная работа представляет собой попытку определить место репрессий против китайцев в «национальных» операциях и, в частности, разобраться, насколько классификация протоколов комиссии НКВД и прокурора СССР является правомерным основанием тезиса об отсутствии отдельной «китайской» линии в «национальных» операциях НКВД.

Руководство «большим террором» и принятие решения о проведении «Китайской» операции

Работы современных историков показывают, что основная роль в организации «большого террора» 1937–38 г. принадлежала Сталину (1878–1953). По словам О. Хлевнюка: «Всё, что известно сегодня о подготовке и проведении массовых операций 1937–1938 гг., позволяет утверждать, что без приказов Сталина “большого террора” просто не было бы, а массовые репрессии (несомненно, характерные для сталинской системы в целом) оставались бы на том “среднем” или “выше среднего” уровне, который наблюдался в середине 1930-х годов, а затем с 1939 г. вплоть до смерти Сталина» [Хлевнюк, 2010, с. 14].

К этому времени Сталину был подконтролен партийный и государственный аппарат, не был самостоятелен и «передовой боевой отряд партии» – Наркомат внутренних дел. Несмотря на то что и сам нарком Н. И. Ежов (1895–1940), и многие его подчинённые были крайне инициативными исполнителями воли вождя, все ключевые вопросы репрессий предполагали получение одобрения сверху². Сталин уделял много времени работе с документами НКВД. Он правил важнейшие распорядительные документы «большого террора», подписывал списки подлежащих репрессированию представителей советской номенклатуры и проходящих по основным сфабрикованным «заговорам», внимательно просматривал десятки сообщений, пересылаемых из центрального аппарата НКВД, включая протоколы допросов отдельных лиц, делал пометы и давал рас-

¹ С этой же точки зрения «Македонская» и «Болгарская» стали частью «Разной» операции.

² См., напр.: [Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 292].

поряжения вплоть до указаний, как вести следствие [Хлевнюк, 2010, с. 299–300; Петров, Янсен, 2008, с. 127; Ватлин, 2012, с. 1].

Начало «национальных» операций НКВД иногда отсчитывают от подписанного 25 июля 1937 г. приказа № 00439, целью которого было искоренение агентов германской разведки в промышленности³. Но, как уже давно показано, «модельным» для «национальных» операций стал «Польский» приказ № 00485 от 11 августа 1937 г. [Петров, Рогинский, 1997]. Формально он был направлен на ликвидацию последствий «долголетней и относительно безнаказанной диверсионно-шпионской работы польской разведки на территории Союза» [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 310]. В приказе определялись основные категории лиц, подлежащие аресту: члены Польской организации войсковой⁴, на самом деле уже давно не существовавшей, польские военнопленные, перебежчики, политэмигранты, бывшие члены «антисоветских» польских партий, активная часть «антисоветских и националистических элементов польских районов». В первую очередь должны были быть арестованы служащие в НКВД и Красной армии, а также занятые в стратегических областях промышленности и на транспорте. Незамедлительно должны были быть взяты под стражу и проходящие по показаниям уже арестованных.

Особенностью приказа было введение нового порядка рассмотрения дел. В процессе следствия арестованных разделяли на две категории: 1-я подлежала расстрелу, 2-я – заключению в лагерь. На арестованных подготавливались списки с краткими справками по их делам. Завизированные региональным начальником НКВД и прокурором, сшитые в альбомном формате справки высылались в центр. После довольно формального разбора и утверждения приговоров по «альбому» в центральном аппарате составлялись протоколы, которые подписывались представителями комиссии НКВД и прокурора СССР⁵, так называемой двойкой. Приговоры по первой категории должны были приводиться в исполнение немедленно после получения подтверждения, на вторую категорию через Особое совещание НКВД подготавливались справки с соответствующими приговорами. Этот упрощен-

³ См., напр.: [Ватлин, 2012, с. 162].

⁴ Polska Organizacja Wojskowa (Польская военная организация) – тайная организация, созданная в 1914 г. для борьбы за независимость. Прекратила свою деятельность в 1921 г.

⁵ Комиссия состояла из Н. И. Ежова и А. Я. Вышинского (1883–1954) или их заместителей, но на практике представленные справки рассматривали другие лица [Петров, Рогинский, 1997, с. 28–29].

ный порядок рассмотрения дел, также называемый «альбомный», стал отличительной чертой всех «национальных» операций.

20 сентября 1937 г. появился приказ № 00593, который в отличие от других «альбомных» операций был направлен не на представителей какой-либо национальности, а на харбинцев – прежде всего бывших служащих Китайско-Восточной железной дороги и реэмигрантов, вернувшихся из Маньчжоу-го и Китая. 30 октября появилось распоряжение об операции по репрессированию латышей, 11 декабря – о проведении «Греческой» операции, 29 января 1938 г. – «Иранской», в феврале – «Афганской».

При этом можно отметить, что если все вышеперечисленные указания подразумевали проведение операций с рассмотрением дел в упрощённом порядке в масштабах всего СССР, то существовал и механизм распространения действий «альбомного» порядка на представителей некоторых национальностей в отдельных регионах. Так, 17 августа 1937 г. в НКВД Украины было послано сообщение о распространении действия «Польского» приказа № 00485 на румын, прежде всего проживающих на территории Молдавской АССР [Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 290]. В середине декабря в ряд регионов было направлено указание распространить действие «Латышского» приказа на финских, эстонских, литовских и болгарских перебежчиков [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 4, д. 152, л. 120, 158, 163].

Прологом к проведению «Китайской» операции стали сообщения из Дальневосточного края, где чекисты фальсифицировали дело о провокации, которую руками китайцев якобы хотели провести японские спецслужбы. Ежов санкционировал аресты всех причастных к «провокации» и распорядился провести операцию по очищению края от притонов, вылившуюся в масштабную волну арестов китайцев в ночь с 29 на 30 декабря [Сталинские депортации, 2005, с. 101-102]. Однако сначала операция в крае не была введена в рамки «альбомных». Предполагалось, что дела «изобличенных» в антисоветской деятельности, шпионаже, контрабанде и активных уголовников из числа китайцев с советским гражданством будут передаваться на рассмотрение «троек», сформированных по приказу № 00447 об «антисоветских элементах»⁶, а иностранные граждане по этим обвинениям через суд бу-

⁶ Приказ НКВД № 00447 от 30 июля 1937 г., также известный как «кулацкий», был основой для проведения операции против широких контингентов «антисоветских элементов», осуждение которых проходило на сформированных в регионах «тройках». Масштабы репрессий «большого террора», собственно, и определялись осуществлением этой операции и «национальных».

дут высланы из страны. Для остальных (не обвиненных в указанных преступлениях) предусматривалось судебное разбирательство с заранее оговорённым запретом на проживание в Дальневосточном крае, Читинской и Иркутской областях [Сталинские депортации, 2005, с. 102]⁷.

Впрочем, оформление этих дел в «альбомном» порядке было отложено ненадолго. В центр регулярно поступали пугающие сообщения о якобы готовившейся провокации и материалы, которые должны были свидетельствовать об активной работе среди китайцев японской разведки. Копии этих сообщений ложились и на стол Сталину. Вероятно, ярких красок в складывающуюся картину добавил прибывший в январе в Москву начальник УНКВД по Дальневосточному краю Г. С. Люшков⁸. В результате «Китайская» операция оказалась в списке «национальных» операций, которые предстояло развернуть по всей стране, а порядок рассмотрения дел также стал «альбомным». 31 января 1938 г. это было зафиксировано в решении Политбюро ЦК ВКП(б). Причём в протоколе «Китайская» операция (вместе с целым рядом локально идущих «альбомных» операций) была отнесена к продолжающимся, а не к начинающимся [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 468–469]. Возможно, в восприятии высшего партийного руководства, а может быть, и руководства НКВД⁹, она была уже идущей локальной «национальной» операцией.

В любом случае у НКВД не было выбора начинать или не начинать эти операции – решение Политбюро было воспроизведено Ежовым в разосланной на следующий день, 1 февраля, директиве № 233 [ЦАФСБРФ. ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 62–63].

Естественно, в связи с отсутствием до этого приказов об операции против китайцев в масштабах страны, операцию по «разгрому шпионско-диверсионных контингентов» из китайцев пред-

⁷ Подробно о начале операции см.: [Калкаев, 2018].

⁸ Люшков Генрих Самойлович (1900–1945). Член РСДРП(б) с 1917, в органах ВЧК–ОГПУ–НКВД с 1920 г. 31.07.1937–13.06.1938 г. начальник УНКВД по ДВК, комиссар госбезопасности 3 ранга. 13.06.1938, опасаясь ареста, бежал в Маньчжурию, после чего активно сотрудничал с японцами. 19.08.45 при наступлении советской армии застрелен японцами в г. Далянь.

⁹ Вероятно, в подготовке проекта постановления участвовали и представители НКВД, но в настоящее время материалы к проекту в архивах не обнаружены.

писывалось не продолжить, а начать¹⁰. Вместе с операцией против китайцев постановление Политбюро и директива Ежова предусматривали начало всесоюзных «Финской», «Эстонской», «Румынской», «Болгарской» и «Македонской» операций. «Официально» вводилась в рамки «альбомного» порядка и «Немецкая»¹¹. Всего в директиве упоминалось 12 операций: «Польская», «Харбинская», «Латышская», «Греческая», «Иранская», «Финская», «Эстонская», «Румынская», «Китайская», «Болгарская», «Македонская» и «Немецкая», а через несколько дней к ним прибавилась тринадцатая – «Афганская».

«Харбинский» приказ и основная «база» японского шпионажа

«Харбинский» приказ, так же как и «Польский», формально был направлен на предотвращение угрозы враждебной активности страны – вероятного военного противника. В данном случае – Японии, которая в первой половине 1930-х гг. установила контроль над Маньчжурией, где расположилась целая сеть разведывательных центров. Активность японских спецслужб вызывала серьёзные опасения НКВД и партийного руководства. Харбинцы же вместе с корейцами и китайцами во второй половине 30-х гг. упоминались в документах органов безопасности как потенциальная «база» японского шпионажа и диверсии¹².

В самом приказе № 00593 и приложенном к нему закрытом письме подробно говорилось о насаждении японскими спецслужбами агентуры из бывших харбинцев на железнодорожном транспорте и важных предприятиях, участии харбинцев в шпионаже, подготовке террористических и диверсионных актов, вредительстве и т. п. Обвинение было коллективным и распространялось почти на всех харбинцев¹³, но отдельные обширные категории, кото-

¹⁰ Аналогичным образом из обозначенных в решении Политбюро «продолжающихся» в «начинающиеся» были перенесены распоряжения о начале операций против финнов, эстонцев и румын.

¹¹ Фактически к этому времени «Немецкая» операция уже проводилась. См.: [Охотин, Рогинский, 1999, с. 40].

¹² См., напр.: [Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 40; Хаустов, 2015, с. 109].

¹³ «Учётные агентурно-оперативные материалы показывают, что выехавшие в СССР харбинцы, в подавляющем большинстве состоят из бывших белых офицеров, полицейских, жандармов, участников различных эмигрантских шпионско-фашистских организаций и т. п. В подавляющем большинстве они являются агентурой японской разведки» [Лубянка. Сталин и., 2004, с. 366].

рые должны были быть полностью арестованы, в приказе выделялись особо. К ним относились все изобличенные или только подозреваемые во враждебной деятельности, бывшие белые, реэмигранты, члены «антисоветских» партий, имевшие связи с троцкистами и «правыми», участники некоторых эмигрантских организаций, служившие в китайской полиции и войсках и т. д. вплоть до работников иностранных и «белогвардейских» фирм и тех, кто принимал китайское подданство [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 367].

В закрытом письме, которое было призвано осветить подробности деятельности японской агентуры, упоминались не только харбинцы. В нём отмечались случаи вербовки сотрудников советских спецслужб в Китае и троцкистов. В «низовке» оставалось место и для простых советских граждан. В письме фигурировали завербованные харбинцами агенты «из среды местных жителей» и созданные ими «кулацкие повстанческие группы» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 2, л. 8–33]. При этом этнические китайцы ни в приказе, ни в закрытом письме не упоминались.

Однако практика проведения операций значительно отличалась от формальной стороны приказов. Стремление к высоким показателям стимулировалось жёсткой критикой из центра начальников управлений НКВД «отстающих» регионов и поощрение «передовиков» репрессий [Петров, Янсен, 2008, с. 146; Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 291–292]. Условия для обширных фальсификаций создавались санкционированным сверху насилием при получении показаний, упрощённым порядком ведения следствия, сниженным до минимума надзором.

В этих обстоятельствах отсутствие в биографии характеристик, свидетельствующих о национальной, социальной или какой-либо другой связи с «целевыми категориями» массовых операций, не было гарантией безопасности. Увеличивать количество жертв репрессий в рамках «национальных» операций позволяли выбитые признания у тех, кто прямо подпадал под действие приказа, – по таким показаниям могло пройти значительное количество знакомых, малознакомых, а зачастую и вовсе не знакомых с арестованным людей. В ходу были фальсификации анкетных данных – подмена информации о социальном происхождении, политическом прошлом и даже национальности арестованных¹⁴.

¹⁴ Характерным примером может служить «умение» начальника 3-го отдела УНКВД по Московской области И. Г. Сорокина «из евреев делать поляков и сажать в тюрьму» [ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, д. п-21189, л. 169]. В каких-то регионах в поляки записывали всех с фамилиями,

В то же время для многих регионов было нормой и самостоятельное добавление новых репресслируемых категорий [Охотин, Рогинский, 1999, с. 53–54]. В итоге в направляемых в центр «альбомах» появлялось множество лиц, имевших лишь косвенное отношение к указанным в приказах¹⁵.

Основное обвинение в адрес харбинцев – шпионаж в пользу Японии – в некоторых случаях также переносилось на другие группы, подозреваемые в работе на японскую разведку. А среди связанных с японцами «инонациональностей», как было отмечено выше, НКВД выделяло корейцев и китайцев. В результате в 1937 – январе 1938 г. мы фиксируем неединичные случаи вынесения «двойкой» решений в отношении китайцев в рамках «Харбинского» приказа № 00593. К 1 февраля 1938 г., т. е. на момент появления директивы о включении китайцев в «национальные» операции, комиссия рассмотрела «харбинских» «альбомов» более чем на 13 тысяч человек. Двести с лишним человек среди них были китайцами [АУФСБОО, ф. 6, д. 9828–9854]¹⁶.

Единичные материалы на китайцев появлялись в «харбинских» протоколах уже в октябре 1937 г. Справки на первую большую группу (10 человек) китайцев, рассмотренные комиссией по «Харбинскому» приказу, были представлены УНКВД по Московской области в ноябре. Арестованные обвинялись в принадлежности к китайской троцкистской организации, но после выхода приказа № 00593 в их групповом деле внезапно появилось упоминание о выходе из Харбина. В начале декабря 1938 г. был рассмотрен «альбом» из Ленинградской области. В нём были материалы на одиннадцать китайцев, большая часть которых работала в разгромленном НКВД китайском колхозе «Красный восток». Утверждалось, что колхозники принадлежали к организации, которая «ставила своей задачей проведение во время войны Японии с СССР диверсионной деятельности на заводах оборон-

оканчивающимися на «-ский», а по другим операциям просто выискивали нерусские фамилии в домовых книгах [Тепляков, 2008, с. 372].

¹⁵ Известные отдельные случаи обвинений в адрес начальников УНКВД за предоставление большого количества справок на тех, кто не входил в «целевые категории» операций, были скорее исключением. В большинстве случаев такая практика была нормой и не встречала противодействия центра [Охотин, Рогинский, 1999, с. 70].

¹⁶ При этом, конечно, нельзя забывать, что от времени присылки в центр списков до их рассмотрения комиссией могло пройти значительное время, а также что какое-то количество людей было уже под арестом, но дела их ещё не были оформлены.

ной и крупной промышленности, а также сбор шпионских сведений» [АУФСБОО, ф. 6, д. 10016, л. 10]. В декабре 1937 – январе 1938 были рассмотрены и десятки «китайских» справок, присланных из Новосибирской и Свердловской областей, Алтайского края [АУФСБОО, ф. 6, д. 9846, 9852, 9855].

Но в то же время количество этих случаев было ограниченным. Если за весь период существования комиссии доля «китайских» справок в подписанных «харбинских» протоколах превысила 30%, то в период с начала «Харбинской» операции по февраль 1938 она составляла менее 2% [АУФСБОО, ф. 6, д. 9828–9874; 3, ф. 8-ос, оп. 1, д. 70, л. 18]. Даже учитывая, что часть «китайских» справок ещё не дошла до рассмотрения, это определённо свидетельствует о том, что до февраля китайцы попадали в «альбомы» не в результате централизованной кампании, а, скорее, по причине отдельных местных инициатив.

«Китайская» операция

Ситуация изменилась в феврале 1938 г., когда вступило в силу распоряжение Ежова о начале операции против китайцев по всей стране¹⁷.

По крайней мере некоторые из региональных руководителей НКВД были заранее осведомлены о предстоящем распространении «национальных операций» на китайцев и начали подготовку к её проведению. Так, только что назначенный наркомом внутренних дел СССР А. И. Успенский (1902–1940) ещё 31 января 1938, т. е. до официального получения директивы № 233, затребовал от всех областных отделений Украины собрать информацию о проживающих на их территории китайцах и предоставить данные к 10 февраля [ОГАСБУ, ф. 16, оп. 1, д. 313, л. 10]. Сама директива была передана в областные управления Украины только 2 февраля [Через трупы врага, 2010, с. 30–31].

Конкретная подготовка могла начаться несколько позже. Начальник УНКВД по Читинской области Г. С. Хорхорин (1900–1939) 7 февраля докладывал в центр: «Готовлю операцию по китайцам беря в первую очередь прибывших нелегально в СССР начиная с 1921 года, среди них несколько сот человек китподанных, перебежчиков, контрабандистов, спекулянтов, притоносодержателей» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 35, л. 315]. Вероятно, предварительные цифры по учёту китайцев были у начальника

¹⁷ «Альбомный» порядок автоматически был распространён и на китайцев, арестованных во время массовых операций в Дальневосточном крае в конце 1937 – начале 1938 г.

управления уже на руках, но «разворот» операции в условиях загруженности оперативного состава требовал времени.

Даже в регионах, где отдельные аресты китайцев уже проводились, внимание чекистов к представителям этой национальности заметно возросло. 8 февраля начальник УНКВД по Алтайскому краю С. П. Попов (1904–1940) доложил в центр, что «в гор. Камне Алтайского края вскрыта и ликвидирована к[онтр]р[еволюционная] шпионская, диверсионная, террористическая группа из числа китайцев, граждан СССР, насчитывающая 18 человек» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 36, л. 28–29]. Ещё через пять дней он сообщил о вскрытой шпионско-диверсионной группе из числа китайцев и корейцев в Барнауле и отчитался о 20 арестованных [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 37, л. 77]. Стремительно росло количество арестованных китайцев в Читинской области. По данным начальника УНКВД, к 5 февраля там было арестовано 35 китайцев, через пять дней к ним прибавилось ещё 116, а к 15 февраля их количество достигло 226 человек. К 25 февраля число китайцев, оказавшихся в руках читинских чекистов, превысило 440 человек, более 250 из них были гражданами Китайской Республики [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 40, л. 289].

Красноярские чекисты в первую половину февраля арестовали 74 китайца [Силонов, 2015, с. 133], а с 15 по 20 февраля, по данным руководителя УНКВД, ещё 81. Однако по другим данным, с 16 по 18 февраля только интернированных китайцев¹⁸ в этом крае было арестовано 97 человек. Цинично спланированная операция предполагала сбор интернированных в отделении милиции под предлогом составления списков желающих возвратиться в Китай [Силонов, 2015, с. 134–135]. Всего, по данным С. Силонова, в феврале 1938 г. в Красноярском крае было арестовано около 210 китайцев, а анализ динамики арестов привёл исследователя к заключению, что о массовой операции против китайцев в крае можно говорить начиная именно с этого месяца [Силонов, 2015, с. 135–136].

Объём публикации не позволяет привести много примеров, тем не менее важно указать, что аналогичные процессы происходили и в регионах, где проживавшие китайцы были не так многочисленны. Например, в Москве только за первые пятнадцать дней февраля было арестовано порядка 50 китайцев, что примерно в два раза превышало количество арестованных с начала «боль-

¹⁸ Речь идёт о китайских военнослужащих и партизанах, в 1930-е гг. под давлением японских войск переходивших на территорию СССР, где они были задержаны и расселены.

шого террора» до января 1938 года [ГАРФ, ф. 10035, оп. 1, 2]. По данным из УНКВД по Тульской области, первые арестованные в 1938 г. в рамках «национальных» операций китайцы появились между 10 и 15 февраля. Количество их было 12 человек. С 1 по 15 февраля было арестовано 5 китайцев в Воронежской области, в Смоленской – один и к концу месяца уже 15) [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 38. л. 6; д. 36, л. 324; д. 36, л. 293].

Трудно сказать, повлияла ли директива № 233 на интенсивность арестов китайцев в Дальневосточном крае, где локальная операция уже велась. Но стоит отметить, что хотя известная вторая волна масштабных арестов в Приморье прошла ближе к концу месяца – начиная с 22 февраля [Чернолуцкая, 2011, с. 260], – по данным дипломатов Китайской Республики, в первой половине февраля были схвачены многие китайцы, проживавшие в Ворошилове (Уссурийске) и Спасске [АВПРФ, ф. 0100, оп. 22, п. 191, д. 30, л. 87].

В отдельных регионах развитие операции против китайцев тормозилось не только из-за недостатка «контингента», но и из-за нехватки времени и оперативных ресурсов. В конце января – начале февраля 1938 к уже проводимым национальным операциям добавились ещё несколько новых, что увеличило нагрузку на региональные и областные управления¹⁹. Низкие показатели арестов китайцев тревожили наркома внутренних дел УССР Успенского. Не получив удовлетворительных, по его мнению, результатов, 10 марта он разослал подчинённым телеграмму, в которой констатировал: «директива Народного Комиссара Внутренних Дел Союза ССР – Генерального Комиссара Государственной Безопасности тов. Ежова № 233 от 2/II 1938 года²⁰ об операции по китайцам многими областями не выполняется». Ряд областей «не имеют арестованных китайцев, несмотря на наличие на территории области китайцев в том числе иностранно-подданных... В тех областях, где имеются арестованные китайцы, число их незначительно...». В связи с этим Успенский приказывал «немедленно приступить к выполнению приказа наркома Союза ССР об операции по китайцам. Областным управлениям НКВД, где уже имеются арестованные китайцы, приступить к активной следственной работе с арестованными, в целях вскрытия деятельности японской разведки через китайцев», отчитываться УНКВД

¹⁹ Правда, приблизительно в это время начали уменьшаться масштабы операции против «антисоветских элементов» [Петров, Янсен, 2008, с. 147].

²⁰ Директива, как отмечено выше, в областные управления УССР была переслана 2 февраля 1938.

должны были «по китайской операции в таком же порядке, как и по другим линиям (польской, немецкой и др.)» [ОГАСБУ, ф. 16, оп. 1, д. 313, л. 56–58].

Приведённые данные заставляют не согласиться с утверждением Н. Потаповой, что китайская «линия» не была запущена НКВД как отдельная репрессивная акция, а также с тем, что «массовые аресты китайцев начинаются с весны 1938» [Потапова, 2019, с. 159, 94]²¹. Сказанное выше свидетельствует о том, что директива Ежова от 1 февраля 1938 г., в числе прочего требовавшая начать «Китайскую» операцию, начала незамедлительно осуществляться. При этом она воспринималась регионами именно как репрессивная кампания, направленная на представителей китайской национальности. На местах начались массовые аресты. Конечно, в некоторых регионах могли возникать различные трудности и временные заминки, но это никак не меняло общую установку наркомата на развитие данного направления массовых репрессий по всему Советскому Союзу.

Отчетность, подсобная картотека «национальных» операций и систематизация протоколов

Как и предыдущие приказы о проведении «национальных» операций, распоряжение Ежова от 1 февраля 1938 требовало регулярной отчётности. Пятый параграф директивы предписывал: «О ходе операций доносить пятидневными сводками сообщением количества арестованных и наиболее существенных материалов следствия».

В отправляемых сообщениях информация о китайцах давалась отдельно, но не унифицированным способом. Довольно типичный пример из сообщений заместителя начальника УНКВД по Новосибирской области И. А. Мальцева (1898–1940) выглядел таким образом: «По состоянию на 25 февраля в Новосибирской области с начала операции арестовано: поляков – 5564, харбинцев – 2152, немцев – 1543, латышей – 1307, эстонцев – 1100, финн – 170, греков – 50, иранцев – 21, румын – 42, китайцев – 79, болгар – 9» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 40, л. 312].

В подобных общих докладах о «национальных» операциях могли фигурировать и другие «линии», не присутствующие в известных «альбомных» приказах. В каких-то отчётах по «национальным» операциям присутствовала «линия» Русского общевойс-

²¹ Также см. утверждение: «до весны 1938 г. аресты национальных групп в рамках приказа № 00593 были единичными» [Потапова, 2019, с. 165].

ского союза (РОВС), в каких-то, помимо прочих, давались данные по австрийцам, венграм, чехам и другим национальностям.

Стоит отметить и тот факт, что не во всех сообщениях из регионов данные о китайцах структурно отделялись от харбинцев. В начале марта начальник 3-го (контрразведывательного) отдела управления по Красноярскому краю докладывал: «С начала операции по харбинцам арестовано 848, в том числе с 25. II по 1. III арестовано: харбинцев – 1, корейцев – 6, китайцев – 6» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 41, л. 331–333]. Но насколько условно было это соединение, свидетельствует более позднее сообщение за той же подписью: «С начала операции по харбинцам арестовано – 936, в том числе с 1-го по 5-е марта арестовано харбинцев – 8, корейцев – 28, китайцев – 48, иранцев – 3, греков – 1» [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 42, л. 293–295]. Наличие в списке «операции по харбинцам» иранцев и греков заставляет предположить, что речь могла идти об отсылке вообще к «альбомным» операциям или о некой «упрощённой» их систематизации либо под «Харбинской» операцией подразумевались репрессии против обвинённых в работе на Японию (включая арестованных иранцев и греков).

В других случаях прямо говорилось о японской «линии», как, например, в сообщениях начальника УНКВД по Свердловской области Д. М. Дмитриева (1901–1939). В марте 1938 г. он писал: «Доношу о результатах следствия по японской линии по состоянию на 10 марта с.г.: всего арестовано – 2407 человек, из них призналось – 2264, закончено следдел на 2305 человек». После этого шла информация о наиболее примечательных последних делах, среди которых были вскрытые организации харбинцев, китайцев, а также сосланных крымских татар [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 44, л. 171–173]. Т. е. под японской «линией», конечно, подразумевалась операция, направленная не на японцев, а против обвинённых в сотрудничестве с японскими разведывательными органами.

В целом, несмотря на разнообразие формулировок и подходов в сообщениях из регионов, в подавляющем большинстве случаев информация о китайцах давалась отдельными цифровыми данными. При этом нередко китайская «линия» вместе с харбинской и иногда другими объединялась в одно направление. Это направление могло называться «харбинской», «японской», «харбино-японской» «линией» или как-либо иначе, но по сути означало со-

вокупность нескольких «линий», объединённых по принципу работы на японские спецслужбы²².

Единообразие не было и в сопроводительных письмах к высылаемым в Москву «альбомам». В Дальневосточном крае, где доля арестованных китайцев была самой высокой, писали о списках «на лиц подлежащих осуждению в порядке приказа НКВД СССР № 00485» или «на лиц подлежащих осуждению в порядке приказа НКВД СССР № 00485 по китайской операции». Использование номера «Польского» приказа отсылает к «альбомному» порядку и свидетельствует об интенции не смешивать «Китайскую» и «Харбинскую» операции. В других регионах встречаются указания на «Харбинский» приказ № 00593, директиву № 233 и другие распоряжения.

В центре получаемые данные по арестам и осуждениям концентрировались в подсобной картотеке, которая была разбита на 14 «линий» [ЦАФСБРФ, ф. 3-ос, оп. 6, д. 8, л. 118]. Вопрос, как она создавалась и формировалась, остается открытым, однако можно предположить, что линии этой картотеки соответствовали четырнадцати линиям, упомянутым в справках 1-го специального (учётно-регистрационного) отдела НКВД. Согласно этим материалам, данные по операциям, проведённым «в порядке приказов НКВД № 00485, № 00593 и др.», подразделялись на «польскую», «харбинскую», «немецкую», «фрумынскую», «финскую», «латышскую», «эстонскую», «греческую», «иранскую», «афганскую», «болгарскую», «английскую», «китайско-корейскую» и «другие» линии [ЦАФСБРФ, ф. 8-ос, оп. 1, д. 70, л. 132].

Такое деление не выглядит последовательным. С одной стороны, наличие «английской» линии при отсутствии значительного количества арестованных англичан демонстрирует, что основанием классификации была не принадлежность к конкретной национальности, а преступная связь или работа в пользу какого-либо государства. С другой стороны, наличие «китайско-корейской» линии скорее должно свидетельствовать об обратном. Учитывая, что к 1938 г. Корея десятки лет находилась под оккупацией Японии, здесь, очевидно, используется указание на национальности. «Харбинская» же линия отражала работу в пользу Японии, но эти множества полностью не совпадали, так как значительная часть попавших в «китайско-корейскую» линию также обвинялись в преступлениях, совершённых в интересах Японии.

²² Собственно об этом идёт речь в работе В. Хаустова «Японская операция НКВД 1937–1938 гг.» [Хаустов, 2015].

Вероятно, эта непоследовательность стала следствием того, что формирование картотеки шло постепенно. Уже давно отмечено, что заранее и относительно хорошо были спланированы только три «национальных» операции («Польская», «Харбинская» и «Немецкая»), остальные же формировались в процессе репрессий [Охотин, Rogинский, 1999, с. 46]. В этих обстоятельствах структура картотеки могла меняться или корректироваться в связи с появлением новых направлений «национальных» операций.

Что касается интересующего нас в первую очередь вопроса, можно отметить, что, согласно неполным данным справки с информацией на 1 июля 1938 г.²³, по «харбинской» линии проходило 3199 арестованных китайцев, тогда как в рамках «китайско-корейской» их было учтено 4 085 [ЦАФСБРФ, ф. 8-ос, оп. 1, д. 70, л. 132]. Без наличия дополнительной информации только в качестве предположения можно выдвинуть версию, что такое деление отражает изначальное включение данных о китайцах в «харбинскую» линию, а после начала «Китайской» операции – постепенный переход к включению их в «китайско-корейскую». Нельзя исключить, что разделение «потоков» китайцев могло происходить в зависимости от формулировок в поступающих с мест отчётах или каким-либо другим способом. Окончательное прояснение этого вопроса возможно только при введении в научный оборот новых документов. В контексте же поставленного вопроса важно указать, что в учётно-регистрационном аппарате НКВД, по крайней мере в определённый период времени лета 1938 г., более 4 тысяч китайцев не были включены в «харбинскую» линию «национальных» операций. В материалах же справки с неполной информацией на 1 июля 1938 г. большинство арестованных китайцев было учтено в рамках «китайско-корейской» линии.

Как справедливо отмечают Н. Аблажей и Н. Потапова, в конце концов, после рассмотрения в Москве, большинство «китайских» альбомов вошли в «харбинские» протоколы, а в целом протоколы «двойки» были сгруппированы по 11 перечисленным в начале статьи группам, включая «разные». Возможной причиной отнесения «китайских» списков из Дальневосточного края к «харбинским» протоколам Н. Потапова считает осторожность Ежова, который не решался отчитаться по «Китайской» операции на Дальнем Востоке после того, как в июне 1938 г. начальник УНКВД по ДВК

²³ Справка не содержит данных УНКВД по Дальневосточному краю (которым было арестовано самое большое количество китайцев) и двум Дорожно-транспортным отделам.

Люшков сбежал к японцам [Потапова, 2019, с. 98]. Однако протоколы комиссии НКВД и прокурора СССР свидетельствуют, что многие китайцы из других регионов СССР прошли по «харбинским» протоколам ещё до побега Люшкова. К концу весны количество китайцев, чьи приговоры были завизированы «двойкой», превысило 600 человек [АУФСБОО, ф. 6, д. 9828–9866]. Среди утвержденных в марте «харбинских» протоколов можно обнаружить несколько, где доля китайцев была преобладающей и превышала 70%²⁴. Небольшой полностью «китайский» протокол на четверых человек был утвержден 16 марта 1938 г. по материалам из Новосибирской области, правда, справки на этих четверых были выделены из списков, присланных ещё в 1937 г.²⁵ Стоит отметить и значительное число корейцев, прошедших по этим протоколам до лета 1938 г., а также наличие утвержденного ещё зимой 1938 полностью «корейского» протокола № 381. В связи с этим логично предположить, что решение о включении материалов на представителей этих национальностей в «харбинские» протоколы было принято задолго до того, как начальник УНКВД по ДВК решился на побег.

Возможно, определяющую роль сыграла как раз практика регионов, которые к этому времени уже включали «китайские» и «корейские» справки в «харбинские» «альбомы». Вполне вероятно, несмотря на то что в подсобной картотеке учётно-регистрационного отдела в какой-то момент появилась «китайско-корейская» линия, в итоге было принято решение отнести большинство этих справок к одному условному направлению – основной «базе» японского шпионажа, что соответствовало и более ранним представлениям о главных пособниках японцев. В качестве общего названия для этой группы протоколов оставили «харбинские»²⁶.

Однако систематизация протоколов в центре по одиннадцати группам (что, в свою очередь, нашло отражение и в финальной

²⁴ Напр., протокол № 442 по материалам из УНКВД Тульской обл. и № 444 по материалам из Читы, подписанные 21 и 23 марта.

²⁵ Задержка объясняется тем, что центр запросил у УНКВД уточняющую информацию о гражданстве этих лиц.

²⁶ При этом стоит упомянуть, что, как справедливо указывает Н. Потапова, часть материалов, связанных с обвинением в шпионаже в пользу Японии, попали в «разные» протоколы, в этих материалах было и некоторое количество китайцев [Потапова, 2019, с. 158-165]. В те же «разные» протоколы попали материалы по «болгарской», «македонской» и некоторым другим менее масштабным «линиям», не выделенным в отдельные операции.

статистике НКВД по работе комиссии) не тождественна осуществлению одиннадцати «линий» «национальных» операций, как интерпретируют этот факт Н. Аблажей и Н. Потапова, говорящие об одиннадцати «репрессивных акциях». Во-первых, эта систематизация протоколов проводилась независимо от основных оперативных мероприятий, следствия и составления справок на арестованных и на них не влияла. Во-вторых, само по себе наличие группы «разные» (в которую помимо прочего были собраны некоторые менее масштабные, локальные и, возможно, не регулируемые специальными распоряжениями «линии») свидетельствует об упорядочивающе-классифицирующем значении данной схемы; об этом же говорит и отсутствие каких-либо распорядительных документов о проведении некой «разной» «линии»²⁷.

Можно отметить и, вероятно, существовавшую в подсобной картотеке «китайско-корейскую» линию, а также тот факт, что если финальная статистика НКВД по «национальным» операциям, включающая в себя объединённые данные о результатах деятельности комиссии и особых троек²⁸, так же как и статистика о деятельности комиссии, была сведена к 11 «линиям», то статистика деятельности особых троек имела совсем другую структуру. Данные по особым тройкам, рассмотревшим остатки «альбомов» почти на треть от общего количества справок по всем «национальным» операциям, были упорядочены по 20 «линиям», включая «прочие» [ЦАФСБРФ, ф. 8-ос, оп. 1, д. 70, л. 19].

Наконец, нельзя забывать, что и после того, как классификация протоколов «двоек» в основном упорядочилась²⁹, в базовых документах «большого террора» по-прежнему говорилось о 13 основных «национальных» операциях. О них шла речь в майском постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) о продлении операций до 1 августа 1938 [Лубянка. Сталин и..., 2004, с. 538], именно о них сказано в соответствующем распоряжении Ежова о продлении операций, выпущенном 28 мая [ЦАФСБРФ, ф. 3, оп. 5, д. 87, л. 64]. В июне 1938 г. о тринадцати линиях говорилось в приказе заместителя наркома М. П. Фриновского (1898–1940) об усилении репрессий в отношении «инонационалов» [Тепляков, 2008, с. 367]. Пред-

²⁷ Что, конечно, не означает отсутствия необнаруженных документов о проведении операций против «линий», учтённых в этом разделе.

²⁸ Согласно приказу НКВД № 00606, сформированные в регионах особые тройки в сентябре–ноябре 1938 рассмотрели оставшиеся «альбомы».

²⁹ Вероятно, это произошло зимой 1938 года, однако отдельные коррективы могли быть позже.

ставители тех же двенадцати национальностей и харбинцы упоминались в циркуляре № 189, разъясняющем приказ № 00606³⁰. То есть очевидно, что они продолжали рассматриваться и высшим партийным руководством и НКВД как основные направления «национальных» операций.

* * *

Таким образом, «Китайская» операция была одной из тринадцати основных, выделенных специальными распоряжениями руководства ВКП(б) и НКВД, «национальных» операций 1937–1938 гг., с чем, впрочем, согласны большинство историков³¹. Начатая как локальная операция в Дальневосточном крае, не включенная в «альбомный» порядок рассмотрения дел, она вошла в список «национальных» операций после принятия постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 31 января 1938 г. и появления директивы Ежова № 233 от 1 февраля 1938. С этого времени операция против «национальных контрреволюционных контингентов» из числа китайцев начала разворачиваться по всему Советскому Союзу, охватив как территории, где процент представителей этой диаспоры был велик, так и территории, где число проживавших китайцев было незначительным.

Тем не менее ещё до начала февраля 1938 г. справки на несколько сот китайцев были отправлены в центр в рамках «харбинского» приказа № 00593. Причиной этого было как расширение регионами оговорённых в приказах подлежащих аресту «контингентов», так и понимание «харбинского» приказа как направленного в целом на противодействие деятельности японских спецслужб. (Не исключено, однако, что в отдельных случаях на это получалась санкция центра). Вероятно, существованием практики включения справок на китайцев в «харбинские» «альбомы», рассмотренные комиссией ещё до февраля 1938 г., можно объяснить и дальнейшее отнесение «китайских» «альбомов» к материалам по «Харбинской» операции. При этом упорядочивание в центре протоколов по 11 направлениям, включая «разные», не является поводом для утверждения, что НКВД проводило одиннадцать операций, а китайская «линия» не была «запущена... как отдельная репрессивная акция».

³⁰ В данном циркуляре также отдельно упоминалась «линия» участников белогвардейских организаций [ЦАФСБРФ, ф. 66, оп. 1, д. 464, л. 261–263].

³¹ См., напр.: [Охотин, Рогинский, 1999, с. 60; Петров, Янсен, 2008, с. 225; Хаустов, Самуэльсон, 2009, с. 295].

Источники и литература

Архивы

АВПРФ – Архив внешней политики Российской Федерации.
АУФСБОО – Архив управления ФСБ по Омской области.
ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации.
ОГАСБУ – Отраслевой государственный архив Службы безопасности Украины.
ЦАФСБРФ – Центральный архив Федеральной службы безопасности Российской Федерации.

Литература

Аблажей, Потапова, 2019 – *Аблажей Н. Н., Потапова Н. А.* «Национальные» операции Большого террора: иерархия полномочий власти и карательных органов в центре и на периферии // Мир Большого Алтая. 5 (2). Усть-Каменогорск, 2019. С. 150–162.

Ватлин, 2012 – *Ватлин А. Ю.* «Ну и нечисть». Немецкая операция НКВД в Москве и Московской области 1936–1941 гг. М.: РОССПЭН, 2012.

Калкаев, 2018 – *Калкаев Е. Г.* К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937–1938) // Вопросы истории. 2018. № 12. С. 66–87.

Лубянка. Сталин и..., 2004 – Лубянка. Сталин и Главное управление госбезопасности НКВД. 1937–1938. М.: Международный фонд «Демократия», 2004.

Потапова, 2019 – *Потапова Н. А.* «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02. Новосибирск, 2019.

Петров, Рогинский, 1997 – *Петров Н. В., Рогинский А. Б.* «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. М.: Звенья, 1997. С. 22–38.

Петров, Янсен, 2008 – *Петров Н. В., Янсен М.* «Сталинский питомец» – Николай Ежов. М.: РОССПЭН, 2008.

Силонов, 2015 – *Силонов С. М.* Интернированные китайцы в Сибири (1930-е годы). Красноярск: Изд-во Сибирского федерального университета, 2015.

Охотин, Рогинский, 1999 – *Охотин Н. Г., Рогинский А. Б.* Из истории «немецкой операции» НКВД 1937–1938 гг. // Наказанный народ. Репрессии против российских немцев. М.: Звенья, 1999. С. 35–75.

Сталинские депортации, 2005 – Сталинские депортации. 1928–1953. М.: Международный фонд «Демократия», Материк, 2005.

Тепляков, 2008 – *Тепляков А. Г.* Машина террора: ОГПУ-НКВД Сибири в 1929–1941 гг. М.: Новый хронограф, 2008.

Хаустов, 2015 – *Хаустов В. Н.* Японская операция НКВД в 1937–1938 гг. // История сталинизма. Политические и социальные аспекты истории сталинизма. М.: РОССПЭН, 2015 С. 106–118.

Хаустов, Самуэльсон, 2009 – *Хаустов В. Н., Самуэльсон Л.* Сталин, НКВД и репрессии 1936–1938 гг. М.: РОССПЭН, 2009.

Хлевнюк, 2010 – *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М.: РОССПЭН, 2010.

Через трупы врага..., 2010 – «Через трупы врага на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР 1937–1941 гг. Т. 2: 1938 г. М.: РОССПЭН, 2010.

Чернолуцкая, 2011 – *Чернолуцкая Е. Н.* Принудительные миграции на советском Дальнем Востоке в 1920–1950-е гг. Владивосток: Дальнаука, 2011.

*Evgeny G. Kalkaev**

Chinese Line. The Mass Repression against the Chinese and the “National Operations” of the NKVD

ABSTRACT: This article is devoted to analysis of repression against the Chinese in the context of the “national operations” of Great Purge. Special attention is paid to the relationship between the “Harbin” and “Chinese” operations.

KEYWORDS: Great Terror, NKVD, “Chinese” Operation, “Harbin” Operation, “National” Operations Chinese Diaspora

* Kalkaev Evgeny Gennadyevich, Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), kalkaev@gmail.com

*Д. Н. Гиргель **

**Журнал «T'ien Hsia Monthly»
в интеллектуальной жизни Китая: 1935–1941**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается специфическая роль журнала «T'ien Hsia Monthly» в интеллектуальной жизни Китая середины 1930-х – начала 1940-х годов. Исследуется история создания, цели, космополитическая и националистическая тенденции, редакционная политика журнала.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: интеллектуальная история Китая, Сунь Фо, «T'ien Hsia Monthly», китайская культура, китайский либерализм, У Цзинсюн, советско-китайские отношения в 30-е годы

Китайская интеллектуальная жизнь 1930-х годов определялась «открытостью» Китая миру [4, р. 3]. Подтверждением стремления Китая к взаимодействию с остальным миром является китайский литературно-художественный и общественно-политический журнал «T'ien Hsia Monthly» («Тянься юэкань» 天下月刊, «Ежемесячник “Поднебесная”»¹. Журнал издавался с августа 1935 года до 1937 в Шанхае и с 1937 до 1941 – в Гонконге при поддержке и финансировании со стороны республиканского правительства под эгидой Института культуры и образования имени Сунь Ятсена

* Гиргель Дарья Николаевна, старший преподаватель кафедры литературно-художественной критики факультета журналистики Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь), dh233@mail.ru

¹ Архив журнала «T'ien Hsia Monthly» находится в коллекции «China from Empire to Republic: Missionary, Sinology and Literary Periodicals», размещенной на информационно-образовательной платформе Gale: Cengage Learning (<https://www.gale.com/preview/c/china-from-empire-to-republic-missionary-sinology-and-literary-periodicals>). В 2019 году автор статьи получила доступ к печатной версии журнала в библиотеке Китайского университета Гонконга (The Chinese University of Hong Kong).

(Чжуншань вэньхуа цзяюй гуань 中山文化教育館)². В создании института активное участие принимал сын «отца государства» – Сунь Фо (1891–1973)³. Целью института была организация проектов по переводу традиционной и современной китайской литературы на иностранные языки, продвижение китайской культуры на Западе. В предисловии к первому номеру «T'ien Hsia Monthly» Сунь Фо подчеркнул, что деятельность института и миссия журнала – содействовать культурному взаимопониманию между странами – согласуются с целью Международного института интеллектуального сотрудничества, созданного при Лиге Наций в 1926 году [11, p. 4].

«T'ien Hsia Monthly» был вторым после «The China Critic» («Чжунго пинлунь чжоукань» 中國評論周刊, «Еженедельник “Китайский критик”»)⁴ журналом на английском языке, который издавали китайские либеральные интеллектуалы (в редакционной коллегии не было иностранцев). В редакционную коллегию журнала входили писатель и дипломат Вэнь Юань-нин (溫源寧, 1900–1984), юрист У Цзинсюн (吳經熊, 1899–1986, также известный как Джон У (John C. H. Wu), философ Цюань Цзэнгу (全增嘏, 1903–1984, также известный как Ц. Г. Чжуань (T. K. Chuan), литературный критик и писатель Линь Юйтан (林語堂, Lin Yutang, 1895–1976). Свободное владение английским языком, великолепное знание культур Востока и Запада позволяло редакторам «T'ien Hsia Monthly» рассматривать конфликты культур в уникальной перспективе. Среди китайских авторов журнала можно назвать писателя Цянь Чжуншу (錢鍾書, 1910–1998), драматурга Яо Кэ (姚克, 1905–1991).

«T'ien Hsia Monthly» издавался десять раз в год. С августа 1935 года до сентября 1941 года вышло 56 номеров. В каждом номере, объемом около 120 страниц, предусматривалось в среднем 9–12 материалов. В журнале были следующие рубрики: «Редакторский комментарий», «Статьи», «Хроника», «Переводы», «Письма», «Книжное обозрение».

В каждом номере «T'ien Hsia Monthly» публиковалась как минимум одна статья, написанная иностранцем. Среди иностранных авторов журнала были американский исследователь китайского

² Институт культуры и образования имени Сунь Ятсена был создан в 1933 году.

³ Сунь Фо (англ. Sun Fo; кит. Сунь Кэ 孫科, 1881–1973), президент Законодательного совета (1932–1948).

⁴ «The China Critic» издавался в Шанхае с 1928 до 1946 года.

искусства Джон Кальвин Фергюсон (J. C. Ferguson, 1866–1945), американская журналистка и писательница Эмили Хан (Emily Hahn, 1905–1997), японский поэт и литературовед Ёнэдзиро Ногучи (野口米次郎, Yonejiro Noguchi, 1875–1947), американский синолог Дёрк Бодде (Derk Bodde, 1909–2003), английский поэт, литературный и художественный критик Герберт Рид (Herbert Read, 1893–1968), английский писатель, журналист и литературный критик Джон Миддлтон Марри (John Middleton Murry, 1889–1957), английский специалист в области голландской и португальской колониальной и морской истории Чарльз Ральф Боксер (C. R. Boxer, 1904–2000), американский востоковед Оуэн Латтимор (Owen Lattimore, 1900–1989). Статья иностранного автора, необязательно о Китае, публиковалась при условии, что она будет интересна любому читателю, интересующемуся историей идей [11, p. 5].

«T'ien Hsia Monthly» распространялся в Китае, Гонконге, Японии, на острове Ява, в Сингапуре, Англии, Германии, Франции, Америке. Читателями «T'ien Hsia Monthly» были: 1) иностранцы, проживавшие в Китае и за рубежом, 2) новый класс китайских интеллектуалов – «вернувшиеся студенты», которые получили западное образование, свободно владели английским языком и занимали ведущие позиции в политической, социальной и культурной жизни Китая, 3) проживавшие за границей и не знавшие китайского языка потомки китайских эмигрантов.

Предисловие к первому номеру журнала написал Сунь Фо. Автор подчеркивал, что вынесенные в название журнала слова «T'ien Hsia» следовало переводить на английский язык как «Вселенная» (Universe) [11, p. 5]. Предполагалось, что в журнальных статьях будет отражено всё, «что имеет жизненно важный интерес для мужчин и женщин во всем мире» [11, p. 5]. Заканчивая предисловие, Сунь Фо, сформулировал сверхидею издания: «Одна из любимых цитат нашего покойного лидера, доктора Сунь Ятсена, – «T'ien Hsia Wei Kung» (The Universe is for everybody)⁵. Мы хотим, чтобы мечта, которой более двух тысяч лет, осуществилась сегодня. «T'ien Hsia Monthly» представляет собой скромное усилие в этом направлении» [11, p. 5].

⁵ Цитата из конфуцианского канона «Записки о благопристойности» («Ли-цзи»), глава «Круговорот благопристойности» («Ли-юнь» 禮運): «При осуществлении великого пути-*дао* Поднебесная является общей» 大道之行也，天下為公. – *Ред.*

В предисловии были определены две цели «T'ien Hsia Monthly». Первая цель – способствовать миру и развитию взаимопонимания между государствами. «Ежедневно мы слышим о войне и слухи о войне. [...] Все механизмы мира, которые мы создали за последние два десятилетия, не принесли желаемого результата», – такими словами начиналось предисловие [11, р. 3]. Сунь Фо подчеркнул, что «T'ien Hsia Monthly» начал издаваться в условиях тотального разочарования в международных договоренностях и международных политических организациях (имелась в виду прежде всего Лига Наций), призванных способствовать поддержанию мира [11, р. 3]. Сунь Фо отметил также, что доминирующая в международных отношениях тенденция взаимных обвинений и придирок должна смениться на противоположную тенденцию – великодушно не замечать недостатки других государств, не идти путем разногласий, но сосредоточиться на общих положительных моментах [11, р. 4]. По словам Сунь Фо, если в прошлом религиозные, экономические, политические контакты между государствами неизбежно заканчивались войнами, то контакты в сфере культуры никогда не приводили к чему-либо, кроме пользы [11, р. 4].

Редакторы «T'ien Hsia Monthly» интересовались именно этой стороной международных отношений – как, опираясь на культуру, содействовать достижению взаимопонимания между странами. «T'ien Hsia Monthly» позиционировался как журнал о культуре. Его культуроцентричная направленность объяснялась тем, что «культура распространяется через идеи. У нее нет национальных границ. [...] В ней может участвовать каждый. Культурный вклад готтентота может быть столь же интересным, как вклад среднеобразованного европейца. Культура всегда придерживалась политики открытых дверей. Есть только одно условие – смирение, чтобы учиться» [11, р. 4].

В ноябре 1935 года «T'ien Hsia Monthly» стал одним из участников процесса по нормализации советско-китайских отношений на неофициальном уровне. В «Редакторском комментарии» к ноябрьскому номеру главный редактор журнала Вэнь Юаньнин сообщал о том, что в октябре 1935 года в Нанкине во главе с Сунь Фо с целью популяризации в Китае советской культуры было создано Общество культурных связей Китая и СССР [13, р. 357]. В статье констатировалась своевременность создания подобной организации. Вэнь Юаньнин призывал: «В ожидании более полного и точного понимания ситуации в России давайте смотреть разумно и не судить глупо; давайте забудем слово “коммунизм” и

будем придерживаться фактов – всегда помнить, что осуждать так легко и так трудно понять» [13, р. 357]. В статье также отмечалось реальное влияние России в Китае. Так, например, современная китайская литература была бы другой без русского влияния. Вэнь Юаньнин приводил в качестве примера Лу Синя, который многому научился у А.Чехова [13, р. 358].

Редакционная политика «T'ien Hsia Monthly» не изменилась с началом японо-китайской войны. Редакторы журнала обязались «поддерживать в себе искру Разума и Здравосмыслия» [14, р. 115]. Вэнь Юаньнин напомнил читателям, что «если японские милитаристы безумны, нет никаких причин, почему мы должны быть такими», – и разъяснял: «“T'ien Hsia Monthly” посвящен тому, чтобы напоминать мыслящим мужчинам и женщинам о жизни и любви. И мы считаем, что можем наилучшим образом содействовать достижению этой цели, превратив «T'ien Hsia Monthly» в орган, способствующий подлинному взаимопониманию между Китаем и остальным миром. Поэтому, как и прежде, мы приветствуем любое сотрудничество независимо от национальности – не исключая японцев, стремящихся к этому. Мы не говорим, что у нас получится, но, по крайней мере, мы попробуем» [14, р. 115].

«Миротворческая» цель «T'ien Hsia Monthly» соотносилась с транскультурной, космополитической тенденцией журнала. Космополитизм авторов «T'ien Hsia Monthly» был реакцией на происходящие в мире и в Китае события. Английский язык, статьи иностранных авторов, обсуждение идей, культурных и духовных ценностей, которые способствовали объединению всех, кто желал добиться международного взаимопонимания, выражали космополитический характер журнала.

Космополитизм авторов «T'ien Hsia Monthly» был альтернативой радикальному дискурсу, доминировавшему в китайской печати в 1930-х годах. Вэнь Юаньнин подчеркивал, что обсуждение вопросов культуры представителями всех классов, независимо от их кредо и партийной принадлежности, может проходить плодотворно, «нет никаких причин, почему мы должны разжигать чувства неприязни друг к другу и создавать поля для сражений. [...] Мы устали от лозунгов и боевых кличей. Мы стремимся создать атмосферу разума и справедливости, в которой все вопросы могут обсуждаться в дружеском духе, и единственным мотивом для наших устных и письменных заявлений должно быть распространение всего лучшего, что было сделано и осмыслено на Западе и в Китае» [15, р. 491]. Английский язык, на котором издавал-

ся журнал, также помогал авторам дистанцироваться от враждебной риторики печатного дискурса Китая середины 1930-х годов.

Вторая цель «T'ien Hsia Monthly» – познакомить иностранных читателей с китайской культурой, «больше объяснять Китай Западу, чем Запад Китаю» [11, р. 5]. Неслучайно, большинство статей «T'ien Hsia Monthly» посвящены различным аспектам китайской жизни и культуры. Например, «Трагедия в старинной китайской драме» [3], «Религиозное искусство в Китае» [5], «Отношение к науке и научному методу в древнем Китае» [1], «Квинтэссенция китайского искусства» [2]. В постоянной рубрике «Перевод» публиковались переводы на английский язык текстов классической и современной китайской литературы. Например, «Шесть записок о быстротечной жизни» («Фушэн люэци» 浮生六記) Шэнь Фу (沈復, 1763–1808) [10], стихи Бянь Чжилина (卞之琳, 1910–2000) [9], пьеса «Гроза» («Лэйюй» 雷雨) драматурга Цао Юя (曹禺, 1910–1996) [12], рассказ «Звезда» («Син» 星) Ба Цзиня (巴金, 1904–2005) [8]. В 1936 году появилась рубрика «Хроника», в которой китайские авторы освещали культурную, научную, общественную жизнь Китая 1930-х годов, стремились охватить как можно более широкий спектр тем. Читатель «Хроник» мог узнать не только о китайской философии, искусстве, литературе, поэзии, драме, архитектуре, музыке, кино, прессе, университетском образовании, но также о развитии в Китае библиотечного дела, биологии, геологии, палеонтологии и антропологии.

Кроме того, авторы «T'ien Hsia Monthly» хотели рассеять туман привычных, устоявшихся представлений о китайской культуре. Например, в статье «Настоящий Конфуций» У Цзинсюн предпринял попытку рассказать о Конфуции в дружеской манере, потому что «самое худшее, что может случиться с человеком, – это быть обожествленным» [6, р. 11]. У Цзинсюн сократил дистанцию по отношению к Конфуцию – шаг, на который долго не мог решиться. «Раньше он [Конфуций] производил на меня впечатление великого сторонника формы, человека, которого я мог уважать только на безопасном расстоянии, но с которым я никогда не мог быть близок. Я смотрел на него как на гору, вершины которой всегда покрыты облаками и, следовательно, высота которой не может быть измерена» [6, р. 11]. Один из разделов статьи (она была опубликована в двух номерах) У Цзинсюн посвятил чувству юмора Конфуция [7, р. 180].

Таким образом, во-первых, журнал «T'ien Hsia Monthly» в середине 1930-х годов отразил феномен «открытости» Китая миру. Он стал площадкой встречи культур Востока и Запада. Во-

вторых, авторы «T'ien Hsia Monthly» отстаивали ценность культуры как главного условия единства людей разных национальностей для достижения мира. В-третьих, в интеллектуальной жизни Китая «T'ien Hsia Monthly» определялся космополитической тенденцией – быть поверх национальных и культурных барьеров. В-четвертых, одновременно с космополитической тенденцией журнал характеризовался националистической тенденцией, которая выражалась в стремлении показать китайскую культуру равной среди других культур. В-пятых, в условиях внутривосточных разногласий в Китае либеральные интеллектуалы «T'ien Hsia Monthly» строили пространство диалога, взаимного уважения, где ценился поиск общего, а не различного.

Источники и литература

1. *Bodde Derk*. The Attitude toward Science and Scientific Method in Ancient China // *T'ien Hsia Monthly*. February, 1936. P. 139–160.
2. *Chan Wing-Tsit*. The Quintessence of Chinese Art // *T'ien Hsia Monthly*. December–January, 1940–1941. P. 226–241.
3. *Chien Chung-shu*. Tragedy in Old Chinese Drama // *T'ien Hsia Monthly*. August, 1935. P. 37–46.
4. *Dikötter Frank*. The Age of Openness: China before Mao. Berkeley: University of California Press, 2008.
5. *Ferguson John C*. Religious Art in China // *T'ien Hsia Monthly*. October, 1935. P. 239–247.
6. *John C. H. Wu*. The Real Confucius // *T'ien Hsia Monthly*. August, 1935. P. 11–20.
7. *John C. H. Wu*. The Real Confucius // *T'ien Hsia Monthly*. September, 1935. P. 180–189.
8. *Pa Chin*. Star // *T'ien Hsia Monthly*. August, 1937. P. 68–78.
9. *Pien Chih-lin*. The Return of the Native: A poem by Pien Chin-lin // *T'ien Hsia Monthly*. September, 1935. P. 190–191.
10. *Shen Fu*. Six Chapters of a Floating Life. Chapter I // *T'ien Hsia Monthly*. August, 1935. P. 72–101.
11. *Sun Fo*. Foreword // *T'ien Hsia Monthly*. August, 1935. P. 3–5.
12. *Tsao Yü*. Thunder and rain // *T'ien Hsia Monthly*. October, 1936. P. 270–295.
13. *Wen Yuan-ning*. Editorial commentary // *T'ien Hsia Monthly*. November, 1935. P. 355–358.
14. *Wen Yuan-ning*. Editorial commentary // *T'ien Hsia Monthly*. September, 1937. P. 109–116.
15. *Wen Yuan-ning*. Editorial commentary // *T'ien Hsia Monthly*. December, 1935. P. 491–494.

*Darya N. Hirhel**

«T'ien Hsia Monthly» in China's Intellectual Life: 1935–1941

ABSTRACT: The article examines the specific features of «T'ien Hsia Monthly» in the intellectual life of China in the mid-1930s and early 1940s. It investigates the foundation of the journal, its goals, cosmopolitan and nationalistic tendencies, and the editorial policy.

KEYWORDS: Intellectual History of China, Sun Fo, «T'ien Hsia Monthly», Chinese Culture, Chinese Liberalism, John C. H. Wu, Soviet-Chinese Relations in the 30s

* Hirhel Darya Nikolaevna, Senior Lecturer, Department of Literary-Art Criticism, Faculty of Journalism, Belarusian State University (Minsk, Belarus), dh233@ mail.ru

*С. Н. Жилкибаев**

«О бедном премьерe замолвите слово».
Основные моменты политической биографии
Ли Пэна

АННОТАЦИЯ: В данной статье освещается биография Ли Пэна, одного из важных участников «политики реформ и открытости» КНР, ставшего у руля правительства, важного политэкономического актора в критическое время экономических реформ во вторую половину 1980-х – начало 1990-х гг. Несмотря на поражение его политической и экономической программы левого толка, личность осталась в официальном пантеоне «верных сынов партии».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, КНР, Коммунистическая партия Китая, КПК, история, политика, экономика, Дэн Сяопин, Цзян Цзэминь, Ли Пэн, «левые»

22 июля 2019 г., на излете 91-го года жизни умер Ли Пэн (李鹏, 1928–2019), выдающийся политический и государственный руководитель Китая на ранних этапах «политики реформ и открытости»: представитель второго (1978–1992) и третьего (1989–2003) поколений китайских руководителей (условное обозначение лидеров в руководстве КНР, сменявших друг друга начиная с провозглашения КНР в 1949 г.; второе поколение связано с именем Дэн Сяопина, третье – Цзян Цзэминя), член Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК (*Чжунго гунчаньдан чжунъян чжэнчжи цзюй чаньу вэйюаньхуэй* 中国共产党中央政治局常务委员会) (1985–2002), премьер Государственного Совета КНР (*Чжунхуа жэньминь гунхэго го-уюань* 中华人民共和国国务院) (1988–1998) и председатель Постоянного комитета Всекитайского комитета народных пред-

* Жилкибаев Санат Нурболович, аспирант департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве РФ (Москва), prozrach@mail.ru

ставителей (ПК ВСНП) (*Цюаньго жэньминь дайбяо чанъу вэйюаньхуэй* 全国人民代表大会常务委员会) (1998–2003) [30; 41, с. 157–158; 42, с. 316–317]. В нашем биографическом исследовании мы постараемся осветить эту полузабытую личность, его авторский курс экономической политики, политическую борьбу за путь развития КПК и КНР, итоги которой во многом привели Китай к настоящему состоянию дел.



Ли Пэн

Ли Пэн родился 20 октября 1928 г. в городе Чэнду 成都 провинции Сычуань 四川 в семье пионера (одного из первых активистов) Коммунистической партии Китая (КПК) (*Чжунго гунчаньдан* 中国共产党) Ли Шосюня (李硕勋, 1903–1931), казненного Гоминьданом (*Чжунго гоминьдан* 中国国民党). Под влиянием близких он с ранней молодости встал на позиции коммунизма. С 1939 г. его стала опекать Дэн Инчао (邓颖超, 1904–1992), жена первого премьера КНР Чжоу Эньлая (周恩来, 1898–1976). Ходили слухи, что Ли стал их негласным приемным сыном, пользовавшимся покровительством до конца жизни, что сам Ли отвергал – он утверждал, что характер их взаимоотношений был исключительно товарищеский [33]. В марте 1941 г. Ли отправился в штаб ЦК КПК в Яньане 延安 для получения образования, а в ноябре 1945 г. вступил в КПК. Во время заключительного этапа гражданской войны (1946–1949) он «откликнулся на призыв КПК и вышел на линию фронта», последовательно занимал должности технического специалиста в электроэнергетике, помощника директора жиркомбината и секретаря партийной ячейки [48].

В сентябре 1948 г. Ли Пэн был отправлен учиться в СССР в Московский энергетический институт, где остался до 1955 г. в связи с изучением не только электроэнергетики, но и русского языка, и был руководителем общины китайских студентов института [11, с. 914–915]. Вернувшись в КНР в 1955 г., он вызвался работать на низовом уровне, последовательно занимая должности зам. директора и главного инженера электростанции, зам. главного инженера Северо-восточного бюро управления электроэнергией, директора диспетчерского бюро (после электростанции). «Культурная революция» (*Учань цзецзи взньхуа дагэмин* 无产阶级文化大革命) шокировала Ли, но он лично не пострадал, видимо, сказалось покровительство Чжоу Эньлая; Ли пребывал на постах и.о. секретаря парткома Пекинского бюро электроснабжения, директора Ревкома бюро и секретаря партячейки [48].

С апреля 1979 г. он последовательно занимал различные партийно-государственные должности в органах энергетического и водного хозяйства Госсовета КНР вплоть до министра электроэнергетики (самый молодой – 52 года) [11, с. 284]. Официальная историография биографии Ли Пэна указывает его изначальную приверженность принципам планомерности и умеренности в развитии энергетики.

В июне 1983 г. Ли Пэн занял должность вице-премьера Государственного Совета КНР, а в сентябре 1985 г. был избран членом Политбюро (*Чжунго гунчаньдан чжунъян чжэньчжи цзюй* 中国共

产党中央政治局) и секретарем Секретариата (*Чжунго гунчаньдан чжунъян шуцзи чу* 中国共产党中央书记处) на 5-м пленуме ЦК КПК. В зоне его ответственности были: энергетика, транспорт, инфраструктура и т. д. Он принимал участие в разработке плана VII пятилетки (1986–1990 гг.) в области электроэнергетики, создания комплексной транспортной системы и реформирования системы строительства инфраструктуры и технического переоснащения, разработки основного технического оборудования, а также в процессе «политики упорядочивания» КПК перед угрозами бюрократизации, коррупции и «буржуазной либерализации» [11, с. 302; 368] [49].

В ноябре 1987 г., на XIII съезде КПК, Ли Пэн был избран членом Постоянного комитета Политбюро ЦК КПК взамен ушедшего на пост Генерального секретаря ЦК КПК (*Чжунго гунчаньдан чжунъян вэйюаньхуэй цзун шуцзи* 中国共产党中央委员会总书记) либерального Чжао Цзыяна (赵紫阳, 1919–2005), до которого пост занимал отстраненный по политическим причинам Ху Яобан (胡耀邦, 1915–1989). Тогда же Ли Пэн был назначен и. о. премьер-министра Госсовета КНР на заседании ПК ВСНП. В апреле 1988 г. он был избран премьер-министром Госсовета КНР на сессии ВСНП.

Официальная историография КПК утверждает, что в это время Ли «решительно реализовал “принципы упорядочивания и консолидации”» экономических реформ, углублял реформы, исследовал новые методы и меры макроэкономического регулирования национальной экономики и проводил мероприятия по выводу экономики из затруднительного положения в новый период развития» [49]. Однако истина оказывается намного глубже и рельефнее.

С 1982 г., а особенно с 1987 г. все более активную роль стала играть внутрипартийная группировка «левых консерваторов», в которой роль репрезентативного представителя (занимающего высокие партийно-государственные посты) играл Ли Пэн при реальном верховенстве высоко уважаемого «партийного старейшины» главы Центральной комиссии советников ЦК КПК (*Чжунго гунчаньдан чжунъян гувэнь вэйюаньхуэй* 中国共产党中央顾问委员会) Чэнь Юня (陈云, 1905–1995) вместе с другими ветеранами партии и революции, среди которых были: председатель Всекитайского комитета Народного политического консультативного Совета Китая (*Чжунго жэньминь чжэньчжи сешан хуэйи* 中国人民政治协商会议) Ли Сяньнянь (李先念, 1909–1992), зам. главы Центральной комиссии советников ЦК КПК, заместитель председателя КНР (*Чжунго жэньминь гунхэго фу чжуси* 中华人民共和国副主席) Ван Чжэнь (王震, 1908–1993); член Центральной комиссии советников ЦК КПК, зам. главы Центрального исследовательского кабинета

по истории партии (*Чжунгун чжунъян дан ши яньцзю ши* 中共中央党史研究室) Дэн Лицюнь (鄧力群, 1915–2015); глава Китайской академии общественных наук (*Чжунго шэхуэй кэсюэюань* 中国社会科学院) и член Центральной комиссии советников ЦК КПК Ху Цяому (胡乔木, 1912–1992), а также член ПК Политбюро ЦК КПК, глава Канцелярии ЦК КПК (*Чжунгун чжунъян баньгун тин* 中共中央办公厅), вице-премьер Госсовета КНР, глава Госплана (*Чжунхуа жэньминь гунхэго гоцзя цзихуа вэйюаньхуэй* 中华人民共和国国家计划委员会) Яо Илин (姚依林, 1917–1994) и член Госсовета, глава Госплана, заведующий орготделом ЦК КПК (*Чжунго гунчаньдан чжунъян вэйюаньхуэй цзучжи бу* 中国共产党中央委员会组织部) и член ПК Политбюро ЦК КПК Сун Пин 宋平 (род. 1917) [4, с. 39–40; 5, с. 472; 516–542].

Просоветскость Ли Пэна (помимо его долгой учебы в СССР) лишний раз проявилась в том, что именно он представлял КНР на похоронах советского лидера К. У. Черненко (1911–1985) на фоне постепенного восстановления и потепления советско-китайских взаимоотношений, начавшегося в 1983 г. Он же был первым высокопоставленным китайским чиновником, познакомившимся с новым советским лидером М. С. Горбачевым (род. 1931) в 1985 г.; в 1986 г. Ли открывал Торгово-экономическую выставку КНР в Москве [11, с. 393, 396, 412–413; 29; 43, с. 43–45].

Именно Ли Пэн пролоббировал проведение левоориентированной «политики улучшения и налаживания» экономики в 1988 г. на III Пленуме ЦК КПК XIII созыва после социально неблагоприятных последствий либеральной ценовой реформы: строгое макроэкономическое регулирование и попытка стабилизации экономической ситуации, сдерживание роста цен и их централизованное регулирование, сокращение банковского кредитования и денежной массы, а также откладывание дальнейших экономических реформ (собственности, ценообразования и единого товарного рынка) с ограничением открытости [4, с. 40; 5, с. 245, 301, 340, 489, 503–515; 11, с. 421–429; 21, с. 16–18; 50], которую официальная китайская история связывает воедино с «политикой урегулирования, упорядочивания и оздоровления экономики» (1989–1991) [26, с. 90–97]. В этом выразилась своеобразная система сдержек и противовесов в курсе «политики реформ и открытости» (генсек vs. премьер, что продолжается и сегодня), построенная Дэн Сяопином (邓小平, 1904–1997) [3, с. 298]. В результате уже в следующем 1989 г. наведение порядка на рынке привело к падению чрезмерной экономической активности, снижению веса индивидуального (на 15%) и частного (на 50%) секторов в экономике КНР и роста

кооперативов. На это незамедлительно отреагировали западные СМИ, в частности в марте 1989 г. *Guardian* опубликовала статью под заголовком «Реформы Пекина затормозили со скрежетом» [14, с. 205–207; 15, с. 161–162; 26, с. 90–97].

Однако эти чрезвычайные «охладительные» экономические меры не смогли предотвратить «политическую бурю на рубеже весны и лета 1989 г.» (1989 *нянь чунь ся чжи цзяо дэ чжэньчжи фэнбо* 1989 年春夏之交的政治风波) в Пекине и других крупных городах Китая [6, с. 168–171; 11, с. 429–430]. Ли Пэн изначально поднял знамя признания данного политического движения «контрреволюционным антисоциалистическим и антипартийным бунтом» и был главным сторонником его силового разрешения (не без провальной попытки проведения переговоров с лидерами протестующих) при твердой поддержке «старшего поколения революционеров»: председателя Центрального военного совета (*Чжунъян цзюньши вэйюаньхуэй* 中央军事委员会) Дэн Сяопина (прежде всего), зам. главы Центральной комиссии советников ЦК КПК Бо Ибо (薄一波, 1908–2007), председателя КНР (*Чжунхуа жэньминь гунхэго чжуси* 中华人民共和国主席) и зам. председателя ЦВС КПК и КНР Ян Шанкуня (楊尚昆, 1907–1998), всего сообщества «левых консерваторов» во главе с Чэнь Юнем, что повлекло вынужденное принятие большинством членов Политбюро ЦК КПК решительных карательно-репрессивных мер по подавлению общественных беспорядков вместе с отставкой либеральной «комсомольской группировки» КПК: генсека Чжао Цзыяна и членов ПК Политбюро ЦК КПК Вань Ли (万里, 1916–2015), Ху Цили (胡启立, род. 1929) в связи с обвинением в «расколе партии», «допущении экономического хаоса» и «поддержке беспорядков» [5, с. 43–47, 135–145, 516–542; 11, с. 430–442, 447–448; 45].

На IV пленуме ЦК КПК XIII созыва в июне 1989 г. был объявлен [51], а на V пленуме ЦК КПК XIII созыва в ноябре 1989 г. углублен «курс на урегулирование, упорядочивание и оздоровление экономики» [52]: усиление однопартийного режима КПК и коммунистической идеологии [2, с. 51–55; 3, с. 232–253], а также урегулирование экономики усилением общественного сектора (государственного и кооперативного), плановых начал, дискриминацией отечественного частного сектора и ограничением иностранных инвестиций, что вызвало торможение экономического роста, падение роли частного бизнеса и иностранных инвестиций. При этом была взята под контроль инфляция, начался более устойчивый и сбалансированный рост промышленности и внешнеэкономической деятельности. На фоне крушения мирового со-

циалистического лагеря и мирового торжества либерализма и капитализма были выдвинуты формулы «вся страна – шахматная доска» 全国一盘棋, «единое понимание – единая поступь» 统一认识,统一步调, фактически произошел возврат к первоначальной формулировке реформ: «Плановая экономика – главный, а рыночная – вспомогательный элемент» 计划经济是主要要素, 市场经济是辅助要素 – и планово-товарному характеру социалистической экономики КНР (ю *цзихуа дэ шанпинь цзинцзи* 有计划的商品经济), а также к лозунгам об «обострении классовой борьбы» (*цзецзи доучжэн цзихуа* 阶级斗争激化), стремлении «возродить дух Яньани» (*Яньань цзинишэн гуанфу* «延安精神光复»), призывом снова «следовать опыту Дацина и Дачжая» 遵循大庆和大寨的经验 (пропаганда централизованных планово-директивных и коллективных методов хозяйствования на примере хозяйственных успехов сельскохозяйственной коммуны Дачжай и государственных нефтеприисков Дацина) против зарождавшегося частного сектора как экономического оплота буржуазной идеологии [27, с. 7–11, 83–86, 105–124; 53]. Непосредственно этот курс проводился премьером Ли Пэном, однако тайную направляющую роль играл Чэнь Юнь и «левые консерваторы». Данный курс был поддержан рядом самых видных китайских экономистов на совещании в ЦК КПК 5 июля 1990 г., а также поначалу новым генеральным секретарем ЦК КПК Цзян Цзэмином (江泽民, род. 1926) [6, с. 172–177; 15, с. 163–171; 25, с. 155–187]. Официальная историография КПК кратко называет этот период сложным и противоречивым [12, с. 425].

Со стратегических политэкономических позиций в 1980–1990-е гг. изменения в системе планирования шли медленно (как и в положении государственного сектора [18, с. 18]): сохранялось главенство плановых механизмов и показателей. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. шла острая борьба между сторонниками «ускоренного продвижения к рынку» («рыночниками») и сторонниками «последовательных медленных реформ» («плановики»). Происходила частая смена периодов либерализации цен и периодов их «урегулирования». В периоды «урегулирования» обычно не только контролировались цены и охранялись госпредприятия, но и улучшалась их система и структура, а также формировались организационно-правовые формы рыночных институтов [8, с. 7, 38–39]. В 1989–1992 гг. преобладающим влиянием обладала фракция «плановиков»: были приняты директивы Госсовета КНР о восстановлении единого планового ценообразования на резину, цемент, стальной прокат, некоторые сорта минеральных удобрений и т. д. [13, с. 108–109]. Сильно пострадал частный сектор, сократившись на 50%, что

поставило на карту будущее реформ и открытости [8, с. 38–40; 13, с. 84–159; 21, с. 20–21; 47]. Изменения в сторону торжества стратегического индикативного планирования¹ и конкурентной многоукладной экономики КНР произошли только на протяжении 2000-х гг. с момента вступления КНР в ВТО (2003) [1, с. 341–351].

Противником левого консерватизма выступил с 1990 г. главным образом Дэн Сяопин. Сначала он дважды (3 марта и 24 декабря 1990 г.) тайно беседовал с Цзян Цзэмином и Ли Пэнэном, но стороны не пришли к консенсусу [15, с. 332–333; 19, с. 472–473]. Далее Дэн перешел к открытым действиям: во время новогодней поездки в Шанхай в январе 1991 г., широко освещенной весной в шанхайских СМИ, пропагандировал рыночные реформы [7, с. 460–462]. Примечательно, что Дэн не захотел встречаться с жившим там Чэнь Юнем [14, с. 211–217; 15, с. 175; 19, с. 473; 26, с. 100–112].

Однако «левые консерваторы» в Пекине не сдавались: столичные СМИ немедленно осудили либеральные взгляды шанхайских СМИ [15, с. 175–177; 27, с. 175–178]. В ноябре 1991 г. на открытии моста Наньпу в Шанхае Ли Пэн прямо критиковал рыночные статьи шанхайской прессы [11, с. 489].

Тогда престарелый Дэн пошел в «последний и решительный бой» по запуску рыночных реформ во время так называемого Южного турне (*Нань сюнь* 南巡) в январе 1992 г.: «Левизна в истории нашей партии – страшная вещь! Она моментально губила все хорошее. Как правый, так и левый уклон в состоянии угробить социализм» – впоследствии это было введено в Устав КПК [7, с. 466–482; 17, с. 74–75]. К концу 1991 г. Дэн Сяопин смог перетянуть на свою сторону Цзян Цзэминя. Южное турне Дэн Сяопина поначалу держали в секрете, начав публиковать материалы о поездке только весной. Попутно в ряде СМИ начали публиковать статьи типа «Социализм тоже должен иметь рыночную экономику», вслед за чем термин «рыночная экономика» начал

¹ Под «индикативным планированием» понимается деятельность государственных органов по составлению экономических планов, направленная на информирование экономических субъектов о целях и средствах государственной экономической политики и возможных траекториях экономического развития. Индикативные планы направлены на уменьшение неопределённости в рыночной и смешанной экономике и носят рекомендательный характер. При этом они фиксируют лишь общие результаты деятельности государства, отраслей или других субъектов экономики. Индикативное планирование предполагает использование системы экономических индикаторов.

обретать широкую популярность [14, с. 211–217; 15, с. 177–187; 19, с. 474–475; 26, с. 100–112].

Развитие экономики выразилось в это время (1989, 1990, 1991 гг.) в следующих цифрах соответствующего ежегодного прироста: ВВП – 4,1%, 3,8% и 9,2% соответственно; промышленности – 8,5%, 7,8% и 14,8%; с/х – 3,1%, 7,6% и 3,7%; розничных цен – 17,8%, 2,1% и 2,9%; при росте общественных капиталовложений, банковских кредитов и наличности в экономике. Стабилизация положения в стране вызвала заморозку экономической перестройки, приостановление перепроизводства капиталовложений и снижение «перегрева» товарооборота². Экспорт и импорт, несмотря на формальное наложение экономических санкций странами Запада по политическим причинам (из-за силового разгона демократического движения на площади Тяньаньмэнь), продолжал расти, сократились темпы роста лишь в области импорта. При этом из 120 видов промышленной продукции, подпадавших в 1978 г. под директивное планирование, в 1991 г. осталось лишь 54 вида, количество централизованно распределяемых государством материальных ресурсов с 256 видов сократилось до 22, а перечень централизованно закупаемых и распределяемых потребительских товаров и средств производства для с/х с 65 позиций уменьшился до 10. Область государственного ценообразования (планово-директивного и индикативного) снизилась по с/х продукции с 94,4% в 1978 г. до 42,2% в 1991 г.; по рынку капиталов со 100% до 54,3%, а по розничной торговле с 97% до 31,2% соответственно [6, с. 172–189; 11, с. 462–463].

Прорыночные силы в центре, но самое главное, в регионах и на местах уже начали переходить от слов к делу: используя отработанный механизм административно-экономической децентрализации и объясняя политику необходимостью преодоления замедления экономического роста [16, с. 91; 54]. В конце 1991 г. – начале 1992 г. лично Ли Пэн вынужденно объявил о достижении целей и окончании «политики урегулирования, упорядочивания и оздоровления экономики» [11, с. 492–493]. А венчал политическую легитимизацию ренессанса многоукладной рыночной экономики в КНР XIV съезд КПК в 1992 г. (на котором Ли Пэну

² Перегрев экономики – ситуация, при которой темпы экономического роста приобретают взрывной неподконтрольный характер, происходит перепроизводство товаров и услуг сверх спроса, после поглощения всех ресурсов частного и государственного сектора дальнейший устойчивый рост исчерпывает себя и начинается рецессия.

пришлось даже председательствовать [11, с. 495]) и III пленум ЦК КПК XIV созыва 1993 г. (тогда Ли Пэн пережил сердечный приступ) с принятием новой экономической доктрины: теории Дэн Сяопина (*Дэн Сяопин лилунь 邓小平理论*) о «социализме с китайской спецификой» (*Чжунго тэсэ шэжэуэй чжунгуо тэсэ шэизмь 中国特色社会主义*). Данная концепция предусматривала, что страна находится на «начальной стадии развития социализма» (*шэжэуэй чжунгуо чуцзи цзедуань 社会主义初级阶段*), экономический строй которой является «социалистической рыночной экономикой» (*шэжэуэй чжунгуо шичан цзинцзи 社会主义市场经济*), предусматривающей передачу основной роли в макроэкономике рыночным механизмам, чтобы те под контролем государства проявили главную роль в распределении ресурсов, а также уравнивание правового статуса частного и публичного секторов экономики при сохранении основного статуса госсектора [9, с. 869–870; 11, с. 448–463, 465–468, 485–498; 14, с. 211–217; 26, с. 112–121; 56].

Несмотря на политическое поражение, Ли остался не только членом ПК Политбюро ЦК КПК, но и премьером Госсовета КНР, где был вынужден претворять в жизнь курс дальнейших экономических реформ и открытости [10, с. 498–501, 515; 37]. Он даже продемонстрировал некоторую степень открытости, став первым премьер-министром КНР, который начал в 1991 г. проводить пресс-конференцию, ставшую обычной сегодня, после сессии ВСНП [38].

В сентябре 1997 г. Ли Пэн был вновь избран членом ПК Политбюро ЦК КПК на XV съезде КПК. В марте 1998 г. на сессии ВСНП он был избран председателем Постоянного комитета ВСНП. Здесь проводил курс на построение социалистической правовой системы с китайской спецификой (*Чжунго тэсэ шэжэуэй чжунгуо фалюй тиси 中国特色社会主义法律体系*) и возведение уклада верховенства закона (*фачжэи цзяньшэ 法治建设*) в соответствии с рыночными изменениями общественно-политических и социально-экономических отношений, в связи с чем в 1999 г. была серьезно изменена Конституция КНР 1982 г. (*Чжунхуа жэньминь гуохэго сяньфа 中华人民共和国宪法*), попутно было принято более ста законов в различных сферах жизни. Составляя план 9-й пятилетки (1996–2000), новый премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи (朱镕基, род. 1928) провел точечную и достаточно массовую приватизацию мелких и средних хронически убыточных государственных предприятий, Ли Пэн же уделял первоочередное внимание работе по сокращению масштабов нищеты, трудоустройству и социальному обеспечению уволенных рабочих с

государственных предприятий, за что пользовался уважением последних [11, с. 498–501, 515; 37].

После отставки Ли Пэн также занимал руководящие должности в областях образования и науки, экологии и иностранных дел, но ярче всего выделялось руководство Комитетом Госсовета по проектированию и строительству ГЭС «Три ущелья» (*Санься да ба* 三峡大坝), что явилось для профессионального инженера-энергетика последней отрадой в политически безуспешной жизни. Однако сам проект и руководство исполнения капитального строительства ГЭС вызвал обвинения экологов и правозащитников в нарушении экологии и совершении коррупционных преступлений³ [46]. В 2014 г. инспекторы Центральной комиссии по проверке дисциплины (ЦКПД) КПК (контрольного и дисциплинарного органа партии) подтвердили подозрения, выявив коррупционные преступления управляющих госкорпорации «Три ущелья» [39].

По итогам XVI съезда КПК в 2002 г. Ли Пэн утратил пост члена ПК Политбюро ЦК КПК, а в марте 2003 г. – председателя ПК ВСНП «по возрасту». На пенсии Ли занялся изданием ограниченных по хронологии и содержанию мемуаров и сборников речей и статей по отдельным тематикам [47]. В них он остался до конца верен лево-консервативным убеждениям [35], а свои гонорары часто жертвовал на благотворительность, в частности незадолго до XVIII съезда КПК в 2012 г. направил 3 млн юаней на стипендии для нуждающихся студентов из Яньаня [31].

29 июля 2019 г. на мемориальном Бабаошаньском кладбище (*Бабаошань гэмин гунму* 八宝山革命公墓) прошел официальный торжественный траурный митинг с последующей кремацией Ли Пэна, на котором помимо его близких присутствовало все действующее и бывшее высшее китайское руководство [41]. Ли в посмертном партийно-государственном некрологе был высоко превознесен как «превосходный член КПК, проверенный временем и верный солдат коммунизма, а также выдающийся революционный пролетарский деятель, политический деятель, лидер партии и государства» [49].

Судьба Ли Пэна представляется нам классической судьбой молодого китайского патриота XX века, уверовавшего в идеологии индустриальной технократии и коммунизма, которые, на его

³ В действительности в материале, на который ссылается автор, говорится лишь о подозрении компании-оператора ГЭС в коррупции, о каких-либо обвинениях со стороны правозащитников или экологов речь не идет. – *Ред.*

взгляд, смогут спасти и развить Китай, превратив его в современную индустриальную сверхдержаву. Однако, несмотря на поражение авторской левой программы «политики реформ и открытости» Ли Пэна как премьера Госсовета КНР во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг., он остался в официальном ареопаге высшей китайской власти в 1990-е гг., что, несомненно, потребовало от него политической ловкости и проницательности, которые ставят под сомнение его публичный имидж «серого и туповатого бюрократа». Это позволило Ли Пэну ограничивать либерально-рыночную программу «политики реформ и открытости» Китая вплоть до официального ухода на пенсию в начале XXI века, а возможно, и до конца жизни.

Источники и литература

1. *Андрюшкевич О. А.* Индикативное планирование в экономиках разного типа // Планирование: перезагрузка / под ред. А. В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2016. С. 341–351.
2. *Брюс Д.* Красные капиталисты в Китае. Партия, частные предприниматели и перспективы политических перемен. М.: Олимп-Бизнес, 2005. 288 с.
3. *Виноградов А. В.* Китайская модель модернизации. Поиски новой идентичности. Издание второе, исправленное и дополненное. М.: НОФМО, 2008. 752 с.
4. *Воробьева Т. А.* Китай в эпоху перемен (1978–2005 гг.): учебное пособие. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2005. 136 с.
5. *Галенович Ю. М.* Чжао Цзяян и реформы в Китае. М.: СПСЛ, Русская панорама, 2012. 752 с.
6. *Гельбрас В. Г.* Экономика Китайской Народной Республики: курс лекций. 3-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига, 2019. 406 с.
7. *Дэн Сяопин.* Избранное. В 3 т. Т. 3. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 1994. 543 с.
8. *Жигулева В. В.* От плана к рынку: опыт КНР в области реформы системы ценообразования (1978–2005 гг.). М.: ИДВ РАН, 2006. 224 с.
9. История Востока. В 6 т. Т. 6: Восток в новейший период (1945–2000 г.) / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, В. В. Наумкин. М.: Восточная литература, 1995. 574 с.
10. История Китая: учебник / под ред. А. В. Меликсетова. М.: МГУ, Высшая школа, 2002. 736 с.
11. История Китая с древнейших времен до начала XXI века. В 10 т. Т. 9: Реформы и модернизация (1976–2009) / отв. ред. А. В. Виноградов. М.: Наука, 2016. 996 с.

12. История международного коммунистического движения / коллект. пер. с кит; отв. ред. В. Г. Буров. М.: Весь Мир, 2016. 472 с.
13. Карпов М. В. Замкнутый круг «китайского чуда». СПб.: Нестор-История, 2014. 292 с.
14. Кондрашова Л. И. Китай: к новой модели общественного развития. М.: Форум, 2017. 336 с.
15. Коуз Р., Ван Н. Как Китай стал капиталистическим / пер. с кит. Разинцева А. М.: Новое издательство, 2016. 386 с.
16. Лю Сумэй, Румянцев Е. Н. Китай, каким я его знаю. М.: ЮНАПС, 1999. 144 с.
17. Мамаева Н. Л. Партия и власть: Компартия Китая и проблема реформы политической системы. М.: Русская панорама, 2007. 232 с.
18. Муромцева З. А., Шао Жань. Государственные предприятия КНР: реформы и развитие. М.: ИДВ РАН, 2017. 192 с.
19. Панцов А. В. Дэн Сяопин. М.: Молодая гвардия, 2013. 558 с.
20. Планирование: перезагрузка / под ред. А. В. Бузгалина. М.: Культурная революция, 2016. 389 с.
21. Портяков В. Я. Экономические реформы в Китае (1979–1999 гг.). М.: ИДВ РАН, 2002. 178 с.
22. Смирнов Д. А. Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М.: ИДВ РАН, 2005. 324 с.
23. Социальные последствия рыночных преобразований в КНР (1978–2002 гг.) / отв. ред. Пивоварова Э. П. М.: ИДВ РАН, 2004. 280 с.
24. Усов В. Н. История КНР. В 2 т. Т. 2. 1966–2004. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 718 с.
25. Хуан Яшэн. Капитализм по-китайски: Государство и бизнес / пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз, 2010. 375 с.
26. Хэ Яоминь. Траектория экономического развития Китая / пер. с кит. Л. С. Сагандыковой. Пекин: Шанс, М.: Восток-Бук, 2015. 258 с.
27. Цзян Цзэминь. Избранное. В 2 т. Т. 1. Пекин: Изд-во литературы на иностранных языках, 2010. 781 с.
28. Aloof Li Peng mishandled Tiananmen // Газета South China Morning Post от 29.05.1999. URL: <https://www.scmp.com/article/283531/aloo-li-peng-mishandled-tiananmen> (дата обращения 13.01.2020).
29. Eckholm Erik, Buckley Chris. Li Peng, Chinese Leader Derided for Role in Tiananmen Crackdown, Dies at 90 // Газета New York Times от 23.07.2019. URL: <https://www.nytimes.com/2019/07/23/obituaries/li-peng-dead.html> (дата обращения 13.11.2019).
30. Ex-premier Li Peng passes away at 91 // Газета China Daily от 23.07.2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201907/23/WS5d36e7bda310d83056400964.html> (дата обращения 13.11.2019).

31. *Huang Cary*. Retired leader Li Peng seeks to show influence ahead of congress // Газета SCMP от 31.10.2012. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/1073538/retired-leader-li-peng-seeks-show-influence-ahead-congress> (дата обращения 13.01.2020).

32. *Hutzler Charles, Spegele Brian*. Li Peng, Ex-Chinese Premier and Tiananmen Hard-Liner, Dies at 90 // Газета Wall Street Journal от 23.07.2019. URL: <https://www.wsj.com/articles/li-peng-ex-chinese-premier-and-tiananmen-hard-liner-dies-at-90-11563882679> (дата обращения 13.11.2019).

33. Li Peng finally denies old rumours he is ex-premier Zhou En-lai's adopted son // Газета China Daily от 30.06.2014. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/1543516/li-pengs-memoir-dismisses-old-rumour-he-was-ex-premier-zhou-enlais> (дата обращения 13.01.2020).

34. Li Peng, Chinese premier during Tiananmen crackdown, dies // Газета AP News от 24.07.2019. URL: <https://apnews.com/378f115ef9404f5fae1ac63a9bdd8bec> (дата обращения 13.01.2020).

35. Li Peng's thoughts get a big airing // Газета SCMP от 31.10.2012. URL: <https://www.scmp.com/article/1006520/li-pengs-thoughts-get-big-airing> (дата обращения 13.01.2020).

36. *Ma Josephine*. Deng made the tough calls on my watch, says Li Peng // Газета SCMP от 18.08.2004. URL: <https://www.scmp.com/article/467016/deng-made-tough-calls-my-watch-says-li-peng> (дата обращения 13.01.2020).

37. *Martina Michael, Munroe Tony*. China's former hardline premier, Li Peng, dies at 90 // Газета Reuters от 23.07.2019. URL: <https://www.euronews.com/2019/07/23/chinas-former-hardline-premier-li-peng-dies-at-90> (дата обращения 13.11.2019).

38. *Marlow Iain, Wadhams Nick*. Li Peng, Who Declared Martial Law at Tiananmen, Dies at 90 // Газета Bloomberg от 23.07.2019. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2019-07-23/li-peng-who-declared-martial-law-at-tiananmen-dies-at-90> (дата обращения 13.11.2019).

39. Officials of Three Gorges Dam operator abused power, conducted secret bids: CCDI // Газета Global Times от 19.02.2014. URL: <http://www.globaltimes.cn/content/843396.shtml> (дата обращения 13.06.2020).

40. *Philip J. Cunningham*. Li Peng wasn't the butcher of Tiananmen, just the man who took the fall for Deng Xiaoping // Газета SCMP от 25.07.2019. URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3019908/li-peng-wasnt-butcher-tiananmen-just-man-who-took-fall-deng> (дата обращения 13.01.2020).

41. Remains of ex-premier Li Peng cremated // Газета China Daily от 23.07.2019. URL: <http://www.chinadaily.com.cn/a/201907/30/WS5d3f4f7ba310d830564019f4.html> (дата обращения 13.11.2019).

42. Sullivan, Lawrence R. Historical Dictionary of the Chinese Communist Party. Lanham MD: The Scarecrow Press., 2012. 361 p.

43. Sullivan, Lawrence R. Historical Dictionary of the People's Republic of China. Lanham – Maryland, Toronto, Plymouth, UK: The Scarecrow Press, 2007. 655 p.

44. Zeng Jinghan. The Chinese Communist Party's Capacity to Rule: Ideology, Legitimacy and Party Cohesion. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2016. 237 p.

45. Zhao Ziyang alleges Li Peng 1989 scheming // Газета SCMP от 15.05.2009. URL: <https://www.scmp.com/article/680320/zhao-ziyang-alleges-li-peng-1989-scheming> (дата обращения 13.01.2020).

46. Zhai Keith. Li Peng publishes his political memoir – but fails to cover his role in Tiananmen crackdown // Газета SCMP от 25.06.2014. URL: <https://www.scmp.com/news/china/article/1540238/li-peng-publishes-his-political-memoir-fails-cover-his-role-tiananmen> (дата обращения 13.01.2020).

47. Дэн Лицунь ванши хуэйгу 邓力群往事回顾 (Оглядываясь в прошлое Дэн Лицуня) // Новостной веб-сайт Phoenix New Media. URL: http://inews.ifeng.com/43148403_5_1/news.shtml?&back (дата обращения 13.08.2018).

48. Ли Пэн (Учань цзеци гэмин цзя, чжэнчжи цзя, го-уюань юань цзунли) 李鹏 (无产阶级革命家、政治家, 国务院原总理) (Ли Пэн (Пролетарский революционер, политик, бывший премьер Госсовета)) // Байду байкэ 百度百科 (Энциклопедия Байду). URL: <https://baike.baidu.com/item/李鹏/115999?fr=aladdin#5> (дата обращения 13.11.2019).

49. Ли Пэн тунчжи шиши 李鹏同志逝世 (Ушел из жизни товарищ Ли Пэн) // Жэньмин ван – Жэньминь жибао 人民网—人民日报 (Ежедневная народная газета). URL: <http://cpc.people.com.cn/n1/2019/0724/c87393-31251992.html> (дата обращения 13.11.2019).

50. Ди шисань цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди сань цы цюаньти хуэйи гунбао 第十三届中央委员会第三次全体会议公报 (Коммюнике 3-го Пленума ЦК КПК 13-го созыва) // Чжунго гунчань-дан синьвэнь ван 中国共产党新闻网 (Новостной веб-сайт КПК). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65385/4441843.html> (дата обращения 13.01.2019).

51. Ди шисань цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди сы цы цюаньти хуэйи гунбао 第十三届中央委员会第四次全体会议公报 (Коммюнике 4-го Пленума ЦК КПК 13-го созыва) // Чжунго гунчань-

дан синьвэнь ван 中国共产党新闻网 (Новостной веб-сайт КПК). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65386/4441846.html> (дата обращения 13.01.2019).

52. Ди шисань цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди у цы цюаньти хуэйи гунбао 第十三届中央委员会第五次全体会议公报 (Коммюнике 5-го Пленума ЦК КПК 13-го созыва) // Чжунго гунчань-дан синьвэнь ван 中国共产党新闻网 (Новостной веб-сайт КПК). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65388/4441852.html> (дата обращения 13.01.2019).

53. Ди шисань цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди лю цы цюаньти хуэйи гунбао 第十三届中央委员会第六次全体会议公报 (Коммюнике 6-го Пленума ЦК КПК 13-го созыва) // Чжунго гунчань-дан синьвэнь ван 中国共产党新闻网 (Новостной веб-сайт КПК). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65389/4441854.html> (дата обращения 13.01.2019).

54. Ди шисань цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди ци цы цюаньти хуэйи гунбао 第十三届中央委员会第七次全体会议公报 (Коммюнике 7-го Пленума ЦК КПК 13-го созыва) // Чжунго гунчань-дан синьвэнь ван 中国共产党新闻网 (Новостной веб-сайт КПК). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65390/4441856.html> (дата обращения 13.01.2019).

55. Ди шисань цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди ба цы цюаньти хуэйи гунбао 第十三届中央委员会第八次全体会议公报 (Коммюнике 8-го Пленума ЦК КПК 13-го созыва) // Чжунго гунчань-дан синьвэнь ван 中国共产党新闻网 (Новостной веб-сайт КПК). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64566/65391/4441858.html> (дата обращения 13.01.2019).

56. Чжунго гунчаньдан ди шисы цзе чжунъян вэйюаньхуэй ди сань цы цюаньти хуэйи гунбао 中国共产党第十四届中央委员会第三次全体会议公报 (Коммюнике 3-го Пленума ЦК КПК 14-го созыва) // Чжунго гунчаньдан синьвэнь ван 中国共产党新闻网 (Новостной веб-сайт КПК). URL: <http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64567/65395/4441750.html> (дата обращения 13.01.2019).

Sanat N. Zhilkibaev*

**«Put a Word for an Unfortunate Premiere»:
Fundamentals of the Political Biography of Li Peng**

* Zhilkibaev Sanat Nurbolovich, Ph. D. Student, Department of Legal Regulation of Economic Activities, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow), prozrach@mail.ru

ABSTRACT: This article highlights the biography of Li Peng, one of the important participants in the “reform and opening up” policy of the PRC, who became the helmsman of the government, an important political and economic actor during the critical time of economic reform in the second half of the 1980s and early 1990s. Despite the defeat of his left-wing political and economic program he remained in the official pantheon of the “faithful sons of the party”.

KEYWORDS: China, PRC, Chinese Communist Party, CPC, History, Politics, Economy, Deng Xiaoping, Jiang Zemin, Li Peng, the “Left”

Ю. Г. Литвинова*

Гонконг как финансовые ворота Китая

АННОТАЦИЯ: Гонконг занимает одно из самых важных мест в китайской экономике, он выступает главным образом в качестве транзитного пункта для товаров и технологий, импортируемых материковым Китаем. Гонконг и Китай являются крупными торговыми партнерами, а также важными источниками прямых иностранных инвестиций друг для друга. Интеграционные процессы между Гонконгом и КНР обуславливают ускоренное превращение Гонконга в экономику сервисного типа и изменение его места в международном разделении труда.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: экономика Китая, торговые партнеры, экономическая интеграция, иностранные инвестиции

В отечественной синологии экономике Гонконга уделялось не очень много внимания. Даже в 10-томной «Истории Китая» такой раздел отсутствует [2]. Однако Гонконг играет для Китая очень важную роль, прежде всего, в экономическом плане.

Гонконг, или Сянган (различия в названии вызваны разным произношением иероглифов 香港, которые в кантонском диалекте произносятся как Гонконг, а в официальном путунхуа – как Сянган), стал британской колонией вследствие поражения Цинской империи в Первой опиумной войне (1840–1842). Главным результатом войны было вынужденное открытие Китая Западу, прежде всего, как участника международной торговли, и Гонконг на протяжении практически всей своей истории выполнял роль торговых и финансово-экономических ворот в континентальный Китай [1, с. 11; 19].

* Литвинова Юлия Германовна, к. э. н., доцент, кафедра восточных языков Дипломатической академии МИД РФ (Москва), yulitvinova@yandex.ru

С самого своего возникновения Гонконг выступал в качестве форпоста Британской империи на Дальнем Востоке, прежде всего он выполнял роль международного финансового центра. В 1866 году в Гонконге появился рынок ценных бумаг. В 1891 году была создана Ассоциация биржевых маклеров, которая положила начало официальному созданию фондового рынка в Гонконге. В 1914 году она была переименована в Гонконгскую фондовую биржу. Таким образом еще в начале 20 века Гонконг выступил в качестве финансового центра региона и с тех пор развивался в этом направлении. В 1921 году была открыта еще одна биржа, Ассоциация брокеров Гонконга. После окончания Второй мировой войны с 1947 года функционировала уже объединённая биржа, объединившая ранее созданные.

Быстрое развитие привело к созданию еще нескольких площадок. В течение 80-х годов прошлого века шел процесс их объединения в единую торговую систему, которая начала работу в апреле 1986 года.

После перехода в 1997 году под юрисдикцию Китая в статусе специального административного района (САР) Гонконг продолжает занимать одно из самых важных мест в китайской экономике. Объединение произошло по принципу «одна страна – две системы» (*и го лян чжи* 一国两制), который предусматривает, что центральное правительство КНР несет ответственность за внешнюю политику и оборону, в то же время Сянган может иметь свое законодательство, полицию, денежную систему, налоги, а также представительства в различных международных организациях, независимо проводить иммиграционную политику. Таким образом Гонконг может выступать в качестве самостоятельного экономического партнера в том числе и для КНР. Основные отрасли экономики Гонконга: туризм, розничная торговля, финансовые услуги, банковская сфера, финансы, судоходство [6].

В современной деятельности фондового рынка именно площадки Гонконга и Тайваня продолжают выполнять роль связующего звена между КНР и международным капиталом, который предъявляет повышенные требования к прозрачности операций. Иностранные инвесторы используют Гонконг, имеющий значительную степень самостоятельности в ведении финансово-экономической политики, являясь особым административным районом, как удобную площадку для получения доступа на китайский рынок [3, с. 47–49]. В настоящее время Сянган и материковый Китай являются крупными торговыми партнерами, а также важными источниками прямых инвестиций друг для друга.

Экономические функции Гонконга по мере развития китайской экономики меняются. Когда в КНР начала активно развиваться экс-

портная торговля, Гонконг стал специализироваться на финансовых и посреднических операциях, которые во многом были связаны с реэкспортом продукции, произведенной в Китае. Из региона-производителя одежды и обуви, производство которых затем было перенесено на территорию материкового Китая, он превратился в центр управления производством, расположенным на материке.

Сянган в настоящее время выступает главным образом в качестве транзитного пункта для товаров, экспортируемых из КНР, и товаров и технологий, импортируемых материковым Китаем.

Экономики Гонконга и материкового Китая существенно отличаются не только по масштабам, но и по уровню экономических свобод. Нынешняя администрация Гонконга, продолжая британскую колониальную традицию, проводит политику свободного рыночного регулирования экономики и развития частного сектора. В связи с этим Гонконг является важным мировым финансовым и деловым центром, а также центром международной торговли, обладающим высокой степенью экономической свободы.

Экономическое законодательство Сянгана считается одним из самых либеральных в мире. Высокоразвитая правовая база Гонконга, обладающего правами выступать в качестве самостоятельной экономической единицы, позволяет эффективно защищать имущественные права и является одним из главных преимуществ Гонконга.

Кроме того, поскольку Сянган имеет богатый опыт ведения дел с континентальным Китаем, а также обладает исчерпывающей информацией о китайском рынке и имеющимися возможностями для ведения там бизнеса, все это способствует превращению Гонконга в крупнейшего торгового партнера материкового Китая.

Гонконг занимает центральное место среди стран с самым быстрым экономическим ростом. Для потенциальных инвесторов очень важна географическая близость Гонконга с другими странами АТР. Он стал удобной базой для создания и развития бизнеса, с одной стороны, благодаря своему географическому положению и международному окружению, а с другой – выгодным условиям ведения бизнеса; дополнительным положительным фактором в этой связи служит также высокоразвитая телекоммуникационная инфраструктура Сянгана.

Очевидным географическим преимуществом является то, что Гонконг находится всего в часе езды от дельты реки Чжуцзян 珠江 (Жемчужной), где расположен крупнейший производственный и самый экономически активный район Китая.

Для инвесторов очень важным привлекательным фактором выступает то, что Сянган занимает третье место в мире по самым

низким ставкам налогов, здесь взимается 16,5% налога на прибыль, а подоходный налог составляет 15 %. Кроме того не берется налог с продаж, на дивиденды и прирост капитала [5].

В Гонконге осуществляется свободное передвижение товаров, капиталов, информации и профессиональных кадров, развита инфраструктура и деловая среда мирового уровня, язык делового общения и делопроизводства – английский. Сянган также обладает высококвалифицированными трудовыми ресурсами, а космополитический стиль жизни, обширное и динамичное сообщество иностранцев, проживающих в нем, служит для иностранных компаний дополнительным бонусом.

Поэтому в Гонконге расположено очень много банковских учреждений, из 100 крупнейших международных банков более чем 70 работают в нем. Гонконг также является центром фондовой торговли.

Высококвалифицированные иностранные специалисты и предприниматели очень ценят высокий уровень и качество жизни, а также благоприятную окружающую среду Сянгана и, кроме того, развитую и прозрачную правовую и судебную системы. Эффективная нормативно-правовая база Гонконга обеспечивает высокий уровень банковской тайны.

На первом месте по притоку инвестиций в силу большого масштаба своей экономики находятся США. Однако Гонконг несмотря на малый объем ВВП занимает второе место в регионе по объему привлекаемых прямых иностранных инвестиций. Это связано с тем, что большая часть этих инвестиций фактически направляется в материковый Китай, а Гонконг служит посредником и местом регистрации для инвестирующих в китайскую экономику компаний.

Гонконг является предпочтительной юрисдикцией для ввозимых в материковый Китай и вывозимых оттуда инвестиций. Нормативно-правовая база и процедура осуществления инвестиций в КНР зачастую составляют проблему для иностранных инвесторов. Юрисдикции, через которые в материковый Китай поступают инвестиции, имеют важное значение для ведения там бизнеса наряду с различными другими стимулами, например возможностью создания совместных предприятий или представительств, а также полностью иностранных предприятий.

В 2017 году практически 62% прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в КНР поступали через Гонконг. Это намного превышает аналогичный показатель любой другой страны. Вторым крупным инвестором является Сингапур.

Наиболее распространенным и эффективным способом инвестирования в КНР считается инвестирование через гонконгскую холдинговую компанию. Холдинг используется как материнская компания для китайского предприятия с иностранными инвестициями. Самым удобным и распространенным видом предприятия, которое может быть зарегистрировано в Гонконге в качестве юридического лица, является частная компания. Ее деятельность регулирует Закон о предприятиях Гонконга (*Сянган гунсы тяоли* 香港公司条例), который был принят в 2012 году и начал действовать с 2014.

Если инвестиции поступают в Китай через холдинговую компанию, зарегистрированную в Гонконге, их права и инвестиции защищены лучше, чем при прямом инвестировании в китайскую компанию, и они имеют значительно большую защиту, чем при создании совместного предприятия в КНР, где доля собственности должна принадлежать также китайским партнерам.

Многие инвесторы предпочитают, чтобы контракты были заключены на основе законодательства Сянгана и подчинялись юрисдикции его судов, поскольку правовая система Гонконга основана на принципе английского общего права и поддерживается независимой судебной системой, которая им понятна. Кроме того, все законы переведены на английский язык, и судебные заседания могут по требованию быть проведены на английском языке.

Сянган также является одним из ведущих центров международного арбитража. Его суды заслужили репутацию соблюдающих арбитражные решения, и вынесенные ими постановления признаются во всем мире.

Привлекательным моментом является защита интеллектуальной собственности, которая в Гонконге более надежная, чем в материковом Китае. Поэтому многие предприниматели, которые ведут экономическую деятельность в КНР, стараются регистрировать свои права интеллектуальной собственности в Гонконге через холдинговую компанию, чтобы обезопасить себя и быть уверенными в надлежащем рассмотрении возможных нарушений.

Хотя Гонконг уже давно стал популярным местом для разрешения споров, до 2006 года отслеживать исполнение его судебных решений в КНР было сложно. После подписания необходимого соглашения ситуация изменилась, и теперь несмотря на то, что правовые системы Сянгана и материкового Китая сохраняют независимость друг от друга, соглашение, заключенное между ними, предполагает взаимное исполнение судебных решений, и предприятия, обращающиеся в суды Гонконга получили гарантии, что решения судов будут выполнены и в КНР. Таким образом, для предприя-

тий, ведущих свою хозяйственную деятельность на материке, компания, которая зарегистрирована в Гонконге, может служить эффективной платформой для осуществления инвестиций.

Одним из самых детально проработанных налоговых соглашений Сянгана с материковым Китаем является соглашение об избежании двойного налогообложения: инвесторы предпочитают делать инвестиции в Китай через гонконгскую компанию именно из-за ряда преимуществ, гарантированных этим соглашением.

До его заключения дивиденды, которые китайская компания выплачивала иностранному инвестору, зарегистрированному в Гонконге, облагались 10-процентным налогом. После подписания соглашения о двойном налогообложении, если все условия договора соблюдаются, с дивидендов гонконгская компания выплачивает налоговую ставку 5%.

После подписания данного соглашения были пересмотрены также налоги на проценты и роялти, получаемые гонконгской компанией от своего китайского филиала. Максимальная ставка налога стала равна 7%, а проценты и роялти из КНР в любой другой регион облагаются налогом 10% [7]. Для того чтобы использовать преимущества соглашения о двойном налогообложении, гонконгская компания должна предоставить подробный отчет о своей финансовой деятельности.

Административные процедуры регистрации компаний в Сянгане максимально упрощены и могут быть завершены в течение суток, для этого требуется участие только одного индивидуального предпринимателя. Определенным ограничением можно считать то, что у компании в Гонконге должен быть офис, однако директор предприятия не обязательно должен быть резидентом Гонконга.

В конце мая 2020 года в Пекине состоялась 3-я сессия Всекитайского собрания народных представителей (ВСНП) 13-го созыва. ВСНП является законодательным органом Китая, который на ежегодных сессиях рассматривает и утверждает отчеты правительства за прошедший год, составляет планы на предстоящий период, готовит и принимает новые законы. В повестке дня стоял вопрос о подготовке Закона о национальной безопасности Гонконга (*гоаньфа* 国安法). Депутаты ВСНП практически единогласно поддержали этот закон, который предусматривает меры по предотвращению угроз безопасности в Сянгане, включая запрет на подрывные действия и терроризм. Принятие такого закона об обеспечении безопасности было предусмотрено еще в ходе переговоров о подписании китайско-английского соглашения о передаче Гонконга КНР. Текст закона был в целом составлен в 2003 году, одна-

ко в связи с тем, что почти полмиллиона человек вышли на улицы, протестуя против него, он не был принят.

Отсутствие необходимой законодательной базы стало одной из причин неприменения радикальных мер властями КНР для наведения порядка во время беспорядков 2014 и 2019 годов в Гонконге, организаторы которых как раз и использовали существовавший в то время законодательный вакуум.

Сообщение о новом законе вызвало новые столкновения с полицией в Сянгане. На его принятие резко прореагировали и страны Запада, которые выступили с заявлениями, осуждающими меры китайских властей. Самую жесткую позицию заняли США. Президент Трамп заявил об отсутствии в новых условиях достаточной автономности Гонконга и о приостановке особого таможенного режима, который заключался в предоставлении ряда льгот в том числе в торговле. Он призвал отменить политику таможенных преференций, которая предоставляла Гонконгу особый статус, поскольку, по его мнению, в создавшейся ситуации, Пекин больше не выполняет взятые на себя обязательства по осуществлению политики «одна страна – две системы», а фактически проводит курс «одна страна – одна система».

Тем не менее после принятия закона о безопасности другие законы САР Сянган не должны измениться, так же как и образ жизни резидентов, имеющих немалые преимущества, связанные с особым положением Гонконга в мире.

Приверженность политике «одна страна – две системы», сформулированной еще Дэн Сяопином (邓小平, 1904–1997), крайне важна для Китая. И самая главная причина этого заключается в перспективе воссоединения с Тайванем, которому Пекин сейчас в соответствии с данной концепцией обещает сохранить в дальнейшем имеющиеся там порядки и образ жизни необычного существования в составе официально социалистической страны КНР территории с законами капиталистического государства в соответствии с данной концепцией.

Поэтому руководители КНР неоднократно заявляли, что новый закон не означает отказ от политики «одна страна – две системы», что он не ущемляет основной закон Гонконга, который фактически играет роль своего рода конституции. По мнению китайских властей, новый закон не ущемляет права жителей Сянгана, ограничения должны коснуться только организаторов его отделения от КНР и участников террористических актов. Отмечается, что порядок и стабильность дадут возможность Гонконгу сохра-

нить необходимую для финансовых операций, которыми он славится, репутацию «тихой гавани».

Вслед за быстрым экономическим ростом Шанхая, а также развитием городов в дельте реки Янцзы и других прибрежных городов КНР значение Гонконга как посредника между Западом и Китаем стало снижаться, что выразилось в уменьшении объемов капиталов и товаров, ввозимых в материковый Китай через Гонконг. Сянган перестал быть единственным посредником в китайской торговле с западными странами и стал утрачивать свои традиционные преимущества в этой области. Однако в целом он в условиях глобализации по-прежнему выступает посредником между КНР и внешним миром, и у него есть все необходимое для выполнения этой функции.

Роль Гонконга как финансового центра мирового значения, транспортного и торгового «стыковочного узла» еще долго будет оставаться очень важной. Несмотря на то, что выросший прямо на границе с Гонконгом огромный современный Шэньчжэнь тоже располагает портами и международным аэропортом, современными центрами международной торговли и богатейшими банками. Там действует фондовая биржа, соизмеримая по оборотам с Гонконгской. Но все эти предприятия и учреждения действуют по китайским законам, к которым на Западе сохраняется недоверие. Гонконг же рассматривался как своеобразный «азиатский Лондон», оазис западного правосудия и стабильности.

Источники и литература

1. *Иванов П. М.* Гонконг. История и современность. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 278 с.
2. История Китая с древнейших времен до XXI века: в 10 Т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Наука, 2013. Т. X: Тайвань, Сянган (Гонконг), Аомэнь (Макао), зарубежная китайская диаспора / отв. ред. Л. М. Гудошников, Г. А. Степанова; сост. Т. Г. Герасимова. 2014.
3. *Литвинова Ю. Г.* Малые и средние предприятия в экономической политике Тайваня. М.: Институт востоковедения РАН, 2007. 160 с.
4. *Шакирова М. Р.* Особенности гонконгского банкинга // Управление корпоративными финансами. 2010. № 4. С. 236–240.
5. Hong Kong as a gateway to China for trading business and a highway of international trading // Веб-сайт компании Asia Business Centre. URL: <http://asiabc.co/blog/2017/03/hong-kong-gateway-china-global-trading/> (дата обращения 18.05.2019).

6. Hong Kong: One country, two economies // Газета Financial Times. URL: <https://www.ft.com/content/eb0e795a-3d17-11e6-9f2c-36b487ebd80a> (дата обращения 18.05.2019).

7. Какие налоговые взаимоотношения существуют между Гонконгом и КНР? // Портал о международной защите и диверсификации активов International Wealth. URL: <https://internationalwealth.info/offshore-tax/which-tax-relations-exist-between-hongkong-and-china/> (дата обращения 24.10.2020)

8. Ушаков С. С. Сингапур становится ближе к Поднебесной // Веб-сайт периодического издания «Независимая газета». URL: https://www.ng.ru/ideas/2020-06-17/7_7887_singapore.html (дата обращения 24.10.2020)

*Yulia G. Litvinova**

Hong Kong as China's Financial Gateway

ABSTRACT: Hong Kong is one of the most important parts of the Chinese economy. It acts mainly as a transit point for goods exported from China and goods imported by Mainland China. Hong Kong and China are major trading partners, as well as important sources of foreign direct investment for each other. Integration processes between Hong Kong and the PRC cause the accelerated transformation of Hong Kong into a service-type economy and a change in its place in the international division of labor.

KEYWORDS: China's Economy, Trade Partners, Economic Integration, Foreign Investment

* Yulia Germanovna Litvinova, Ph. D. (Economics), Associate Professor, Department of Oriental Languages, Diplomatic Academy (Moscow), yulitvinova@yandex.ru

*Э. А. Синецкая**

**Бытописание одного провинциального
чиновника КНР, рождённого в 80-х годах
(по повести молодого сценариста)**

АННОТАЦИЯ: Данная статья строится на информации, полученной из указанной в заголовке некоей повести. Кроме удовольствия от знакомства со стилем автора, полного недомолвок, иносказаний, с существенной ролью контекста для понимания, о чём говорит и что чувствует, прежде всего, главный герой – разведённый чиновник провинциального правительства. Ценность данного произведения – значительное количество данных о быте, взаимоотношениях немалого количества упомянутых на его страницах лиц, как сослуживцев, так и дам, которых ему сватали. При этом в повести показаны не только такие живучие и сложно подвергающиеся изменениям явления, как, например, кумовство (или в чаще употребляемой ныне терминологии «непотизм», о котором говорят вовсе не только в Китае), но и совсем новые явления в тех же межличностных отношениях (скажем, свободные внебрачные отношения между полами). Всё это делает возможным отнести данную повесть к разряду источников (пусть и косвенных) современной отрасли исторической науки – истории повседневности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, литература, сборник «Красные туфельки», красное вино, Нань Фэйянь, карьера, сватовство, история повседневности

* Синецкая Эльвира Андреевна к. и. н., старший научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН (Москва), elvirasin@mail.ru

2014 и 2015 гг. были объявлены годами дружественных молодёжных обменов между Россией и Китаем, и именно к этому «важному событию» Институт Конфуция в Санкт-Петербургском университете и Союз китайских писателей подготовили сборник переводов молодых писателей-прозаиков [Красные туфельки 2014]. Назвав Китай «большой литературной страной», А. А. Родионов ¹ приводит в кратком предисловии (названном «Молодая кровь китайской литературы», 5–8 страницы данного сборника) просто ошеломляющую статистику: из полутора миллиардов жителей около 80% читают художественную литературу, в стране ежегодно публикуется более 15 тыс. художественных книг общим тиражом свыше 160 млн экземпляров (из которых 3 тыс. наименований – романы, а количество повестей, рассказов и стихотворений не поддаётся исчислению); в стране издаётся более 600 литературных журналов, в сети действует около 500 специализированных литературных сайтов; при численности писателей, которая уже «перевалила за миллион», примерно 10 тыс. состоят в Союзе китайских писателей и «имеют общенациональное признание». «Конкуренция на литературной арене, – продолжает Родионов, – чрезвычайно высока, и это побуждает литераторов к ориентации на интересы массового читателя, к постоянным творческим экспериментам» [Красные туфельки 2014, с. 5].

Авторы, чьи произведения отобраны Союзом китайских писателей для этого сборника, родились преимущественно в 1980-е годы. В этот период разворачивалась в стране и «реформа образования как одного из приоритетных направлений государства», которая должна была обеспечить в том числе (скорее, конечно, – прежде всего) «вхождение Китая в мировую социально-политическую и экономическую систему» [Чэнь 2010]. А также стала осуществляться и система обучения на т. н. курсах неполного рабочего дня для тех, кто по тем или иным причинам не закончил школьного образования или по другим обстоятельствам не имел возможности поступить в университет

¹ Алексей Анатольевич Родионов (род. 1975 г., Благовещенск) – к. ф. н., доцент кафедры китайской филологии, первый заместитель декана Восточного факультета СПбГУ (в период выхода сборника – директор Института Конфуция в СПбГУ); тема кандидатской диссертации – «Национальный характер китайцев в творчестве Лао Шэ» (научный руководитель д. ф. н., профессор Н. А. Спешнев); один из учебных курсов А. А. Родионова – «Этнопсихология китайцев» [Родионов...].

[Чжоу Цюньфэй – самая богатая...; Даниличева]. И это, естественно, открывало более широкие перспективы перед молодёжью Китая. В частности, многие получили возможность обучения за границей. Значительное число молодых авторов (как и представленные в сборнике, о котором идёт речь) широко известны в стране, их произведения, фильмы, созданные по их сценариям, не только отмечены разнообразными премиями, но и хорошо оплачиваются; знание иностранных языков позволяет путешествовать по миру. В произведениях молодых авторов не только «картины современной китайской жизни», но и «дыхание всей планеты» [Красные туфельки 2014, с. 6].

Родионов отмечает при этом, что знаковые произведения классиков китайской литературы первой половины XX века – Лао Шэ 老舍, Ба Цзиня 巴金, Бин Синя 冰心 тоже были созданы авторами до 40 лет, «даже “Подлинная история А-кью” написана Лу Синем до 40-летия писателя» [Там же]. И приведённая параллель абсолютно оправдана. Марокканский романист и поэт Тахар Бенджеллун² утверждает, что «писатель – свидетель своего времени», и он убеждён, что появление на Востоке литературы в её западном понимании напрямую связано с проникновением в данную национальную среду идеологии индивидуализма [Померанцев 2014]. По мнению Бенджеллуна, литература как таковая свидетельствует, «по какому календарю» живёт общество, в средостенье которой она родилась» [Там же]. Как в тот период конца XIX – первой половины XX века китайское общество находилось в состоянии «усвоения» индивидуализма³, так и в последней четверти того же века молодёжь страны вновь открывала для себя эту «потерянную» на время идеологию⁴.

Указанная преамбула ответственного редактора и одного из переводчиков этого сборника вообще очень информативна. Во-первых, то обстоятельство, что сборник составлен Союзом китайских писателей и Институтом Конфуция в Санкт-Петербургском университете, как бы является гарантией, что

² Тахар Бенджеллун (род. 1 декабря 1944 г., Фес, Марокко) окончил Рабатский университет (философия, психология), с арабизацией преподавания переехал в Париж (с 1971 г.), публикует стихи, прозу, труды по психиатрии и социальной психологии, сотрудничает с газетой. Le Monde, докторская диссертация по социальной психологии (1975), лауреат Гонкуровской премии [Бенджеллун].

³ См., например: [Аджимамудова 1971].

⁴ См., например: [Хузиятова 2008].

определённые темы в представленных произведениях отражают, в той или иной степени, реальную ситуацию в стране, как и мнения китайцев (конечно, преимущественно образованных и в большей части своей горожан, даже если и так называемых «новых» горожан), и во-вторых, представляется, что учитывались и определённые ожидания российских читателей.

С другой стороны, статус авторов, их популярность указывает на определённое коммуникативное влияние представленных в сборник повестей и рассказов, предполагает широкое ознакомление с фактами, имеющими место в жизни китайского общества, и идеями, высказанными авторами произведений.

Ведь литература – «явление не только литературное, но и общественно-политическое и культурно-историческое» [Хузиятова 2008]. Конечно, произведение также говорит о самом авторе как члене своего сообщества, но в некотором смысле является и зеркалом для читающей публики: всматриваясь в образы, представленные автором, можно что-то узнать не только об обществе, но и о себе, и уж, конечно, о своих согражданах. Произведение обычно выходит далеко за пределы собственно литературного процесса. Оно всегда, с одной стороны, оказывает значительное влияние на понимание самой культуры, отражением/выражением которой является. И практически каждое литературное произведение, находящее отклик у читающей аудитории, «влияет на становление новой ментальности, на формирование новой личности» [Там же]. «Художник, запечатлевая в своих творениях свои связи с окружающим миром, свою реакцию на современность, ...[своё] ощущение мира, может сказать нам о нём намного больше, чем иное историко-политическое, или культурно-историческое, или социокультурное исследование. Его – художника – свидетельство особого рода: оно как бы трёхмерно сразу – в нём не только **“ширина” пространства** и **“длина” времени, но и психологическая глубина**, что и есть зеркало, отражающее реакцию человека на “вызовы” Жизни» [Прожогина 2006, с. 170–171].

Преамбула ответственного редактора сборника заканчивается таким утверждением: «Калейдоскоп сюжетов и персонажей из произведений этого сборника позволяет представить духовный облик современной китайской молодежи, познакомиться с ее проблемами, сомнениями, планами и радостями, а также увидеть,

на каком фоне вызревает и рождается китайская мечта» (*чжунго мэн* 中國夢)⁵ [Красные туфельки 2014, с. 8].

Я уже дважды обращалась к этому сборнику, в том числе к повести «Красные туфельки» («Хун се» 紅鞋) [Синецкая 2016 а] и (правда, кратко) к повести «Красное вино» («Хун цзю» 紅酒) [Синецкая 2016 б], и сейчас хотела бы вновь вернуться к последнему произведению.

Автор «Красного вина» Нань Фэйянь 南飛雁 родился в 1980 г. «в совхозе в пойме Желтой реки», в Хэнани. После окончания факультета китайского языка Чжэнчжоуского университета поступил на службу на Хэнаньскую киностудию в качестве профессионального сценариста и литературного редактора; публикуется с 2000 г., автор романов, новелл, а также статей и эссе, в том числе и литературоведческих; в 2006 г. стал членом Союза писателей КНР; член КПК [Нань Фэйянь а; Нань Фэйянь б].

Первые произведения Нань Фэйяня «прошли как-то незамеченными» (хотя он и получал разнообразные премии провинциального значения), но опубликованная в первом номере журнала «Октябрь» («Ши юэ» 十月) за 2009 г. повесть «Красное вино» «попала в поле зрения читателей»⁶. И в мае 2010 г. в Бочжоу 亳州 (пров. Аньхой) на объявлении результатов национальной премии «Избранные новеллы» премию за свою повесть «Красное вино» в номинации «за выдающуюся новеллу

⁵ «Выступив в Национальном музее 29 ноября 2012 года, всего через две недели после завершения XVIII съезда КПК, Си Цзиньпин заявил: “Нескончаемая борьба, продолжающаяся со времён Опиумных войн вот уже 170 лет, открыла блистательные перспективы великого возрождения китайской нации. В настоящее время мы, как ни в один исторический период ранее, близки к осуществлению нашей цели – великому возрождению китайской нации, и, как никогда раньше, мы уверены в нашей способности достигнуть этой цели”.

Си Цзиньпин сразу определил этапы достижения поставленной цели: “Я твердо убеждён, что к столетней годовщине основания Компартии Китая (2021) неизбежно будет осуществлена задача создания “сяокан”, общества средней зажиточности. Ко времени столетия создания КНР (2049), несомненно, будет выполнена задача по созданию богатого и могущественного, демократического и цивилизованного, гармоничного и современного социалистического государства”» [Тавровский 2017].

⁶ См.: [Цун 2009]. Chinawriter.com.cn является всеобъемлющим профессиональным веб-сайтом литературы, организован Союзом писателей КНР.

2008–2009 гг.» получил молодой писатель Нань Фэйянь, как с гордостью заявил один хэнаньский блогер – «из нашей провинции и самый молодой в этом году» («это еще один писатель из нашей провинции, удостоившийся этой чести за всё время существования этой премии – с 1984 г.»)⁷.

Эта повесть («Красное вино») при первом прочтении воспринималась мною как мягкая сатира на все те недостатки – коррупцию, превышение служебных полномочий, кумовство и так далее, борьба с которыми должна ужесточиться в ближайшие годы. Главный герой по имени Цзянь Фанпин образован, начитан, знает английский и французский языки, трудолюбив и явно неординарный человек. После окончания университета и аспирантуры он начинал простым референтом в одном из департаментов провинциального правительства. Цзянь Фанпин много и хорошо работал, в том числе чтобы продвигаться по службе, и вскоре стал заместителем главного референта. Но его бывший однокурсник, удачливый адвокат, так оценивал его ситуацию: «Ну да, ты государственный служащий, и что? Кроме фиксированной зарплаты чиновники твоего ранга ничего не получают, даже коррупция до вас не докатится!» [Красные туфельки 2014, с. 24]⁸. Но Цзянь считал иначе: «раз повышение, то и с верхами общаться стало удобнее». Зная же про слабости начальства, «немало народу хотели бы завоевать его [начальства] благосклонность» [с. 9]. Так, к примеру, замначальника департамента, где служил Цзянь, любил красное вино и неплохо разбирался в нём, а Цзянь мечтал стать «замначальника бюро, тогда и машину выделяют, и казенные деньги на представительные расходы», тогда можно будет «просто произнести название своей

⁷ См. [Нань Фэйянь чжунпянь сяошо... 2010]. Sina Corp – китайская интернет-компания. Имеет четыре направления деятельности: Sina Weibo, Sina Mobile, Sina Online и Sina.net. Объединяет более 100 миллионов пользователей по всему миру. Компания владеет сервисом Sina Weibo (кит. аналог Twitter). Она занимает более 56 % китайского рынка микроблогов среди активных пользователей и более 86 % среди всех зарегистрированных в стране блогеров, обходя по этому показателю своих основных конкурентов – компании Tencent и Baidu. По данным компании alexa.com (дочерняя компания Amazon.com), которая собирает статистику о посещаемости других сайтов, по состоянию на июль 2013 г. сайт компании является 17-м по посещаемости сайтом в мире и 4-м по посещаемости сайтом в Китае [Sina Corp].

⁸ Далее обильное цитирование повести «Красное вино» происходит до определённого момента по: [Красные туфельки 2014].

организации, и официант пулей принесёт товарный чек» [с. 20] (т. е. личные расходы оформятся на казённый счёт как представительские). Герою повести повезло: его преподаватель французского в университете был специалистом по творчеству Бальзака и на занятиях часто читал отрывки, посвященные в том числе и красному вину. Не исключено, думается, что и сам Цзянь Фанпин прочёл что-то дополнительно и мог интересно рассказывать о музее Бальзака в Шато де Саше – настоящей Мекке исследователей и любителей французской литературы – о виноградниках и старинной винодельне, продолжающей работать в замке, где когда-то жил писатель. Однажды при совместной служебной поездке он привлёк внимание шефа своими знаниями о красном вине, и дальнейшая карьера Цзянь Фанпина под покровительством замначальника Чжуна начала развиваться более чем успешно. Цзянь утвердился тогда во мнении: «говорят, что литература – сила, судя по всему, не врут» [с. 11].

Однако не меньшее место в повести уделено описанию личной жизни Цзянь Фанпина. Есть немало интересного материала о его сожалениях о пропущенных в молодости возможностях романтических отношений – из-за его скорой женитьбы после окончания университета и озабоченности карьерой. «В молодости ему не доставало романтичности», но «с возрастом... потребности в романтизме уже нет», «романтика как-то не к лицу» [с. 58]. Много места уделено и череде смотрин кандидаток в новые жёны (от него ушла жена, пока он «горел» на работе⁹), ибо супруги всех его знакомых и сослуживцев пытались его сватать (и отец Цзяня предлагал ему привезти из родной деревни пару молодых девушек для выбора, но отец-то был больше озабочен судьбой своего внука, оставшегося без матери, хотя о нём пеклись дедушка с бабушкой).

⁹ Развод происходил по суду, в результате которого жена унесла все свои вещи, в том числе нажитые совместно, подарки Цзяня (которые он во множестве дарил ей, когда понял, что она изменилась в отношении к нему), отсудила и квартиру, оставив ему только малолетнего сына. Пришлось разведённому с сыном переехать в казенную двухкомнатную квартиру площадью 60 кв. м. (!), за которые он платил «чисто символическую плату – несколько десятков юаней» [с. 12]. Позже, когда департамент построил для сотрудников новый комплекс, Цзянь на четверых (родители и он с сыном) получил квартиру в 180 метров на первом этаже с террасой и подвалом. И когда все в доме засыпали, он садился в шезлонг на террасе, естественно с бокалом красного вина.

Галерея претенденток разнообразна и интересна сама по себе. Это была, к примеру, секретарша лет тридцати, жившая с соседкой (в казенной, вероятно, квартире), «даже и ванной у неё не было», «страстно желавшая изменить судьбу, раз уж собственные усилия не принесли желаемого результата, то нужно прыгнуть наверх с помощью трамплина под названием “брак”» [с. 14]. Была милая девушка, только что окончившая столичный вуз, дочка известного профессора в их провинции. Ей с её прекрасным знанием иностранных языков в Пекине предлагали весьма перспективные места работы, но она всё отвергла, вернулась в родной город, ибо ей не нужны были все соблазны столичной жизни, она не представляла себе жизни без любимого, с которым познакомилась во время учёбы. Парень был из той же провинции, но выходец из деревни и, получив диплом, стал госслужащим в провинциальном центре. Однако её отец сказал, что не допустит брака своей дочери с «деревенщиной», запрещал им встречаться и прилагал все усилия, чтоб сосватать её поскорее с «приличным» женихом, принуждая ходить на подобные смотрины. Девушка в слезах просила Цзяня сказать сватающим, что он сам отказывается от её кандидатуры, придумав любой предлог [с. 28]. Были и женщины «за тридцать» (ведь и он не молодец), одна даже доктор наук, вполне обустроенная, однако уже приобретшая некие стародевичьи устоявшиеся бытовые признаки, в том числе мешающие вступать в телесный контакт с кем бы то ни было (даже не могла в транспорте сесть на сидение, сохранявшее тепло предыдущего пассажира). Она привыкла «рассматривать клетки под микроскопом, а сидящей перед ней живой человек не представлял для неё интереса и был непонятен». Цзянь же отправился на свидание с ней по простой причине: «она как-никак доктор наук и может помочь в вопросах образования сына» [с. 48]. Все эти смотрины растянулись на неопределённое время, ему даже понравилось встречаться с новыми женщинами, совершать прогулки, туристические поездки, ходить в кино, в рестораны, иногда предугадывая вкусы временных подруг, он выбирал вино и сопровождал трапезу красивыми, занимательными рассказами о нём. С некоторыми он вступал в интимные непродолжительные и никого ни к чему не обязывающие отношения. Конечно, он был завидным женихом: «неплохая должность в государственной организации, но что ещё важнее» – он «со смехом и грустью обнаружил, что у него просто прямо-таки талант к флирту», хорошо, что «не слишком поздно обнаружил!» [с. 12]. Однажды, однако, при обсуждении на

партсобрании его кандидатуры на очередное повышение, «один старый товарищ, мышление у него консервативное» (как охарактеризовал его бывший шеф Цзяня Чжун, любитель красного вина, тоже давно уже продвинувшийся на более высокую должность), выступил с замечанием, что Цзянь за столько лет после развода не женился, «только меняет девушек как перчатки», но Чжун резко возразил, что «выбирают кадрового работника, а не образцового мужа». Девушки – это личное дело Цзяня, «тем более он же не с любовницей шашни крутит, нарушая нормы морали», «и все тогда промолчали» [с. 30].

Но в истории сватовства Цзяня было одно знакомство, очень серьёзно подготовленное, однако так и не приведшее к женитьбе. По случаю его очередного предстоящего повышения «однотруппники с курсов переподготовки кадров в складчину организовали для него банкет». Староста этих курсов являлся инициатором банкета, и он признался, что специально для Цзяня пригласил Ван Ячжоу – «нашу красавицу из отдела рыночного планирования, чтоб она спела», а потом и вовсе заявил, что «рекомендовал её в жены» Цзяню и что «отдел кадров её уже аттестовал, и документы официально переданы в организационный отдел провинциального парткома». Первое общение с новой кандидаткой в жёны прошло явно неудачно: девушка вела себя заносчиво, разговаривала свысока, и Цзянь «спасовал, но заинтересовался, таких ещё не видел», однако он «не любил идти на поводу у девушек» и решил, что «лучше посмеяться и забыть». Но на следующий день тот самый староста, что сватал, отчитал его за «холодное обращение» с ней и был к тому же чрезвычайно настойчив в налаживании их отношений, сказав, что сам, хотя и с трудом, уговорил её ещё раз встретиться. Но главное, он рассказал Цзяню, что девушка – «его свояченица и дочь важного чиновника» [с. 36–37].

Последнее сообщение (про отца девушки) привело Цзяня в шок. За столько лет встреч с девушками он больше всего боялся дочерей чиновников, особенно рождённых после восьмидесятых годов, но не потому, что они «в результате программы “Одна семья – один ребёнок” были избалованны донельзя», а потому, что «их отцы имели реальную власть и могли нанести удар по его “безаварийному производству”», ¹⁰ посему – «чем дальше от

¹⁰ Судя по тексту, главный герой так обозначает своё карьерное продвижение, но не исключено, что в данный момент он думал о так понравившемся ему длительном общении с претендентками в жёны...

чиновничьей братии, тем безопаснее», и он предпочитал дочек директоров фирм, преподавательниц, телеведущих [с. 33–34]. Не сразу придя в себя от этой информации, он вспомнил наставления отца ¹¹: «...когда возвращаешься в кругах чиновников, то, как гласит китайская мудрость, увидишь человека – говори на языке людей, а увидишь черта – на языке чертей, и те и другие чушь несут; но вот если оба языка не подходят, значит ты встретил небожителя, можно просто помолчать, а если он непременно захочет, чтобы ты говорил, тогда уж лучше говорить правду. Небожители всезнающи и всемогущи, им любой подхалимаж кажется смешным, годится только правда, тогда небожитель как минимум поймет, что ты честен» [с. 37]. И только необходимость заказать кабинет в ресторане вывела Цзяня из такого состояния. Свидание началось с лёгкого конфликта, ибо девушка быстро поняла, что Цзянь расспрашивал мужа её сестры о ней, и демонстративно ушла, хлопнув дверью. Цзянь решил, что он всё испортил, «плюнул в душу» тому самому старосте, высокому партийному работнику, который «организовал ему девушку с доставкой на дом», а когда слух об этом разнесётся, думал он, «карьере его конец, застрянет намертво». Но успокоил себя мыслью, что с нынешней должности его вряд ли снимут, покурил и стал есть рыбу в кисло-сладком соусе. И в этот момент девушка вернулась, говоря по телефону и комментируя весело: «твой одноклассник отлично проводит время, в одиночку почти целый стол еды умял». А на удивление Цзяня: «разве вы не ушли?» – ответила, что «посчастливилось встретить такого незаурядного человека, жалко уходить» [с. 38]. Не исключено, что, действительно, встретились две неординарные личности (Цзянь Фанпин – 38 лет – и Ван Ячжу – на десять лет его моложе) ¹², и отношения их начали развиваться, они делали всё, что делают влюблённые

Сложность расшифровки его чувств, в связи с манерой его высказываний, хорошо проиллюстрирована далее, на странице 45, когда Цзянь будет горько плакать, узнав об отъезде Ван Ячжу, но даже себе самому не сможет ответить, какова всё-таки главная причина этих слёз.

¹¹ Его отец – «бывший военный, ставший чиновником, всю жизнь проработал в окружной дисциплинарной комиссии и вышел на пенсию в ранге местного чиновника» [с. 15].

¹² И Ячжу потом охарактеризовала Цзяня как хорошего человека и сказала отцу: «пусть у него всё будет хорошо» [с. 46]; и Цзянь при случае спрашивал её сестру, как сложилась у девушки в дальнейшем судьба, «нормально у них всё с ее подружкой» [с. 57].

(прогулки, кино, кафе, дегустация красного вина, путешествия и прочее), «кроме того самого» [с. 39].

Через «месяц с лишним» Цзянь пригласил Ячжу и её старшую сестру с мужем поехать вчетвером куда-то в горы на экскурсию на две ночи. В дороге произошла неприятная сцена между сёстрами: когда девушке кто-то позвонил, говорила она понизив голос, переводя глаза с Цзяня на старшую сестру. Та сразу же потребовала у младшей отойти с ней в сторону, да так резко и громко, «что окружающие стали метать в них взгляды, словно дротики» (они остановились на обед) [с. 41]. Староста побледнел от злости, курил одну сигарету за другой и почему-то спросил у Цзяня, «что такое они затеяли», потом со вздохом сказал, что жена обычно немногословная, «очень покладистая, вот только постоянно утаивает что-то, связанное с младшей сестрой» и, как он «ни пытал её, ничего – не говорит» [с. 42]. После этого скандала у всех испортилось было настроение, но успокоившаяся старшая сестра с улыбкой призвала ехать дальше. А ночью Цзянь Фанпин не мог заснуть. «Вина в этом местечке хорошего не подавали, поэтому он заказал первое попавшееся – калифорнийское “Мондави”. “Мондави” довольно крепкое вино с высоким содержанием танина, можно захмелеть даже с пары глотков»¹³.

¹³ В повести фразы о красном вине встречаются чуть ли не через страницу, в данном случае приведена самая короткая из них. Часто упоминаются год, место производства, местные погодные условия данного урожая, замечания, как открывать бутылку, как наливать, в какой бокал, с чем и когда лучше употреблять, говорится об аромате, вкусе и послевкусии – прямо-таки сомелье профессиональные, а не чиновники, пусть и управленческого аппарата, пусть и столицы провинции. Вино покупают (говоря и о стоимости покупки), его дарят друг другу, устраивают застолье с дегустацией очередного приобретения. Конечно, в данной повести это касается, прежде всего, главного героя и его бывшего начальника Чжуна, ставшего покровителем Цзяня практически с начала его службы и далее по мере собственного продвижения по служебной лестнице. (Не исключено, конечно, что автор наблюдал нечто похожее по месту своей работы – на телестудии, в творческой среде, вероятно, уже были среди высшего состава студии и чиновники, которых немало в сфере любой творческой организации, побывавшие на международных фестивалях, где и «заразились» этим престижным хобби. Думается, такого нельзя отрицать. Однако если подобное хобби и имеет отношение к реальности, оно в любом случае не самое распространённое, и не только в Китае.) Не исключено, впрочем, что все эти пассажи о красном вине

Девушка, позвонив и узнав, что он ещё не спит, пришла к нему в номер «поболтать». И начала она с утверждения, что у него, вероятно, «накопилось много вопросов», но она ни в коем случае «не хочет ставить его в неловкое положение», и вдруг расплакалась и потом попросила у него телефон, ибо сестра отобрала у неё, а в гостинице была только внутренняя связь.

А он, чтобы не мешать ей, сел перед телевизором и начал проклинать хорошие манеры: «Зачем они вообще нужны? Ведь у меня их не было, только раз притворился, теперь всё время приходится притворяться, они уже въелись в тело, словно вторая кожа, хочешь снять, а никак» [с. 43]. Предполагаемый разговор у Ван Ячжу не состоялся («телефон абонента был выключен»), и она попросила Цзяня показать ей, как отослать сообщение, поскольку не знала, как на этом аппарате всё устроено.¹⁴ А когда она спросила, как уничтожить номер, по которому звонила, и её эсэмэски, Цзянь рассвирепел, «хорошие манеры как ветром сдуло», «он с трудом сдерживался, почувствовав своё мужское самолюбие оскорблённым, но тяжёлое дыхание его всё ей объяснило». Она допила остатки «Мондави» и сказала: «Давай займёмся любовью». На его вопрос, не сделка ли это за обучение пользования его телефоном? Она ответила: «Нет, не сделка, я раздумала удалять, просто мне кажется, что я перед тобой виновата, ты не получил то, на что рассчитывал!» [с. 44].

«Две ночи свет горел в комнате Цзяня», и на обратной дороге «девушка льнула к груди Цзяня, а он с нежностью гладил её

являлись в некотором смысле ответом («представителей среднего и высшего класса китайцев, которые ценят вино за его вкус, а не потребляют этот напиток для поддержания собственного статуса в глазах других») на стремление китайского правительства, начавшего лет двадцать до этого кампанию по внедрению в обиход красного вина вместо водки (см., например: [Бородин 2017]). Однако уровень суждений о вине (причём, отметим, только французского производства) не может не удивлять.

¹⁴ Смею предположить, что дочь этого высокого начальника не пользовалась самыми модными и дорогими вещами. Скромность в быту была присуща данной семье, как потом увидит Цзянь, попав в квартиру её отца в жилом комплексе для членов Постоянного комитета с тщательной проверкой паспорта вооружённым охранником даже у зятя жителя этого дома [с. 43] (Постоянный комитет Всекитайского собрания народных представителей (*Цюаньго жэньминь дайбяо дахуэй чаньгу вэйюаньхуэй* 全國人民代表大會常務委員會), ПК ВСНП, в период между сессиями ВСНП является высшей законодательной властью).

лицо». Машину вызвался вести сам староста, поняв, что произошло, и «сально хихикая, потыкал его в бок», де «начальнику Цзяню нужно отдохнуть». ¹⁵ Родственники Ячжу, поняв ситуацию, были в приподнятом настроении и старались не смотреть на заднее сидение. В машине звучали песни известной певицы, и когда прозвучала песня про деревянную лошадку, Ван Ячжу стала подпевать:

У лошадки крыльев нет,
Но тебя она уносит,
Ты взлетаешь и хохочешь,
Но на месте я стою.

И тут Цзянь удивился: будто бы хорошо знал репертуар певицы, но что за деревянная лошадка и кто взлетает, ранее не задумывался. А когда староста, прощаясь, похвалил его и сказал, что ждёт приглашения на свадьбу, Цзянь только улыбнулся, ибо что-то, видно, уже до него дошло, кое-что он, кажется, понял, и у него «грудь сжимало так, что не продохнуть» [с. 45]. А когда через пару дней позвонил староста и в ярости спросил, знает ли он, что Ван Ячжу уехала за границу, Цзянь промычал что-то неопределённое и, дав старосте выговориться, запер дверь кабинета и прямо-таки сполз на пол. «Слёзы хлынули из глаз. То ли от обиды и от того, что его обманули, то ли от того, что серьёзно отнёсся к этому чувству, он и сам не знал» [с. 45].

Отец Ван Ячжу вызвал своего зятя и Цзяня, дабы выяснить, знают ли они «про ситуацию». Староста ответил, что супруга только что всё ему сказала, а на вопрос в курсе ли он, Цзянь ответил, что она ему «сама рассказала, по дороге». Но главное, он был потрясён, казалось, что «ему всё это снится. Впервые его имя прозвучало из уст члена Постоянного комитета» [с. 45]. Отец девушки просил зятя и Цзяня «не болтать», вину дочери за «нарушение нормы морали» возложил на себя: де «дочку не воспитал как следует». «Обидела она тебя, я понимаю», – сказал Цзяню отец Ячжу. И «Цзянь понимал, что для такого большого начальника произнести эти слова очень и очень нелегко» [с. 46].

¹⁵ Вторая глава этой повести начинается с размышлений об употреблении слова «начальник»: «По телефону называть “начальником” можно и замначальника... даже всяких мелких сошек; например, великий танский поэт Ду Фу именовался “министром”, хотя на самом деле был чиновником низшего ранга и до настоящего министра ему было очень далеко» [с. 25].

После отъезда Ван Ячжу «у Цзянь Фанпина смотрины стали вызывать ужас», «даже мысль о флирте больше не грела». Да и завистники «с радостью потирали руки», ожидая, что смогут над ним посмеяться, когда станет ясно, какие санкции за этим последуют. Староста его успокаивал анекдотом: «Знаешь, что для чиновника самое радостное? Когда посреди ночи являются члены дисциплинарной комиссии, сообщают, что срочно надо прибыть по “двойному указанию”¹⁶, а у тебя рыльце в пушку. Ты перепуган так, что вот-вот обделаешься. И тут они уточняют “А вы такой-то”? Ты плачешь от радости и громко сообщаешь “Вам в квартиру напротив”» [с. 46–47]¹⁷.

Но Цзянь не только «не покатылся вниз», наоборот, несмотря на недавнее повышение, он был вновь представлен в списке провинциального парткома нового созыва на обучение для начальников бюро (что обычно и предвещало повышение). Для этого организационный отдел парткома добился для департамента Цзяня дополнительного места (обычно представляли по одному кандидату), хотя и было ясно, что Цзянь «по квалификации сильно уступал первому претенденту». И его старый покровитель Чжун удивлялся этому, но «кто стоял за Цзянь Фанпином – тайна, покрытая мраком» [с. 47].

Смотрины продолжались, предложения поступали даже более активно, но «того, кто видел безбрежное синее море, речкой не удивить». «Теперь Цзяню было трудно найти пару», и чаще «в самом начале знакомства он искал повод для разрыва». Он полюбил вечерами сидеть на своей маленькой террасе, пить вино¹⁸ и иногда думать о том же, что вокруг всех интересовало: «когда же в его доме будет молодая хозяйка» [с. 47].

Финал повести, хотя и открытый, не кажется оптимистичным. Казалось бы, Цзянь наконец-то серьёзно влюбляется в молодую

¹⁶ В сноске данного издания 2014 г. расшифровано: «“Двойное указание” – система партийных дисциплинарных расследований, применяемых исключительно к высокопоставленным членам компартии. По регламенту, партийному работнику, находящемуся под подозрением, сообщают время и место, куда необходимо прибыть для беседы допроса» [с. 47].

¹⁷ Этот анекдот хорошо известен нашим соотечественникам, можно предположить, что они и рассказали его китайцам, но, может быть, подобные ситуации порождает и подобный, скажем, «народный юмор».

¹⁸ Конечно, уточнено, что это было «“Шатонеф дю Пат” из виноградников в долине Роны, с очень богатым вкусом, – это вино лучше всего подходит для уединенных размышлений» [с. 47].

наивную сотрудницу туристической фирмы¹⁹, которая искренне ответила ему взаимностью. Она, правда, слегка испугалась перспективы стать матерью уже подросткового сына Цзяня, но пообещала почитать соответствующую литературу и справиться с этой задачей. Она рассказала Цзяню, что встречалась пару месяцев с одним студентом, однако рассталась, поскольку «ни в какую не хотела заниматься сексом», ибо была католичкой и твёрдо знала, что «если без брака заниматься сексом, никогда в рай не попадёшь». А Цзянь, хотя и принадлежал, казалось бы, к той категории мужчин, которые «пару раз повстречались – и сразу одного надо», но с ней было «всё по-другому» [с. 59]. Он даже Библию пытался читать, но скоро решил, что «она для него слишком толстая»; прочёл «Библейские сюжеты» – и «впал в уныние», подумав, что «людей разделяют не только языковые барьеры, но и разница в укладах жизни» [с. 62]. Однако мать этой девушки, тоже католичка, «двадцать лет проработала в тюрьме, начальник отдела исправительного образования», сказала, что дочь её «воспитана в старых традициях – если замуж, то на всю жизнь», а сама она знает, что люди «редко справляются с бременем успеха», что ужин, который устроил Цзянь для знакомства с ней, на его зарплату вряд ли можно устроить. Как мать, сказала эта женщина, она не может позволить дочери оказаться в ситуации, когда она «не смогла бы на людях голову поднять и распрямить спину», если он «загребит в тюрьму», а примеров таких она на работе своей «насмотрелась» [с. 67]. Посему она разрешит их брак только в том случае, «если он уйдет со своего поста и устроится в университет» (стоит, может быть, обратить внимание, что мать девушки оставила ему визитную карточку с телефоном ректора университета, «с которой вместе училась») [с. 68–69]²⁰. Цзянь обещал «серьёзно всё обдумать» [с. 73]. Ведь и ресторан в пятизвёздочном отеле, и вино за десять с лишним тысяч, и новое место работы девушки²¹,

¹⁹ Ей было 24 года, «она была на 15 лет его моложе». «Очевидно, большая разница в возрасте – это куча проблем: разные системы ценностей, интересы, идеи и даже секс» [с. 57].

²⁰ То есть явное использование личной связи для устройства на работу предполагаемого зятя.

²¹ Цзянь, когда у его возлюбленной возникли трудности в турфирме, устроил её на новую работу через своего одноклассника, «с которым ходил в партийную школу». Тот сказал: «... если со стороны человек, то очень сложно пристроить, а если своя, то тоже сложно, но можно» [Там же].

и, в сущности, их знакомство в туристической поездке (он уже тогда был начальником отдела, а не простым служащим) – всё это результат почти десяти лет образования и десяти с лишним лет работы в департаменте. Хотя про аресты «высших чинов» не только мать этой девушки рассказывала, были и в ближайшем окружении Цзяня такие случаи [с. 65], и отец ранее говорил, что хотя сыну сейчас везёт и в карьере, и в любви, но за время работы в дисциплинарной комиссии он «ни одного чиновника не видел, чтоб вечно руководил, а вот свергнутых хоть пруд пруди», и просил сына не забывать, что «стреляют по той утке, которая высовывает голову». Но в тот момент в управлении предстояли большие кадровые перестановки, и «Цзянь подумал: “Давай, брат, работай, если сможешь ещё на ступеньку подняться, жизнь станет ещё лучше”» [с. 73].

Я очень много привожу цитат из текста новеллы. Иногда они весьма обширны, как нравоучение отца героя или пространный анекдот, которым успокаивает героя его коллега, хотя они разнятся просто даже по языку: отцовские чаще пришли из прошлого, хотя и весьма удачны в применении к новым ситуациям, а анекдот скорее рождён новым временем, хотя и не лишён «китайской специфики». Очень много коротких цитат, порой пара слов: сравнение, приведённое Цзянем, описание какого-то события, выражение его чувств, почти всегда очень образные. Нередко автор использует иносказание, которое понимаешь по контексту, или оно может быть расшифровано позже, как раскрывается история с Ван Ячжоу: о её «нарушении нормы морали» опять же не прямо и не сразу, но в результате можно однозначно понять, что оно заключалось в однополой любви, отчего она и уезжает со своей девушкой за границу. Ничего автор не говорит напрямую и про то, как в карьерном росте героя поучаствовал отец Ван Ячжоу. Но читатель всё может домыслить и понять.

Как пишет блогер Хэ Хун, «хотя предыдущие работы Нань Фэйяня также очень самобытны по языку, они в основном произошли от заимствования языкового стиля “Осажденной крепости”²² Цянь Чжуншу и умных и юмористических приколов

²² Более чем достойный стиль для подражания. Как писал В. Ф. Сорокин в предисловии к переводу упомянутого романа «Осаждённая крепость», при публикации в Китае в 1947 г. «книгу стали называть только входившим тогда в моду словом “бестселлер”» [Цянь 1989, с. 12], отмечая «остроту писательского зрения и своеобразие стиля, в котором отразились и органическая связь с китайской традицией, и

современной молодежи... Язык “Красного вина” ясен и прост... обладает внутренним остроумием» [Хэ 2009].

Упоминание романа Цянь Чжуншу побуждает признать, что Нань Фэйянь заимствовал не только языковой стиль «Осаждённой крепости». Ведь роман Цянь Чжуншу, несмотря на «грозное» название и время написания – при оккупации Японией Шанхая, имеет в заголовке лишь начало французского анекдота про брачную жизнь и практически посвящён личной жизни молодой семьи: в родной стране волей собственного выбора молодые люди оказались как бы в ситуации межцивилизационного брака. Так получилось, что молодая жена происходила из семьи, вполне вписавшейся в новые условия жизни республиканского Китая, а её супруг – из семьи старинного уклада, что вызывало у родственников с обеих сторон взаимное неприятие жизненных установок и приводило к коллизиям и в молодой семье.

«“Красное вино”, – пишет уже упомянутый блогер, – это история жизни чиновника, ...[но] она не фокусируется на борьбе чиновников, их интригах, как в обычных романах о чиновничестве, а фокусируется на успешной карьере... [и] запутанных эмоциях... По сравнению с предыдущими произведениями Нань Фэйяня, это произведение предполагает более широкую и глубокую жизнь». Важно, пишет блогер, что автор сосредотачивает «перо и чернила» на повседневной жизни главного героя, межличностном общении и внутреннем осмыслении этого [Там же].

В повести показано (как бы мимоходом – ведь перед нами произведение малой формы) чрезвычайно много сторон жизни не только главного героя, но и практически всех, с кем сталкивается он как в пределах служебных обязанностей, так и в личной жизни; и даже нечто большее, чем судьбы самих действующих лиц этого произведения. Ведь знакомство с дочерью и её матерью, занимающей ответственный пост в пенитенциарной системе, – католичками – приводит героя к размышлению о большом различии жизненных установок у разных людей, но одновременно говорит и о терпимости в стране к христианской

отнодью не шапочное знакомство с мировой литературой» [Там же, с. 16]. А в год выхода повести Нань Фэйяня, в 2009 г. этот же роман вошёл в двадцатку топ-бестселлеров современной китайской литературы, пусть и в самом конце списка – но всё же перед «Рикшей» Лао Шэ (см.: [Шевырёв 2009]).

религии²³. А история о девушке, уехавшей с подругой за границу, говорит о всё ещё мало изменившемся отношении к гомосексуализму в КНР даже среди образованной части общества и партийного руководства страны. Размышления же главного героя о романтизме в отношениях, о флирте, о некоторых элементах поведения, названных в повести джентльменскими, и о таком пристрастии не просто к питию красного вина, а прямо-таки к культуре красного вина, когда всего лишь один из напитков «поднимается» до уровня хобби, возможно, говорят о некоторых новых поведенческих нюансах, а стало быть, со временем возможны определённые изменения и в менталитете более широкого круга образованной части китайского городского населения, учитывая коммуникативную функцию литературных произведений²⁴.

Данная повесть описывает (повторюсь, в краткой форме) множество частных судеб, что «есть своеобразная реконструкция “жизни незамечательных людей”, а эти “микроистории” с позиций истории повседневности не менее важны исследователю, чем жизнь людей “замечательных”» [Пушкарёва 2010]. Стало быть, данная повесть становится источником (пусть и косвенным) для понимания того, что думают и чувствуют участники исторических событий. Но следует, верно, согласиться

²³ Женщина-католичка в данном случае занимает весьма крупный пост и, судя по всему, явно состоит в т. н. зарегистрированной церкви, или патриотической церкви, которая не вступает в конфликт с государством. «Несмотря на то, что в КНР провозглашен принцип отделения религии от государства, признанные на общенациональном уровне религии фактически пользуются правами государственных религий. Религиозные общины на практике являются частью сложного партийно-государственного механизма и, признавая через патриотические религиозные объединения руководящую роль правительственных структур, в ответ получают политическую и юридическую легитимность, финансовую помощь и пр.» [Афони́на 2016, с. 16].

²⁴ Я уже писала о том значении взаимосвязи ментальности и стиля поведения, которой уделяли внимание и китайские реформаторы в стремлении построить новый Китай (см., например: [Синецкая 2019, с. 103]). Да, собственно, ещё Пётр I стремился трансформировать хотя бы «верхи» российского общества посредством проведения ассамблей, где предписывались новые взаимоотношения между людьми и «выводились женщины из теремов». Нечто похожее проводилось в своё время и в Японии с той же целью (специально для балов с участием иностранцев был выстроен дом приёмов Рокумэйкан).

с высказыванием Н. Л. Пушкарёвой [Там же], что «в современной российской исторической науке история повседневности возникла на волне самоисчерпания позитивистских приемов работы с источниками и устаревших прежних объяснительных парадигм (марксистской, структуралистской)... [она] так и не смогла занять пока прочных позиций в университетах, не говоря уже о системе школьного образования» [Там же].

Источники и литература

1. Аджимамудова 1971 – *Аджимамудова В. С.* Юй Да-фу и литературное общество «Творчество». М.: Наука, 1971. 192 с.
2. Афонина 2016 – *Афонина Л. А.* Государственная политика Китайской Народной Республики в сфере религий в период реформ (1978–2015 гг.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 2016.
3. Бенжеллун – Бенжеллун, Тахар // Свободная энциклопедия Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Бенжеллун,_Тахар (дата обращения 30.11.2020).
4. Бородин 2017 – *Бородин К.* Винный бум в Китае: как элитно спить целую нацию? // Мужской журнал Лаовай.ру. URL: <https://laowai.ru/vinnyj-bum-v-kitae-kak-elitno-spoit-celuyu-naciyu/> (дата обращения 30.11.2020). Публикация от 28.06.2017.
5. Даниличева – *Даниличева В.* Биография Чжоу Цюньфэй – самой богатой женщины Китая // Финансовый блог «Мой рубль». URL: <https://mytrouble.ru/zhou-qunfei-bio> (дата обращения 30.11.2020).
6. Красные туфельки 2014 – Красные туфельки. Сборник произведений молодых китайских писателей / Пер. с кит. яз., отв. ред. А. А. Родионов; Сост. Н. Н. Власова, И. А. Егоров, А. А. Родионов. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ; КАРО, 2014. 368 с.
7. Нань Фэйянь а – Нань Фэйянь 南飞雁 // Интернет-энциклопедия Baidu Baike. URL: <https://baike.baidu.com/item/南飞雁> (дата обращения 30.11.2020).
8. Нань Фэйянь б – Нань Фэйянь 南飞雁 // Веб-сайт издательства «Цзоцзя чубаньшэ» 作家出版社. URL: <http://zuojiachubanshe.com/portal/zjlb/webinfo/2019/06/1562218383858707.htm> (дата обращения 30.11.2020).
9. Нань Фэйянь чжунпянь сяошо... 2010 – Нань Фэйянь чжунпянь сяошо «Хун цзю» хо цюаньго юсю чжунпянь сяошо цзян 南飞雁中篇小说《红酒》获全国优秀中篇小说奖 (Повесть Нань Фэйяня «Красное вино» получила национальную премию «Отличная новелла») // Новостной портал Sina.com. URL:

<http://news.sina.com.cn/o/2010-05-21/072217543521s.shtml> (дата обращения 30.11.2020). Публикация от 21.05.2010.

10. Померанцев 2014 – *Померанцев И.* Роман как зеркало // Веб-сайт радио «Радио Свобода». URL: <https://www.svoboda.org/a/26679578.html> (дата обращения 30.11.2020).

11. Прожогина 2006 – *Прожогина С. В.* Женский портрет на фоне Востока и Запада. М.: Восточная литература, 2006. 477 с.

12. Пушкарёва 2010 – *Пушкарёва Н. Л.* «История повседневности» как направление исторических исследований // Сетевое издание Центра исследований и аналитики Фонда исторической перспективы «Перспективы». URL: <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=50280> (дата обращения 30.11.2020). Публикация от 16.03.2010.

13. Родионов... – Родионов Алексей Анатольевич // Веб-сайт восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. URL: <https://orient.spbu.ru/index.php/ru/o-fakultete/sotrudniki/item/rodionov-aleksej-anatolevich> (дата обращения 30.11.2020).

14. Синецкая 2016 а – *Синецкая Э. А.* Несколько слов о китайских сиротах, или По поводу прочтения повести «Красные туфельки» // Общество и государство в Китае. Т. LVIX. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 503–524.

15. Синецкая 2016 б – *Синецкая Э. А.* Красное вино, или коррупция // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы. Тезисы докладов XXII Международной научной конференции. М.: ИДВ РАН, 2016. 184 с. С. 173–174.

16. Синецкая 2019 – *Синецкая Э. А.* «Путешествие на Запад» китайской женщины, или Феминизм в Китае. М.; СПб.: ИВ РАН; Нестор-История, 2019. 432 с.

17. Тавровский 2017 – *Тавровский Ю.* Китайская мечта: итоги первой пятилетки Си Цзиньпина // Ежедневное интерактивное издание «Завтра.ру». URL: https://zavtra.ru/blogs/kitajskaya_mechta (дата обращения 30.11.2020). Публикация от 20.09.2017.

18. Хузиятова 2008 – *Хузиятова Н. К.* Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук // Электронная библиотека диссертаций Dissercat. URL: <http://www.dissercat.com/content/modernistskie-tendentsii-v-tvorchestve-kitaiskikh-pisatelei-1980-kh-godov-kak-poisk-identich> (дата обращения 30.11.2020).

19. Хэ 2009 – *Хэ Хун* 何弘. Чжуцзянь жоу шунь дэ даньнин – Нань Фэйянь хэ та дэ «Хун цзю» 逐渐柔顺的单宁 —南飞雁和他的《红酒》 (Постепенно смягчающий танин: Нань Фэйянь и его «Красное вино») // Блог-платформа Sina.com. URL: http://blog.sina.com.cn/s/blog_543420db0100ej84.html (дата обращения 30.11.2020). Публикация от 28.07.2009.

20. Цун 2009 – *Цун Чжи-чэнь* 丛治辰. Лин и чжун «80 хоу» сецзо – ду Нань Фэйянь сяшо «Хун цзю», «Аймэй» 另一种“80后”写作—读南飞雁小说《红酒》《暧昧》 (Ещё одно сочинение «пост-80-х» – чтение произведений Нань Фэйяня «Красное вино» и «Двусмысленное») // Литературный веб-сайт Chinawriter.com.cn. URL: <http://www.chinawriter.com.cn/bk/2009-11-13/39424.html> (дата обращения 30.11.2020). Публикация от 14.11.2009.

21. Цянь 1989 – *Цянь Чжуншунь*. Осажденная крепость: Роман; Рассказы / Пер. с кит. и вступ. ст. В. Сорокина. М.: Художественная литература, 1989.

22. Чжоу Цюньфэй – самая богатая... – Чжоу Цюньфэй – самая богатая женщина Китая // Развлекательно-новостной веб-сайт Pressa.tv. URL: <https://pressa.tv/interesnoe/43454-chzhou-cyunfey-samaya-bogataya-zhenschina-kitaya-5-foto.html> (дата обращения 30.11.2020).

23. Чэнь 2010 – *Чэнь Чжаоминь*. Реформирование системы образования в Китае // Гуманитарный вектор. Серия: Педагогика, психология. 2010. № 1. С. 60–69.

24. Шевырёв 2009 – *Шевырёв И. Н.* Литературный Китай: о том, чем живет современный литературный Китай // Блог-платформа LiveJournal. URL: igor-tiger.livejournal.com/58930.html (дата обращения 30.11.2020). Публикация от 28.10.2009.

25. Sina Corp – Sina Corp // Свободная энциклопедия Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Sina_Corp (дата обращения 30.11.2020).

*Elvira A. Sinetskaya**

**Everyday Life of a Provincial Official
in the PRC, Born in the 80s
(Based on the Story of a Young Screenwriter)**

* Sinetskaya Elvira Andreevna, Ph. D. (History), Senior Research Associate, China Department, Institute of Oriental Studies RAS (Moscow), elvirasin@mail.ru

ABSTRACT: This article is based on the information obtained from a story indicated in the title. Apart from the pleasure of getting acquainted with the author's style, which is full of innuendos and parables and where the context plays an essential role in conveying thoughts and feelings of the main character, a divorced official of the provincial government, the value of this work lies in the significant amount of data about the life and relationships of large number of its characters: colleagues and ladies who were courted by the protagonist. At the same time, the story explores the ongoing social phenomena such as nepotism, and the emergence of new interpersonal relationships, such as free extramarital relations between the sexes. All this makes possible the attribution of this story to the sources (albeit indirect) of one of the dynamic new directions of historical research: the history of everyday life.

KEYWORDS: China, Literature, «Red Shoes», Red Wine, Nan Feiyan, Career Matchmaking, History of Everyday Life

М. В. Галимов*

**Анализ причин устойчивости
позитивного / не националистического дискурса
в КНР касательно анимационной франшизы
«Кунг-фу панда» (на примере китайской газеты
«Жэньминь жибао»)**

АННОТАЦИЯ: В статье анализируется официальная реакция в Китае на выход первого и второго американских мультфильмов «Кунг-фу панда», а также на третью часть франшизы американско-китайского производства. В ходе дискурс-анализа высказываний в ежедневной газете «Жэньминь жибао» (2008–2019 гг.) обнаружено, что несмотря на культурное заимствование создателями «Кунг-фу панды» китайского символа, большой панды, все три фильма были положительно приняты в КНР. Также рассматриваются вероятные причины для положительной реакции китайских граждан на трилогию. Делаются выводы относительно оснований для позитивного, не националистического китайского дискурса в отношении «Кунг-фу панды», а также даются прогнозы относительно китайского национализма в связи с развитием киноиндустрии КНР.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национализм, панда, анимационный, Китай

«Китай большой, но размер необязательно связан с угрозой. Панда большая, но разве она опаснее лысого орла (белоголовый орлан – символ США. – *М. Г.*)? Даже если эта панда владеет кунг-фу, она всё равно остаётся благородным воином, стоящим на защите справедливости, мирно сосуществующим со своими соседями»

* Галимов Марат Викторович, студент Института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, mvgalimov@yandex.ru

ми, поэтому она и заслужила благосклонность партнёров» [29] (официальный представитель МИД КНР Хуа Чуньин, 12.12.2019).

15 мая 2008 года на Международном Каннском фестивале впервые был показан «Кунг-фу панда», полнометражный американский мультфильм в жанре *у-ся* (武侠 – букв. «воины-рыцари», китайское фэнтези про мастеров боевых искусств). Главный персонаж – По (阿宝, кит. *А-бао* – Драгоценный), овладевший восточными единоборствами панда. Для китайцев большая панда – «национальное сокровище» (*го-бао* 国宝) [26, р. 118], а для иностранцев – пожалуй, самый узнаваемый символ китайской культуры [27]. Фильм голливудской компании DreamWorks Animation собрал в Китае приблизительно 26 млн долл. США (а в мире в совокупности свыше 631 млн долл. США [21]), т.е. свыше 150 млн юаней [23] (это первый иностранный анимационный фильм в КНР, заработавший на кинопоказах сумму свыше 100 млн юаней).

Положительная реакция китайцев на культурное заимствование представляет очевидный интерес. Во-первых, КНР в силу многочисленности населения и его значительной покупательной способности – это главный рынок потребителей теле- и кинопродукции (особенно ввиду постоянно открываемых в стране кинотеатров [16]). Следовательно, для продвижения товаров и услуг на рынках Китая нужно изучать как успешные примеры, так и менее удачные. Во-вторых, подача авторами «Жэньминь жибао» (одними из основных агентов формирования националистического дискурса в КНР) новостей и мнений о «Кунг-фу панде» позволяет взглянуть на китайский национализм под новым углом. Для нас национализм – это доктрина реакционного характера, связанная с процессом создания нации в качестве «воображаемого сообщества» (согласно Бенедикту Андерсону [1, с. 47–50]) и последующего переживания принадлежности людей к этому сообществу. Многие исследователи полагают, что в Китае политика «идеологически... окрашена в националистические тона» [3; 2], а также что массовый национализм в Китае может иметь далеко идущие отрицательные последствия [6], поэтому для прогнозирования будущего развития Китая необходимо учитывать факторы как официального, так и формирующегося под его воздействием массового национализма.

Был проведён дискурс-анализ (дискурс – «система взглядов, определяющих мировоззрение и поведенческие практики определенного общества» [17]) англоязычных (иными словами, для внешней аудитории) высказываний в китайской ежедневной газете «Жэньминь жибао» (2008–2019 гг.). Мы проследили, как на этом сайте, одном из основных распространителей официального дис-

курса, реагировали на Кунг-фу панду в течение 12 лет с момента выхода первого фильма. До выхода «Кунг-фу панды» на большой экран реакция была положительной, а главное – редкой [8].

Вероятно, это связано с тем, что большинство запретных в Китае тем связаны с современным Китаем после 1949 года [15]. Следовательно, незлободневный сюжет «Кунг-фу панды», не затрагивающий политику КНР или её меры по обеспечению социальной стабильности, вероятно, не привлёк значительное внимание цензоров. Однако сегодня невозможно представить, чтобы фильм с китайскими элементами оставался настолько незамеченным до своего выхода на экраны. Наоборот, активные китайские интернет-пользователи и СМИ заблаговременно комментируют такие проекты и часто высказывают свою критику [14].

Сперва между премьерами первого и второго фильмов ответственные за культурное направление китайские чиновники обсуждали, что нужно изменить в киноиндустрии КНР, чтобы создавать фильмы, которые бы были сопоставимы по успеху с «Кунг-фу пандой» и в то же время раскрывали бы миру всё многообразие китайской культуры [7]. Также эпизодически культурные деятели выдвигали свои, китайские проекты, преподносимые не как копирование, а как соревнование между американской (или западной) и китайской трактовками образа «панды» [9] (или китайской культуры в целом).

Затем ввиду успешного выхода в прокат второго и до выпуска третьего фильма про Кунг-фу панду в творческих кругах обсуждались преимущества сотрудничества Голливуда и Китая для более точного отображения китайской эстетики в «Кунг-фу панде 2» [12]. Также в дискурсе «Жэньминь жибао» возобновилась идея соревнования американского панды и различных китайских анимационных проектов [11] (в отношении последнего фильма о Кунг-фу панде такого дискурса замечено не было). В 2012 году была основана американо-китайское предприятие по производству фильмов Oriental DreamWorks, которое после 2018 года было переименовано в Pearl Studios, а права на владение им были выкуплены общественной инвестиционной фирмой China Media Capital [19]. Часть акций компании принадлежала анимационной студии DreamWorks Animation, а другая часть – китайским инвесторам.

Третий фильм (2016 г) – продукт совместного производства [25] американо-китайской Oriental DreamWorks и американской DreamWorks Animation, был встречен положительно, так как собрал в мировом прокате сумму почти в 4 раза больше, чем изначальный бюджет [22]. Данная форма американо-китайского сотрудничества

позволила голливудской компании обойти различные препятствия достаточно закрытого рынка КНР и получить причитающийся по договору о франшизе доход с кассовых сборов [25].

Приблизительно с этого времени на сайте газеты за трилогией про Кунг-фу панду закрепилось обозначение как “франшизы” (впервые использовано в 2013 году на стадии разработки третьего фильма [10]), а изначально голливудскую панду По теперь стали считать по-настоящему китайской [25]. Хотя на уровне МИД тон задал известный своими яркими метафорами посол Китая в Великобритании Лю Сяомин 刘晓明, ещё в 2014 году сравнивший Китай с Кунг-фу пандой [30]. Вероятно, его высказывание для внешней публики стало сигналом для закрепления положительного дискурса об американо-китайском сотрудничестве в киноиндустрии касательно «Кунг-фу панды» [25], результатом которого возможно стало повторное сравнение КНР с героем этого фильма [29].

«Кунг-фу панда» сумела избежать официального национализма, но почему фильм не подвергся критике со стороны националистически настроенного населения Китая? На это есть несколько причин. Во-первых, до Мирового финансового кризиса 2008–2009 гг. лишь малая доля граждан КНР имела доступ к интернету [20], чтобы высказать своё мнение. В 2007 году Стив Джобс выпустил первый iPhone, и уже через несколько месяцев на китайских рынках появились дешёвые копии, сначала даже не имевшие доступа к Wi-Fi. Для китайцев, многие из которых не могли позволить себе компьютер, смартфоны стали возможностью впервые выйти в онлайн [4, с. 64] и высказать свою позицию (например, в отношении голливудских новинок). Затем в 2010 году Google свернул большую часть производства в Китае. Уход главного монополиста также означал, что процесс адаптации сайтов и приложений под формат смартфона теперь проходил без поддержки Android. Эту нишу поспешили занять китайские производители [Там же]. В итоге если в 2008 году доступ к интернету имели 22.6% населения Китая, то в 2019 году – 59.6% [20].

Во-вторых, «Кунг-фу панда» вышла незадолго до всплеска национализма в КНР. Хотя китайский национализм – не новое явление, оно стало гораздо заметнее во время и после мирового финансового кризиса [2; 5; 6]. В китайском обществе сложилось впечатление (сформированное официальным дискурсом), что их страна справилась с кризисом гораздо успешнее, чем ряд западных стран, так как в 2009 году экономика КНР выросла на 10% [5]. Кроме того, в 2008 году в Пекине успешно прошли Летние Олимпийские игры. Достижения Китая, видимо, вызвали новую

волну массового национализма в стране. Дождавшись своего часа, Китай мог наконец перестать «скрывать [свои] способности», как советовал до поры до времени делать Дэн Сяопин, основополагающий китайский реформатор. Кроме того, полагаем, что китайцы смогли с новой силой ощутить принадлежность к единой нации благодаря повышению доступности интернета на территории КНР. Как раз в тот период члены КПК стали открыто говорить о подъёме Китая [2], а затем, с приходом к власти председателя КНР Си Цзиньпина в 2012 году, о «возрождении китайской нации» [13]. Постепенное ограничение китайского киберпространства [24], как ни парадоксально, также усиливает чувство национальной сплоченности граждан КНР, так как подчёркивает национальные границы (подобно географическим картам [1, с. 283]).

Кроме того, большая панда стала символом Китая совсем недавно, что несколько уменьшает возможности националистически настроенных элит КНР взывать к чувствам гнева и обиды китайских масс за неверно интерпретированный «древний», «истинно китайский» символ Поднебесной. Согласно исследованию Елены Сонгстерр, в докоммунистическом Китае чёрно-белая панда была гораздо менее популярна, чем сегодня [26, р. 23–24]. Она превратилась в символ КНР по трём причинам: её загадочность для современной науки (она – медведь или енот; она ест бамбук, хотя у неё пищеварение хищника и т. д), притягательность для всего мира (любимец зоопарка Брукфилда, США, в 1936–38 гг. [Ib., pp. 23–24, 210]; герой известного аниме «Легенда о Белой Змее» 1958 года [18]; логотип Всемирного фонда дикой природы в 1961 году; активно используемый инструмент публичной дипломатии и «национальное сокровище» КНР после установления дипломатических отношений между Китаем и США в 1972 году и подарка двух панд американскому зоопарку [26, р. 108, 117–118] и, наконец, её нациестроительный потенциал (практическое отсутствие упоминаний большой панды в докоммунистическом Китае делает её идеальным символом новообразованной нации; большая панда оправдывает современные китайские границы, так как её ареал совпадает с территорией КНР [Ib., р. 23–24]). Следовательно, можно предположить, что панда заслужила свой статус символа Китая в первую очередь потому, что на её особые качества сперва обратили внимание на Западе (так же, как в начале XX века традиции ушу привлекли внимание иностранцев на международных выставках [28, р. 14]), а уже затем в КНР начали использовать готовый образ панды (милая, редкая, загадочная зверюшка из Китая) по своему усмотрению. Иными

словами, большая панда – это в большей степени образ Китая для внешнего мира, и любая удачная интерпретация панды выгодна для КНР (как и в случае с Кунг-фу пандой).

Можно прийти к следующим выводам. Во-первых, использование Голливудом китайского символа – большой панды – было успешным, так как во время выхода первого мультфильма малое количество китайцев имело постоянный доступ к интернету, чтобы высказать своё мнение касательно «Кунг-фу панды» (в том числе отрицательное, как художник Чжао Баньди 赵半狄, использующий образ панд в своих работах и потому призывавший бойкотировать кинопоказ картины «Кунг-фу панда» [7]). Более того, «Кунг-фу панда» успел выйти в прокат в одно время с Летними Олимпийскими играми в Пекине и незадолго до разгара мирового финансового кризиса, последствием чего стала новая волна китайского национализма. Вероятнее всего, если бы мультфильм появился на несколько лет позже, он был бы менее положительно оценен китайскими зрителями в силу нарастания среди них чувства причастности к единому сообществу (с сопутствующим всплеском националистических настроений в Китае). Также китайские националистические круги (которые сегодня преобладают в китайском чиновничьем аппарате [2]) не могли со значительной вероятностью успеха апеллировать к древней истории (что обычно сопутствует национализму) большой панды как китайского символа, а следовательно, китайская критика американского мультфильма была достаточно эпизодической и не имела поддержки в широких слоях населения. Кроме того, скорее всего, панда всегда была в большей степени образом Китая для внешнего мира, поэтому китайцы благодушно принимали любое её успешное использование и только затем «китаизировали» этот символ по своему усмотрению.

Во-вторых, можно предположить, что националистические настроения в Китае продолжают расти по аналогии с подъёмом национализма в Японии после Реставрации Мэйдзи в 1868 году и побед в Китайско-японской и Русско-японской войнах. Если допустить, что в китайском дискурсе уже в достаточной степени обсудили, чему Китаю нужно научиться у Голливуда, то следующим шагом должна стать жёсткая критика в его адрес, ссылаясь на то, что американская киноиндустрия только мешает развитию китайской. Поводом для смены дискурса, например, могли бы стать один или два китайских фильма, которые были бы признаны не только в Китае, но и во всём мире, а окончательно китаизировавшаяся франшиза «Кунг-фу панда», в свою очередь, временно «за столбит» место для будущих мировых кинохитов китайского

производства. Эту гипотезу подтверждает ещё то, что в официальном дискурсе Китай сравнивается не с милой, но беззащитной пандой, а с «благородным воином» [29, 30], который больше не скрывает свои силы и способен постоять за себя и окружающих.

В целом дальнейшее изучение реакции на отдельные примеры заимствования китайской культуры за рубежом может способствовать лучшему пониманию китайского национализма.

Источники и литература

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / Пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

2. *Виноградов А.* К вопросу об отражении взглядов китайских националистов в современных внешнеполитических построениях КНР // Материалы ежегодной научной конференции Центра политических исследований и прогнозов ИДВ РАН. М.: Изд-во Института Дальнего Востока (ИДВ) РАН, 2019. С. 220–228.

3. *Зуенко И.* Как Китай снова стал великим // Журнал «Профиль». URL: <https://profile.ru/politics/kak-kitaj-snova-stal-velikim-180036/> (дата обращения: 09.02.2020).

4. *Ли Кайфу.* Сверхдержавы искусственного интеллекта: Китай, Кремниевая долина и новый мировой порядок. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 350 с.

5. *Лукин А.* «Китайская мечта» и будущее России // Журнал «Россия в глобальной политике». URL: <https://globalaffairs.ru/number/Kitaiskaya-mechta-i-buduschee-Rossii-14857> (дата обращения: 09.02.2020).

6. Михаил Коростиков о китайском национализме, политике репрессий и их последствиях // Информационный ресурс «Диалог: Таджикистан и мир». URL: <https://www.dialog.tj/news/mikhail-korostikov-o-kitajskom-natsionalizme-politike-repressij-i-ikh-posledstviyakh> (дата обращения: 09.02.2020).

7. “Kung Fu Panda” punches away at controls on creativity // Газета People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/90001/90782/90875/6442667.html> (дата обращения: 19.03.2020).

8. “Kung Fu Panda” real kung fu in guise of a cartoon // Газета People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/90001/90782/6373726.html> (дата обращения: 19.03.2020).

9. “Xiong Mao Zong Dong Yuan” to be released early next year // Газета People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/90001/90782/7067980.html> (дата обращения: 19.03.2020).

10. 'Kung Fu Panda 3' continues to celebrate China // Газета People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/90782/8277998.html> (дата обращения: 19.03.2020).

11. A glimpse of Cannes Film Festival // Газета People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/90782/8255667.html> (дата обращения: 19.03.2020).

12. Blockbuster "Kung Fu Panda 2" portraying southwest China to hit silver screen // Газета People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/90001/90782/90875/7393688.html> (дата обращения: 19.03.2020).

13. China Dreams and the "Road to Revival" // Информационный ресурс Origins: Current Events in Historical Perspective. URL: <http://origins.osu.edu/article/china-dreams-and-road-revival/page/0/1> (дата обращения: 09.02.2020).

14. Chinese react to Mulan trailer: No Mushu, Crystal Liu, southern architecture // Информационный ресурс Goldthread. URL: <https://www.goldthread2.com/culture/chinese-react-mulan-trailer-no-mushu-crystal-liu-southern-china/article/3017856> (дата обращения: 09.02.2020).

15. Dezan Shira & Associates. Navigating Restrictions in China's Film Industry // Журнал China Briefing News. URL: <https://www.china-briefing.com/news/navigating-restrictions-in-chinas-film-industry/> (дата обращения: 19.03.2020).

16. Do Chinese films hold global appeal? // Информационный ресурс ChinaPower Project. URL: <https://chinapower.csis.org/chinese-films/> (дата обращения: 19.03.2020).

17. *Gabuev A., Zuenko I.* The "Belt and Road" in Russia: Evolution of Expert Discourse // Журнал «Россия в глобальной политике». URL: <https://eng.globalaffairs.ru/number/The-Belt-and-Road-in-Russia-Evolution-of-Expert-Discourse-19915> (дата обращения: 10.02.2020).

18. Hakuja den (1958) // Информационный ресурс The Internet Movie Database. URL: <https://www.imdb.com/title/tt0051694/> (дата обращения: 19.03.2020).

19. Headlines from China: Oriental DreamWorks to be Wholly Owned by CMC and Rebranded as Pearl Studio // Журнал China Film Insider. URL: <http://chinafilm insider.com/headlines-from-china-oriental-dreamworks-to-be-wholly-owned-by-cmc-and-rebranded-as-pearl-studio/> (дата обращения: 09.02.2020).

20. How web-connected is China? // Информационный ресурс ChinaPower Project. URL: <https://chinapower.csis.org/web-connect edness/> (дата обращения: 19.03.2020).

21. Kung Fu Panda // Информационный ресурс Box Office Mojo. URL: <https://www.boxofficemojo.com/releasegroup/gr4251996677/> (дата обращения: 14.02.2020).

22. Kung Fu Panda 3 // Информационный ресурс Box Office Mojo. URL: https://www.boxofficemojo.com/title/tt2267968/?ref=bo_se_r_1 (дата обращения: 14.02.2020).

23. Kung Fu Panda's Po challenges Monkey King on the big screen // Газета China Daily Website. URL: https://www.chinadaily.com.cn/culture/2015-11/12/content_22435704.htm (дата обращения: 14.02.2020).

24. Oracle: China's internet is designed more like an intranet // Журнал ZDNet. URL: <https://www.zdnet.com/article/oracle-chinas-internet-is-designed-more-like-an-intranet/> (дата обращения: 19.03.2020).

25. Po of 'Kung Fu Panda' returns to his Chinese roots // Газета People's Daily Online. URL: <http://en.people.cn/n3/2016/0121/c90782-9007250.html> (дата обращения: 19.03.2020).

26. Songster E. Panda Nation: The Construction and Conservation of China's Modern Icon. Oxford: Oxford University Press, 2018. 340 p.

27. Survey finds foreigners sketchy on China icons // Газета People's Daily. URL: <http://en.people.cn/n/2015/0608/c90882-8903539.html> (дата обращения: 09.02.2020).

29. Yang S. Y. TCS LOUPE Lecture 2 – Reflection of CJK Societies on Dramas // TCS Website – «Сайт». URL: <https://tcs-asia.org/en/data/publications.php?pNo=4> (дата обращения: 05.02.2020).

29. Вайцзябу фаяньжэнь: «дуй хуа кунцзюй пянъчжичжэн» ши бин, дань бинфэй у яо кэ чжи 外交部发言人: “对华恐惧偏执症”是病, 但并非无药可治 (Пресс-секретарь МИД: «Параноидальный страх перед Китаем» – это болезнь, но вовсе не неизлечимая) // Сайт агентства «Синьхуа». URL: http://xinhuanet.com/world/2019-12/12/c_1125340738.htm (дата обращения: 19.03.2020).

30. Чжу Инго даши Лю Сяомин цзай Инго хуанцзя гофан яньцзююань дэ яньцзян: хэпин фачжань юйю гунсян гунъин 驻英国大使刘晓明在英国皇家国防研究院的演讲: 和平发展与共享共赢 (Доклад посла КНР в Великобритании Лю Сяомин в Имперском колледже обороны: мирное развитие и взаимный выигрыш) // Сайт Министерства иностранных дел КНР. URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/gjhdq_676201/gj_676203/oz_678770/1206_679906/1206x2_679926/t1210311.shtml (дата обращения: 10.02.2020).

Приложение

Изменение дискурса о «Кунг-фу панде» в Жэньминь жибао (приведены названия статей, даты публикации, гиперссылки, выдержки из текста и резюме изменений):

1. «Кунг-фу панда» настоящее кунг-фу, замаскированное под мультфильм: 14/03/2008; <http://en.people.cn/90001/90782/6373726.html>:

«Хотя фильм полон фарса и острот, он остаётся верным духу легендарных фильмов про боевые искусства..., которые вдохновили создателей».

Изменение: положительное восприятие фильма до его выхода в прокат.

2. «Кунг-фу панда» наносит удар по ограничениям креативности: 05/07/2008; <http://en.people.cn/90001/90782/90875/6442667.html>:

«Кунг-фу панда» может помочь преодолеть проклятие вялой киноиндустрии Китая после того, как ведущие эксперты страны в пятницу призвали к снижению государственного контроля над творчеством. Кассовый блокбастер был центром обсуждения на групповом заседании...НПККК (Народный политический консультативный комитет Китая. – М. Г.)..., когда глава Китайской государственной пекинской оперы спросил: «Почему мы не можем сделать такой же популярный мультфильм, как “Кунг-фу панда”?»...Дав старт обсуждению, президент Китайской государственной пекинской оперы У Цзян сказал: «Главный герой фильма – национальное достояние Китая, все элементы – китайские, но почему не мы создали такой фильм?».

Изменение: Чтобы добиться такого же влияния во всем мире, как у «Кунг-фу панды», требуются реформы.

3. Анимационная индустрия Китая демонстрирует значительный потенциал; 26/05/2009; <http://en.people.cn/90001/90778/90857/90860/6666115.html>:

«Антициклическое» развитие культуры позволило китайской мультипликационной индустрии процветать в условиях финансового цунами. ...В 2008 году голливудская панда Абао (китайское имя главного героя, которое переводится как «драгоценный». – М. Г.) завоевала популярность по всему миру всему миру и была с энтузиазмом воспринята в Китае. Когда Голливуд умело применил китайские элементы, китайцам был задан вопрос: «Кунг-фу и большие панды – это национальное достояние Китая, почему мы не можем создать подобный мультфильм?». ...Ван Лэй, вице-президент медиа-развлекательной компании «Сюаньдун» (г. Шанхай) считает, что в Китае нет недостатка в хороших историях. Народные сказки и классические литературные произведения в Китае являются неиссякаемым источником для создания мультфильмов. В настоящее время главная проблема китайской мультипликационной индустрии состоит в том, как творчески передать историю.

Изменение: Китай поднимается после мирового финансового кризиса. В плане анимации КНР есть чему учиться (пример «Кунг-фу панды»), а в плане культуры – есть что показать.

4. Что ожидает индустрию мультфильмов и анимации Китая? 10/07/2009; <http://en.people.cn/90001/90782/6697645.html>:

Помимо фильма, кунг-фу, демонстрируемое этой «американской пандой», также задело за живое китайскую мультипликационную и анимационную индустрию. ... Успех «Кунг-фу панды» – это лишь один из бесчисленных успехов развитой индустрии мультфильмов и анимации в США, в то время как успех «Си Янгянь и Хуэй Тайлан» (喜羊羊与灰太狼, «Милый козлик и Серый волк», популярный мультсериал о борьбе группы козлят и семьи волков. – М. Г.) – это удача в неразвитой индустрии мультфильмов и анимации в Китае... То, что персонажи в китайских мультфильмах и анимационных работах не оригинальны и не оказывают значительного влияния, стало фактором, сдерживающим развитие индустрии мультфильмов и анимации в Китае.

Изменение: Сравнение «Кунг-фу панды» с новым китайским мультфильмом, однако не в пользу последнего.

4. Снимать фильмы и зарабатывать ещё больше; 15/09/2009 <http://en.people.cn/90001/90782/6757522.html>:

Тем не менее кассовые сборы в Китае меркнут по сравнению с голливудскими... Занимающая шестую строчку в списке хитов того же года, а также очень популярная в Китае «Кунг-фу панда» собрала более 215,4 млн долл.

Изменение: Достаточно нейтральное сравнение с общим трендом (Голливуд популярнее китайского кино), а не конкретно с «Кунг-фу пандой».

6. «Кунг-фу панда» унизителен; 16/12/2009; <http://en.people.cn/90001/90782/90873/6844057.html>:

Как было сказано на анимационном форуме, анимационная комедия «Кунг-фу панда» унижительна для Китая, потому что она успешно представила китайскую культуру всему миру, но была создана Голливудом. Оуян Ибин, вице-руководитель Китайской анимационной ассоциации, сказал, что «Кунг-фу панда», ставшая мировым хитом среди зрителей, является прекрасным примером того, насколько успешной может быть китайский анимационный персонаж... «К сожалению, не мы, а наши американские коллеги пришли к этой потрясающей идее и показали свое глубокое понимание китайской культуры. Это унижение», – сказал он. Эксперты считают, что обе стороны (Пекин и

Тайбэй. – М. Г.) должны создать персонажа с китайской спецификой.

Макс Хуан, глава расположенной на Тайване Азиатской культурной ассоциации манги, сказал, что не нужно создавать новых персонажей мультфильмов, поскольку есть три образа, которые уже достигли мирового признания: Царь обезьян, панда, и Брюс Ли, покойный мастер Джит Кун До. ...Но для того чтобы догнать американских коллег, может потребоваться не менее 20 или 30 лет, сказал он.

Изменение: Кунг-фу панда – это успех китайского образа, но использован не Китаем, а Голливудом. Нужно продвигать китайские символы в культуре (в том числе панду), но успех придет не сразу.

7. «Сюн мао цзун дун юань» выйдет в начале следующего года; 15/07/2010; <http://en.people.cn/90001/90782/7067980.html>:

Китайский анимационный 3D-фильм «Сюн мао цзун дун юань» («История панды») выйдет в январе 2011 года... Сразу после...выйдет голливудский фильм «Кунг-фу панда 2»... «Зрители увидят соревнование двух историй о пандах и увидят, чья панда лучше», – сказал Чэнь. «В моем фильме они увидят больше китайских особенностей и китайского духа. Даже фон будет специально создан в соответствии со стилем китайской живописи».

Изменение: Китайский мультфильм про панду выйдет сразу перед «Кунг-фу пандой 2». Это соревнование китайской и американской интерпретации.

8. Блокбастер «Кунг-фу панда-2», показывающий Юго-Западный Китай, выйдет в кино; 28/05/2011; <http://en.people.cn/90001/90782/90875/7393688.html>:

«По сравнению с первым фильмом “Кунг-фу панда 2” дает более полное представление о китайской культуре, чего не всегда удавалось добиться в западных фильмах», – сказал Пак Джинбом, корейский режиссер. Мастер Лю Суйбинь (китайский мастер тайцзицюань. – М. Г.): «“Кунг-фу панда”, безусловно, будет одобрительно встречена миром».

Изменение: Сотрудничество КНР и США над мультфильмом позволяет точнее отобразить китайскую культуру.

9. Критик обеспокоен нехваткой китайских детских фильмов; 04/10/2013; <http://en.people.cn/90782/8417003.html>:

По его словам, в сравнении с зарубежными блокбастерами, такими как «Кунг-фу панда» и «Семейка Крудс», которые волной прошли по главным кинотеатрам Китая и демонстрировались в течение месяца, детские фильмы местного производства... в основном были в прокате не дольше одного дня или

даже не больше одного раза... Что касается проблем (китайской анимации. – М. Г.), Чжао (Чжао Бохуа, старший сценарист и критик. – М. Г.) говорит, что в китайских детских фильмах нужно более креативно воспитывать правильные ценности среди целевой аудитории и избегать излишней поверхностности и ребячливости.

Изменение: Перечисление проблем китайского кино и высказывание мнения, что американские фильмы (в том числе «Кунг-фу панда») получают слишком выгодные условия.

10. Интервью: Новый шёлковый путь откроет миру доступ к китайской культуре; 09/06/2014; <http://en.people.cn/n/2014/0609/c90000-8738851.html>:

По словам Ван Ююнь, вице-президента Perfect World, такие американские мультфильмы, как «Кунг-фу панда» Dreamworks и «Мулан» Диснея, не являются истинным воплощением китайской культуры. «Это голливудские культурные продукты, созданные для зрителей всего мира. Американские производители позаимствовали классические истории или образы Китая, а мультфильмы в основном отражают американские ценности», – сказала она.

Изменение: «Кунг-фу панда» – продукт американской культуры и для американцев, а не китайской и для китайцев.

11. По из «Кунг-фу панды» возвращается к своим китайским корням (1) и (2); 21/01/2016; <http://en.people.cn/n3/2016/0121/c90782-9007250.html>:

Даже иностранцы, которые мало знают о Китае, видят в гигантской панде символ Поднебесной. Вот почему китайцы часто расстраиваются, что самая известная анимационная панда из номинированной на «Оскар» франшизы «Кунг-фу панда» полностью американец. Что ж, спустя восемь лет после того, как первый фильм «Кунг-фу панда» завоевал популярность во всем мире, у китайцев теперь есть По, главный герой, старающийся быть менее американским и больше китайским. В китайской версии фильма, предназначенной для второго по величине в мире кинорынка, По и его воины-товарищи заговорят на путунхуа, хотя доступна будет и английская версия. ...Генеральный директор DreamWorks Джефффри Катценберг обосновывает сотрудничество тем, что китайские аниматоры – это «сокровище» и совместное производство поспособствует популяризации китайской анимационной индустрии в мировом масштабе. ...Когда первый и второй фильмы о Кунг-фу панде были выпущены в 2008 и 2011 годах, многие китайские художники бойкотировали эти фильмы и

назвали франшизу (sic!) «культурным вторжением». Совместное производство, однако, устраняет этот конфликт.

Изменение: Упоминание неких частых (sic!) обвинений китайских художников в адрес Кунг-фу панды. Предположение, что создание американско-китайской франшизы (sic!) решит эту проблему.

12. Весенний фестиваль в Пекине освещен звёздами (6); 21/04/2016; <http://en.people.cn/n3/2016/0421/c90000-9047495-6.html>:

У совместно выпущенной Китаем и США «Кунг-фу панды 3» две версии – одна на английском и другая на путунхуа, чтобы можно было уловить нюансы обоих языков. Продюсеры даже наняли китайского режиссера и звездный актерский состав, чтобы китайские зрители почувствовали, что фильм – это «сказка специально для них».

Изменение: Теперь Кунг-фу панда максимально удовлетворяет китайским запросам.

13. Джеки Чан выступает за более богатые в культурном плане китайские фильмы для мировой аудитории; 07/03/2018; <http://en.people.cn/n3/2018/0307/c90000-9433860.html>:

«У нас есть богатые культурные элементы, которые можно превратить в популярные фильмы», – заявил во вторник Джеки Чан, гонконгская звезда боевиков и член 13-го Национального комитета НПККК (Народный политический консультативный комитет Китая. – М. Г.)... «У нас есть кунг-фу и у нас есть панда. Но мы не создали “Кунг-фу панду”. Это сделал Голливуд».

Изменение: Джеки Чан поднимает старую тему обиды, что «Кунг-фу панда» была придумана не китайцами, хотя это (как и кунг-фу) является символом Китая.

14. Китайские блокбастеры догоняют Голливуд; 19/02/2019; <http://en.people.cn/n3/2019/0219/c90000-9547498.html>:

Сю (Стефани Сю, президент расположенной в Кремниевой долине организации US-Asia Innovation Gateway. – М. Г.) сказала, что от Мулан до франшизы «Кунг-фу панда» китайский фольклор и культура оказались отличными источниками для разработки фильмов, привлекающих внимание мировой аудитории.

Изменение: Кунг-фу панда описывается как успешный пример заимствования китайской культуры. Продвигается идея дальнейшего сотрудничества между китайской анимационной индустрией и Голливудом.

15. От «Красного гаоляна» до «Безумно богатых азиатов»; 28/03/2019; <http://en.people.cn/n3/2019/0328/c90000-9561462.html>:

Мир показал сильное желание узнать о Китае и китайской культуре больше. Хотя у него все еще имеются некоторые стереотипные представления, мы можем, по крайней мере, наслаждаться «Крадущимся тигром, затаившимся драконом», выпущенным Голливудом в 2000 году, когда концепция «ся» (у-ся – М. Г.) впервые была представлена западному миру. Люди были также ошеломлены персонажами голливудских мультфильмов, такими как Мулан или Кунг-фу панда, в образах которых традиционная китайская культура была представлена более полно, чем в оригинальных китайских.

Мнения, выраженные в этой публикации, принадлежат автору и не обязательно отражают точку зрения People's Daily Online.

Изменение: Ни слова о франшизе, но независимый автор (остальные статьи из дискурс-анализа обычно анонимны или являются перепечатками других известных китайских газет. – М. Г.) упоминает отдельные, старые примеры голливудского заимствования китайской культуры – «Кунг-фу панду» и «Мулан».

Marat V. Galimov*

**Analysis of the Reasons for the Consistency
of the Positive / Non-Nationalistic Discourse in China
Regarding the «Kung Fu Panda» Animation Franchise
(a case study of the Chinese Newspaper «Renmin Ribao»)**

ABSTRACT: The article analyses the official response in China to the release of the first and second US-produced animated films «Kung Fu Panda», and to the third part of the American-Chinese franchise. While analyzing the discourse in the daily newspaper «Renmin Ribao» (2008–2019), the author found out that despite the cultural appropriation of China's symbol, a giant panda, by the «Kung Fu Panda» creators, all three films were well-received in the PRC. The probable reasons for the Chinese citizens' favorable reaction to the trilogy are discussed. Conclusions are drawn regarding the grounds for a positive, non-nationalistic Chinese discourse regarding «Kung Fu Panda», and projections are made regarding Chinese nationalism in connection with the development of the PRC film industry.

KEYWORDS: Nationalism, Panda, Animation, China

* Galimov Marat Victorovich, Undergraduate Student, Institute of History, International Relations and Social Technologies of Volgograd State University, mvgalimov@yandex.ru

Ю. А. Грачева*

**«Бренд с национальной спецификой»
как один из ключевых инструментов развития
экономики и культуры в районах проживания
малочисленных народов КНР**

АННОТАЦИЯ: В настоящее время национальная политика Китая в отношении малочисленных народов реализуется в рамках идеи борьбы «за реализацию китайской мечты о великом возрождении китайской нации» (*шисянь чжунхуа миньцзу вэйда фусин дэ чжунго мэн* 实现中华民族伟大复兴的中国梦), о которой заявил Си Цзиньпин в своём докладе на 19-м съезде КПК.

Методы осуществления национальной политики представлены среди основных задач плана 13-ой пятилетки Китая (2016–2020) и неразрывно связаны с экономическим развитием страны, с задачей построения общества «средней зажиточности» (*сяокан* 小康) к столетию основания КПК в 2021 г.

Статья посвящена одному из инструментов экономического и социального развития районов проживания малочисленных народов КНР – производству продукции «брендов с национальной спецификой» (*миньцзу тэсэ пиньпай* 民族特色品牌). Автор рассматривает различные типы реализации концепции «бренда с национальной спецификой» на примере Гуанси-Чжуанского автономного района и провинции Юньнань в 2019 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: национальная политика КНР, экономика КНР, Юньнань, Гуанси-Чжуанский автономный район, малочисленные народы КНР, бренд с национальной спецификой, национальная самоидентификация

* Грачева Юлия Александровна, младший научный сотрудник Центра политических исследований и прогнозов Института Дальнего Востока РАН (Москва), link2k3@list.ru

В 2016 г. в «Плане содействия развитию национальных районов и сравнительно малочисленных народов [в рамках] 13-й пятилетки» (*«Ши сань у» цуцзинь миньцзу дицуй хэ жэнькоу цзяо шао миньцзу фацжань гуйхуа* “十三五”促进民族地区和人口较少民族发展规划) в качестве одного из основных инструментов экономического развития этих районов приоритетными названы отрасли, производящие продукцию «брендов с национальной спецификой» (*миньцзу тэсэ пиньпай* 民族特色品牌). Развитие локального туризма с национальной спецификой, национальных туристических достопримечательностей и маршрутов также является важным пунктом в плане 13-й пятилетки и неразрывно связано с созданием «брендов». План содействия развитию производства «брендов с национальной спецификой» (в которые входят народная медицина, традиционные ремесла, национальная кухня и другие предметы материальной культуры малочисленных народов Китая) включает в себя интеграцию городов, промышленности, экологии, сельского хозяйства и других сфер жизни в общий процесс экономического развития районов проживания малочисленных народов [*«Ши сань у»*].

Согласно «Плану» в районах проживания малочисленных народов экономическое развитие реализуется главным образом посредством: 1) развития местного туризма; 2) производства продукции «брендов с национальной спецификой»; 3) строительства и развития новой инфраструктуры в районах проживания малочисленных народов.

Вышеперечисленные методы реализации национальной политики в настоящее время оказывают глубокое влияние не только на уровень экономического благосостояния малочисленных народов Китая, но и на их материальную и духовную культуру, а также на особенности их национальной самоидентификации.

Производство продукции «брендов с национальной спецификой» концентрирует внимание на традиционной культуре малочисленных народов Китая, одновременно привлекая массового китайского туриста в отдаленные регионы страны. Вместе с тем возникает парадоксальная ситуация, когда на местных туристических рынках национальных районов появляются предметы, которые не относятся к реальной материальной культуре конкретной этнической группы, т. е. происходит формирование псевдоаутентичной этнической культуры. Наиболее ярким примером служат продукты питания «с национальной спецификой», которые фактически являются псевдоэтническими, – печенье с лепестками роз и козинаки народов *наси* 纳西, *бай* 白, *и* 彝; фруктовое арома-

тизированное вино *мяо* 苗 и другие. Другой пример – превращение знаков материальной и духовной культуры в бренд и использование его не по истинному назначению – например, пиктограммы письменности *дунба* 东巴 народа *наси* изначально имели исключительно сакральное значение, а теперь их можно увидеть не только на вывесках магазинов и автобусных остановках, но и на одежде, предметах быта и т. д. [Грачева, 285–305], аналогичный процесс произошёл с головным убором народа *мяо*, который является элементом свадебного костюма, а в настоящее время служит украшением фонарных столбов и урн.

Одновременно программа производства «брендов с национальной спецификой» оказывает позитивное влияние на возрождение ряда народных ремёсел, среди которых, например, производство продукции из мяса, шерсти и костей яка у народов Юньнани – *наси*, *мяо*, *и*; ткачество народа *мосо* 摩梭; батик и резьба по дереву народа *бай* и др.

Как бы то ни было, оказывая неоднозначное воздействие на культуру малочисленных народов Китая, производство «брендов с национальной спецификой» способствует экономическому развитию национальных районов. По всему Китаю открываются предприятия, производящие новую продукцию, каждый национальный район создаёт свой собственный план на 13-ю пятилетку по реализации вышеизложенной программы. Например, согласно плану на 13-ю пятилетку в провинции Хунань, более чем в 2 тыс. населенных пунктов проводились работы по защите материального и нематериального наследия в деревнях «с национальной спецификой», было восстановлено более 200 поселений малочисленных народов¹. Кроме того, одной из основных задач плана

¹ Однако на практике восстановление деревень малочисленных народов в некоторых случаях приводит к появлению большого числа предприятий, а также торговых точек, принадлежащих бизнесменам из числа ханьцев (как местных, так и приехавших из таких мегаполисов, как Пекин, Шанхай и т. д.). После реконструкции деревни, которая обычно заключается в «восстановлении» традиционного архитектурного облика, а также наводнении уличных лавок товарами «брендов с национальной спецификой», в подобных местах появляется масса туристов, что влечет за собой смену образа жизни: местные жители переходят от традиционного занятия сельским хозяйством к торговле и деятельности в сфере туристических услуг. Наиболее яркие примеры из полевых исследований автора в провинции Гуйчжоу: Цяньху мяо чжай 千户苗寨 (Цяньдуннань-Мяо-Дунский автономный округ [Цяньдуннань мяоцзу дунцзу цычжи чжоу 黔东南苗族侗族自治州]), Дадан 大叻

было названо достижение ВВП на душу населения более 27 тыс. юаней к 2020 г. в деревнях и поселках, населяемых малочисленными народами² [«Ши сань у» Хунань...].

Яркий пример экономического роста в результате развития локального туризма, а также производства «брендов с национальной спецификой» демонстрирует мяоская деревня Цяньху мяо чжай 千户苗寨 Цяндуннань-Мяо-Дунского автономного округа в провинции Гуйчжоу, где годовой доход на душу населения за десять лет с 2008 по 2018 г. вырос в 13 раз. В 2017 г. эту деревню посетило более миллиона человек [Ши нянь шицзянь...]. Местные мяо стали работать в сфере гостиничных, туристических и развлекательных услуг, предоставляемых по большей части китайским туристам. Что касается продукции «брендов с национальной спецификой», то здесь можно выделить две категории. Первая – предметы с национальной мяоской вышивкой, национальные изделия из серебра, местное вино – аутентичные продукты местных промыслов, изготовление которых продолжается в наше время (как вручную, так и на производстве). Кроме того, распространено явление перекупки и вывоза старинных предметов быта, особенно расшитых национальными узорами лоскутов мяоских костюмов, а также серебряных украшений из наиболее отдаленных деревень. Наиболее яркий пример из полевых исследований автора – продажа вышеперечисленных предметов в деревне Ландэ 朗德 того же Цяндуннань-Мяо-Дунского автономного округа (2018, 2019 г.). Предметы вышивки (вышитые бабушками и прабабушками) покупаются чаще всего предприимчивыми мяосцами и ханьцами за небольшие деньги, а затем перепродаются в магазинах крупных туристических центров, таких как Цяньху мяо чжай³. Вторая категория товаров: предметы «псевдоэтнического характера», которые раньше не встречались в культуре мяо, но которые теперь можно встретить повсеместно

(Цяньсинань-Буи-Мяоский автономный округ [Цяньсинань буицзу мяоцзу цзычжи чжоу 黔西南布依族苗族自治州]).

² Документов касательно ВВП на душу населения в деревнях малочисленных народов провинции Хунань на начало 2020 г. в свободном доступе на момент написания статьи нет (апрель 2020 г.).

³ Из полевых наблюдений автора: лоскуток 50 на 50 см с национальной вышивкой (как правило, вырезан из старого костюма) на рынке Ландэ нам предлагали за 200 юаней, аналогичный предмет перепродавался в Цяньху мяо чжай за 1500 юаней и более.

в Гуйчжоу и Юньнани, — изделия из рогов буйволов (расчёски, заколки, брелки и т. п.), сладости из лепестков роз и т. д.

Ниже приведены наиболее распространенные модели создания продукции «брендов с национальной спецификой» нескольких основных типов, а также способы их развития и реализации в некоторых районах проживания малочисленных народов КНР.

Например, в Гуанси-Чжуанском автономном районе (далее ГЧАР) в районе Люнань 柳南 городского округа Лючжоу 柳州 в день праздника Песен⁴, отмечаемого третьего числа третьего месяца по лунному календарю, в 2019 г. были проведены мероприятия, направленные на поддержку и продвижение концепции «бренда с национальной спецификой», включавшие в себя: переоборудование школьных и дошкольных образовательных учреждений в соответствии с проведением в них учебных мероприятий с «национальной спецификой» в честь упомянутого праздника Третьего числа третьего месяца; объявление третьего месяца «агитационно-пропагандистским месяцем продвижения единства национальностей»; объявление этой даты «днём национальной культуры и спорта». Таким образом, по мнению журналиста Лю Синцуня 刘兴存, освещавшего данное событие, в настоящее время ставится задача превратить день Третьего числа третьего месяца в «бренд с национальной спецификой» [Лю Синцунь]. Ниже подробно рассмотрена суть каждого из трёх мероприятий.

В честь вышеупомянутого праздника было переоборудовано более 40 школьных и дошкольных образовательных учреждений, а также детских садов в округе Лючжоу. В ходе этого мероприятия был налажен выпуск школьных газет, рекламных щитов, плакатов с лозунгами. В кампусах были установлены электронные табло, радио и телевизионные станции с целью активной пропаганды традиционной культуры и обычаев народа *чжуан*. Как отмечает Лю Синцунь, использование СМИ и цифровых технологий позволяет учителям и ученикам изучать и углублять

⁴ Второе название — праздник Третьего числа третьего месяца. Этот праздник распространен у ряда малочисленных народов Китая — *чжуанов* 壮, *мяо*, *яо* 瑶, *дун* 侗. В старину чжуанские девушки и юноши собирались в этот день на улицах, чтобы петь радостные песни, а также устраивать праздничные пиршества у берегов рек. Сказания *чжуан* говорят, что в этот день отмечается день рождения бога, создателя народа *чжуан* по имени Булото 布洛陀. В этот день *чжуаны* также приносят жертвы предкам, поклоняются и совершают жертвоприношения мифическому первопредку Паньгу 盘古 и Булото.

понимание традиционной культуры *чжуанов* и приобщаться к ней в условиях современной жизни, а также укреплять национальные чувства (*миньцзу ганьцин* 民族感情), что одновременно способствует продвижению вперед национального единства. В учебных заведениях проводят практические занятия по народной культуре *чжуанов*. Например, в начальных школах одновременно преподаются такие предметы, как естествознание, язык, искусство, а также проводятся тематические уроки, которые позволяют учащимся глубже понять особенности народа *чжуан*, его локальные различия, национальное искусство, узнать о достижениях их культуры – в медицине, архитектуре и т. д. Отдельно на занятиях подчеркивается вклад различных этнических групп в развитие «великой семьи Родины» (*цзуго да цзятин* 祖国大家庭). Образцовые национальные школы (*миньцзу шифань сюэсяо* 民族示范学校)⁵ проводят занятия, помогающие учащимся выработать должное понимание национального вопроса, включающего в себя идеи восприятия своего народа как неотъемлемой части «единой китайской нации» (*тунъи дэ чжунхуа миньцзу* 统一的中华民族). Эти же школы одновременно используют свои собственные ресурсы для развития творческих кружков, посвященных различным аспектам культуры *чжуанов* – песням, традиционным видам спорта, танцам. Другим средством воспитания в образцовых национальных школах являются тематические мероприятия, среди которых особое значение имеет поклонение местным павшим героям революции (*цзибай гэмин сяньле* 祭拜革命先烈), целью которого является развитие памяти и почтения к прежним поколениям китайской нации *чжунхуа миньцзу*.

Движение за объявление третьего месяца по лунному календарю «агитационно-пропагандистским месяцем продвижения единства национальностей» включало в себя следующие составляющие. За основу движения была взята идея «единства трёх» (三个统一 *сань гэ тунъи*). Был проведен симпозиум национальных и религиозных представителей в округе Лючжоу; мероприятия по

⁵ Школы, создаваемые в районах проживания малочисленных народов, образовательная деятельность которых направлена на преподавание не только общеобразовательных предметов, но и специальных курсов, где происходит обучение языку и культуре местных малочисленных народов. Школы не имеют этнических ограничений для набора учащихся, но учатся в них, как правило, представители местных народов. Например, в Гуйчжоу на 13-ю пятилетку запланировано строительство ста образцовых образовательных школьных и дошкольных учреждений. [Во шэн цидун...].

распространению концепции единства национальностей в низовых территориально-административных единицах ГЧАР; мероприятия по пропаганде открытия предприятий представителями малочисленных народов в Лючжоу, а также проведению агитационной деятельности внутри этих предприятий, направленной на распространение концепции единства национальностей (*миньцзу туаньцзе* 民族团结). Все вышеперечисленные мероприятия проводились в русле концепции «единства трёх», включающей в себя: создание двуязычных плакатов на китайском и чжуанском языке, агитирующих за единство национальностей, популяризацию чжуанского праздника Третьего числа третьего месяца; работу по распространению концепции единства национальностей среди *чжуанов* в СМИ и на праздничных мероприятиях; оказание помощи бедным чжуанским семьям.

В мероприятиях праздника Третьего месяца третьего числа, который был объявлен «днем национальной культуры и спорта», приняли участие 62 общины и 21 деревня в округе, в которых были организованы выставки нематериального культурного наследия *чжуанов*, проведены конкурсы на знание чжуанских народных видов спорта и культуры, а также фольклорные вечера, включающие в себя лекции, исполнение песен и танцев. В рамках данных мероприятий были проведены ярмарки, где была представлена продукция «брендов с национальной спецификой»: чжуанская национальная обувь и одежда, коромысла для переноски овощей и фруктов, сладости и т. д.

Другим примером реализации концепции «бренда с национальной спецификой» является провинция Юньнань, обладающая самой разнообразной и сложной этнической структурой среди территориально-административных единиц этого уровня – на её территории проживают 26 признанных малочисленных народов.

Показательным примером реализации концепции в этой провинции стало создание «Плана действий по возрождению традиционного промысла провинции Юньнань» (*Юньнань шэн чуаньтун гунъи чжэньсин синдун цзихуа* 云南省传统工艺振兴行动计划), принятого в 2018 г. провинциальным правительством в рамках осуществления «Плана возрождения традиционных промыслов Китая» (*Чжунго чуаньтун гунъи чжэньсин синдун цзихуа* 中国传统工艺振兴计划), выпущенного в июле 2017 г. Министерством культуры и туризма, Министерством промышленности и информатизации, а также Министерством финансов по указанию «Уведомления Канцелярии Госсовета касательно распространения Министерством культуры и другими ведомствами плана возрож-

дения традиционных промыслов Китая» (*Го-уюань баньгунтин гуаньюй чжуаньфа вэньхуа бу дэн бумэнь чжунго чуаньтун гуньи чжэньсин синдун цзихуа дэ тунчжи* 国务院办公厅关于转发文化部等部门中国传统工艺振兴计划的通知), опубликованного в марте 2017 г. [Го-уюань баньгунтин гуаньюй ...].

«План действий по возрождению традиционного промысла провинции Юньнань» включает в себя развитие десяти видов продукции традиционных народных ремесел в рамках концепции «бренда с национальной спецификой» до 2020 г. Среди задач «Плана» выделяется не только возрождение декоративно-прикладного искусства юньнаньских народов, но и развитие экономики национальных районов, рост материального благосостояния местных жителей за счёт возрождения производства предметов традиционных народных промыслов [Юньнань шэн чуаньтун...].

В ходе реализации программы «брендов с национальной спецификой» наиболее значимыми для Юньнани были признаны три вида ремёсел: узелковый батик народа *бай* в Дали 大理, резьба по дереву в уезде Цзяньчуань 剑川, серебряные изделия из уезда Хэцин 鹤庆 в Дали-байском автономном округе (*Дали байцзу цзычжичжоу* 大理白族自治州) [Юньнань шэн цзян пэйюй...].

Стоит отметить, что провинция Юньнань занимает лидирующую позицию в Китае по реализации программы «брендов с национальной спецификой». Массовое производство не только продуктов ремесла, но и одежды в настоящее время поддерживается массовым потребителем страны. Сегодня «национальный стиль» в одежде пользуется большой популярностью среди населения Китая и рассчитан на внутренних туристов, посещающих национальные районы, например, Лицзян 丽江 и Дали. Приезжая туда, можно сразу заметить, что основная масса туристов (как правило, женщины 20-40 лет) охотно приобретают и носят одежды в национальном стиле. Однако следует подчеркнуть, что данная одежда не является копией народных костюмов, но представляет собой продукт современной модной индустрии, где за основу взяты фасоны одежды ханьцев, а в качестве дополнительного элемента используется псевдонациональный декор конкретной этнической группы, среди которых особой популярностью пользуются *мяо* и *бай*. Модели продукции подобного типа были представлены на «Неделе национальной моды» в Куньмине, проведенной в июне 2019 г. [Юньнань: миньцзу фуши ...].

О том, что подобные «Неделе национальной моды» в Куньмине мероприятия играют важную роль в реализации концепции «бренда с национальной спецификой» и имеют государственное

значение, свидетельствует выступление заместителя главы департамента пропаганды провинциального комитета КПК провинции Юньнань Ло Цзе 罗皆 на открытии мероприятия под названием «Облачные одежды Шёлкового пути. Национальный культурный праздник-конкурс костюмов “Цветная Юньнань – 2019”» (*Сылу юньчан. Цицай Юньнань 2019 миньцзу сай чжунхуа вэньхуа цзе 丝路云裳·七彩云南 2019 民族赛装文化节*) 9 мая 2019 г. Ло Цзе заявил, что важными составляющими этого мероприятия являются: привлечение инвестиций в производство одежды и аксессуаров, культурный и коммуникационный обмен и, главное, – популяризация продукции провинции Юньнань в Китае, что, в свою очередь, напрямую связано с реализацией концепции «бренда с национальной спецификой» и соответствует главному вектору национальной политики КПК – строительству единой китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) [Юньнань чисюй дацзао...].

Ещё одним аспектом реализации концепции «бренда с национальной спецификой» стало производство сельскохозяйственной продукции. В Юньнани «брендовыми» продуктами стали: питайя, жужубы, *янмэй*⁶ [Во шэн...], мандарин, гранат и др. [Шашу миньцзу тэсэ цуньчжай пиньпай...]. Производство этих продуктов преподносится как развитие «бренда с национальной спецификой», хотя часто продукт не имеет отношения к национальной кухне и хозяйству малочисленных народов, которые проживают на территориях, отведенных под выращивание этих культур. Реализация данной стороны концепции «бренда с национальной спецификой» часто сопровождается созданием национальных деревень образцовых районов (*шифань цюй миньцзу цунь 示范区民族村*), которые непосредственно участвуют в развитии внутреннего экологического туризма, являющегося одним из методов «всемерного ускорения продвижения построения экологической цивилизации» (*дали туйцзинь шэнтай вэньмин цзяньшэ 大力推进生态文明建设*)⁷.

Подводя итоги, можно заключить, что в современном Китае термин «бренд с национальной спецификой» вышел далеко за рамки экономики, представляя собой концепцию не только производства коммерческой продукции с «национальной спецификой» в районах проживания малочисленных народов, но и популяризации их культуры внутри страны и одновременно внедрения идеи единой китайской нации (*чжунхуа миньцзу*) среди этих народов,

⁶ Бот. восковница красная, ямбери (*Myrica rubra* Sieb. et Zucc).

⁷ Например: деревня Юаньцзякоу 袁家丫口 в волости Юйлу 雨露 провинции Юньнань.

являясь важным инструментом реализации современного курса национальной политики КНР.

Источники и литература

1. Грачева Ю. А. Письменность дунба: отражение древней истории народа наси // Общество и государство в Китае. Т. XLV, ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. 1031 с. С. 285–305.

2. Во шэн цидун миньцзу цзяюй «Шуан бай гунчэн». Дацзао бай со миньцзу тэсэ шифань сюэсяо 我省启动民族教育“双百工程”打造百所民族特色示范学校 (В нашей провинции стартовал проект национального образования «Пара сотен». Будет создано сто образцовых образовательных учреждений с национальной спецификой) // Веб-сайт газеты «Гуйчжоу Души» 贵州都市 («Городская Гуйчжоу»). URL: http://dsb.gzdsw.com/html/2017-07/14/content_234786.htm (дата обращения 20.02.2020).

3. Го-уюань баньгунтин гуаньюй чжуаньфа вэньхуа бу дэн бумэнь чжунго чуаньтун гунъи чжэньсин синдун цзихуа дэ тунчжи 国务院办公厅关于转发文化部等部门中国传统工艺振兴计划的通知 (Уведомление Канцелярии Госсовета касательно распространения Министерством культуры и другими ведомствами плана возрождения традиционных художественных промыслов Китая) // Веб-сайт правительства КНР. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2017-03/24/content_5180388.htm (дата обращения 15.12.2019).

4. Лю Синцунь 刘兴存. Люнань цюй юн “сань да чжу ти” дацзао «сань юэ сань» миньцзу тэсэ вэньхуа пиньпай 柳南区: 用“三大主题”打造“三月三”民族特色文化品牌 (Район Люнань: с помощью «трёх больших тем» создать из «[праздника] Третьего [числа] третьего месяца» культурный бренд с национальной спецификой) // Веб-сайт культуры и просвещения городского округа Лючжоу Гуанси-Чжуанского автономного района. URL: http://gxlz.wenming.cn/whjs/201804/t20180413_5150398.html (дата обращения 01.05.2020).

5. Шаошу миньцзу тэсэ цуньчжай пиньпай 少数民族特色村寨品牌 (Сельские бренды с национальной спецификой) // Информационный портал Tencent. URL: <https://new.qq.com/omn/20180918/20180918B140D1.html> (дата обращения 15.12.2019).

6. Ши нянь шицзянь жэньцзюнь нянь шоужу цзэнчжан 13 бэй, Сицзян Цяньху мяо чжай ши чжэян цзодао дэ 十年时间人均年收入增长 13 倍, 西江千户苗寨是这样做到的 (За десять лет годовой доход на душу населения увеличился в 13 раз, и это было сделано в деревне Цяньху мяо чжай в Сицзяне) // Информационный пор-

тал Соху 索狐. URL: https://www.sohu.com/a/257824698_260855 (дата обращения 19.04.2020).

7. «Ши сань у» Хунань чжундянь баоху хэ гайцзао 200 гэ ишан шаошу миньцзу тэсэ цуньчжэнь “十三五”湖南重点保护和改造 200 个以上少数民族特色村镇 (В 13-ю пятилетку в Хунани сделан упор на защиту и преобразование свыше 200 деревень и посёлков малочисленных народов) // Веб-сайт «Хунань пиньдао» 湖南频道 («Канал Хунани»). URL: <https://hn.rednet.cn/c/2017/07/26/4371540.htm> (дата обращения 15.04.2020).

8. «Ши сань у» цуцзинь миньцзу дицзой хэ жэнькоу цзяо шао миньцзу фачжань гуйхуа “十三五”促进民族地区和人口较少民族发展规划 (План содействия развитию национальных районов и малочисленных народов 13-й пятилетки) // Веб-сайт энциклопедии Байкэ 百科. URL: <https://baike.baidu.com/item/“十三五”促进民族地区和人口较少民族发展规划/20399307?fr=aladdin> (дата обращения 15.12.2019).

9. Юньнань: миньцзу фуши ю чуаньти бэньту пиньпай цян шичан 云南: 民族服饰有创意本土品牌抢市场 (Юньнань: среди национальной одежды и украшений есть местные креативные бренды, захватывающие рынок) // Сайт по делам культуры и туризма провинции Юньнань. URL: <http://www.ynta.gov.cn/Item/43362.aspx> (дата обращения 15.12.2019).

10. Юньнань чисой дацзао миньцзу шишан вэньхуа пиньпай 云南持续打造民族时尚文化品牌 (Юньнань продолжает создавать модные культурные бренды) // Информационный портал Tencent. URL: <https://new.qq.com/rain/a/20190509A0KXDO00> (дата обращения: 15.12.2019).

11. Юньнань шэн чуаньтун гунъи чжэньсин синдун цзихуа 云南省传统工艺振兴行动计划 (План действий по возрождению традиционного промысла провинции Юньнань) // Сайт по делам культуры и туризма провинции Юньнань. URL: <http://www.whyn.gov.cn/list/view/1/7488> (дата обращения 15.12.2019).

12. Юньнань шэн цзян пэйюй 10 гэ ю миньцзу тэсэ дэ чуаньтун гунъи чжимин пиньпай 云南省将培育 10 个有民族特色的传统工艺知名品牌 (Провинция Юньнань собирается развивать 10 известных брендов традиционного промысла с национальной спецификой) // Веб-сайт комитета по делам религий и национальностей города Куньмин. URL: <http://mzw.km.gov.cn/c/2018-08-21/2715257.shtml> (дата обращения 1.05.2020).

**«Brand with National Characteristics» as One of the Key Tools
for the Development of Economy and Culture in the Areas
of Residence of National Minorities in China**

ABSTRACT: At present, China's national policy towards national minorities is being implemented within the framework of the idea of fighting «for the realization of the Chinese dream of the great revival of the Chinese nation (*zhonghua minzu* 中华民族)», stated by Xi Jinping in his report at the 19th Congress of the CPC.

The methods for the implementation of national policy are presented among the main objectives of the 13th five-year plan in China (2016-2020) and are inextricably linked with the economic development of the country aimed at building the society of «average prosperity» (*xiaokang* 小康) by the centenary of CPC in 2021.

The article is devoted to one of the tools of economic and social development in the ethnic minority areas in China – the production of «brands with national characteristics». The author considers different types of implementation of the concept of "brand with national characteristics," focusing on the Guangxi Zhuang Autonomous region and Yunnan province in 2019.

KEYWORDS: National Policy of China, Economy of China, Yunnan, Guangxi Zhuang Autonomous Region, National Minorities of China, Brand with National Characteristics, National Identity

* Gracheva Yulia Aleksandrovna, Junior Research Associate, Center for Political Studies and Forecasts, Institute of Far Eastern Studies RAS (Moscow), link2k3@list.ru

*К. А. Бутюков**

Изменения в системе военного образования в Китае в рамках военной реформы 2015–2020 гг.

АННОТАЦИЯ: В статье рассмотрены место и роль военного образования в «триединой системе военной подготовки нового образца», показана структура органов управления данной сферой. Приведен актуальный список военных учебных заведений с указанием уровня выпускаемых кадров и примерного ежегодного числа новых студентов. Дано краткое описание новой структуры Академии военных наук и её изменившихся функций. Завершают статью выводы по изученному материалу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: военная подготовка, военная реформа в Китае, НОАК, военные учебные заведения Китая, Академия военных наук Китая

Период 2015–2020 гг. войдет в историю КНР в том числе как время проведения военной реформы, которую эксперты по всему миру признали самой радикальной с момента образования страны. Появилась новая военная доктрина, отличная от предыдущих; фундаментальному изменению подверглась военная организация: семь военных округов (*цзюньцюй* 军区) были заменены пятью театрами военных действий (*чжэньцюй* 战区), а высшие органы военного управления – реформированы; новые требования были выдвинуты к военно-техническому развитию и военно-гражданской кооперации. В процессе претворения реформы в жизнь активное участие принимает лично председатель КНР Си Цзиньпин.

Полноценная реформа вооруженных сил невозможна без подготовки кадров, соответствующих новым задачам и стандартам. Для

* Бутюков Константин Андреевич, независимый исследователь (Санкт-Петербург), k.butyukov@yandex.ru

вооруженных сил Китая это особенно актуально, ведь армия этой страны практически не участвовала в вооруженных конфликтах на протяжении 40 лет (с 1979 г.). При долгом пребывании в мирных условиях личному составу любой армии свойственно утрачивать уровень физической и профессиональной подготовленности, дисциплинированность, волевые качества. Поэтому система подготовки кадров претерпела существенные изменения в рамках проводимой реформы.

Профессиональная военная подготовка (ПВП) на современном этапе опирается на концепцию «Триединой системы подготовки военных кадров нового образца» (*синьсин саньвэй ити цзюньдуй жэньцай пэйян тиси* 新型三位一体军队人才培养体系), необходимость реализации которой была закреплена еще в итоговых документах XVIII съезда КПК [7, с. 7]. Стартом военной реформы принято считать выступление Си Цзиньпина на рабочей конференции ЦВС по вопросам реформ (*Чжуньян цзюньвэй гайгэ гунизо хуэйи* 中央军委改革工作会议) 24–26 ноября 2015 г. Однако документ, в котором содержались непосредственные указания по реализации преобразований, был опубликован ЦВС КНР лишь 1 января 2016 г. Он назывался «Мнения по вопросам углубления реформы государственной обороны и войск» («Гуаньюй шэньхуа гофан хэ цзюньдуй гайгэ дэ ицзянь» 关于深化国防和军队改革的意见), и в нем содержался в том числе абзац о необходимости реформирования «триединой системы подготовки».

«Триединая система» включает в себя: 1) обучение в военных учебных заведениях 军队院校教育, 2) прохождение практических занятий и тренировок в частях 部队训练实践 и 3) обучение военным специальностям 军事职业教育. Китайские источники определяют роль каждого из элементов следующим образом: «... высшее образование является основой, практические занятия – ключевым элементом, а обучение военным специальностям – дополнительным элементом военной подготовки» [7, с. 7].

Информация о деятельности вооруженных сил является в той или иной степени секретной во всех странах мира. Поэтому доступ к данным, касающимся практической военной подготовки в Китае, значительно ограничен. Вопросы высшего военного образования, напротив, гораздо чаще освещаются в открытых источниках, так как по ним неизбежно происходит общение военных с широкой общественностью. Данное обстоятельство позволило представить общее описание изменений в системе высшего военного образования в Китае в рамках военной реформы 2015–2020 гг.

В составе высших военных органов КНР вопросами ПВП занимается Департамент управления подготовкой ЦВС (*Чжуньян*

цзюньвэй сюньлян гуанли бу 中央军委训练管理部). Этот орган был создан в январе 2016 г., заменив собой ликвидированный Департамент подготовки Генерального штаба НОАК (*Чжунго жэньминь цзефанцзюнь цзунцаньбу сюньлянбу* 中国人民解放军总参部训练部). Внутренняя структура данного органа не опубликована в официальных источниках, однако о ней можно судить по содержанию публикаций, касающихся его работы. В департамент входят по крайней мере отдел по учебным заведениям (*юаньсяоцзюй* 院校局), отдел по [практической] подготовке (*сюньлянцзюй* 训练局), отдел по обучению военным специальностям (*чжисе цзююй цзюй* 职业教育局), отдел по политической работе (*чжэнчжи гунцзо цзюй* 政治工作局), отдел по контролю и проверке подготовки (*сюньлян цзяньча цзюй* 训练监察局).

Вероятно, данный орган начал подготовку реформы системы военного образования с момента его создания в 2016 г., однако о первых её результатах общественности стало известно лишь в июне 2017 г., когда официальный представитель министерства обороны У Цянь 吴谦 заявил на пресс-конференции о сокращении общего числа военных учебных заведений с 77 до 43 [4]. Постреформенный список военных учебных заведений приведен ниже в таблице 1, вузы представлены по видам войск в порядке убывания уровня выпускаемых кадров и количества поступающих (если количество не указано, значит набор выпускников школ не ведется).

Таблица 1

№	Перевод названия	Название на китайском языке	Местоположение	Уровень, набор 2018 г., чел.
	Прямого подчинения ЦВС			
1	Университет государственной обороны НОАК	中国人民解放军国防大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь гофан дасюэ</i>	Пекин, Сиань, Шичзячжуан, Нанкин	Высший
2	Научно-технический университет государственной обороны НОАК	中国人民解放军国防科技大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь гофан кэцзи дасюэ</i>	Чанша, Нанкин, Ухань, Хэфэй (合肥)	Средний, 1076

	Сухопутные войска (СВ)			
3	Академия командного состава СВ НОАК	中国人民解放军陆 军指挥学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь луцзюнь чжихуэй сюэюань</i>	Нанкин	Средний
4	Авиационный институт СВ НОАК	中国人民解放军陆 军航空兵学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь лу- цзюнь ханкунбин сюэюань</i>	Пекин	Средний/ начальный
5	Инженерный университет СВ НОАК	中国人民解放军陆 军工程大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь лу- цзюнь гунчэн дасюэ</i>	Нанкин, Чунцин, Шицзячжуан, Ухань	Начальный, 744
6	Институт артиллерии и ПВО СВ НОАК	中国人民解放军陆 军炮兵防空学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь лу- цзюнь паобин фан- кун сюэюань</i>	Хэфэй	Начальный, 663
7	Институт бронетанковых войск СВ НОАК	中国人民解放军陆 军装甲军学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь лу- цзюнь чжуанцзя- цзюнь сюэюань</i>	Пекин	Начальный, 429
8	Медицинский университет СВ НОАК (Третий военмед)	中国人民解放军陆 军军医大学 (第三军医大学) <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь луцзюнь цзюньи дасюэ (ди- сань цзюньи дасюэ)</i>	Чунцин	Начальный, 280
9	Институт пехоты СВ НОАК	中国人民解放军陆 军步兵学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь лу- цзюнь бубин сюэюань</i>	Наньчан 南昌, Шицзячжуан	Начальный, 227

10	Институт сил специальных операций СВ НОАК	中国人民解放军陆军特种作战学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь лу-цзюнь тэчжун цзочжань сюэюань</i>	Гуйлинь, Гуанчжоу	Начальный, 189
11	Институт сил обеспечения СВ НОАК	中国人民解放军陆军勤务学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь луцзюнь циньбу сюэюань</i>	Чунцин, Ухань	Начальный, 182
12	Институт войск химической защиты СВ НОАК	中国人民解放军陆军防化学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь луцзюнь фанхуа сюэюань</i>	Пекин	Начальный, 146
13	Институт береговой охраны СВ НОАК	中国人民解放军陆军边海防学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь лу-цзюнь бяньхайфан сюэюань</i>	Сиань, Урумчи, Куньмин	Начальный, 140
14	Институт военного транспорта СВ НОАК	中国人民解放军陆军军事交通学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь лу-цзюнь цзюньши цзяотун сюэюань</i>	Тяньцзинь, Чжэньцзян 镇江, Бэнбу 蚌埠	Начальный, 136
	Военно-морские силы (ВМС)			
15	Академия командного состава ВМС НОАК	中国人民解放军海军指挥学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хайцзюнь чжихуэй сюэюань</i>	Нанкин	Высший / средний
16	Университет авиации ВМС НОАК	中国人民解放军海军航空大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хайцзюнь ханкун дасюэ</i>	Циндао, Яньтай 烟台	Средний / начальный, 261

17	Институт подводного флота ВМС НОАК	中国人民解放军海军 潜艇学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хайцзюнь цяньтин сюэюань</i>	Циндао	Средний / начальный, 116
18	Инженерный университет ВМС НОАК	中国人民解放军海军 工程大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хайцзюнь гунчэн сюэюань</i>	Ухань	Начальный, 547
19	Даляньский корабельный институт ВМС НОАК	中国人民解放军海军 大连舰艇学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хайцзюнь Далянь цзяньтин сюэюань</i>	Далянь	Начальный, 360
20	Военно-медицинский университет ВМС НОАК (Второй военмед)	中国人民解放军海军 军医大学 (第二军医大学) <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хайцзюнь цзюньи дасюэ (диэр цзюньи дасюэ)</i>	Шанхай	Начальный, 217
21	Институт сил обеспечения ВМС НОАК	中国人民解放军海军 勤务学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хайцзюнь цинью сюэюань</i>	Тяньцзинь	Начальный
22	Училище сержантского состава ВМС НОАК	中国人民解放军海军 士官学校 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хайцзюнь шигуань сюэсяо</i>	Бэнбу	Сержанты
	Военно-воздушные силы (ВВС)			
23	Академия командного состава ВВС НОАК	中国人民解放军空军 指挥学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун- цзюнь чжихуэй сюэюань</i>	Пекин	Средний

24	Авиационный университет ВВС НОАК	中国人民解放军空军航空大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь ханкун дасюэ</i>	Чанчунь, Бэнбу	Средний / начальный
25	Инженерный университет ВВС НОАК	中国人民解放军空军工程大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь гунчэн дасюэ</i>	Сиань	Начальный, 1036
26	Институт авиации дальнего обнаружения ВВС НОАК	中国人民解放军空军预警学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь юйцзин сюэюань</i>	Ухань	Начальный, 244
27	Военно-медицинский университет ВВС НОАК (Четвертый военмед)	中国人民解放军空军军医大学 (第四军医大学) <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь цзюньи дасюэ (дисы цзюньи дасюэ)</i>	Сиань	Начальный, 232
28	Харбинский институт военной авиации ВВС НОАК	中国人民解放军空军哈尔滨飞行学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь Хазэрбин фэйсин сюэюань</i>	Харбин	Начальный
29	Шицзячжуанский институт военной авиации ВВС НОАК	中国人民解放军空军石家庄飞行学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь Шицзячжуан фэйсин сюэюань</i>	Шицзячжуан, Чжочжоу 涿州	Начальный
30	Сианьский институт военной авиации ВВС НОАК	中国人民解放军空军西安飞行学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь Сиань фэй-син сюэюань</i>	Сиань, Цзинань	Начальный

31	Институт сил обеспечения ВВС НОАК	中国人民解放军空军勤务学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь циньбу сюэ-юань</i>	Сюйчжоу 徐州	Начальный
32	Училище связи сержантского состава ВВС НОАК	中国人民解放军海军通信士官学校 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь кун-цзюнь хайцзюнь тунсинь шигуань сюэсяо</i>	Далянь	Сержанты
	Ракетные войска (РВ)			
33	Академия командного состава РВ НОАК	中国人民解放军火箭军指挥学院 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хо-цзяньцзюнь чжи-хуэй сюэюань</i>	Ухань	Средний
34	Инженерный университет РВ НОАК	中国人民解放军火箭军工程大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хо-цзяньцзюнь гунчэн дасюэ</i>	Сиань	Начальный, 454
35	Училище сержантского состава РВ НОАК	中国人民解放军火箭军士官学校 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь хо-цзяньцзюнь шигуань сюэсяо</i>	Цинчжоу 青州	Сержанты
	Войска стратегического обеспечения (ВСО)			
36	Информационно-инженерный университет ВСО НОАК	中国人民解放军战略支援部队信息工程大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь чжаньлюэ чжюань будуй синьси гунчэн дасюэ</i>	Чжэнчжоу 郑州	Начальный, 729

37	Инженерно-космический университет ВСО НОАК	中国人民解放军战略支援部队航天工程大学 <i>Чжунго жэньминь цзефанцзюнь чжаньлюэ чжи-юань будуй хантянь гунчэн дасюэ</i>	Пекин	Начальный, 244
	Народная вооруженная милиция Китая (НВМК)			
38	Академия командного состава НВМК	中国人民武装警察部队指挥学院 <i>Чжунго жэньминь учжуан цзинча будуй чжихуэй сюэ-юань</i>	Тяньцзинь	Средний
39	Инженерный университет НВМК	中国人民武装警察部队工程大学 <i>Чжунго жэньминь учжуан цзинча будуй гунчэн дасюэ</i>	Сиань	Начальный, 892
40	Институт офицерского состава НВМК	中国人民武装警察部队警官学院 <i>Чжунго жэньминь учжуан цзинча будуй цзингуань сюэюань</i>	Чэнду	Начальный, 864
41	Институт сил специального назначения НВМК	中国人民武装警察部队特种警察学院 <i>Чжунго жэньминь учжуан цзинча будуй тэчжун цзинча сюэюань</i>	Пекин	Начальный, 142
42	Институт сил обеспечения НВМК	中国人民武装警察部队勤务学院 <i>Чжунго жэньминь учжуан цзинча будуй циньху сюэюань</i>	Тяньцзинь	Начальный
43	Училище сержантского состава НВМК	中国人民武装警察部队士官学校 <i>Чжунго жэньминь учжуан цзинча будуй шигуань сюэсяо</i>	Куньмин	Сержанты

Официальные цифры по количеству обучающихся в военных учебных заведениях не публикуются, однако представление о них могут дать планы приема. В 2017 г. на официальном портале Министерства обороны были опубликованы следующие цифры: всего в 36 учебных заведений, которые готовят кадры не выше «начального» уровня командования, планировалось набрать 30.9 тыс. человек, из них сержантов – 14.1 тыс., выпускников средних школ – 12 тыс., солдат и офицеров – 4.8 тыс. [2].

В подготовке сержантов в общей сложности участвует 31 учебное заведение из списка (за исключением № 3, 9, 15, 18, 19, 20, 23, 28–31, 33, 38 табл. 1) [1]. В свою очередь выпускников школ на военные специальности набирают 26 вузов. В 2018 г. школьный портал «Гаосаньван» 高三网 (*гаосань* – заключительный класс средней школы) собрал информацию о квотах на поступление в военные вузы для выпускников из 27 субъектов материкового Китая (кроме Пекина, Гуанси-Чжуанского АР, Синьцзян-Уйгурского АР, Цзянсу) [3]. С помощью этих данных в исследовании было посчитано общее количество школьников, поступивших в каждый из вузов в 2018 г. Результат подсчетов указан в таблице в крайнем правом столбце. Важно подчеркнуть, что окончательно цифры приема выше указанных на 10-15%, т.к. в них вошли не все провинции. На оставшиеся регионы приходится около 1400 квот, если исходить из того, что их общее количество не изменилось по сравнению с 2017 г. и составило 12 тыс.

На базе статистики по квотам на поступление в военные учебные заведения для различных провинций можно также сделать вывод о географии набора будущих военных кадров. Лидерами в этом рейтинге являются провинции северного и центрального Китая: Шаньдун (суммарная квота почти 900 чел.), Хэнань и Хэбэй (около 700 чел.), Сычуань, Хунань, Хубэй и Аньхуэй (около 600 чел.). Для того чтобы дать представление о том, какую долю занимают выходцы из данных провинций в общем числе поступивших, достаточно упомянуть, что всего в институты СВ набирают более 3 тыс. выпускников школ в год, в учебные заведения ВМС и ВВС – более 1.5 тыс., НВМК – около 2 тыс.

Значительное сокращение числа военных вузов было достигнуто в основном за счет объединения нескольких учебных заведений в одно. Наиболее ярким примером могут служить два главных военных учебных заведения Китая – Университет государственной обороны НОАК и Научно-технический университет государственной обороны НОАК. Первый был создан на базе Университета государственной обороны (*Гофан дасюэ* 国防大学) путем присо-

единения около восьми крупных институтов, а последний – на базе Научно-технического университета государственной обороны (*Гофан кэсюэ цзюшу дасюэ* 国防科学技术大学) путем присоединения как минимум пяти вузов. Наибольшей реорганизации подверглись учебные заведения, готовящие кадры для сухопутных войск. Так, например, Институт артиллерии и ПВО СВ НОАК объединил в себе четыре профильных учебных заведения, два других института из списка (см. № 13, 14 табл. 1) – по три, а еще три (см. № 9, 10, 11 табл. 1) – по паре школ подготовки.

Другим нововведением реформы стало переподчинение ряда вузов. Те из них, которые относились раньше к «четырем главным управлениям» (*сы цзун бу* 四总部) – Генеральному штабу (*Цзун цань бу* 总参部), Главному политическому управлению (*Цзун чжэнчжи бу* 总政治部), Главному управлению тыла (*Цзун хоуцзинь бу* 总后勤部) и Главному управлению вооружений (*Цзун чжуанбэй бу* 总装备部), – теперь управляются непосредственно представителями видов войск – СВ, ВМС, ВВС и других. Так, Информационно-инженерный университет ВСО НОАК до реформы относился к Генеральному штабу, а теперь – непосредственно к войскам стратегического обеспечения; медицинскими университетами ранее руководило Главное управление тыла, а после реформы – отдел по учебным заведениям департамента подготовки ЦВС и каждый из видов войск [4].

В приведенной таблице ясно прослеживается логика авторов реформы. С одной стороны, к числу первостепенных задач военной реформы в целом относилось сокращение небоевых штатов, особенно в сухопутных войсках. Естественно, что сфера образования стала одним из основных объектов реорганизации, и цель реформы была здесь достигнута. В то же время приоритетом руководителей, отвечающих за военное образование, являлось повышение его качества. Для этого была построена четкая структура военных учебных заведений, которая ясно просматривается в таблице. Для всех основных видов и родов войск были созданы профильные вузы, а военных – непосредственных «заказчиков» – подключили к процессу подготовки кадров напрямую. Таким образом планируется избежать дублирования функций и повысить ориентированность образовательного процесса на получение знаний и навыков, необходимых на практике.

Кроме работы по «горизонтальному» упорядочиванию, авторами реформы был увеличен и «вертикальный» охват военного образования. В КНР отсутствовала система среднего военного образования, поэтому сержантами становились военнослужащие,

прошедшие специальные курсы при военных вузах. Нововведением реформы стало создание училищ сержантского состава для ВМС, ВВС, РВ и НВМК. Всего же, как было указано выше, в подготовке сержантского состава участвует 31 учебное заведение. Касательно офицерского состава в китайских источниках условно выделяют уровни: «начальный» (*чуцзи* 初级, командиры от взвода до роты), «средний» (*чжунцзи* 中级, командиры от батальона до бригады/дивизии) и «высший» (*гаоцзи* 高级, командиры более высокого уровня). Как видно из таблицы, подготовка кадров «высшего уровня» ведется только в Университете государственной обороны НОАК в Пекине. Исключением является лишь флот, который также готовит командиров высшего звена в своей Академии командного состава. В других видах войск аналогичные академии готовят командиров «среднего уровня». Офицеров «начального звена» готовят институты родов войск, технических и медицинских специалистов – инженерные и медицинские университеты видов войск.

Кроме непосредственно учебных заведений ключевым элементом системы образования НОАК является Академия военных наук, которая также была серьезно реформирована. Если раньше основными направлениями ее деятельности являлись теория и история военных действий, а также политическая работа, то теперь в ней будут также проводиться научно-технические исследования. Для этого в ее структуру были включены Исследовательский институт военной медицины (*Цзюньши исюэ яньцзююань* 军事医学研究院), Исследовательский институт системного проектирования (*Ситун гунчэн яньцзююань* 系统工程研究院), Исследовательский институт научно-технических инноваций в сфере государственной обороны (*Гофан кэцзи чуансинь яньцзююань* 国防科技创新研究院), Исследовательский институт химической защиты (*Фанхуа яньцзююань* 防化研究院), Инженерный исследовательский институт государственной обороны (*Гофан гунчэн яньцзююань* 国防工程研究院). Прежние исследовательские мощности были реорганизованы в три института: Исследовательский институт военных действий (*Чжаньчжэн яньцзююань* 战争研究院), Исследовательский институт политической работы ВС (*Цзюньдуй чжэнчжи гунцзо яньцзююань* 军队政治工作研究院) и Исследовательский институт военного права (*Цзюньши фачжи яньцзююань* 军事法制研究院) [5].

Кроме того, в рамках академии были созданы два научных центра: Исследовательский центр оценки и аттестации (*Пингу луньчжэн яньцзю чжунсинь* 评估论证研究中心) и Исследовательский центр военной научной информации (*Цзюньши кэсюэ синь*

си яньцзю чжунсинь 军事科学信息研究中心), функции которых понятны из названий.

Соединение теоретических и технических институтов в рамках одной Академии неслучайно. В современных боевых действиях все выше становится частота применения технологий таких отраслей, как робототехника, алгоритмы искусственного интеллекта и других. В будущем прогнозируется еще большее увеличение роли вычислительных машин в военном деле. Взаимодействие представителей двух научных направлений в рамках одной академии позволит быстрее приводить теорию военных действий в соответствие с последними техническими новшествами, а также более эффективно определять перспективные и необходимые ВС технологии для исследования.

Для поддержки деятельности Академии военных наук также создана сеть исследовательских институтов в войсках. В новой Белой книге Китая говорится, что была создана «... исследовательская структура, в которой Академия военных наук является центром, институты видов и родов войск – основной мощностью, а исследовательские центры в образовательных учреждениях и войсках – вспомогательным элементом» [6]. Известно, что для четырех из пяти видов войск – СВ, ВМС, ВВС и РВ – были созданы исследовательские институты, однако на сегодняшний момент подробная информация об их местоположении, структуре, целях и задачах в открытых источниках очень ограничена.

Описанные выше факты позволяют сделать ряд выводов, касающихся современных тенденций развития военного образования в Китае. Во-первых, указанные изменения подтверждают фундаментальный характер военной реформы, начатой руководством Китая в 2015–2016 гг. Происходит не формальное изменение органов военного управления, а фактическая перестройка вооруженных сил, которая базируется на подготовке кадров нового образца. Повышение уровня внимания к ПВП подтверждается переводом ответственного департамента из подчинения Генерального штаба в Центральный военный совет, т.е. под прямой контроль высшего военного руководства страны. В свою очередь, глубина реформ в данной сфере продемонстрирована на примере военного образования. Другие два аспекта – практическая военная подготовка и обучение военным специальностям – тема для отдельного исследования, однако представляется, что произошедшие в них перемены не менее кардинальны.

Во-вторых, явно наблюдается стремление повысить качество как системы военного образования в частности, так и вооружен-

ных сил в целом. В пользу первого тезиса говорит построение четкой структуры военных учебных заведений, в которой основные виды и рода войск получают профильные учебные заведения и непосредственно участвуют в организации учебного процесса. Задача соответствовать потребностям обновленных ВС достигается путем сокращения традиционных сил и средств в пользу современных, инновационных. Так, уже на стадии подготовки кадров было зафиксировано значительное снижение роли Сухопутных войск в пользу других, в первую очередь РВ и ВСО.

В-третьих, перестройка Академии военных наук подтверждает тезис об активной работе КНР над новой теорией ведения боевых действий. По представлению многих исследователей, в конфликтах будущего военные будут активно взаимодействовать с вычислительными машинами, в том числе в процессе принятия решений. Для того чтобы идти в ногу со временем, а в каких-то вопросах и впереди его, в структуру академии включены несколько технических исследовательских институтов.

Источники и литература

1. 2017 нянь цзюньдуй чжаошэн даньвэй минлу фабу! Цзюньгай хоу юаньсяо синь минчэн баогуан 2017 年军队招生单位名录发布! 军改后院校新名称曝光 (Опубликован список военных [учебных] заведений, набирающих абитуриентов в 2017 г.! Стали известны новые постреформенные названия вузов) // Сайт Министерства обороны КНР. URL: http://www.mod.gov.cn/services/2017-05/30/content_4781710.htm (дата обращения 07.04.2020).

2. 2017 нянь цюаньцзюнь юаньсяо чжаошэн гунцзо бушу чжанькай 2017 年全军院校招生工作部署展开 (Развернуты приготовления к работе по набору учащихся в военные вузы всех видов войск в 2017 г.) // Сайт Министерства обороны КНР. URL: http://www.mod.gov.cn/topnews/2017-05/26/content_4789610.htm (дата обращения 05.04.2020)

3. 2018 цюаньго цзюньсяо игун чжао дошао жэнь гэшэн цзюньсяо чжаошэн цзихуа хуэйцзун 2018 全国军校一共招多少人 各省军校招生计划汇总 (Сколько людей набирают военные учебные заведения по всей стране в 2018 г. Обобщенная информация о планах набора в военные учебные заведения по каждой провинции) // Школьный портал «Гаосаньван». URL: <http://www.gaosan.com/aokao/215742.html> (дата обращения 08.04.2020)

4. Гофанбу гунбу тяочжэн гайгэ хоу 43 со цзюньдуй юаньсяо миндань 国防部公布调整后改革后 43 所军队院校名单 (Министерство обороны опубликовало упорядоченный в ходе реформы

список из 43 военных учебных заведений) // Информационный портал Sohu.com. URL: https://www.sohu.com/a/153190307_161795 (дата обращения 08.04.2020).

5. Синь цзюньши кэсююань дэ цзигэ яньцзююань 新军事科学院的几个研究院 (Несколько исследовательских институтов новой Академии военных наук) // Информационный портал Sohu.com. URL: https://www.sohu.com/a/168412197_495232 (дата обращения 20.04.2020).

6. «Синь шидай дэ чжунго гофан» байпишу цюаньвэнь 《新时代的中国国防》白皮书全文 (Полный текст Белой книги «Государственная оборона Китая в новую эпоху») // Сайт Министерства обороны КНР. URL: http://www.mod.gov.cn/topnews/2019-07/24/content_4846387.htm (дата обращения 25.01.2020).

7. Цзюнь Сюньсюань Чжоли цзяньцюань саньвэйити синьсин цзюньши жэньцай пэйян тиси 着力健全三位一体军事人才培养体系 (Приложим усилия к построению новой триединой системы подготовки военных кадров) // Цзефанцзюньбао 解放军报, 28.02.2018, с. 7.

*Konstantin A. Butiukov**

Changes in the Military Education System in China During 2015–2020 Military Reform

ABSTRACT: The article considers the position and function of the military education in the “new triad system of military training and education”. It shows the structure of the governing bodies in this sphere. A relevant list of military educational institutions is provided, indicating the level of graduates and the approximate annual number of new students. A brief description of the new structure of the Academy of Military Sciences and its changed functions is given. The article finishes with the conclusions on the studied material.

KEYWORDS: Military Education and Training, China Military Reform, PLA, Military Educational Institutions in China, Academy of Military Sciences of China

* Butiukov Konstantin Andreevich, Independent Researcher (Saint-Petersburg), k.butiukov@yandex.ru

В. Я. Портяков*

Основные особенности внешней политики КНР в 2019 г.

АННОТАЦИЯ: Внешняя политика КНР последнего времени характеризуется рядом отличительных особенностей. Во-первых, подготовка к юбилею и празднование 70-летия страны позволили уточнить периодизацию истории внешней политики Китайской Народной Республики, привести ее в соответствие с общей периодизацией истории государства. Во-вторых, совпавшие по времени сорокалетие установления дипломатических отношений с США и развертывание так называемой китайско-американской торговой войны предопределили сохранение за Вашингтоном ведущей позиции в кругу внешнеполитических приоритетов Пекина с одновременным усилением жесткости в его практической политике на американском направлении. В-третьих, нараставшая параллельно заинтересованность КНР в углублении и интенсификации связей с Россией дала основания заявить о переходе двусторонних российско-китайских отношений на новый этап.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Китай, внешняя политика, периодизация, США, 40-летие установления дипотношений, торговая война, Россия, новый этап стратегического сотрудничества

В преддверии 70-летнего юбилея Китайской Народной Республики китайские ученые начали апробировать новую укрупненную периодизацию истории страны с 1949 г. по настоящее время. Первый этап охватывает период 1949–1978 гг. В это время Китай решал и решил задачу «подняться» (*чжэньцзилай* 站起来). На втором этапе 1979–2012 гг. решалась задача добиться зажиточности, буквально – «обогатиться» (*фуцилай* 富起来). Третий этап 2012–2019 гг. отмечен «усилением» (*цянцилай* 强起来) Китая.

* Портяков Владимир Яковлевич, д. э. н., проф., главный научный сотрудник Института Дальнего Востока РАН (Москва), portyakov47@yandex.ru

Представляется, что основной целью, ради которой был затеян нынешний «ремонт истории», было стремление выделить период лидерства Си Цзиньпина в качестве самостоятельного этапа в развитии страны – «вступление социализма с китайской спецификой в новую эру». Дополнительные плюсы обновленной периодизации состоят в том, что она, во-первых, как бы «объективно» делает Си Цзиньпина исторической фигурой, равновеликой Мао Цзэду и Дэн Сяопину, с которыми ассоциируются первые два этапа. Во-вторых, укрупненная периодизация позволяет затенить, вывести из фокуса не самые успешные периоды в истории КНР, такие как «большой скачок» (1958–1960) и «культурная революция» (1966–1976).

По-своему естественно, что под обновленную периодизацию общей истории КНР подстраивается и периодизация её внешней политики. Период 1949–1978 гг. в качественном плане характеризуется решительным отстаиванием права Китая на независимость и равенство. Период 1979–2012 гг. определяется как «следование путем мирного развития, создания благоприятной международной среды для внутреннего экономического строительства». Доминантой этого периода выступил внешнеполитический курс «невступления в союзы, неконфронтационности, ненаправленности против третьих стран». Наконец, период 2012–2019 гг. характеризуется как «отстаивание мира, развития, сотрудничества, общего выигрыша, продвижение и созидание сообщества единой судьбы человечества»¹.

В отмечавшемся «широким фронтом» семидесятилетия КНР определенное место было отведено и сюжетам, связанным с внешнеполитическим курсом страны. 23 сентября 2019 г. в газете «Жэньминь жибао» был опубликован материал министра иностранных дел КНР Ван И с характеристикой основных достижений народного Китая на международной арене. В обобщенном виде внешняя политика страны была описана как «последовательно выполняющая свой долг по возрождению нации, смело борющаяся за прогресс человечества, решительно продвигающая развитие государства, строящая мир во всем мире, защищающая международный порядок и вносящая вклад в глобальное управле-

¹ Ван Цяожун 王巧荣. Синь Чжунго 70 нянь дули цычжу хэпин вайцзяо шицзянь юй цзинъянь 新中国 70 年独立自主和平外交实践与经验 (Практика и опыт семи десятилетий независимой, самостоятельной, мирной дипломатии нового Китая) // The 70 Years of Contemporary China under the Vision of Modernization. The 4th International High-level Forum on the Contemporary History of China. Paper Collection. Beijing, September 2019. P. 255–264.

ние». В числе конкретных достижений Пекина на дипломатической ниве названы: историческое улучшение внешней среды для Китая, огромное продвижение вперед в защите безопасности и суверенитета страны, в налаживании сотрудничества с границей, в повышении международного статуса государства, а также существенный рост внешнего влияния КНР. Ныне, констатировал Ван И, внешняя политика Китая ориентирована на обеспечение взаимной выгоды и общего выигрыша. Для этого страна следует путем мирного развития, укрепляет сеть партнерских отношений, совместно с другими участниками реализует проекты «Пояса и пути», поддерживает реформу системы глобального управления, ориентированную на укрепление центральной роли ООН и защиту международного порядка, базирующегося на международном праве².

В преддверии юбилея, 28 сентября 2019 г., СМИ страны обнародовали Белую книгу Пресс-канцелярии Госсовета КНР «Китай и мир в новую эпоху», содержащую систематизированное изложение внешнеполитических концепций китайского руководства и его представлений о месте и роли страны в мировом сообществе³.

Официальная внешнеполитическая доктрина Пекина на перспективу выражена в ряде уже хорошо известных формул: строить сообщество единой судьбы человечества; продвигать глобализацию нового типа; защищать международную систему с ООН в качестве ядра; продвигать межцивилизационный обмен и взаимную учебу. Сам Китай предполагает вносить вклад в «строительство еще более прекрасного мира» за счет собственного развития, путем поощрения сотрудничества и общей выгоды, через защиту экономической глобализации, активное развитие партнерских отношений, защиту многосторонности и международной справедливости, активное участие в оздоровлении системы глобального управления.

Белая книга вполне отразила возросшую уверенность Китая в полезности его опыта развития для многих развивающихся стран и в его способности давать международному сообществу общезначимые «общественные продукты» (калька с популярного в политологии англоязычного выражения *public goods*). Как известно,

² Ван И 王毅. Гуанхуэй дэ личэн, шэнькэ дэ циши. Цинчжу синь Чжунго чэнли 70 чжоунянь 光辉的历程, 深刻的启示: 庆祝新中国成立 70 周年。(Славный путь, глубокое вдохновение: поздравляем с 70-летием нового Китая) // Газета «Жэньминь жибао», 23.09.2019.

³ Ван И 王毅. Синь шидай Чжунго юй шицзе (2019 нянь 9 юэ) 新时代中国与世界 (2019 年 9 月) (Китай и мир в новую эпоху (Сентябрь 2019)) // Газета «Жэньминь жибао», 28.09.2019.

в начале нынешнего столетия китайские политологи (например, Ван Ичжоу 王亦洲) сетовали по поводу отсутствия у Китая общечеловеческого продукта, который был бы признан всем миром и мог служить ему. В Белой книге от сентября 2019 г. в данном качестве названы строительство «Пояса и пути», создание платформ многостороннего диалога и сотрудничества (например, форумы «Китай–Африка», «Китай – арабские страны», «Боао» и т. п.), оказание внешней помощи, наконец, активное участие в решении мировых и региональных проблем (корейская и иранская ядерные проблемы, урегулирование в Сирии, Афганистане и т. д.).

В сжатом виде успехи и задачи внешней политики Китая обобщил Председатель КНР Си Цзиньпин в речи, посвященной празднованию 70-летия КНР: «В течение 70 лет китайский народ, придерживаясь независимой, самостоятельной, мирной внешней политики, следовал путем мирного развития, развивал дружбу и сотрудничество со всеми странами на базе пяти принципов мирного сосуществования, вносил важный вклад в славное дело строительства человечества как сообщества единой судьбы, в дело мира и развития человечества». «Впредь, – подчеркнул Си Цзиньпин, – Китаю надлежит, высоко поднимая знамя мира, развития, сотрудничества, общей выгоды, неуклонно следовать путем мирного развития, продвигать созидание сообщества единой судьбы человечества с тем, чтобы яркий свет мира и развития осветил всю планету»⁴.

Несмотря на огромные усилия политико-пропагандистского аппарата КНР, официальная характеристика Пекином его внешней политики далеко не всегда принимается в мире за чистую монету. Напротив, многие ее аспекты нередко критикуются в США, других западных странах, Индии. В последнее время весьма жестким нападениям подвергается базовая концепция строительства Китаем сухопутного и морского «шелковых путей» как якобы ведущая на практике к попаданию ряда развивающихся стран в долговую зависимость от КНР. Поводом для подозрений служит и не вполне последовательная позиция Пекина по вопросу поддержания или реформирования существующего мирового порядка. Время от времени КНР заявляет о своей приверженности принципу «ста-

⁴ Цинчжу Чжунхуа жэньминь гунхэго чэнли 70 чжоуньянь чжаодай-хуй цзай цзин лунчжун цзюйсин : 庆祝中华人民共和国成立 70 周年招待会在京隆重举行 (В столице состоялся торжественный прием в ознаменование 70-летия Китайской Народной Республики) // Веб-сайт газеты «Жэньминь жибао». URL: <http://politics.people.com.cn/n1/2019/1001/c1024-31382261.html> (дата обращения 1.04.2020).

тус-кво», т.е. сохранению нынешнего положения. Практически одновременно Пекин говорит о своей приверженности мультилатерализму (многосторонности), а в мировой экономике ведет дело к созданию международных финансовых институтов, соперничающих с контролируемым Западом Международным валютным фондом и Всемирным банком. Поэтому на Западе внешнеполитический курс Китая все чаще квалифицируют как «ревизионистский», т.е. подрывающий существующий миропорядок.

В практической внешней политике Китая приоритетные места в 2019 г. заняли российское и американское направления.

Повышению значимости отношений с Россией в определенной степени способствовала памятная дата – 70-летие установления дипломатических отношений между КНР и Советским Союзом (который, как известно, признал КНР сразу вслед за ее основанием – 2 октября 1949 г.). Событие было отмечено обменом поздравительными телеграммами глав государств – В. В. Путина и Си Цзиньпина, публикацией статьи министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова в газете «Жэньминь жибао»⁵ и статей китайского и российского послов (Чжан Ханьхуэй и А. И. Денисова) в журнале «Китай»⁶.

Однако еще большую роль сыграло ухудшение с начала 2018 г. отношений КНР с США, вылившееся не только в своего рода торговую и технологическую войну, но и в ужесточение критики Вашингтоном многих болезненных для Пекина моментов его внутренней политики (положение в Синьцзян-Уйгурском и Тибетском автономных районах КНР, обострение ситуации в Гонконге). В этих условиях для Китая особую ценность обрела поддержка России – если не единственного, то наиболее влиятельного партнера, на официальном уровне не ставящего под сомнение его позицию по названным проблемам.

С начала 2019 г. Пекин стал демонстрировать намерение вывести китайско-российские отношения на новую ступень⁷. В Совме-

⁵ *Сеэргай Лафулофу* 谢尔盖·拉夫罗夫. Бэньсян вэйлай дэ хобань гуаньси (Обращенные в будущее партнерские отношения) // Газета «Жэньминь жибао», 26.09.2019.

⁶ *Чжан Ханьхуэй*. Китай и Россия будут плечом к плечу встречать будущее // Китай, Пекин–Москва, 2019, № 9. С. 22–23; *Денисов А. И.* 70-летие дипотношений придает новый импульс развитию // Китай, 2019, № 9. С. 24–25.

⁷ *Ломанов А. В.* Перспективы развития российско-китайских отношений в изменяющемся внешнеполитическом контексте. – «Актуальные проблемы современных российско-китайских отношений» – Круглый стол в ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 3. С. 5

стном заявлении РФ и КНР от 5 июня 2019 г. было зафиксировано вступление российско-китайских отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия в «новую эпоху». Двухсторонние отношения в новую эпоху были охарактеризованы как: стратегическая поддержка в вопросах следования собственному пути развития и защиты ключевых национальных интересов, глубокая интеграция и сближение, инновационный подход к сотрудничеству, содействие формированию полицентричного мироустройства. Одновременно была подтверждена приверженность России и Китая базовым принципам отказа от установления союзнических отношений и конфронтации, а также ненаправленности против третьих стран⁸.

Тем не менее политологи продолжают обсуждать как содержание нового этапа отношений Китая с Россией, так и вероятность создания союза в связи с очевидным наращиванием масштабов и углублением военно-технического сотрудничества двух государств. Виктор Ларин (Владивосток) рассматривает в качестве ключевого слова «новой эпохи» (*синь шидай* 新时代) координацию – она становится все более тесной и многоплановой не только в деятельности Москвы и Пекина на международной арене, но и в выработке их внутренней стратегии развития⁹.

Александр Королев предложил конкретные критерии для определения уровня военного сотрудничества государств. Продвинутое военно-техническое сотрудничество и регулярные совместные военные учения позволяют прийти к заключению, что Китай и Россия вышли за параметры начальной и средней стадий военного взаимодействия и с 2016 г. начали переход к его продвинутой стадии. «Технически Россия и Китай готовы к более тесному военному союзу, и скептицизм по этому поводу вряд ли оправдан»¹⁰.

Иной точки зрения придерживается Александр Храмчихин. Отмечая, что у Китая в последние годы «возник определенный интерес к военно-политическому союзу с Россией», он, однако, полагает, что в военном сотрудничестве двух стран «очень сильна имитационно-

⁸ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Веб-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения 01.04.2020).

⁹ Ларин В. Л. Вступая в «новую эпоху». Слово от главного редактора // Россия в АТР. Владивосток, 2019, № 3. С. 6, 10.

¹⁰ Королев А. Н. Насколько близко Россия и Китай? Военно-стратегическое сотрудничество в международных отношениях // Россия в АТР. 2019, № 3. С. 142, 153–154.

пропагандистская составляющая» и что в этой сфере «вряд ли будут выработаны какие-то принципиальные новые формы»¹¹.

Следует отметить и усиление в последние годы внимания китайского экспертного сообщества к России и китайско-российским отношениям. Знаковым событием можно считать публикацию трехтомного труда одного из ведущих китайских специалистов по современной России Фэн Юйцзюня¹² под общим названием «Новый порядок в Евразии». Первый том посвящен вопросам государственного управления и социальных изменений в постсоветской России¹³. Во втором томе анализируются внешняя политика России и российско-китайские отношения¹⁴. В третьем томе рассматриваются геополитические аспекты трансформации Евразии¹⁵. Во всех трех томах представлены сюжеты, связанные с китайско-российскими отношениями. Помимо развернутого (17 глав, более 80 страниц) специального раздела во втором томе о российско-китайском стратегическом партнерстве и сотрудничестве, в первом томе содержатся авторские размышления о путях и методах продвижения исследования в Китае проблем современной России (автор выступает за комплексный подход с самым пристальным вниманием к экономике, а не только к политическим процессам). В третьем томе отдельный раздел посвящен «извилистому прогрес-

¹¹ Храмчихин А. О российско-китайском военно-техническом сотрудничестве // Газета «Независимое военное обозрение», 20.09.2019.

¹² Фэн Юйцзюнь работал в Китайской академии современных международных отношений в Пекине, в т.ч. директором Института России. Ныне – директор Центра России и Центральной Азии Института международных отношений Фуданьского университета, Шанхай.

¹³ Фэн Юйцзюнь 冯玉军. Оу Я синь чжисюй (Ди и цзюань). Элосы чжуаньсин: гоцзя чжили юй шэхуй бяньцянь 欧亚新秩序 (第一卷)。俄罗斯转型: 国家治理与社会变迁 (Новый порядок в Евразии. Том 1. Трансформация России: государственное управление и социальная эволюция). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ 中国社会科学出版社, 2018. 272 с.

¹⁴ Фэн Юйцзюнь 冯玉军. Оу Я синь чжисюй (Ди эр цзюань). Элосы чжуаньсин: дуйвай чжэнцэ юй Чжун Э гуаньси 欧亚新秩序 (第二卷)。俄罗斯转型: 对外正策与中俄关系 (Новый порядок в Евразии). Том 2. Трансформация России: внешняя политика и китайско-российские отношения]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2018. 342 с.

¹⁵ Фэн Юйцзюнь 冯玉军. Оу Я синь чжисюй (Ди сань цзюань). Оу я чжуаньсин: диюань чжэнчжи юй нэньюань аньцюань 欧亚新秩序 (第三卷)。欧亚转型: 地缘政治与能源安全 (Новый порядок в Евразии. Том 3. Трансформация Евразии: геополитика и энергетическая безопасность]. Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2018. 360 с.

су в китайско-российском энергетическом сотрудничестве», а специальный параграф – методам стыковки Экономического пояса Шелкового пути с Евразийским экономическим союзом.

Фэн Юйцзюнь отстаивает необходимость неизменно опираться на три основополагающих принципа китайско-российских отношений. Во-первых, видеть их коренной исходный пункт в служении государственным интересам Китая, то есть видеть не только сходство, но и различие интересов КНР и РФ. Во-вторых, твердо придерживаться курса «невступления в союзы, отказа от конфронтации, ненаправленности против третьих стран». В-третьих, развивать практическое сотрудничество двух стран на основе законов рынка и исходя из духа взаимовыгоды и обоюдного выигрыша¹⁶.

Различные аспекты современных китайско-российских отношений рассматриваются в сборнике статей «Исследования России и Евразии в Фуданьском университете»¹⁷. В обстоятельном анализе результатов двустороннего гуманитарного сотрудничества в период 2000–2017 гг. справедливо отмечается, что это сотрудничество способствует взаимному познанию народов двух стран, укреплению социальной базы межгосударственных отношений, углублению политического взаимодоверия и усилению практического сотрудничества в других сферах. Вместе с тем, китайские ученые указывают и на наличие ряда серьезных проблем в данной сфере. Гуманитарное сотрудничество нередко отличается высоким уровнем формализма при недостаточном внимании к качественному содержанию обменов. Ощущается нехватка настоящих китаеведов в России и знатоков России в Китае. Так, в РФ имеется, по оценке авторов исследования, не более 200 китаеведов, из которых постоянно публикуют статьи по проблемам Китая около 50 человек. В то же время, в США сейчас имеется более 15 тысяч китаеведов. С другой стороны, и Россия подчас воспринимается в Китае по неким не соответствующим реалиям шаблонам. Так, китайцы нередко рассматривают постсоветскую Россию как «пример поражения политических и экономических реформ»¹⁸.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что авторы сборника относятся к дальнейшему углублению китайско-рос-

¹⁶ Фэн Юйцзюнь. Новый порядок в Евразии. Том 2. С. 332–333.

¹⁷ Фэн Юйцзюнь, Чжао Хуашэн 冯玉军, 赵华胜 (ред). Фудань Элосы – Оу Я яньцзю (2018–2019) 复旦俄罗斯 – 欧亚研究 (2018–2019) (Исследования России и Евразии в Фуданьском университете). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2019. 320 с.

¹⁸ Там же. С. 95–98, 102–103.

сийского сотрудничества с достаточно серьезными оговорками. В частности, отмечаются заметные слабости в комплексной мощи России, ограничивающие ее международное влияние и способности участия в глобальном управлении. Указывается также на изменившийся характер отношений в треугольнике «Китай–США–Россия». Утверждается, будто в современных условиях простой метод противодействия по формуле «два против одного» не отвечает интересам Китая. Наконец, выдвигается идея, что по мере продвижения КНР «к центру мировой арены» сфера интересов Китая расширяется и «необходимо присмотреться к месту России во внешней политике КНР и связанным с ним возможным широким международным последствиям»¹⁹.

В целом более позитивный характер оценок состояния и перспектив китайско-российского сотрудничества представлен в сборнике «Избранные статьи по русистике», куда вошли труды русистов Института исследований России и Евразии Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай), возглавляемого Фэн Шаолэем 冯绍雷²⁰. Сам Фэн Шаолэй весьма высоко оценивает современное взаимодействие Китая и России, видя в нем отражение меняющейся парадигмы общих отношений Востока и Запада и модель современных международных отношений в целом²¹. В то же время в статье Вань Цинсун 万青松 весьма критично оцениваются состояние и перспективы экономического сотрудничества двух стран на Дальнем Востоке России. Он прямо заявляет, что «время для продвижения широкомасштабного сотрудничества Китая с российским Дальним Востоком еще не пришло». Как полагает Вань Цинсун, основная причина этого – монополизация в России в целом вопросов сотрудничества региона с соседними странами и лишение местных органов власти какой-либо самостоятельности в этой сфере. Социальная обстановка на Дальнем Востоке и международная среда также оцениваются как не благоприятствующие его развитию²².

¹⁹ Там же. С. 247.

²⁰ Избранные статьи по русистике. Институт исследований России и Евразии при Восточно-Китайском педагогическом университете. Шанхай, 2019, 260 с.

²¹ *Feng Shaolei. The Contemporary Significance of the Sino-Russian Relations in the 70 Years* // Избранные статьи по русистике. С. 1–10.

²² *Вань Цинсун. Смотреть на океан и ждать у моря погоды* // Избранные статьи по русистике. С. 165–177.

Интенсификация в последние годы российско-китайского взаимодействия была с озабоченностью встречена на Западе, прежде всего в США. Как отмечает известный американский специалист по России Анжела Стэнт, Вашингтон сталкивается ныне с проблемой, как реагировать на всё более прочное партнерство России и Китая и как минимизировать потенциал негативного влияния этого партнерства на глобальные интересы Соединенных Штатов. Эти слова, содержащиеся в предисловии к книге «Ось авторитаризмов. Последствия китайско-российского сотрудничества»²³, отражают центральную идею и суть недавно опубликованной коллективной работы американских китаеведов и политологов. Следует особо выделить прикладной характер этого труда. Хотя его заголовок отсылает читателей к некой идейно-политической общности России и Китая как государств с будто бы авторитарными политическими режимами, на самом деле данный сюжет оказался разработан довольно слабо, а на первый план вышли конкретные рекомендации, как США могут наилучшим образом иметь дело с партнерством РФ и КНР с позиции силы²⁴. В их числе: избегать действий, стимулирующих дальнейшее сотрудничество Москвы и Пекина против интересов США; встречать вызов, порожаемый китайско-российским сотрудничеством, усилением своей международной вовлеченности и поддержкой союзников, разделяющих с США интересы и ценности²⁵.

Одна из ключевых рекомендаций – США должны «играть долгую игру, нацеливаясь на использование уязвимостей в китайско-российских отношениях, прежде всего – асимметрии во взглядах на мир и в международных амбициях Москвы и Пекина»²⁶.

В ряде работ анализируется вызов интересам США, исходящий будто бы от китайско-российского взаимодействия, в конкретных регионах мира. Так, известный американский китаевед Элизабет Вишник утверждает: хотя у России и Китая нет достаточной военной или мягкой силы, чтобы заменить США в Восточной Азии, это не означает, что они готовы принять правила, лежащие в основе возглавляемого США порядка в регионе. И действительно, Китай и Россия предложили целый ряд правил

²³ Axis of Authoritarians. Implications of China – Russia Cooperation. Ed. by Richard Ellings and Robert Sutter. Washington: The National Bureau of Asian Research Seattle, 2018. XVII, 87 p.

²⁴ Ibid. Foreword. P. XII.

²⁵ Ibid. P. 50.

²⁶ Ibid. P. 176.

поведения в Восточной Азии, многие из которых противоречат позициям США. В их числе – противодействие противоракетной системе ТНААД и расширению сети американских союзов в регионе, ограничение роли внерегиональных держав, невмешательство во внутренние дела государств²⁷.

В Европе российско-китайское взаимодействие оценивается в первую очередь как обусловленное общей заинтересованностью двух стран противостоять доминированию Запада. Главная внутренняя слабость этого партнерства заключается в нежелании Москвы играть роль младшего партнера Пекина, а именно это и может случиться, если более мощный экономически и демографически Китай займет место США в качестве доминирующей силы в мире. В «постзападном» мировом порядке, за установление которого энергично борется Россия, она, полагают итальянские политологи, рискует вновь оказаться в зависимом положении – но на этот раз от Китая вместо США. Именно поэтому, по их мнению, в конечном счете российский вызов возглавляемому Соединенными Штатами мировому порядку менее значителен и менее опасен, нежели исходящий от Китая²⁸.

Вплоть до начала 2018 г. Пекин базировался в своей политике в отношении США на предположениях, что, во-первых, Вашингтон будет долгое время сохранять если не благоприятное, то хотя бы нейтральное отношение к возвышению Китая и, во-вторых, что Вашингтон, понимая всю глубину и масштабы экономической взаимозависимости двух государств, в конечном счете согласится с китайской формулировкой о «новом типе взаимоотношений больших держав», которая де-факто уравнивала бы международный статус и влияние КНР и США как двух лидеров современного мира.

В связи с этим китайские политологи-международники всячески стремились доказать возможность преодоления в китайско-американских отношениях «ловушки Фукидида», согласно которой нарастающие противоречия между возвышающейся и «нисходящей» сверхдержавами неизбежно ведут к столкновению – вплоть до войны, как это случилось между Спартой и Афинами в V в. до н. э. При этом отмечалось, что Китай не должен заниматься своего рода умиротворением США по всем спорным во-

²⁷ Vishnick, Elizabeth. The Sino-Russian Partnership and the East Asian Order // Журнал Asian Perspective, № 42 (2018). P. 355–386.

²⁸ Ferrari Aldo, Ambrosetti Eleonora Tafaro. Russia and China: Countering the Dominance of the West // Russia and China. Anatomy of a Partnership. Milano: Ledizioni. 2019. P. 34–35.

просам. Допускалось и определенное противодействие по особо значимым для КНР проблемам, но, так сказать, соизмеряемое с «большими интересами» китайско-американских отношений²⁹.

Однако с первых месяцев 2018 г. ситуация резко изменилась. Президент Д. Трамп возложил на Китай ответственность за несбалансированность двусторонней торговли, обвинив Пекин в краже интеллектуальной собственности, государственном субсидировании экспорта, манипулировании валютным курсом и т. д. Соответственно, был взят курс на повышение тарифов на большинство товаров китайского экспорта в США. Началась и кампания по «отлучению» ряда ведущих китайских высокотехнологичных фирм от американского рынка. По заказу Конгресса и Белого дома в США были проведены исследования, призванные подтвердить обоснованность претензий Д. Трампа к Пекину. Так, в докладе специалиста по торговле и финансам в Азии Уэйна Моррисона от 5 февраля 2018 г. вызовом для США была объявлена не только программа «Сделано в Китае–2025», но и инициатива «Пояса и пути», рассматриваемая как инструмент распространения китайской экономической модели на другие страны. Отмечалось наличие в США «кругов», видящих в «несправедливой» торговой политике КНР растущую угрозу для глобальной торговой системы и требующих в связи с этим наказать Китай, например, путем введения торговых санкций³⁰. В июне 2018 г. в докладе Департамента торговли и промышленной политики Белого дома приёмы «экономической агрессии» Китая и «кражи» им интеллектуальной собственности были расписаны уже детально. Под удар попала не только торговля, но и зарубежные инвестиции КНР³¹.

Когда дело дошло до практического повышения в США тарифов на товары китайского экспорта, Китай стал неуклонно отвечать «ударом на удар», одновременно демонстрируя готовность к разумным компромиссам и подчеркивая необходимость решать

²⁹ *Чжун Фэйтэн* 钟飞腾. Куаюэ Сюсидидэ сяньцзин: синьсин даго гуаньси юй гоцзи чжисуй гоуцзянь 跨越修腊昔底德陷阱: 新型大国关系与国际秩序构建 (Преодолеть ловушку Фукидида: междержавные отношения нового типа и строительство международного порядка). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 2017. 278 с.

³⁰ *Wayne Morrison*. China's Economic Rise: History, Trends, Challenges, and Implications for the United States // Отчет Congressional Research Service от 5 февраля 2018 г. 49 p.

³¹ *How China's Economic Aggression Threatens the Technologies and Intellectual Property of the United States and the World* // Отчет White House Office of Trade and Manufacturing Policy, июнь 2018. 20 p.

все проблемы не односторонним давлением, а путем переговоров. В ответ на обвинения Вашингтона в будто бы многочисленных нарушениях Китаем правил международной торговли Пекин последовательно защищал и разъяснял свою позицию. В частности, в июне 2019 г. была обнародована специальная Белая книга Канцелярии информации Госсовета КНР «О позиции Китая по вопросу о китайско-американских торгово-экономических консультациях»³². В ней были показаны солидные масштабы экономической взаимозависимости двух стран. Так, на конец 2018 г. накопленные инвестиции КНР в США достигли 73,17 млрд долл., а инвестиции США в Китае – 85,19 млрд долл. Реализованный доход предприятий с американскими инвестициями в КНР превысил 700 млрд долл., а прибыль составила около 50 млрд долл.

Под давлением американского бизнеса, несущего потери от «торговой войны» с Китаем, команда Д. Трампа периодически шла на некоторые уступки. Первый раз стороны практически достигли приемлемого компромисса к саммиту G-20 в Буэнос-Айресе к концу 2018 г., но сделка сорвалась, и Д. Трамп вновь прибег к повышению пошлин на товары китайского экспорта. Наконец, 15 января 2020 г. в Вашингтоне было подписано Экономическое и торговое соглашение между правительствами КНР и США, удовлетворяющее значительную часть претензий Вашингтона к Пекину по поводу защиты интеллектуальной собственности, принуждений к передаче технологий и т. п. Китай взял на себя обязательство увеличить в обозримой перспективе объем импорта из США на 200 млрд долл. Ранее повышенные Вашингтоном тарифы на большинство товаров китайского экспорта в США будут снижены³³. Разумеется, всех накопившихся противоречий данное соглашение не снимает, и стороны согласились незамедлительно начать переговоры по второй его фазе.

³² Гуаньюй Чжун Мэй цзинмао цошан дэ чжунфан личан. (2019 нянь 6 юэ) 关于中美经贸磋商的中方立场 (2019 年 6 月) (О позиции китайской стороны по вопросу о китайско-американских торгово-экономических консультациях) // Веб-сайт правительства КНР. URL: [http:// www.gov.cn/zhengce/2019-06/02/content_5396858.htm](http://www.gov.cn/zhengce/2019-06/02/content_5396858.htm) (дата обращения 01.04.2020).

³³ Economic and Trade Agreement Between the Government of the United States and the Government of the People's Republic of China // Веб-сайт Торгового представительства США. URL: https://ustr.gov/sites/default/files/files/agreements/phase%20one%20agreement/Economic_And_Trade_Agreement_Between_The_United_States_And_China_Text.pdf (дата обращения 01.04.2020).

В 2019 г. российское Китаеведение и политология в целом уделяли повышенное внимание китайско-американским отношениям. Особый акцент был сделан на 40-летию установления официальных дипломатических отношений между КНР и США, торговой войне между ними, общих вопросах соперничества двух ведущих мировых держав, прежде всего на международной арене и в сфере новейших высоких технологий. Тематические подборки статей по китайско-американским отношениям опубликовали журналы «Проблемы Дальнего Востока»³⁴ и «Вестник Российского университета дружбы народов»³⁵. Данную проблематику регулярно освещали ведущие российские газеты «Коммерсантъ» и «Независимая газета».

Большинство российских экспертов оценивают нынешнее обострение отношений между КНР и США не столько как случайное и краткосрочное, сколько как закономерное и долговременное. В его основе общее стремление Америки притормозить продвижение КНР «к вершине мира», то есть к мировому лидерству. В данном контексте торговая война между двумя державами рассматривается как «начало схватки за изменение и обновление существующего миропорядка»³⁶.

Конфликт назревал постепенно. Его первопричиной стал быстрый рост экономики и совокупной национальной мощи Китая и очевидные попытки Пекина конвертировать эти успехи в укрепление своих позиций на мировой арене. По-видимому, картину реального или воображаемого наступления Китая на ведущие позиции США в мире заметно подкрепила китайская концепция развития интенсивного международного экономического и гуманитарного сотрудничества в формате «Пояса и пути». В Вашингтоне весьма болезненно восприняли расчеты известного китайского ученого Ху Аньгана 胡鞍钢, согласно которым Китай уже в 2013 г. обогнал США по комплексной мощи (подробно расчеты Ху Аньгана описаны в моей статье³⁷).

³⁴ Подборка «К 40-летию установления дипломатических отношений между КНР и США» // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 29–72.

³⁵ Тематическое досье: КНР–США: конкуренция или сотрудничество // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2019. Том. 19, № 1. С. 9–58.

³⁶ Давыдов Андрей. Идеология и прагматизм в налаживании и укреплении китайско-американских связей // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 41.

³⁷ Портяков В. Я. Большие гонки. Догнал ли Китай Америку по комплексной мощи? // Россия в глобальной политике, 2016, № 3, с. 150–159.

С американской стороны главную роль сыграло стремление президента Д. Трампа «сделать Америку снова великой», для чего требовалось воспрепятствовать дальнейшему усилению позиций в мировой политике и экономике Китая, воспринимавшегося, да и реально ставшего главным конкурентом США на мировой арене. По мнению Анны Волошиной (Институт Дальнего Востока РАН), дополнительным фактором явилось то обстоятельство, что команда президента, участвующая в выработке курса по отношению к Китаю, «сформирована кадрами, позиции которых варьируют от умеренной критики Пекина до призывов к открытому противостоянию с ним»³⁸. Особенно показателен пример советника Д. Трампа по торговле Питера Наварро.

Российские эксперты достаточно подробно излагают перипетии китайско-американской торговой войны³⁹. При этом российские американисты склонны усматривать определенную справедливость или, как минимум, объективные основания части претензий и требований, предъявляемых Вашингтоном Пекину. Так, директор Института США и Канады Российской академии наук Валерий Гарбузов констатирует «действительное использование Китаем дискриминационных практик, приносящих серьезный ущерб американской торговле» (правда, это утверждается со ссылкой на расследование американской стороны)⁴⁰. Яна Лексютина (СПбГУ) видит в действиях США «принуждение Пекина к соблюдению правил и норм, принятых в современной системе мировой торговли», а направленность протекционистских мер против программы «Сделано в Китае – 2025» объясняет тем, что будто бы именно здесь проявляются наиболее серьезные нарушения со стороны КНР: принудительная передача технологий, нарушение прав интеллектуальной собственности, промышленный шпионаж»⁴¹.

Многие российские китаеведы считают подобные обвинения в адрес Китая «как минимум преувеличенными», не всегда гра-

³⁸ Волошина А. В. Китай в «тихоокеанском повороте» США // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 47.

³⁹ См., например: Виноградов А. О., Салицкий А. И., Семенова Н. К. Американо-китайская экономическая конфронтация: идеология, хронология, значение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения, 2019. Том. 19, № 1. С. 35–44.

⁴⁰ Гарбузов В. Н. Китайский синдром Дональда Трампа // Независимая газета, 25 июня 2019 г.

⁴¹ Лексютина Я. В. «Торговые войны» или борьба за обновление мироустройства // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 63.

мотными с экономической точки зрения, игнорирующими сложившиеся сравнительные преимущества и специализацию хозяйств обеих стран в международном разделении труда⁴².

Владимир Петровский возражает против тезиса о равной ответственности США и Китая за будущее мировой торговли, поскольку КНР последовательно выступает за укрепление центральной роли ВТО, её норм и принципов, тогда как линия США на экстерриториальное применение своих национальных законов вызывает, по словам министра иностранных дел РФ С. В. Лаврова, «неприятие у подавляющего большинства нормальных стран и людей»⁴³.

Большинство российских экспертов опасается, что китайско-американская торговая война грозит спадом в мировой экономике и торговле. Это, в свою очередь, негативно скажется на России, в том числе на курсе рубля к основным валютам, на мировых ценах на нефть и спросе на неё, а в конечном счете и на динамике экономического роста. В то же время, появляются какие-то дополнительные и новые ниши для увеличения российского экспорта, прежде всего в Китай. Так, по мнению Сергея Труша, Россия «может отчасти восполнить потребности КНР в определенных видах сельскохозяйственной продукции, ...открывается дополнительная ниша для российской энергетики»⁴⁴.

Значительное внимание Пекин в последнее время уделяет отношениям с Индией. Прежде всего это связано с очевидной активизацией деятельности формата «Индо-Тихоокеанского региона» с участием США, Японии, Австралии и Индии, который китайское руководство рассматривает как если и не стопроцентно антикитайский, то не вполне дружественный. Игрет свою роль и стремление приглушить обострение индийско-пакистанских отношений, как минимум косвенно негативно влияющее на строительство китайско-пакистанского экономического коридора, частично проходящего по территории, которую в Дели считают своей. Поэтому, несмотря на неприятное для КНР негативное отношение Индии – единственной из крупных развивающихся стран – к инициативе

⁴² Виноградов А.О. и др. Указ. соч. С. 37.

⁴³ Петровский В. Е. Американско-китайские торговые войны: экономика или геополитика? // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 56. Вызывание С.В. Лаврова приводится со ссылкой на его пресс-конференцию по итогам 25-го заседания Совещания министров иностранных дел по безопасности и сотрудничеству в Европе 7 декабря 2018 г.

⁴⁴ Труш С. М. Трамп и Китай: промежуточные итоги // Проблемы Дальнего Востока, 2019, № 2. С. 71.

«Пояса и пути», Китай стабильно демонстрирует настрой на улучшение отношений с Дели. Сигналом к более тесным отношениям с Индией стало письмо председателя КНР Си Цзиньпина премьер-министру Индии Нарендре Моду сразу после его переизбрания 23 мая 2019 г. Си выразил готовность работать с Моду для продвижения вперед «тесного партнерства по развитию» между двумя странами (формула действует с 2014 г.)⁴⁵.

Вслед за неформальной встречей в Ухане в апреле 2018 г. Си Цзиньпин и Нарендра Моду провели второй неформальный саммит в Ченнае 11 октября 2019 г.

Его центральным событием стало «предложение из шести пунктов» о развитии двусторонних связей между Китаем и Индией, выдвинутое Си Цзиньпином. Речь идет о «правильном отношении к развитию другой стороны, укреплении стратегического взаимодоверия»; усилении взаимопонимания; повышении уровня военной безопасности, обменах и сотрудничестве; углублении практического сотрудничества, укреплении «корней дружбы» за счет наращивания гуманитарных обменах, усилении сотрудничества по международным и региональным делам⁴⁶. Тем не менее ряд индийских экспертов по-прежнему критически смотрит на перспективы китайско-индийских отношений. Так, известный китайвед Срикант Кондапалли, комментируя провозглашение 2020-го года «Годом индийско-китайских культурных и межличностных обменах», констатирует: «Это неплохо, но на самом деле – не самый важный предмет для переговоров между двумя соперничающими возвышающимися державами, имеющими дисбаланс в торговле и нерешенную проблему границ»⁴⁷. В целом профессор Кондапалли сохраняет опасение, что двусторонние индийско-

⁴⁵ *Suryanarayana P. S.* Modi's Two-Front Diplomacy: An Opportunity Ahead? *S. Rajarayan School of International Studies*, № 117, 13 June 2019.

⁴⁶ Си Цзиньпин «людянь цзянь» вэй Чжун Инь гуаньси фачжань бадо динсян 习近平“六点建议”为中印关系发展把舵定向 (Предложение Си Цзиньпина из шести пунктов определяет направление развития китайско-индийских отношений) // Новостной веб-сайт КПК. URL: <http://theory.people.com.cn/n1/2019/1013/c40531-31397356.html> (дата обращения 13.10.2019).

⁴⁷ *Srikanth Kondapalli.* Modi and Xi talked much, but said nothing // Газета *Deccan Herald* от 13.10.2019. URL: <https://www.deccanherald.com/opinion/modi-and-xi-talked-much-but-said-nothing-767999.html> (дата обращения 18.10.2019).

китайские отношения могут «соскользнуть к нисходящей спирали, если не к явному конфликту»⁴⁸.

Одним из центральных событий года во внешнеполитической практике КНР стало проведение в апреле Второго форума высокого уровня по строительству сухопутного и морского шелковых путей. К данному мероприятию было приурочено обнародование документа Канцелярии руководящей группы по продвижению строительства «Пояса и пути» «Инициатива совместного строительства “Пояса и пути”: продвижение, вклад и перспективы»⁴⁹.

В документе подчеркивалось, что на базе выдвинутой Китаем более пяти лет назад инициативы сформировалось общее понимание необходимости широкого международного сотрудничества для совместного строительства «Пояса и пути». Ценность инициативы признана в документах саммитов различных международных организаций, в т.ч. ШОС, «двадцатки», форумов «Китай–Африка», «Китай–Латинская Америка», «Китай – Арабские государства», в резолюции 2344 Совета Безопасности ООН (март 2017 г.). На конец марта 2019 г. Китай подписал со 125 странами и 29 международными организациями 173 документа о сотрудничестве в строительстве «Пояса и пути». Отмечен существенный прогресс в строительстве шести экономических коридоров, выделенных в рамках инициативы (в том числе Китай–Монголия–Россия), в железнодорожных перевозках между КНР и Европой, в наращивании взаимной торговли, инвестиционного и финансового взаимодействия. Сотрудничество с Китаем в формате «Пояса и пути» оказывается весьма эффективным для его участников; так, по оценке экспертов Всемирного банка, его результатом станет увеличение среднего прироста ВВП развивающихся стран Восточной Азии и Тихого океана на 2,6–3,9%⁵⁰. В исключительно радужных тонах обрисованы и дальнейшие перспективы реализации инициативы «Пояса и пути». Это будет,

⁴⁸ *Srikanth Kondapalli*. President Xi Jinping's India visit extremely critical, why there is danger of relations sliding into a downward spiral // Газета Financial Express от 08.10.2019. URL: <https://www.financialexpress.com/defence/president-xi-jinping-india-visit-extremely-critical-why-there-is-danger-of-relations-sliding-into-a-downward-spiral/1729956> (дата обращения 18.10.2019).

⁴⁹ Гунцзянь «и дай и лу» чангй: цзиньчжан, гунсянь юй чжаньван 共 建 一 带 一 路 倡 议 : 进 展 、 贡 献 与 展 望 . (Инициатива совместного строительства «Пояса и пути»: продвижение, вклад и перспективы) // Газета «Жэньминь жибао» от 23.04.2019.

⁵⁰ *Francois de Soyres*. The Growth and Welfare Effects on the Belt and Road Initiative on East Asia Pacific Countries // World Bank Group Macroeconomic, Trade & Investment Practice Note, October 2018, № 4.

утверждают в Пекине, путь мира и безопасности, путь процветания, открытости и инновационного развития.

Следует, однако, заметить, что в мире растет обеспокоенность тем обстоятельством, что получение рядом стран кредитов под реализацию проектов «Пояса и пути» ведет к опасному росту их задолженности перед Китаем. Пекину предстоит приложить немало усилий, чтобы рассеять такие опасения – даже если они в конечном счете окажутся мнимыми.

В своем выступлении на заседании круглого стола форума «Пояс и путь» президент РФ В. В. Путин отметил, что Россия рассматривает возможность состыковать развитие Северного морского пути с китайским «Морским шелковым путем» и тем самым «создать глобальный и конкурентный маршрут, связывающий Северо-Восточную, Восточную и Юго-Восточную Азии с Европой»⁵¹. В то же время при явной общей активизации российско-китайских торгово-экономических отношений продвижение ряда конкретных проектов, включенных в состав инициативы «Пояса и пути», пока идет медленнее ожиданий. Так, в 2018 г. объем грузоперевозок по международному транспортному коридору «Приморье–1» составил 74700 тонн – на 23,7% меньше, чем в 2017 г. Грузоперевозки по транспортному коридору «Приморье–2» выросли на 46,2%, но составили всего 16500 тонн⁵² – и это при том, что в вышеупомянутом выступлении В. В. Путина говорилось о планах довести с 2025 г. годовые грузоперевозки по БАМу и Транссибу до 210 миллионов тонн. Так что, судя по всему, фаза самого активного включения России в проекты «Пояса и пути» еще впереди.

Что касается стремления США сдержать дальнейшее технологическое развитие КНР, то вопрос, полагают эксперты, остается открытым. У КНР есть ряд сильных сторон (политическая независимость от США, большая емкость внутреннего рынка, значительные научные заделы), которые позволяют ей «так просто не сдаться: технологическая война будет долгой и серьезно изменит структуру мировой экономики»⁵³.

⁵¹ В. В. Путин. Выступление на первом заседании круглого стола форума «Один пояс, один путь» 27 апреля 2019 года // Веб-сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60393> (дата обращения 28.04.2019).

⁵² Янь Вэньбинь. Китай и Россия – главные стратегические партнеры. Интервью // Мы и Китай, 2019, № 9. С. 12.

⁵³ Коростиков Михаил. Сверхдержавы меряются чинами // Газета «Коммерсантъ» от 17.08.2019.

**Foreign Policy of the People's Republic of China in 2019:
Basic Features**

ABSTRACT: China's foreign policy in the recent years has been characterized by a number of distinctive features. First, the preparation for and the celebration of the 70th anniversary of the country made it possible to clarify the periodization of foreign policy of the People's Republic of China and bring it in line with the general periodization of the political history. Second, the coinciding fortieth anniversary of the establishment of diplomatic relations with the United States and the outbreak of the so-called Sino-American trade war determined Washington's leading position as the priority of Beijing's foreign policy, while at the same time increasing rigidity in PRC's practical policy at the American direction. Third, the growing interest of the PRC in deepening and intensifying ties with Russia justified the declaration of a new stage in Russian-Chinese relations.

KEYWORDS: China, Foreign Policy, Periodization, USA, 40th Anniversary of Establishment of Diplomatic Relations, Trade War, Russia, New Stage of Strategic Cooperation

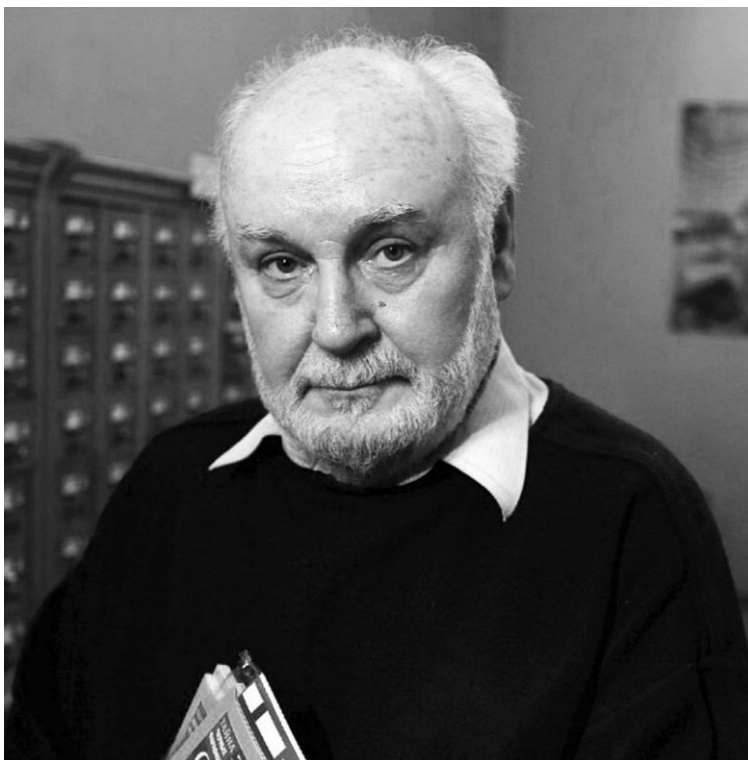
* Portyakov Vladimir Yakovlevich, Dr. Hab. (Economics), Professor, Chief Research Associate, Institute of Far Eastern Studies RAS (Moscow), portyakov47@yandex.ru

IN MEMORIAM

ORCID: 0000-0001-9372-6553

DOI: 10.31696/9785907384699-2021-51-1-330-336

Вспоминая О. Е. Непомнина (1935–2020)¹



¹ Настоящая заметка представляет собой компиляцию некрологов О. Е. Непомнина, опубликованных ранее в журналах «Восток. Афро-азиатские сообщества: история и современность» (№ 6. 2020. С. 258–260) и «Вестник Института востоковедения РАН» (№ 4. 2020. С. 352–356). – *Ред.*

31 октября 2020 г. не стало Олега Ефимовича Непомнина – прекрасного ученого, доктора исторических наук, одного из ведущих специалистов в области социально-экономической истории Китая Нового и Новейшего времени. Его работы внесли огромный вклад в развитие отечественного китаеведения.

О. Е. Непомнин родился 3 мая 1935 г. в Москве. Его отец работал в издательстве – заведовал отделом «Гознака». Семья его матери Веры Павловны Тунковой была тесно связана с театральной средой. По словам самого Олега Ефимовича, его дед П. И. Тунков «стал артистом какой-то бродячей труппы, а потом, постепенно, без всякого образования, но с талантом от природы выбился в профессиональные артисты»². По природе он отличался удивительной порядочностью – например, «деньги ему сдавали, как в банк, всегда знали, что не пропадет ни копейки». После знакомства с золотопромышленником и меценатом К. Незлобиным, основавшим свой «Театр К. Незлобина»³, П. И. Тунков после долгих уговоров стал управляющим, оставаясь на этом посту до самой смерти в 1940 г.

Олег Ефимович также вспоминал со слов матери, что его деда связывала тесная дружба с самим великим Федором Шаляпиным: «Они были почти одногодки, друзья детства, да и оба стали артистами. Шаляпин захаживал к Павлу как к себе домой. Отношения их всегда были самыми теплыми. Поэтому случалось, что в минуты расстройств, когда Шаляпин не хотел выходить на сцену, а спектакль должен вот-вот начинаться, из Большого театра посылали гонца к Павлу Тункову, благо, что он находился рядом. И Павлу без особого труда удавалось уговорить Шаляпина не срывать спектакль». Читая эти строки, начинаешь отчетливее понимать, что творческая среда, в которой рос О. Е. Непомнин, и люди, его окружавшие, безусловно, оказали большое влияние на его мировоззрение и формирование как личности.

Сам Олег Ефимович на первый взгляд представлялся лирическим героем стихов Окуджавы, только вместо Арбата его отечество

² Горбунов Н. И. Федор Шаляпин: от Казани до Стокгольма. М., 2013. С. 173–176.

³ Существовал в 1911–1922 гг., до 1917 г. работал в Петербурге, затем в Москве, располагался в здании «Шелапутинского театра» на Театральной площади (ныне здесь находится РАМТ), с 1920 именовался Театр РСФСР 2-ой. В 1922 г. был объединён с Театром РСФСР 1-м (который создал Всеволод Мейерхольд), в итоге был образован «Театр актёра».

располагалось в переулках Самотеки и Марьиной Роши, о джен-трификации которых он порой сокрушался. Однако за мягким и обходительным фасадом потомственного интеллигента-гуманитария, каким мы знали Олега Ефимовича, скрывался математически системный ум, исследовательская смелость и редкая в нашей профессии способность не только к структурному анализу, но и к масштабному синтезу, охватывавшему философское осмысление истории и закономерностей развития изучаемой страны – Китая.

В 1953 г. О. Е. Непомнин поступил на восточное отделение исторического факультета МГУ. По словам известного отечественного китаевода, сокурсника Олега Ефимовича Алексея Анатольевича Бокщанина, в тот год «восточному отделению исторического факультета дали расширенные вакансии на изучение Китая и стран Востока»⁴. Среди тех, у кого учился Олег Ефимович, можно вспомнить имена Л. В. Симоновской, Г. Б. Эренбурга, М. Ф. Юрьева. Интересно, что в институте за обширные познания и окладистую бороду друзья-студенты в шутку называли Олега «Карлом Марксом». Увлечение О. Е. Непомнина китайской историей было столь велико, что в определенный момент они с Натальей Ивановной Фоминой и другими друзьями-сокурсниками даже основали на факультете неформальное Московское общество (студентов) по изучению Китая (МОб(С)ИК).

Начиная с 1958 г., получив диплом с отличием, О. Е. Непомнин по распределению поступил на работу в Институт китаеведения (1958–1960), впоследствии вошедший в состав Института востоковедения Академии наук. Вначале Олег Ефимович работал в отделе Китая, а с 1989 г. – в отделе истории Востока, где на протяжении многих лет возглавлял сектор цивилизационных и региональных проблем. По окончании заочной аспирантуры в 1965 г. О. Е. Непомнин защитил кандидатскую диссертацию по теме «Генезис капитализма в сельском хозяйстве Китая», а в 1984 г. – докторскую диссертацию «Социально-экономическая история Китая. 1894–1914 гг.».

Великий труженик, О. Е. Непомнин создал за годы работы более 120 научных работ, в том числе ряд высоко востребованных монографий: «Положение китайской деревни в эпоху Цин» (1968), «Экономическая история Китая. 1864–1894» (1974), «Со-

⁴ Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами XX–XXI вв. В 3-х тт. Т. 1. М., 2018. С. 22.

циально-экономическая история Китая. 1894–1914» (1980), «Синтез в переходном обществе: Китай на грани эпох» (совместно с В. Б. Меньшиковым, 1999), «Лики Срединного царства» (совместно с А. А. Бокщаниным, 2002), «История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX в.» (совместно с Н. А. Ивановым, 2005), «Типология азиатских обществ» (2010), «История Китая. Древность. Средневековье. Новое время» (совместно с А. А. Бокщаниным и Т. В. Степугиной, 2010), «История Китая. XX век» (2011). В 2014 г. под руководством Олега Ефимовича вышел и VI том «Истории Китая с древнейших времен до начала XXI века. Династия Цин (1644–1911 гг.)» 10-томного издания под общей редакцией академика С. Л. Тихвинского; О. Е. Непомнин разработал концепцию книги и написал для нее большинство глав⁵. Не так давно была переиздана фундаментальная монография «Китайская культура» (совместно с Л. Д. Позднеевой и Т. В. Степугиной, 2019).

Олег Ефимович с восторгом встретил Перестройку. По присутственным дням в отделе истории Востока работал настоящий дискуссионный клуб, и в ярких спонтанных обсуждениях и дебатах участвовали все златоусты отдела и института: сам О. Е. Непомнин, Л. С. Васильев, М. В. Горелик, А. Л. Рябинин, приходили пить чай и беседовать А. А. Бокщанин, Ю. В. Чудодеев, рассказывали об экспедициях, о серьезных проблемах и курьезах востоковедной жизни Д. Д. Васильев и А. Ш. Кадырбаев. События 1989 г. на площади Тяньаньмэнь в Пекине знаменовали для Олега Ефимовича начало периода отрезвления, как и последовавший вскоре спад перестроенной эйфории; он концентрируется на работе, продолжает создавать бесценный востоковедческий «контент».

До последнего момента Олег Ефимович не собирался останавливаться: в его план-карте на 2020–2022 гг. была заявлена новая монография – «Проблемы китайской культуры эпохи Цин». Возможно, задуманный им индивидуальный труд воплотится как коллективная монография, где его перу, пусть посмертно, будут принадлежать несколько глав.

С точки зрения научного вклада, который О. Е. Непомнин внес в развитие отечественного китайоведения, наиболее ценно, прежде всего, теоретическое обоснование концепции циклическо-

⁵ История Китая с древнейших времен до начала XXI века. Династия Цин (1644–1911 гг.). Олег Ефимович написал: в ч. 1, главы 2–3, 5–7, 9, 11–13, 17; в ч. 2 – главу 3.

го развития Китая в Новое время, подразумевающей последовательную смену династийных циклов. В ходе научных изысканий Олег Ефимович уделял особое внимание главным отличительным чертам восточных обществ – повышенной роли государства, жесткой централизации, преобладанию вертикальных социальных связей, господству аппарата, приоритету распределения над свободной торговлей и т. д. В результате у него сложилось свое понимание причин устойчивости азиатского способа производства и его огромных регенерационных возможностей.

Вместе с тем в своих исследованиях О. Е. Непомнин глубоко интересовался вопросами развития современного Китая. По его словам, несмотря на активную глобализацию мира, деление на Восток и Запад до сих пор продолжает существовать, поскольку западная модель подразумевает, прежде всего, индивида, а восточная, напротив, коллектив⁶. С того момента, когда Запад взял за основу «античную модель», началось противостояние двух цивилизаций. В результате он «...откусывает от восточного гиганта кусок за куском, превращая азиатскую деспотию в общество». Правда, несмотря на вестернизацию Китая, которая наблюдается, прежде всего, на побережье и в анклавах, т. е. касаясь лишь части населения, «в глубине души все китайцы по-прежнему остаются ханьцами», убежденными, «что китайская культура – высочайшая в мире, и делают все, чтобы, вестернизируясь, сохранить себя». И все же, несмотря на это, между Востоком и Западом постепенно стираются определенные границы, приводя их к взаимному обогащению.

Безусловно, О. Е. Непомнин был человеком, влюбленным в свою профессию, при этом он посвящал много времени не только научной деятельности, но и преподаванию. Так, в качестве профессора Центра политологии и антропологии современного Востока РГГУ он курировал китайское отделение, во многом сформированное благодаря его усилиям; читал лекции в Институте журналистики и литературного творчества. Будучи прекрасным специалистом, он также был замечательным лектором, чьи выступления «имели звучание и цвет», отличались ярким стилем изложения материала. Многие люди, хорошо знакомые с Олегом

⁶ По материалам интервью Д. В. Дубровской с О. Е. Непомниным. Китайский феномен // National Geographic Россия. 2008. № 5. С. 52–58.

Ефимовичем, отмечают, что «его очень любили и уважали все студенты, а он, в свою очередь, любил и уважал их»⁷.

Олег Ефимович поражал доброжелательностью, способностью игнорировать чужие мелкие ошибки и заблуждения, всегда писал лучшие рецензии, умел видеть положительные стороны обсуждаемых работ, деликатно и нелениво указать на промахи, поддержать и молодого исследователя, и авторитетного ученого. В высококонкурентной среде российского китаеведения он ни с кем не конкурировал, оставаясь бескомпромиссным и несговорчивым лишь по принципиальным вопросам.

Олег Ефимович относился к тому редкому и, пожалуй, вымирающему типу людей, о которых принято говорить «интеллигентный». Отличительными чертами его характера были неиссякаемое чувство юмора, доброжелательность и чувство такта. Олег Ефимович умел поддержать в трудную минуту, найти нужное слово и делал это очень естественно, по-дружески. Чувства, возникавшие при общении с ним, сродни тем, что нашли отражение в строчках стихотворения⁸ Н. И. Фоминой, ученого-китаеведа, которая дружила с ним на протяжении многих лет:

Когда в висках сверкает седина,
Как среди осени нежданные снежинки,
То вспоминаешь прошлого картинки,
В колодце времени мне ближе глубина.

Листая годы, как альбомные страницы,
Я берегу вниманья каждый знак,
Он может быть серьезен иль пустяк,
Но в сердце почему-то он хранится:

И разговор, где час казался мигом,
Улыбка друга или нежный взгляд,
Так редкости музейные хранят –
Любой предмет уже окутан мифом.

⁷ По материалам страницы Д. Д. Беляева в «Живом журнале». URL: <https://maoist.livejournal.com/416079.html> (дата обращения 23.11.2020).

⁸ Стихотворение «Друзья» (1984 г.) было любезно предоставлено для публикации дочерью Н. И. Фоминой из личного архива.

Друзья, к вам нежных чувств не перечесать,
Их невозможно выразить словами.
Спасибо вам за то, что все вы есть,
За то, что сердце вечно полно вами.

Когда из жизни уходят такие люди, как О. Е. Непомнин, с новой силой приходит понимание утраты чего-то важного и безвозвратно ушедшего не только с точки зрения профессионализма, но и с позиции высоких моральных качеств, примером которых он был всю жизнь. Говоря словами Конфуция, он жил «следуя желаниям сердца и не преступая меры» – именно таким он и запомнится нам навсегда.

Д. В. Дубровская

Станислав Роберт Кучера (1928–2020)



28 июля 2020 г. ушёл из жизни главный научный сотрудник отдела Китая Института востоковедения РАН, доктор исторических наук, профессор Станислав Роберт Кучера (Stanisław Robert Kuczeŕa, Гу Чжэ 顧哲) – одна из ключевых фигур в польском, советском и российском китаеведении. До последнего дня он был одним из самых печатаемых и уважаемых экспертов в области истории и археологии древнего Китая, не только живой легендой – но и недостижимым образцом профессионализма, отношения к науке, интеллигентности и благородства – образцом, над которым, казалось, не властно время.

Станислав Кучера родился 5 мая 1928 г. в Польше, во Львове, лишь незадолго до того переставшем быть австро-венгерским Лембергом. На протяжении всей своей долгой жизни он безоговорочно причислял себя к очень особому и сейчас почти исчезнувшему сообществу львовян (*Lwowianie*) – поляков, в 1939 г. лишённых своей родины, но продолжающих до последнего вздоха лелеять память о ней. Призрачный *Leopolis semper fidelis*¹, краса и гордость молодой Польской республики, не пережив бурь XX в., всё же сохранился в своих детях, рассеявшихся по лицу земли.

Станислав Иосифович родился в небогатой городской семье с чешскими корнями. Его мать Паулина умерла, когда он был в начальной школе, и его, вместе со старшей сестрой и младшим братом, растил отец – Юзеф (*Józef Kuczera*) – искусный краснодеревщик и реставратор деревянной утвари, чьи распятия и кафедры, может быть, и до сих пор стоят в костёлах Львова. «Скульптор Юзеф Кучера», между прочим, фигурирует в очень любопытном документе из архива Института Пилсудского в Лондоне – это датированный сентябрём 1914 г. список жителей Лемберга, подозревавшихся в симпатиях к России – и, соответственно, почитавшихся не вполне надёжными в условиях идущей мировой войны [Pilsudski 2017]. Как видим, русофилия – пусть, возможно, и чреватая неприятностями – была своего рода семейной традицией.

Судьба Львова была решена в Секретном протоколе Пакта Молотова – Риббентропа. С 12 по 21 сентября 1939 г. город держал оборону против немецких войск, с 19 сентября – в полном окружении (с востока город был блокирован советскими войсками). 22 сентября было принято решение сдать город русским. Станислав Иосифович вспоминал, как горожане, наблюдавшие за входом частей «непобедимой Красной армии» в город, были потрясены оборванным, измученным, голодным обликом советских солдат. Девочка случайно выронила булку, которую она ела, — и один из бойцов тут же бросился, чтобы подобрать её, — как будто это было какое-то редкостное кушанье.

Здание школы, в которой учился Станислав, было отдано армии. 23 декабря 1939 г. на уроки не явилась примерно треть класса – их семьи были высланы в Сибирь.

В это военное время определился главный интерес будущего исследователя – Станислав Иосифович вспоминал, что весной 1940 г., проходя мимо здания украинского театра, вдруг понял,

¹ «Львов всегда верен» — девиз, дарованный городу в 1658 г. папой Александром VII (1599–1667, папа с 1655 г.).

что непременно будет учёным, — хотя ещё и не знал, в какой области. С самых ранних лет он отличался особенной тягой к учёбе — уговорил родителей отдать его в школу годом раньше, любил отвечать на уроке и писать контрольные работы, а летние каникулы начинали тяготить его уже на второй месяц.

30 июня 1941 г. город был оставлен советскими войсками, в спешке отступавшими под огнём украинских партизан. Несмотря на стремительность ретирады, Красной армии хватило времени, чтобы расстрелять около четырёх тысяч заключённых. Станислав был в числе горожан, вошедших в здание Львовской тюрьмы, чьи камеры были заполнены ещё тёплыми телами убитых.

Приход немцев не принёс облегчения — 3 июля были арестованы и расстреляны вместе со своими семьями двадцать пять профессоров львовского Университета Яна Казимира, в довоенной Польше считавшегося вторым (а по многим дисциплинам — и первым) после краковского Ягеллонского университета. Польская культура не была нужна в Третьем рейхе, полякам уделялась роль рабочей силы. Вскоре после этого Юзеф Кучера был расстрелян за укрывательство евреев. С помощью друзей семьи мальчик был спешно переправлен в Варшаву, где жила его старшая сестра. Во Львов он более не вернулся — если не считать короткой туристической поездки в советское время, которая оставила тяжёлое впечатление родного дома, куда вселились чужие люди. Повторять её не хотелось.

В Варшаве Станислав, как и вся страна, в основном был занят выживанием в условиях оккупации. Из соседей по варшавскому району Мокотов (*Mokotów*) легче всего пережил эти долгие годы человек, ловивший собак и выменивавший их мясо на водку, — впоследствии выяснилось, что он не помнит почти ничего из военных невзгод. Такой вариант Станиславу был недоступен — и некоторое время он был многообещающим учеником мастера-тележника, затем работал на консервной фабрике. Также он много путешествовал по Польше — привязывая себя к особому выступу на крыше вагона, чтобы не свалиться во сне. Целью поездок были не достопримечательности, а продукты, которые можно было выменять на одежду или какие-нибудь ещё городские вещи. В 1944 г. он «чуть-чуть» (по его собственным словам) участвовал в трагическом Варшавском восстании, помогая бойцам одного из отрядов Армии Крайовой. После войны он — вместе с такими же бойцами — пошёл в школу, один из лучших в Варшаве лицеев им. Юлиуша Словацки (*Liceum im. Juliusza Słowackiego*), и подрабатывал, натаскивая этих закалённых в боях ветеранов по трудным для них

мирным наукам – математике и физике. Он был единственным из учеников его класса, который отрицательно ответил на вопрос ксёндза о принадлежности к католической церкви², – и ему единственному было разрешено не посещать уроки религиозного воспитания. Станислав – также единственным из класса – не пропустил ни одного из уроков по этому предмету.

В 1947 г., окончив лицей, он поступил в Институт востоковедения Варшавского университета (*Instytut Orientalistyczny Uniwersytetu Warszawskiego*). Одновременно он поступил и на физический факультет того же университета, который оставил только после двух лет учёбы. Это был первый набор студентов после войны, и первой их задачей был разбор руин и восстановление зданий – как и почти вся Варшава, университет был практически полностью уничтожен в ходе подавления восстания и советских бомбардировок. Из студентов, пришедших в Институт востоковедения вместе со Станиславом, он один не бросил учёбу – как и он, почти все его соученики были сиротами и не имели почти никаких средств к существованию.

Говоря о выборе пути в науке, Станислав Иосифович вспоминал детское впечатление, оставшееся у него от книги венгерского писателя Мора Йокаи (*Mór Jókai, Móric Jókay de Ásva, 1825–1904*) «*Errur si muove – És mégis mozog a föld*» («И всё-таки она вертится!»). В ней востоковеды были изображены эффектными полиглотами, яркими звёздами научного небосклона. На момент поступления в университет представления Станислава о востоковедении как науке не слишком отличались от времён детства – он полагал, что это единая область, в которой не существует узких специализаций, и первые годы в университете учил все языки, какие были доступны, – китайский, японский, шумерский, египетский, персидский (этим языком он овладел настолько, что потом успешно сдал по нему многочасовой магистерский экзамен). Лишь к третьему курсу Рудольф Раносек (*Rudolf Ránoszek, 1894–1986*), крупнейший польский специалист по древней Месопотамии, объяснил всеядному студенту, как обстоят дела, – и порекомендовал сосредоточиться на изучении Китая, которым ведал Витольд Яблонски (*Witold Andrzej Jabłoński, 1901–1957*) — в то время единственный китаист Польши.

² Всю свою жизнь Станислав Иосифович не был религиозен, но пунктуально отмечал Рождество и Пасху, с непременными польскими праздничными блюдами, положенными в эти дни. И признавался, что всегда уютно чувствует себя в костёле – как в детстве.

Витольд Яблонски сражался за независимость Польши в советско-польской войне 1920–1921 гг., учился в Варшавском университете (1919–1924) и парижских Высшей школе китаеведения (*École des Hautes Etudes Chinoises*) и Национальной школе живых восточных языков (*École Nationale des Langues Orientales Vivantes*, ныне *Institut National des Langues et Civilisations Orientales, INALCO*) (1924–1930). В 1930–1932 гг. он был консультантом Лиги Наций по вопросам реформы образования в Китае. В 1931–1932 гг. Яблонски преподавал французский язык и литературу в Университете Цинхуа (*Цинхуа да-сюэ* 清華大學) в Пекине, а затем – китайский язык в Краковском университете. Он был автором польской транскрипции китайского языка и польского перевода «Чжуан-цзы». В начале Второй мировой войны он замуровал значительную часть библиотеки Института востоковедения в подвале собственного дома, который так удачно обрушился во время бомбёжки, что подвал уцелел, и после войны книги были обретены вновь – редкий случай в обездоленном Варшавском университете. Во время немецкой оккупации высшее образование для поляков было запрещено – но Яблонски регулярно проводил у себя дома семинары по китайской литературе. И преподаватель, и студенты, в случае если бы дело открылось, поплатились бы за эту китайскую литературу жизнью. Много ли сейчас среди нас преподавателей (и студентов!), способных на такое ради своей науки?

Профессор Яблонски был блестящ. Его семинары не были слишком хорошо организованы – он мог начать с внешней политики Цинь Ши-хуанди, перейти на танскую поэзию, минское искусство, архитектуру – успевать за ним было нелегко. Нередко лекции проходили в ресторане или кофейне, где профессор стремился не только научить, но и накормить своего единственного (и, конечно, всегда голодного) студента. Единственным имевшимся пособием для изучения китайского языка был словарь де Гиня³, который больше помогал в изучении французского, нежели китайского. В эти же годы Станислав немало продвинулся в изучении английского, проводя дни напролёт в кинотеатрах, где крутили американские фильмы про ковбоев, крайне популярные в послевоенной Польше.

³ См. [Guignes 1813]. Словарь К.-Л.-Ж. де Гиня (Chrétien-Louis-Joseph de Guignes, 1759–1845), на самом деле составленный Базилем Джемонским (Basile de Gemona/Glemona, Basilio Brollo, 1648–1704) первый напечатанный большим тиражом крупный словарь китайского языка.

С 1951 г. Кучера, ещё не закончив курса, начал работать в университете ассистентом. В 1952 г. он получил степень магистра философии, защитив работу «Основы даосской ⁴ философии». В феврале 1953 г. в числе первых западных студентов он получил право отправиться на учёбу в Китайскую Народную Республику, где стал аспирантом на историческом факультете Пекинского университета. Смена специализации произошла благодаря совету профессора Яблонски, который имел свои представления о будущем польского китаеведения – в них пан Кучера должен был стать первым польским специалистом по истории Китая. Прибыв в Китай, Кучера получил своё замечательное китайское имя Гу Чжэ (обычно китайские имена у иностранцев довольно неуклюжи и легко идентифицируются — но не в этом случае), причём не от искушённого учителя-сяньшэна, а от поспешного делопроизводителя в конторе по делам иностранных студентов.

Китайского языка новоиспечённый аспирант почти не знал, но на подготовительном факультете провёл всего четыре месяца, перейдя затем к освоению специальности. Он очень жалел о своей поспешности, полагая, что изучением китайского стоило бы заниматься прилежнее, — и тем не менее говорил по-китайски лучше едва ли не всех его коллег в СССР.

Это была странная аспирантура – сперва университетское начальство пыталось убедить его, что специалистов по древнекитайской истории в наличии нет, и только после угрозы настоячивого поляка позвонить всесильному Го Мо-жо (郭沫若, 1892–1978) сдалось, поручив Кучеру попечениям Чжан Чжэн-лана (張政烺, 1912–2005) – и правда одного из немногих высококлассных специалистов, не уехавших на Тайвань. Знакомство с Китаем не ограничивалось аудиторией и библиотекой – Кучера много путешествовал, сам занимался организацией поездок для иностранных студентов, умело составляя маршруты – так, что в поездке по местам подвигов Великого похода можно было бы в достаточном количестве увидеть горы, реки и древние монастыри. Он подружился со студентами из других соцстран (иных иностранцев тогда в Китае не было) – чехами, немцами из ГДР, венграми, румынами. Среди его друзей был даже американец, попавший в плен во время Корейской войны.

Одна история из тех времён говорит о характере – соотечественники сообщили, что перед закрытием выставки достижений поль-

⁴ Станислав Иосифович полагал, что данное слово является производным от *dao* — и, следовательно, писаться должно с одним «с».

ской промышленности можно будет по бросовой цене купить наилучшую ткань. Так и было сделано – и из закупленной ткани китайскому портному было заказано пошить сотню рубашек – чтобы больше уже не отвлекаться на этот вопрос до конца своих дней. Несколько дюжин, увы, пережили предприимчивого владельца.

В 1957 г. в Китай прибыла первая группа советских студентов, многие из которых также стали друзьями Кучеры (а Наталия Павловна Свистунова через девять лет стала его женой). В Пекине же он в совершенстве выучил и русский, который, как и китайский, был универсальным языком общения между иностранцами. До того он учил этот язык всего год, в довоенном советском Львове. Конечно, Кучера тогда не мог и представить, что именно на этом языке он напишет большинство своих книг и статей — и мало кто из коллег писал на таком прекрасном и правильном русском⁵.

С марта 1957 г. по октябрь 1959 г. Кучера был заведующим кафедрой польского языка и культуры пекинского Института иностранных языков (*Вай-го юй-янь сюэ-юань* 外國語言學院). Китай быстро менялся – во время Большого скачка его студенты, обычно крайне прилежные, вдруг стали засыпать на занятиях – оказалось, ночами они варят сталь. Кучера велел им спать дальше – только выставив охрану, чтобы послабление не было замечено. Вскоре почти все студенты, изучавшие польский язык, были поражены в правах как приверженцы «правого уклона» – близость к Польше, во времена Владислава Гомулки (*Władysław Gomułka*, 1905–1982, первый секретарь Польской объединённой рабочей партии в 1956–1970 гг.) считавшейся едва ли не самой «ревизионистской» из стран соцлагеря, обходилась недёшево. Те из них, кто уцелел в первых кампаниях, получили своё во времена культурной революции.

Ухудшение международной обстановки сказывалось и на аспирантуре Кучеры. Подготовленная им диссертация «Классовая структура древнекитайского общества на основе материалов

⁵ При этом Станислав Иосифович всегда считал, что знает русский язык недостаточно, и потому, например, с невероятным количеством оговорок и извинений указывал нам на ошибки или стилистические оплошности в наших работах и статьях – считал, что не ему, иностранцу, учить нас нашему родному языку. Стоит ли и говорить, что его тексты, в том числе с точки зрения русского языка, безупречны. В глубине души он, конечно, знал это — и, кажется, гордился этим больше многих других своих достижений.

«Чжоу ли»⁶) была прохладно принята высокой комиссией, во главе которой стоял сам Цзянь Бо-цзянь (翦伯贊, 1898–1968), декан исторического факультета и один из главных историков-марксистов Китая⁷. Комиссия полагала мнение автора, что Китай не знал рабовладельческой формации, неприемлемым – ведь сам Мао Цзэ-дун ясно сказал, что такая формация в Китае была! Более того, текст был совершенно недостаточно насыщен цитатами из трудов товарища Мао – что было и вовсе недопустимо⁸. Пришлось пойти на хитрость: сославшись на малограмотность, Кучера попросил помочь в подборе цитат заместителя декана – Чжоу И-ляна (周一良, 1913–2001), который пытался искупить грех обучения в США, заслуживая репутацию самого марксистского из всех марксистов университета⁹. Но даже после добавления цитат возможность защиты была под вопросом. К счастью, в ноябре 1960 г. Лю Шао-ци (劉少奇, 1898–1969, председатель КНР в 1959–1968 гг.) был с визитом в Москве, и советско-китайские отношения немного оттаяли. Как только новости об этом достигли университета, 5 декабря Кучера был разбужен в 7 утра звонком телефона – через полчаса он должен был прибыть на защиту. Она продолжалась четыре часа и отнюдь не была простой формальностью. В итоге диссертация была принята¹⁰ – впрочем, без присвоения учёной степени, которых тогда в Китае просто не было (они были введены только в 1981 г.). Через две недели Кучера покинул Китай, с каждым днём становившийся всё более негостеприимным.

⁶ 周禮, «Чжоуский этикет» (иное название «Чжоу гуань» 周官, «Чжоуские чиновники») — важный текст, составленный в середине I тыс. до н. э. и представляющий собой описание мнимой идеальной структуры западночжоуского бюрократического аппарата. Входит в конфуцианский канон.

⁷ Через несколько лет он будет ошельмован хунвэйбинами, отстранён от работы и после многочисленных избиений и издевательств покинет с собой вместе с женой, приняв яд.

⁸ За четверть века работы в СССР С. Кучера удивительным образом процитировал «классиков марксизма-ленинизма» лишь однажды — это была очень подходящая по смыслу цитата Ф. Энгельса.

⁹ Польский перевод статьи Чжоу И-ляна о Ху Ши был первой научной публикацией С. Кучеры, см. [Czou 1956].

¹⁰ С. Кучера вспоминал, что он был единственным иностранцем, которому это тогда удалось, исключением была кореянка, которая могла считаться иностранкой лишь формально, — она была ветераном НОАК и прожила в Китае большую часть жизни.

В Польше, впрочем, его тоже никто особенно не ждал. Профессор Яблонски скончался в 1957 г., и его ученик и преемник Януш Хмелевски (Janusz Chmielewski, 1916–1998) имел своё мнение о распределении ролей в польском Китаеведении – он считал, что необходимо прежде всего заниматься изучением китайского языка и литературы, а в преподавании китайской истории – и, соответственно, в трудоустройстве пана Кучеры – Варшавский университет не заинтересован. Роль могло сыграть и то, что в соцлагере, как и в самом Советском Союзе, ухудшение отношений с Китаем было отмечено резким сокращением до того обильных ставок в Китаеведении, особенно академическом – причём под удар прежде всего попали специалисты, обучавшиеся в Китае.

После нескольких месяцев в статусе стипендиата Министерства высшего образования в апреле 1961 г. Кучера получил место адъюнкта в департаменте Азии и Африки Польского института международных отношений (*Polski Instytut Spraw Międzynarodowych*). Там он писал записки о текущем положении дел на Дальнем Востоке и читал многочисленные популярные лекции о китайской истории, поэзии, архитектуре, экономике и политике от начала времён до Мао, которые – не только в Варшаве, но и по всей Польше – организовывало Общество польско-китайской дружбы (*Towarzystwo Przyjaźni Polsko-Chińskiej*). Китай был интересен многим, и хороший лектор мог неплохо зарабатывать. Институтское начальство же всё настойчивее рекомендовало молодому адъюнкту начать дипломатическую карьеру (например, в Японии). Увы, обе перспективы совсем не влекли Кучеру, который стремился к академической карьере, совершенно недоступной для него в Польше.

Ещё в конце 1960 г., возвращаясь в Польшу, Кучера проезжал через Москву, где встречался с друзьями и прочёл несколько докладов¹¹. В частности, тогда он был представлен Николаю Иосифовичу Конраду (1891–1970), который в тот момент занимался реорганизацией академического востоковедения, чей центр после войны переместился из Ленинграда в Москву. Помимо чисто географических изменений, в голове Н.И. Конрада был прекрасный (хотя и несколько утопический) образ нового института, в котором специалисты не были бы безнадёжно разделены на группы, отдельно друг от друга изучающие свои регионы, а работали бы

¹¹ Результатом этого пребывания стала и первая публикация Кучеры на русском языке — статья о «Чжоу ли» в «Вестнике древней истории» (см. [Кучера 1961]).

вместе, решая комплексные проблемы востоковедения. Как раз накануне приезда Кучеры, весной 1960 г., Институт востоковедения был переименован в Институт народов Азии – а осенью 1960 г. начался завершившийся в мае 1961 г. процесс слияния с новым институтом Института китаеведения. Именно тогда Н.И. Конрад пригласил Кучеру работать в этом новом институте – и приглашение это, как видно, помнилось. Свою роль сыграли и личные обстоятельства.

Так или иначе, в августе 1966 г. Кучера оставил Польшу и переехал в СССР. В апреле 1967 г. он начал работать в отделе Китая Института народов Азии АН СССР (в 1969 г. опять переименован в Институт востоковедения). Несмотря на то что институт, конечно, был довольно далёк от картины, рисовавшейся Н.И. Конраду, и через полвека после начала работы Станислав Иосифович объяснял свою неперемнную верность Институту именно данным ему некогда обещанием: «Николай Иосифович привёл меня сюда и посадил за мой рабочий стол – как же я могу куда-то уйти?»

Тем временем советское китаеведение переживало непростые времена. После вторжения советских танков в Прагу в 1968 г. заведующий отделом Китая Рудольф Всеволодович Вяткин (1910–1995) был вынужден оставить свой пост – причиной была его попытка принять на работу в отдел замечательного чешского китаевода, близкого друга Кучеры Тимофея Покору (Timotheus Pokora, 1928–1985), потерявшего место в Праге после разгрома чешской науки. Не исключено, что если бы Кучера дольше раздумывал о своём переезде в Москву, то он бы тоже не состоялся: тучи сгущались.

Тем не менее именно в это время начинается яркий период сотрудничества Кучеры с французским журналом «Revue Bibliographique de Sinologie» – одним из героических проектов китаеведения XX в. Благодаря удивительному для времён Холодной войны объединению усилий учёных самых разных стран, готовивших аннотации на все (или почти все) мировые публикации, имеющие отношение к Китаю – его истории, культуре, политике, – на протяжении полувека¹² удавалось практически невозможное — регулярный выпуск максимально ёмкого, репрезентативного и квалифицированного дайджеста, отражавшего все главные тенденции современной синологии.

Сейчас, когда проблема неохватности новых публикаций кажется едва ли не главной, совершенно нерешаемой проблемой

¹² С 1957 по 2006 г. вышло 34 номера журнала, посвящённых публикациям 1955–1970 и 1983–2005 гг.

синологии, опыт этих самоотверженных героев (главным из которых, конечно, был Мишель Картье (Michel Cartier, 1934–2019), ещё один друг Кучеры по пекинской аспирантуре, посвятивший журналу всю свою жизнь) особенно ценен. Сейчас даже трудно представить себе, как такой проект был вообще возможен, – учитывая, что любая переписка, вычитка гранок и согласование текстов велись только по почте. И тем не менее это работало, и среди авторов журнала были не только западные учёные, но и многие советские китаисты. В номерах журнала, выходивших в 1969–1982 гг. (охватывал работы с 1962 по 1970 гг.) было опубликовано 54 аннотации, написанные Кучерой и посвящённые самым разным работам (в том числе порой и газетным статьям – во времена культурной революции проблемы избыточности китайских публикаций не существовало – отнюдь, любая информация была редким подарком)¹³.

В первые годы работы в СССР Кучера видел себя, скорее, специалистом по древнекитайской философии – согласно варшавскому диплому. Он активно участвовал в опубликованном в 1972–1973 гг. и до сих пор крайне востребованном двухтомнике «Древнекитайская философия» [ДФ 1972; ДФ 1973], для которого им были подготовлены переводы двух глав из «Шан шу» 尚書 («Чтимые записи») [ДФ 1972, с. 100–111, 307–311], главы из «Лецзы» 列子 [ДФ 1972, с. 212–224, 325–327], восьми глав из «Чжуан-цзы» 莊子 [ДФ 1972, с. 248–294, 337–353], четырёх глав из «Гуань-цзы» 管子 [ДФ 1973, с. 15–25, 42–51, 320–324, 326–330].

Также он много писал для «Философского словаря», вышедшего в 1983 г., – туда им были сданы 42 статьи, посвящённые самым разным аспектам китайской философии. Связано это было не только с компетенцией Кучеры, но и с тем, что Виталий Аронович Рубин (1923–1981), который предполагался главным автором словаря по китайской тематике, в 1972 г. получил отказ на выезд в Израиль и стал одним из лидеров движения «отказников», членом первого состава Московской Хельсинкской группы. Именно он, лишённый по понятным причинам возможности публиковаться в словаре, порекомендовал редакции Кучеру.

Также в это время, судя по всему, Кучера серьезно заинтересовался эпохой Юань (плодами этого увлечения стало несколько первоклассных, крайне заметных в российской науке о Юань статей, прежде всего см. [Кучера 1970; Кучера 1972; Кучера 1977]), а также правом доимперского Китая.

¹³ Подробнее см. [Cartier 2013].

Но и тут вмешалась культурная революция. Китайская наука, казалось, перестала существовать – не выходили книги и журналы, остановилась работа академических институтов, учёные с переменным успехом занимались выживанием среди «митингов борьбы» и всё новых и новых политических кампаний. Научные вести из Китая были редкостью. Первой признаки жизни стала подавать археология – в самый разгар культрева в газете «Гуанмин жи-бао» 光明日報 («Ежедневная газета “Сияющее просвещение”») стали выходить заметки об археологических находках¹⁴. Эти робкие знаки того, что китайская наука, несмотря ни на что, всё ещё жива, были замечены Кучерой одним из первых, и он начал внимательно наблюдать за процессом, собирая эти отчёты и сообщая о них коллегам – прежде всего на конференции «Общество и государство в Китае», которую отдел Китая ИВ АН начал организовывать каждый год с 1970 г. Интуиция не подвела – археология и правда возродилась первой: археологические журналы начали выходить уже в 1972 г., в то время как, например, историческая периодика была восстановлена только с 1974 г. Впрочем, заполучить эти журналы было непросто даже в самом Китае – что уж говорить об остальном мире. Но Кучеру это не остановило – в кратчайшие сроки ему удалось из друзей и коллег по всему миру для поиска информации создать эффективную сеть, способную добывать все (или почти все) выходящие в Китае археологические публикации, – а домашняя библиотека Кучеры вскоре бесспорно превратилась в, возможно, крупнейшую личную китаеведческую библиотеку в СССР.

Именно на базе этого наблюдения за возрождающейся из пепла китайской наукой в 1977 г. появилась первая книга Кучеры «Китайская археология 1965–1974. Палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы» — первая крупная монография по китайской археологии на русском языке и, возможно, единственная в мировой историографии книга о китайской археологии времён культурной революции. В 1980 г. по этой монографии была защищена кандидатская диссертация – а в 1981 г. книгу прочёл академик Алексей Павлович Окладников (1908–1981), чьё слово в советской

¹⁴ Первой из замеченных Кучерой была публикация о «нефритовых саванах» (*юй и* 玉衣), найденных в 1968 г. в г. Маньчэн 滿城 пров. Хэбэй. Они принадлежали западноханьскому князю Лю Шэну 劉勝 (ум. 113 г. до н.э.) и его жене Доу Вань 竇綰. Саваны были первыми находками, подтвердившими существование этого описанного в письменных источниках ханьского погребального аксессуара.

археологии и вообще науке значило очень много; он написал в Институт востоковедения, что автору немедленно должна быть присуждена докторская степень, что и произошло в том же году. Только после этого Кучера расстался с должностью младшего научного сотрудника, в которой начальство института неуклонно удерживало его полтора десятка лет, ссылаясь на формальное отсутствие учёной степени.

Вторая монография Кучеры «Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век», вышедшая в 1996 г., также была посвящена археологии – по сей день она остаётся самой подробной работой о китайском палеолите в западной историографии. Её продолжением является ещё одна книга – «Древнейшая и древняя история Китая. Ранний неолит юга страны», имевшая непростую историю. Книга, завершённая в середине 1990-х гг., была, кажется, первым монографическим изданием, осмыслившим множасьщиеся находки в южных провинциях, которые очевидно заставляли пересмотреть традиционную версию зарождения китайской цивилизации, где все лавры отдавались северу, долине Хуанхэ. Именно в этой книге впервые был сформулирован тезис о полицентричности формирования цивилизации в Восточной Азии и на многочисленных примерах было показано, что южные культуры были не только оригинальны, но и во многих аспектах заметно опережали северные. Сейчас этот тезис вошёл в учебники и не вызывает ни у кого ощущения новизны – но тогда ситуация была совсем иной. К сожалению, вмешался случай – рукопись книги была потеряна в издательстве, что в докомпьютерную эру не оставляло никакой надежды на её восстановление. Удивительным образом через двадцать лет рукопись нашлась – но радость, конечно, омрачалась пониманием, что за прошедшие годы потускнела не только новизна многих тезисов, но и фактические данные, – за двадцать лет китайская археология из молодой науки, делавшей только первые уверенные шаги, стала крупнейшей в мире индустрией нахождения, изучения и публикации данных. Выслушав буквально от всех коллег и учеников совет издать рукопись в первоначальном виде – с кратким предисловием, поясняющим ситуацию, Станислав Иосифович за два года переписал книгу заново – так, что её объём удвоился. К исходному тексту был добавлен другой – в котором были учтены новые данные, в том числе сотни интернет-публикаций (всего в списке литературы монографии более 2 200 позиций, что, как и в случае тома о палеолите, позволяет рассматривать её в том числе как своего рода те-

матическую энциклопедию – не имеющую себе равных вне Китая). Книга вышла в конце 2020 г. – увы, посмертно.

При этом археология не заслонила интереса к текстам – по специальности Станислав Иосифович всегда считал себя прежде всего филологом. В последние десятилетия он вернулся к «Чжоу ли» и успел опубликовать два тома перевода (вышли в 2010 и 2017 гг.), снабжённых подробнейшим комментарием и исследованиями отдельных вопросов, затронутых в переведённых частях. Этот перевод – первый после французского перевода Эдуарда Био (Édouard Biot, 1803–1850), единственного на данный момент полного перевода этого замечательного текста на западные языки (см. [Biot 1851]). К сожалению, это только шестая часть памятника.

Необходимо также отметить, что без участия Станислава Иосифовича вряд ли удалось бы завершить один из главных проектов отечественного китаеведения – полный перевод «Записей историографа» («Ши цзи» 史記) Сыма Цяня 司馬遷 (145/135 г. до н. э.–?), – практически все трудные места глав последнего, девятого тома, вышедшего в 2010 г., обсуждались Анатолием Рудольфовичем Вяткиным с Кучерой, бывшим главным консультантом тома.

Надо сказать, что как в своих переводах философских текстов, так и в переводе «Чжоу ли» Кучера сразу узнаваем – во многом именно им был перенесен на русскую почву западный стиль академического, научного перевода китайских памятников, подразумевающий не только подробнейший, иногда многоуровневый исторический и филологический комментарий, но и стремление к максимально возможному сохранению в переводе структуры и грамматики оригинального текста, с непременно выделением текста, добавленного переводчиком. Этот узнаваемый стиль, во многом представляющий собой противоположность нацеленному на лёгкость чтения стилю переводов Василия Михайловича Алексева (1881–1951), также имитируется многими – часто даже не подозревающими, чьему перу они следуют.

Последней книгой Станислава Иосифовича тоже суждено было стать переводу – на его рабочем столе остался законченный в последние дни жизни перевод «Сяо-цзина» 孝經 («Канон сыновней почтительности») – первый полный перевод текста на русский язык. Он посвящён памяти родителей и, надеемся, вскоре будет опубликован.

На стыке двух направлений находилось ещё одно – эпиграфика. Станислав Иосифович был одним из крупнейших отечественных специалистов по шанским гадательным надписям и чжоуским надписям на бронзе. Им не только переведено и прокомментировано

вано множество важнейших инскрипций и написаны соответствующие разделы для университетских учебных пособий, он был одним из очень немногих учёных, которые используют данные эпиграфики не только для изучения её самой, но и как источник для исследования широкого круга вопросов истории и культуры.

Станислав Иосифович был не только замечательным учёным, он был по-старинному очаровательным человеком – пожалуй, самым куртуазным, остроумным и красивым (и высоким – 188 см ростом!) мужчиной в китаеведении своего времени. Прожив более пятидесяти лет в СССР и России, он никогда даже не задумывался о том, чтобы отказаться от польского гражданства или просить о втором паспорте (о чём, кстати, кажется, не знали его многочисленные недоброжелатели в Польше, так и не простившие ему отъезда в Москву), несмотря на немалые неудобства¹⁵ такого положения – например, всё советское время к нему регулярно заходил участковый, с неременной просьбой: «Мне нужно что-нибудь плохое про вас для отчёта. Придумайте сами, у вас же лучше получится!»

Впрочем, у положения были и немалые преимущества – едва ли не единственным из советских китаистов он мог свободно путешествовать по миру, в том числе на вожделенный для всех Запад. Правда, привозил он оттуда не видеоманитофоны, а тома словарей и книг, купленные за драгоценную валюту, – деньги никогда не имели над ним никакой власти, и он, кажется, даже не вполне понимал, почему многие люди так к ним стремятся.

Природный европейский интеллигент, всегда элегантно одетый, говоривший на всех западных языках – не говоря уж о сво-

¹⁵ Например, пришлось долго хлопотать о разрешении посетить Минусинск, где находился замечательный музей, который ему всячески рекомендовали сибиряки. В итоге разрешение было получено – и вот Кучера с женой вышел из вагона на длинный перрон, совершенно лишённый малейших признаков асфальта. Где-то почти у горизонта виднелся вокзал. «Интересно, – задумчиво произнёс Станислав Иосифович, не без труда извлекая из грязи туфлю, – что они тут так хотели от меня спрятать?» К Советскому Союзу (да и России), несмотря на прожитые тут 55 лет, он относился как иностранец – с симпатией и сочувствием, но и с неослабевающим удивлением от нелепого устройства (в том числе и климатического: «Пятьдесят лет живу в России и никак не могу понять, как у вас тут устроена погода?! В Польше если весна — то весна, если зима — то зима, а тут никогда не знаешь, что тебя ждёт!») этой части суши.

При этом Кучера отдал России свою жизнь, свои знания и свою научную славу вполне осознанно и никогда не жалел об этом.

бодном, живом китайском, — он был всегда в числе самых желаемых представителей советского китаеведения на международных конгрессах и семинарах и, пожалуй, самым «западным» из своих советских коллег, для которых он был настоящим окном в мир за железным занавесом. Даже по-русски он говорил с каким-то уникальным, мягким, только ему присущим, но, без сомнения, совершенно заграничным акцентом. Станислав Иосифович дружил или состоял в переписке почти со всеми крупными китаистами своего времени. С Оуэном Латтимором (Owen Lattimore, 1900–1989)¹⁶, Тимофеем Покорой и Мишелем Картье его связывала близкая, многолетняя дружба — равно как и с Хербертом Франке (Herbert Franke, 1914–2011), Роландом Фельбером (Roland Felber, 1935–2001), Мартином Берналем (Martin Gardiner Bernal, 1937–2013). Он состоял в переписке с очень ценившим его Сергеем Григорьевичем Елисеевым (Serge Elisseeff, 1889–1975), Бернхардом Карлгреном (Klas Bernhard Johannes Karlgren, 1889–1978), Чжан Гуан-чжи (Chang Kwang-chih 張光直, 1931–2001), был знаком с Дэрком Бодде (Derk Bodde, 1909–2003), Полем Демьевиллем (Paul Demiéville, 1894–1979), Антониом Хюльзеве (Anthony François Paulus Hulsewé, 1910–1993), Мартином Вильбуrom (Clarence Martin Wilbur, 1907–1997), который упоминает «очень милого польского китаеведа» в своих мемуарах [Wilbur 1996, p. 234], — и многими, многими другими. Влюбленный в работу, он не был затворником — и любил принимать гостей и вспоминать тех, кто ушёл. Таких с каждым годом становилось всё больше. «Неплохо долго жить, особенно если бы знать об этом заранее, — говорил он, — вот только слишком много вокруг становится могил».

Из еды любил только польскую кухню, к остальной был вполне равнодушен — даже к китайской, что странно для синолога, тем более проводшего в Китае немалую часть жизни. Вообще, кажется, еду относил скорее к частям жизни, отвлекающим от работы, — к чему-то, на что не стоит тратить много времени и эмоций. По той же причине не понимал увлечения алкоголем или табаком — считал это бездельем, которого не понимал и не принимал.

Он был замечательным учителем. И здесь я говорю не про научное руководство шестнадцатью диссертантами, не про созданную научную школу, «выпускники» которой работают не

¹⁶ В один из первых приездов Латтимора в СССР Кучера был выдан ему как чичероне — за беглость языка. В дальнейшем при каждом приезде учёный немедленно требовал разыскать ему Кучеру — и отправлялся обедать к нему в Беляево, отказываясь от любых ресторанов.

только в России, но и в Германии, Франции, Японии, США, не про 14 лет профессорства на историческом факультете МГУ, где им была создана (и с его уходом, в общем, закончилась) уникальная специализация по истории Древнего Китая, не про преподавание в РГГУ, не про написанные им разделы многочисленных вузовских учебников, всегда невероятно расширяющие заданный формат. Про другое.

Он не был очень собранным лектором, особенно для своих студентов. Как и Яблонски, легко переходил от мысли к мысли и не любил долгих последовательных курсов. Преподаванию истории предпочитал чтение текстов – или прекрасную экзотику вроде спецкурса «Пять священных гор Китая» – потом именно с тетрадкой по его курсу я поднимался на Тайшань 泰山 и другие священные пики. При этом, несмотря на ничтожную зарплату профессора на полставки, он сам придумал себе педагогическую нагрузку вчетверо больше положенной – с каждой группой занимался по четыре пары вместо одной, стоявшей в ведомости. Когда я ещё в студенчестве был на стажировке в Китае, Станислав Иосифович всегда обстоятельно отвечал на мои письма – при том что терпеть не мог их писать. Они хранятся у меня – с подробными рекомендациями, где покупать книги, куда поехать, что прочесть. Когда мы с Мариной Евгеньевной Кузнецовой-Фетисовой стали его аспирантами, он в неожиданно торжественной обстановке попросил разрешения говорить нам «ты» – как уже в полной мере своим ученикам. Ничто не могло его обрадовать больше, чем наши успехи, – и огорчить больше, чем наши неудачи. Ему нравилось видеть в нас не зависящих от его наставничества птенцов (тексты наших дипломов и диссертаций интересовали его очень мало) – а учёных, которыми он мог бы гордиться. «Ученики всегда должны идти дальше учителя, в этом смысл науки», – всегда говорил он.

При этом сам задавал бесконечно высокую планку – и человеческую, и научную, выше которой подняться вряд ли кому из нас суждено. Как учёный он не просто не угасал с годами – он ушёл в расцвете, причём, уверен, не на пике, а на пути к нему. Его работы последних лет ни в чём не уступают более ранним, но превосходят их, производя абсолютно магическое воздействие сверхчеловеческой наполненности автора накопленными знаниями, которыми он оперирует с простотой и изяществом человека, который никого ни в чём не старается убедить, а просто делится своими мыслями. Как же нам будет всего этого не хватать!

Станислав Роберт Кучера скончался мгновенно, от сердечного приступа, выйдя на прогулку после обычного рабочего утра. Я вспоминаю его слова о том, как умер профессор Яблонски: «Знаешь, он умер прекрасной смертью – он приехал в Китай в 1957 году, летом, и жил в Пекинском университете. Я был тогда в Китае. Но я был в поездке, и в Пекине меня не было. Поэтому я с ним, к сожалению, не столкнулся. 22 июля тогда был праздник Возрождения Польши, сейчас это не праздник. А тогда считалось, что 22 июля 1944 года был опубликован манифест Временного комитета в Люблине, и это считалось началом народной Польши. Тогда это отмечалось как праздник. Его, естественно, пригласили в посольство. Он там немножко поел, немножко выпил, погода была жаркая. Его привезли домой в *Бэй-да*¹⁷, где он сел за письменный стол, чтобы ещё поработать, и умер поздно ночью. Сердечный приступ. Я считаю, что это прекрасная смерть! Во-первых, китаевед умирает в Китае, и не просто в Китае, а в Пекинском университете. А во-вторых – не просто в Пекинском университете, а за письменным столом – что может быть лучше? И к тому же без страданий. Возможно, он даже и не осознал ничего» [Интервью 2014, с. 187–188].

Он тоже хотел умереть в Китае. Этого не получилось. Но, кажется, получилось всё остальное.

Тоскуй под скорбными пальцами, *цинь*,
Рыдай под билом, нефрит.
В далёкий путь уходит один,
Оставшийся здесь – скорбит.
Никто не знает про то ничего,
Но там он уже, надеюсь,
Где вечный полдень, где ждал его
Leopolis simper fidelis.

Литература

1. ДФ 1972 – Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 1. М.: Мысль, 1972. 363 с.
2. ДФ 1973 – Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. Т. 2. М.: Мысль, 1973. 384 с.
3. Интервью 2014 – Кучера Станислав Иосифович (интервью, комментарий С. В. Дмитриева) // Российское китаеведение – устная исто-

¹⁷ *Бэй-да* 北大 — обиходное китайское название Пекинского университета (кит. *Бэйцзин да-сюэ* 北京大學).

рия. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами. XX–XXI вв. Т. I. М.: ИВ РАН Крафт+, 2014. С. 178–218

4. Кучера 1961 – *Кучера С.* К вопросу о датировке и достоверности «Чжоу ли» // Вестник древней истории. 1961. № 3. С. 111–120.

5. Кучера 1970 – *Кучера С.* Монголы и Тибет при Чингисхане и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 255–270.

6. Кучера 1972 – *Кучера С.* Проблема преемственности китайской культурной традиции при династии Юань // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 276–308.

7. Кучера 1977 – *Кучера С.* Некоторые проблемы экзаменационной системы и образования при династии Юань // Китай: государство и общество. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 73–92.

8. Biot 1851 – *Le Tcheou-li ou Rites des Tcheou / Traduit pour la première fois du chinois par feu Édouard Biot.* Vol. 1–3. Paris: Imprimerie nationale, 1851. 548 p., 620 p., 119 p.

9. Cartier 2013 – *Cartier M.* Stanislas Kuczera et sa contribution à la Revue bibliographique de sinologie // *Дмитриев С. В.* (сост.) Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. М.: ИВ РАН, 2013. С. 14–16.

10. Czou 1956 – *Czou I-liang.* Zachodnia sinologia i Hu Szy // Zagadnienia Nauki Historycznej. 1956. 1 (6). S. 180–197.

11. Guignes 1813 – Dictionnaire Chinois, Français et Latin, publié d'après l'Ordre de sa Majesté l'Empereur et Roi Napoléon le Grand / Par M. de Guignes, Résident de France à la Chine, attaché au Ministère des Relations Extérieures, correspondant de la première et de la troisième classe de l'Institut. Paris : Imprimerie impériale, 1813. lvi+1114 p.

12. Pilsudski 2017 – Hauptkundshaftsstelle Lemberg materiały dotyczące rosyjskiej siatki szpiegowskiej // Instytut Józefa Piłsudskiego w Londynie. URL: <https://www.pilsudski.org.uk/archiwa/dokument.php?nonav=&nrar=701&nrzesp=1&sygn=109&handle=701.180/3698> (дата обращения 26.12.2020).

13. Wilbur 1996 – *Wilbur C. M.* China in My Life: A Historian's Own History. Abingdon-on-Thames: Routledge, 1996. 304 p.

Литература о Станиславе Роберте Кучере

Интервью:

1. Юбиляр о себе и о многом другом. Интервью, взятое С. В. Дмитриевым в 2009 г. // *Дмитриев С. В.* (сост.). Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. Opera in honorem venerandi Stanislavi Kuczerae Natalia sua octogesima quinta celebrantis (Учёные записки Отдела Китая. Вып. 11). М.: ИВ РАН, 2013. С. 17–76.

2. Кучера Станислав Иосифович (интервью, комментарий С. В. Дмитриева) // Российское китаеведение – устная история. Сборник

интервью с ведущими российскими китаеоведами. XX–XXI вв. Том I. М.: ИВ РАН Крафт+, 2014. С. 178–218.

3. Кучера Станислав Иосифович (комментарии С. В. Дмитриева, В. Ц. Головачёва, С. И. Кучеры) // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеоведами. XX–XXI вв. 2-е изд., испр. и доп. Том I. М.: Издательство «МАКС Пресс», 2018. С. 178–218.

Статьи в энциклопедиях и справочниках:

1. Кучера Станислав Роберт // Китайская философия. Энциклопедический словарь. М.: Мысль, 1994. 573 с. С. 158.

2. Кучера С. // Российское китаеведение: (Краткий справочник) / Сост. Ф. Б. Белелюбский, Н. Б. Зубков, В. П. Журавлева, Н. Ю. Новгородская. (Информ. бюллетень ИДВ РАН, № 11). М.: ИДВ РАН, 1994. С. 75.

3. Kuczera S. // European Association of Chinese Studies publications: Russian Sinology. Surveyno. 4. Moscow, Paris, 1996. P. 91.

4. Кучера Станислав Роберт // Профессора и доктора наук Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. Биографический словарь. 1997. / Сост. и авторы А. Ю. Гримза, Е. В. Ильченко. М.: Книжный дом «Университет», 1998. 680 с. С. 306.

5. Кучера Станислав Роберт // *Милибанд С.Д.* Востоковеды России: XX – начало XXI в.: биобиблиографический словарь. В 2 кн. М. Восточная литература, 2008. Кн. I: А–М. С. 763–764.

6. Кучера Станислав Роберт // Википедия, свободная энциклопедия. URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Кучера, Станислав_Роберт](https://ru.wikipedia.org/wiki/Кучера,_Станислав_Роберт) (дата обращения 28.12.2020)

7. Сыданьнисылафу Куцела 斯坦尼斯拉夫·库切拉 (Станислав Кучера) // Вэйцзи байкэ, цзыю дэ байкэ цюаньшу 维基百科, 自由的百科全书 (Википедия, свободная энциклопедия). URL: <https://zh.wikipedia.org/wiki/斯坦尼斯拉夫·库切拉> (дата обращения 28.12.2020)

Юбилейные публикации:

1. *Бокшанин А. А.* К 75-летию юбилею С. Кучеры // Общество и государство в Китае. XXXIV научная конференция. М.: Восточная литература», 2004. С. 1.

2. *Сиренко Т. П.* (сост.). Основные научные труды С. Кучеры // Восток: Афро-Азиатские общества: история и современность (Oriens). 2004. № 4. С. 207–209.

3. *Редколлегия.* К 80-летию Станислава Роберта Кучеры // Общество и государство в Китае. XXXIX научная конференция. М.: Восточная литература, 2009. С. 8–10.

4. *Редколлегия.* К 80-летию Станислава Роберта Кучеры // Восток: Афро-Азиатские общества: история и современность (Oriens). 2008. № 3. С. 214–216.

5. *Дмитриев С. В.* (сост.). Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. Opera in honorem venerandi Stanislavi Kuczerae Natalia sua octogesima quinta celebrantis (Учёные записки Отдела Китая. Вып. 11). М: ИВ РАН, 2013. 576 с.

6. *Редколлегия*. К 90-летию Станислава Роберта Кучеры // Общество и государство в Китае. Том XLVIII. Ч. 2 (Учёные записки Отдела Китая. Вып. 28). М.: ИВ РАН, 2018. С. 6–9.

Некрологи:

1. Отдел Китая с прискорбием сообщает о том, что 28 июля 2020 года ушёл из жизни патриарх российского и польского Китаеведения Станислав Роберт Кучера // Веб-сайт Института востоковедения РАН. URL:<https://ivran.ru/novosti?artid=15929> (дата обращения 28.12.2020).

2. *Дмитриев С. В.* Станислав Роберт Кучера // Восток: Афро-Азиатские общества: история и современность (Oriens). 2020. № 4. С. 254–258.

3. *Кузнецова-Фетисова М. Е.* Памяти Станислава Иосифовича (Роберта) Кучеры (05.05.1928 – 28.07.2020) // Вестник Института востоковедения РАН. 2020. № 3 (13). С. 357–360.

4. *Tao Юань* 陶源, *Чжоу Ко* 周阔. Цзинянь Элосы кэсююань юаньши Гу Чжэ цзяошоу 纪念俄罗斯科学院院士顾哲教授(Памяти профессора Гу Чжэ, академика Российской академии наук) // Го-цзи ханьсюэ 国际汉学 (Международное Китаеведение). 2021. № 1 (26). С. 9–10.

5. *Dmitriev S.* Stanisław Kuczera (May 5, 1928 – July 28, 2020). Obituary // Early China. 2021. Vol. 44. P. 1–12.

Список трудов С. Кучеры¹⁸:

Czou I-liang. Zachodnia sinologia i Hu Szy. Пер. с кит. // Zagadnienia Nauki Historycznej. 1956. № 1 (6). S. 180–197.

К вопросу о датировке и достоверности «Чжоу ли» // Вестник древней истории. 1961. № 3. С. 111–120.

24 энциклопедические статьи. 1961–1965¹⁹.

¹⁸ За основу принят список в книге: *Дмитриев С. В.* (сост.). Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. Opera in honorem venerandi Stanislavi Kuczerae natalia sua octogesima quinta celebrantis. М: Институт востоковедения, 2013. С. 565–571.

Благодарю за неоценимую помощь в составлении списка Барбару Визимирска (Barbara Wizimirska), С. Г. Петрову, Н. Ю. Агеева, С. В. Сидоровича, Славоя Шинкевича (Slawoj Szynekiewicz).

¹⁹ По данным С. Кучеры. Вероятно, имеются в виду, прежде всего, публикации в «Wielka Encyklopedia Powszechna» («Большая всеобщая энциклопедия»), крупнейшей польской энциклопедии XX в., вышедшей в 1962–1970 в 13 тт. в варшавском издательстве Państwowe

- Zarys historii rozwoju chińskiej myśli naukowej. Warszawa, 1962. 78 s.
- Terytorium Powiernicze ONZ administrowane przez USA // Sprawy Międzynarodowe. 1963. № 3. S. 111–120.
- Chiński Hipokrates [wraz s C'in Jue-žen] // Kontynenty. 1964. № 1.
- Układ Japonii z Koreą Południową" (tło historyczne, geneza i analiza treści) // Sprawy Międzynarodowe. 1965. № 12. S. 86–99.
- Wyprawy Czeng Ho // Kontynenty. 1965. № 4 (15). S. 38–39.
- Asia. A Handbook [рецензия] // Sprawy Międzynarodowe. 1966. № 11. S. 138–140.
- G. C. Allen. Japan's Economic Expansion; Postwar Growth of the Japanese Economy. With a Description of the Role of the Japan Development Bank [рецензия] // Sprawy Międzynarodowe. 1966. № 12. S. 129–136.
- Ne Win: Birma na nowym пути [рецензия] // Sprawy Międzynarodowe. 1966. № 6. S. 131–134.
- Sikkim i stosunki chińsko-indyjskie // Sprawy Międzynarodowe. 1966. № 5. S. 84–89.
- Stanowisko dalekowschodnich sojuszników USA wobec wojny wietnamskiej // Sprawy Międzynarodowe. 1966. № 7. S. 95–107.
- О генезисе капитализма в сельском хозяйстве Китая [рецензия, в соавторстве с М. Я. Волковым и Н. П. Свистуновой] // Народы Азии и Африки. 1967. № 6. С. 109–117.
- Stosunki ZSRR – Japonia // Sprawy Międzynarodowe. 1967. № 6. С. 91–102.
- Две книги по истории Китая // Вопросы истории. 1968. № 10. С. 186–192.
- Polityka zagraniczna Chińskiej Republiki Ludowej 1949–1969: wybór dokumentów / Opracowali S. Kuczera, J. Rowiński, E. Zysman. Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Zakład Krajów Socjalistycznych. Cz. 1: 1949–1954. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Zakład Krajów Socjalistycznych, 1969. 423 S.
- Chung-kuo feng-chien she-hui «nung-min chengch'üan» ti liang- chung-hsing chi ch'i hsiang feng-chien-hsing cheng-ch'üan chuan-hua ti pi-jan-hsing 中國封建社會農民政權的兩種性及其向封建性政權轉化的必然性. LSYC 1962, 3 by Li-huang Ch'i, 戚立煌 [аннот.]; T'u-ti wen-t'i chien-lun 土地問題檢論. Chung-hua wen-shih lun-ts'ung 2 by Shou-shih Ch'en, 陳守實 [аннот.]; Chung-kuo Mu-ssu-lin ti li-shih ch'uan-t'ung 中國穆斯林的歷史傳統. LSYC 1962, 2 by Shou-i Pai, 白壽彝 [аннот.]; Chung-kuo nu-li ti chi-ko wen-t'i 中國奴隸社會的幾個問題 by Ching-fang Chin, 全景芳 [аннот.]; Lun Wang An-shih pien-fa 論王安石變法. Chung-hua wen-shih lun-ts'ung 2 by Hsiang-k'uei Yang, 楊向奎 [аннот.]; Agrarnaja politika Tajpinov. Narody Azii i Afriki 1962, 4 by V. P. Iljušečkin (pp. 151-152) [аннот.]; Chung-kuo ching-chi ssu-

Wydawnictwo Naukowe (Государственное научное издательство). Увы, авторство статей в этой энциклопедии никак не отмечено.

hsiang shih 中國經濟思想史, Vol. 1 by Chi-ch'uang Hu, 胡寄窗 [аннот.] // Revue bibliographique de sinologie. 1969. Vol. 8 (1962). P. 41; 45; 49; 53; 96; 151–152; 342–343.

Иноплеменные рабы в позднечжоуском Китае // Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии. Вопросы истории и экономики. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 58–73. [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012, с. 143–153].

Монголы и Тибет при Чингисхане и его преемниках // Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 255–270 [2-е изд.: Татаро-монголы в Азии и Европе. Сборник статей. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 260–281] [3-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 154–172].

Система символических наказаний в древнем Китае // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 125–126.

Этические основы правового мышления древних китайцев // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Доклады и тезисы. Вып. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1970. С. 127–130.

M. i B. Składankowie. Wyprawy Krzyżowe [рецензия] // Народы Азии и Африки. 1970. № 1. С. 199–200.

Polityka zagraniczna Chińskiej Republiki Ludowej 1949–1969: wybór dokumentów / Opracowali S. Kuczera, J. Rowiński, E. Zysman; Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Zakład Krajów Socjalistycznych. Cz. 2: 1955–1959. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Zakład Krajów Socjalistycznych, 1970. 585 s.

Концепция стабилизации государственной власти в Гуань-цзы // Научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1971. С. 31–43.

Polityka zagraniczna Chińskiej Republiki Ludowej 1949–1969: wybór dokumentów / Opracowali S. Kuczera, J. Rowiński, E. Zysman; Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Zakład Krajów Socjalistycznych. Cz. 3: 1960–1964. Warszawa: Polski Instytut Spraw Międzynarodowych, Zakład Krajów Socjalistycznych, 1971. 604 s.

Warda J. Mahatma Gandhi, przywódca Indii [рецензия] // Народы Азии и Африки. 1971. № 5, С. 191–192.

«Hsiang yin chiu li » yü « Hsiang li » hsin t'an 鄉飲酒禮與餐禮新探. Chung-hua wen-shih lun-ts'ung 4 by K'uan Yang, 楊寬 [аннот.]; Yu-kuan Tu Wen-hsiu tui-wai kuan-hsi ti chi-ko wen-t'i 有關杜文秀對外關係的幾個問題. LSYC 1963, 4 by Ju-k'ang T'ien, 田汝康 [аннот.]; Chi Ma P'ing-ch'üan ti hsüeh-

shuo 記馬平泉的學說. Chung-hua wen-shih lun-ts'ung 3 by Wen-fu Chi, 嵇文甫 [аннот.] // Revue bibliographique de sinologie. 1971. Vol. 9 (1963). P. 61–62; 163; 417.

«Великий закон» – великая политическая утопия древнего Китая; Некоторые новейшие археологические находки в Китае // III научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 18-23; 98–104.

Становление традиции коллективной ответственности и наказания в Китае; Проблема преемственности китайской культурной традиции при династии Юань // Роль традиций в истории и культуре Китая. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1972. С. 161–183; 276–308; [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 350–365; 318–349].

Шу цзин [глава «Пань-гэн», часть вторая; глава «Великий закон»; глава «Цзюнь ши»]; Чжуан-цзы [Глава первая. «Беззаботное скитание»; Глава вторая. «Сглаживание противоположностей»; Глава шестая. «Великий учитель»; Глава десятая. «О взламывании ларцов»; Глава семнадцатая. «Осенний разлив»; Глава восемнадцатая. «Высшая радость»; Глава двадцать вторая. «Северные путешествия знания»; Глава тридцать третья. «Поднебесная»; Ян Чжу [«Ле-цзы»; Глава седьмая. «Ян Чжу»] // Древнекитайская философия. Т. 1. М.: Мысль, 1972. С. 100–111, 307–311; 248–294, 337–353; 212–224, 325–327.

Гуань-цзы [Глава тридцатая. «Правитель и подданные». Часть первая; Глава тридцать первая. «Правитель и подданные». Часть вторая; Глава сороковая. «Четыре времени года»; Глава сорок шестая. «Ясные законы»] // Древнекитайская философия. Т. 2. М.: Мысль, 1973. С. 15–25, 42–51, 320–324, 326–330.

Символические наказания в древнем Китае // Китай: общество и государство. Сб. статей. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1973. С. 30–54. [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 366–384].

Kuan-yü Chung-kuo feng-chien she-hui chieh-chi mao-tun ti i-hsieh wen-t'i : Yü Hu Ju-lei, Ts'ai Mei-piao t'ung-chih shang-ch'üeh 關於中國封建社會階級矛盾的一些問題（與胡如雷、蔡美彪同志商榷）. LSYC 1964, 5/6 by Yü-yüan T'ang, 唐宇元 [аннот.]; Tung-yüeh, Shan-yüeh ti lai-yüan ho fa-chan 東越山越的來源和發展. Li-shih lun-ts'ung 1 by K'o-wei Ch'en, 陳可畏 [аннот.]; Chung-kuo nu-li she-hui hsiang feng-chien she-hui chuan-pien shih-ch'i ti chieh-chi tou-cheng 中國奴隸社會向封建社會轉變時期的階級鬥爭. LSYC 1964, 5 /6 by Tzu-ch'iang Chou, 周自強 [аннот.]; Lien P'o, Lin Hsiang-ju, Lu Chung-lien 廉頗藺相如, 魯仲連 by Chi-ch'uan T'ang, 湯季川 [аннот.]; Sun En, Hsü Tao-fu ch'i-i ti hsing-chih chi ch'i li-shih tso-yung 孫恩徐道覆起義的性質及其歷史作用. Li-shih lun-ts'ung 1 by Ta-wei

Chu, 朱大渭 [аннот.]; Ming-tai Shui-hsi I-tsu ti nu-li chih-tu 明代水西彝族的奴隸制度. LSYC 1964, 5/6 by Ch'ing-chün Hu, 胡慶均 [аннот.]; Chung-kuo chin-tai kai-liang-chu-i ssu-hsiang 中國近代改良主義思想 by Pin Hu, 胡濱 [аннот.]; Lun « Chan-kuo ts'e » ti pien-hsieh chi yu-kuan Su Ch'in chu wen-t'i 論戰國策的編寫及有關蘇秦諸問題. LSYC 1964, 1 by Chung-shu Hsü, 徐中舒 [аннот.]; T'ang Sung ku-wen yün-tung 唐宋古文運動 by Tung-fu Ch'ien, 錢冬父 [аннот.]; Sung Yüan hua-pen 宋元話本 by I-chung Ch'eng, 程毅中 [аннот.] // *Revue bibliographique de sinologie*. 1973. Vol. 10 (1964). P. 44–45; 50; 55–56; 57; 74; 121; 151–152; 297; 315–316; 322.

Анализ терминов, означающих рабов в «Чжоу ли» // История и культура Китая (Сборник памяти академика В. П. Васильева). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 129–146.

Древнекитайское «варьете» // V научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1974. С. 49–59.

Павляк С. Политика Соединённых штатов по отношению к Китаю (1941–1955 гг.) (Pawlak S. Polityka Stanow Zjednoczonych wobec Chin (1941–1945). Warszawa, PWN, 1973, 415 str.) [рецензия] // Новые книги за рубежом (по общественным наукам). Экономика, философия, история, международные отношения. Ежемесячный критико-библиографический бюллетень. 17-й год издания. № 5 (май). М.: Прогресс, 1974. С. 67–71²⁰.

Щепаньский М. Соединённые Штаты и Китай (Szczeпаński M. Stany Zjednoczone a Chiny. Warszawa, Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowe, 1973, 205 str.) [рецензия] // Новые книги за рубежом (по общественным наукам). Экономика, философия, история, международные отношения. Ежемесячный критико-библиографический бюллетень. 17-й год издания. № 7 (июль). М.: Прогресс, 1974. С. 53–57.

Конфуцианская философия при династии Юань // VI научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 140–147.

Некоторые проблемы, связанные с археологическими находками в Турфане и уезде Жаохэсянь // VI научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 3. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 627–634.

Новый метод абсолютного датирования в китайской археологии и его результаты // VII научная конференция «Общество и государство в Китае». Вып. 1. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1976. С. 9–24.

²⁰ В публикациях в «Новых книгах за рубежом» С. Р. Кучера назван кандидатом исторических наук.

Чжоу ли; Чжу Си; Юань Шу; Юй; Юй; Яблоньский, Витольд; Янь Ин; Яо // Советская историческая энциклопедия. Т. 16. М.: Советская энциклопедия, 1976. С. 19; 22–23; 695; 803; 839–840; 902; 904.

Méthode de la datation a l'aide du carbone radioactif dans l'archéologie chinoise // Actes du XXIX^{ème} Congrès international des Orientalistes. Paris. Juillet 1973. Séminaire organisé par Paul David. Récentes découvertes archéologiques en Chine, en Corée et au Japon. Paris : l'Asiathèque, 1976. P. 34–43.

Китайская археология: 1965–1974. Палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. 268 с.

Из истории китайского танцевального искусства: *ци-пань у* // Китай: история, культура и историография. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 158–199. [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 255–291].

Некоторые проблемы истории Турфана в ханскую эпоху // Н. Я. Бичурин и его вклад в русское востоковедение / Отв. ред. А. Н. Хохлов. Ч. 1–3. Ч. 2. М.: Наука, 1977. С. 42–65.

Некоторые проблемы экзаменационной системы и образования при династии Юань // Китай: государство и общество. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1977. С. 73–92.

XXV Конгресс китаеведов // Народы Азии и Африки. 1977. № 3. С. 178–182.

Étape ancienne du développement du droit chinois // Actes du XXIX^e Congrès international des Orientalistes. Paris. Juillet 1973. Section organisée par Michel Soymié. Chine ancienne (Pré-Modern China). Paris: l'Asiathèque, 1977. P. 219–225.

"Li-shih wan-hsing lun' p'i-p'an: p'ing Chou Ku-ch'eng hsien-sheng ti fan-tung shih-hsüeh 'li-lun'" '歷史完形論'批判 (評周谷城先生的反動史學 '理論') . LSYC 1965 (1) by Hung LIN, 林弘 [аннот.]; "Chung-kuo feng-chien she-hui ti tien-nung yu shen-mo yang ti jen-shen tzu-yu? Yü Hu Ju-lei t'ung-chih shang-ch'üeh" 中國封建社會的佃農有甚麼樣的人身自由? (與胡如雷同志商榷) . LSYC 1965 (6) by Heng-yü HAN, 韓恒煜, Pin-ch'eng LI, 李斌城 [аннот.]; "Hsiang-chü-li-hsüan chih ho k'o-chü chih shih-fou wei nung-min she-chih le i-t'iao shang-sheng ti lu-ching? Ho Ts'ai Mei-piao t'ung-chih shang-ch'üeh" 鄉舉裡選制和科學制是否為農民設置了一條上升的路徑? (和蔡美彪同志商榷) . Hsin chien-she 1965 (4) by Ssu-chih WANG, 王思治 [аннот.]; "Yu-kuan Ti-tsu lai-yüan ho hsing-ch'eng ti ihsieh wen-t'i" 有關氏族來源和形成的一些問題. "LSYC" 1965 (2) by Lieh HUANG, 黃烈 [аннот.]; "Lun Ch'in-mo nung-min ch'i-i ti li-shih ken-yüan ho she-hui hou-kuo" 論秦末農民起義的歷史根源和社會後果. "LSYC" 1965 (4) by Ch'ang-wu T'IENT, 田昌五 [аннот.]; "Lun Hsi-Han ti huo-pi kai chih, chien lun Hsi-Han ti 'Chung-nung i-shang' cheng-ts'e" 論西漢的貨幣改制 (兼論

西漢的重農抑商政策) . "LSYC" 1965 (3) by Tsu-te LI, 李祖德 [аннот.]; "Shih-lun Tung-Chin mo-nien nung-min ch'i-i ti pien-chih" 試論東晉末年農民起義的變質. "LSYC" 1965 (2) by Yung-nien TS'AO, 曹永年 [аннот.]; "Lun Ta-shun cheng-ch'üan ti hsing-chih: yü Sun Tso-min hsien-sheng shang-ch'üeh 論大順政權的性質 (與孫祚民先生商榷) . LSYC 1965 (1) by Kuei-lin TS'AO, 曹貴林 [аннот.]; "P'ing-chia-t'uan jen-min ti ko-ming tou-cheng" 平家疇人民的革命鬭爭. LSYC 1965 (5) by Yü-ch'ing T'ANG, 湯鈺卿, K'o PI, 畢克 [аннот.]; "Iz istorii estetičeskikh učenij v Kitae v načale XX v. (Wang Kuo-wei i Lu-hsün)". Kratkie soobščeniia Instituta narodov Azii 84 by K. I. GOLYGINA [аннот.]; "Hsia hsiao-cheng' wu shih chih-i" 《夏小正》五事質疑. Wen shih 4 by Hsing-wu YÜ, 于省吾 [аннот.]; "Kung-sun Lung tzu pien-chien" 《公孫龍子》辨真. Wen shih 4 by P'u P'ANG, 龐樸 [аннот.]; "T'ai-p'ing t'ien-kuo yü ju-chia ssu-hsiang" 太平天國與儒家思想. Chung-kuo che-hsüeh-shih lun-wen chi 2 by Ssu-yung HU, 胡思庸 [аннот.] // Revue bibliographique de sinologie. 1977. Vol. 11 (1965). P. 42–43; 43; 43–44; 48; 66; 71–72; 77; 121–122; 165–166; 314; 335; 347; 409–410.

Новые палеоантропологические находки в Китае // IX научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. С. 14–21.

Чжан Цзай [без подписи]; Чжоу Дун-и [без подписи]; Чжу Си; Чэн И [без подписи]; Чэн Хао [без подписи] // Большая Советская Энциклопедия. Т. 29. М.: Советская энциклопедия, 1978. С. 182; 183; 184; 265; 265.

Ping-ti Ho. The Cradle of the East. An Inquiry into the Indigenous Origins of Techniques and Ideas of Neolithic and Early Historic China. 5000–1000 B. C. [рецензия] // Народы Азии и Африки. 1978. № 4. С. 211–220.

Кашина Т. И. Керамика культуры Яншао [рецензия] // Народы Азии и Африки. 1979. № 3. С. 220–227.

Некоторые вопросы культуры Китая в эпоху Инь (по материалам, найденным в могиле Фу-хао) // X научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 207–218.

Четвёртая серия радиоуглеродных дат, полученных в КНР // X научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1979. С. 186–200.

Ян Чжу // Большая Советская Энциклопедия. Т. 30. М.: Советская энциклопедия, 1979. С. 515.

Истоки древнекитайского законодательства; Чжоуское законодательство; Законодательные акты начала династии Хань; Контракт о покупке раба [перевод с древнекитайского фрагмента главы 23 «Обозрение законов» «Хань шу»] // Хрестоматия по истории Древнего Востока. Ч. 2. М.: Высшая школа, 1980. С. 185–187; 187–189; 192–197; 201–204.

Новые материалы по неолиту юга Китая // XI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1980. С. 17–24.

Keightley D. N. Sources of Shang History [рецензия] // Народы Азии и Африки. 1980. № 6. С. 217–225.

"Sovetskie istoriki o stanovlenii klassovogo obščestva v drevnem Kitae". "Narody Azii i Afriki" 1966 (1) by Ju. I. SEMENOV [аннот.]; "Hsing and shih: on the problem of clan name and patronymic in ancient China". "ArOr" 34 (4) by M. V. KRYUKOV [аннот.]; "Die Auflösung des legalistischen Staatsmodells gegen Ende des Han". "ArOr" 35 (2) by R. G. WAGNER [аннот.]; *Žarozhdenie obščestvenno-političeskoj i filosofskoj mysli v Kitae* by Fedor Stepanovič BYKOV [аннот.] // *Revue bibliographique de sinologie*. 1980. Vol. 12/13 (1966–1967). P. 68; 71; 95; 441–442.

Китайская археология: 1965–1974. Палеолит – эпоха Инь. Находки и проблемы (автореферат диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук). М., 1981.

Некоторые проблемы истории Китая в свете радиоуглеродных датировок // Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 47–130.

Ранняя история Тайваня в свете новых археологических открытий // XII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1981. С. 17–27.

Цюрихский конгресс китаеведов // Народы Азии и Африки. 1981. № 3. С. 156–162.

Тайцзи; Тянь; Тянь-ди; Шан-ди // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / Гл. ред. С. А. Токарев. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 489; 541; 541; 640 [2-е изд.: Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / Гл. ред. С. А. Токарев. Второе издание. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1988 (1992). С. 489; 541; 541; 640] [3-е изд.: Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах / Гл. ред. С. А. Токарев. Электронное издание. М., 2008. С. 962; 1009; 1009; 1098].

Элементы древних культур на территории Ганьсу // XIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1982. С. 20–31.

Early History of North-Western China (Gansu) // *International Association for the Study of the Cultures of Central Asia. Information Bulletin*. Moscow: Nauka, 1982. Issue 3. P. 40–74.

Studia Sino-Mongolica. Festschrift für Herbert Franke. Herausgegeben von Wolfgang Baner [рецензия] // Народы Азии и Африки. 1982. № 2. С. 184–188.

Knigi Glavnoj redakcii Vostočnoj literatury izdatel'stva "Nauka", 1957–1966: annotirovannyj katalog by Ja. Ja. BYČKOV [аннот.]; *Istoriko-bibliografičeskoe*

obosrenie istočnikov i literatury po novoj istorij Kitaja, Part 2. Ruskaja Soveckaja literatura po novoj istorij Kitaja by Gerontij V. EFIMOV [аннот.]; Voprosy istorii i istoriografii Kitaja: sbornik statej by A. N. HOHLOV [аннот.]; Strany Dalnego vostoka i Jugo-vostočnoj Azii: voprosy istorii i ekonomiki [аннот.]; Monety Kitaja by A. A. BYKOV [аннот.]; Političeskaja bor'ba v srednevekovom Kitae (40-70 e gody XI v.) by Zinaida Grigor'evna LAPINA [аннот.]; Tataro-mongoly v Azii i Evrope: sbornik statej [аннот.]; Kitaiskoe remeslo v XVI-XVIII vekah by Emilija Pavlovna STUŽINA [аннот.]; Kitaj i strany južnyh morej v. XIV-XVI vv by A. A. BOKŠČANIN [аннот.]; Hudožnik, poet, filosof: Ma Yüan i ego vremja by Natal'ja S. NIKOLAEVA [аннот.]; Chieh-tzu yüan hua-chuan: slovo o jivopisi iz sada s gorčično zerno [аннот.]; Čto nužno znat'o kitajskoj pismennosti by Aleksandr Ja. ŠER [аннот.]; Kitajskie elementy v sovremennom uigurskom jazyke slovar' by T. R. RAHIMOV [аннот.]; Žanry i stili literatur Kitaja i Korej: sbornik statej [аннот.]; Tsa-tsuan: izrečeniya kitajskih pisatelej IX-XXX v v by L. Z. EJDLIN, V. A. VEL'GUS, I. E. CIPEROVIČ [аннот.]; Literatura drevnego Kitaja: sbornik statej by N. J. KONRAD [аннот.]; Drevnjaja kitajskaja poezija i narodnaja pesnja: Yüeh-fu konca III v do n. è. – načala III v v n. è. by Igor S. LISEVIČ [аннот.] // Revue bibliographique de sinologie. 1982. Vol. 14/15 (1968–1970). P. 25; 25–26; 32; 32–33; 34; 54; 66–67; 81; 86; 157; 160–161; 165; 191; 196–197; 200–201; 201–202; 206–207.

Ранние неолитические культуры Китая: новые находки и новые проблемы // XIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 6-15.

Синологическая библиотека и исследования по древней истории Китая // Синологическая библиотека – источниковедческая база советского китаеведения: к 25-летию создания: сборник обзоров и материалов. М.: ИНИОН АН СССР, 1983. С. 13–24.

Ван Чун; Даосизм; Конфуцианство; Конфуций; Неоконфуцианство; Фань Чжэнь; Хун Сю-цюань; Цай Юань-пэй; Шан-ди; Ян Чжу // Атеистический словарь / Под ред. М. П. Новикова. 1-е изд. М.: Изд-во политической литературы, 1983. С. 87; 127; 233; 234; 326; 474; 525; 526; 538; 557 [2-е изд.: 1985–1986. С. 80; 118–119; 213–214; 214; 298; 460; 480; 481; 492; 510].

Ван Чун; Ван Янмин; Дай Чжэнь; Дао; «Дао дэ цзин» [без подписи]; Даосизм; «Дао цзан» [без подписи]; Дун Чжуншу; Жэнь; Инь и ян; Инь-янцзя; «Ицзин»; Кан Ювэй; Конфуцианство; Конфуций; Лао-цзы; Ли-закон; Ли-этикет; Лу Цзююань; Минцзя; Моизм; Мо-цзы; Мэн-цзы; Неодаосизм; Неоконфуцианство; Сюнь-цзы; Тайцзи; Тринадцатикнижие [без подписи]; У-син; У Чэн; Фэн Юлань; Хань Фэй [в соавторстве с Л. С. Переломовым]; Хань Юй; Цзися [без подписи]; Ци; Чжан Цзай; Чжоу Дуньшань; Чжуан-цзы; Чжу Си; Чэн, братья; Шао Юн Ян Чжу // Философский энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1983. С. 74; 74;

133–134; 134–135; 135; 135; 135; 179; 187; 218; 218; 234; 244; 277–278; 278; 301; 310; 310–311; 328; 372; 383; 390; 393; 424; 425; 668; 669; 695; 707; 711; 752; 754; 754; 765; 765; 773; 773; 773; 773–774; 776; 777; 817.

Ранняя история Синьцзяна: неолит – начало века металла // Восточный Туркестан и Средняя Азия. История, культура, связи. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 29–54.

Цюйцзялин и истоки чужской культуры // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1984. С. 33–41.

Чжунго миншэн цыдянь [рецензия] // Народы Азии и Африки. 1984. № 2. С. 208–212.

蘇州市文學藝術界聯會編。蘇州的傳說。中國地方風物傳說之二。上海 – 蘇州，上海文藝出版社，1982 (*Сучжоуская городская ассоциация литературы и искусства* (сост). Легенды Сучжоу. Второй сборник китайских местных легенд о природе и обычаях. Шанхай – Сучжоу, Шанхай вэнь-и чубаньшэ, 1982, 2 (предисловие) + 3 (оглавление) + 191 с., VIII цветных ил.); *Fifteen cities in China*. Beijing. Published by “China Reconstructs” Magazine, 1980. (Пятнадцать городов Китая. 236 с., 3 карты (с. 230–233), 10 планов-схем городов (с. 5, 19, 81, 91, 97, 105, 145, 151, 157, 169), большое количество цветных (вклейки) и чёрно-белых ил.) [рецензия] // Народы Азии и Африки. 1984. № 5. С. 193–194.

Человеку в Китае 2,5 млн лет // XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1985. С. 3–8.

Археология Китая. Каменный и бронзовый века // Археология Зарубежной Азии. М.: Высшая школа, 1986. С. 252–319.

Восточный Туркестан // История народов Восточной и Центральной Азии с древнейших времён до наших дней. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 39–46.

К проблеме генезиса древнекитайского города // XVII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1986. С. 11–17.

Проблемы древней истории Китая в археологической науке КНР // Общественные науки в КНР. М.: Наука, 1986. С. 15–70.

Из «Ле-цзы» / Пер. с кит. яз. совместно с В. Т. Сухоруковым // Из книг мудрецов. Проза древнего Китая / Сост. И. С. Лисевич. М.: Художественная литература, 1987. С. 114–157.

Краниологическая серия Лоповань и проблема происхождения чжуанов // XVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1987. С. 34–41.

Новое достижение археологов и антропологов КНР. Краниологическая серия Гумугоу // XIX научная конференция «Общество и государ-

ство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1988. С. 3–14.

Уникальный южный очаг китайского неолита // XXI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 2. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 138–149.

Загадка культуры Ся // Восток. 1991. № 2. С. 132–141.

Поиски Ся: возможный ключ к решению проблемы // XXII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1991. С. 13–23.

Далиский человек и проблема филогенеза человека в Китае // XXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: ИВ РАН, 1992. С. 3–9.

Ранний металл в Китае // XXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 1. М.: ИВ РАН, 1993. С. 6–16.

Некоторые соображения относительно законодательства и правовой мысли древнего Китая // XXV научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: ИВ РАН, 1994. С. 3–20 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 385–396].

Душицзы: проблема неолитической революции в Китае // XXVI научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: ИВ РАН, 1996. С. 3–12.

Ещё раз о проблеме неолитической революции в Китае // XXVII научная конференция «Общество и государство в Китае». М., 1996. С. 3–20 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 9–27].

Древнейшая и древняя история Китая. Древнекаменный век. М.: Восточная литература, 1996. 432 с.

Управление страной на Востоке и Западе // Восток. 1996. № 1. С. 140–144.

Академия Синика и наука Китайской Республики // Восток. 1997. № 2. С. 161–167.

Археологическая наука в Китайской Республике // Восток. 1997. № 4. С. 160–167.

Далёкое прошлое Пескадорских островов // Древности. Издание Российского археологического общества. 1997. № 25. С. 121–155.

«Чжуан-цзы». Глава тридцать третья. «Поднебесная» // *Степанянц М. Т.* Восточная философия. Вводный курс. Избранные тексты. М.: Восточная литература, 1997. С. 277–287.

Археологическое изучение островов Пэнху // XXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: ИВ РАН, 1998. С. 8–60.

Ду Чжэнь-шэн. Гудай шэхуэй юй гоцзя [рецензия] // Восток. 1998. № 3. С. 177–185.

Историческая наука в Китайской Республике // Восток. 1998. № 1. С. 167–175.

Конфуцианский трактат «Сяо цзин» («Каноническая книга о сыновней почтительности»): Гл. 1, 8, 9. Вступ. ст., перев. с древнекит., комментарий // Восток (Oriens). 1999. № 6. С. 129–141. [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 197–230].

Лю И-чан. Тайвань ды каогу ичжи. Чубань: Тайбэй сяньли вэньхуа чжунсинь. Тайбэйсянь, 1992, 78 с.; *Лю И-чан, Лю Дэ-цзин, Линь Цзюнь-цунь*. Шицян вэньхуа. Дунбу хайань фэнцзин тэдинцзюй юци цзешо цуншу 7. Чубань: Цзяотун бу гуаньгуан цзюй тунбу хайань фэнцзин тэдинцзюй гуаньличу. Тайдун, 1993, 171 с.; *Чэнь Чжун-юй*. Дуншадао Наньша Тайпиндао каогусюэ чубу дяоча (Дичжэн цуншу диэрши цзю цзи). Тайбэй, 1995, 222 с. [рецензия] // Восток. 1999. № 3. С. 178–184.

Ле-цзы; Чжуан-цзы // Дао. Гармония мира. Антология мысли. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1999. С. 451–464; 465–514.

«Сяо» в надписях на бронзовых изделиях // XXIX научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Муравей, 1999. С. 134–163 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 173–196].

Возникновение металлургии в древнем Китае // Древности. Издание Российского археологического общества. 2000. № 31. С. 31–53 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 28–41].

Ли Фу-цин (B. Riftin). Цун шэньхуа дао гуйхуа Тайвань юаньчжуминь шэньхуа гуши бицзяо яньцзю (From Myths to Ghost Stories. Comparative Studies on Taiwan Aboriginal Tales). Тайчжунши. Чэньсин чубаньшэ [рецензия] // Восток. 2000. № 1. С. 195–201.

Хуань Куань. Спор о соли и железе (Янь те лунь) [рецензия] // Восток. 2000. № 3. С. 196–203.

Юэ Тэ-цзинь ле чжуань. Судьба востоковеда Р. В. Вяткина [рецензия] // Восток. 2000. № 2. С. 175–179.

Michał Boym – иезуит, миссионер, учёный (к 340-й годовщине со дня смерти) // XXX научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2000. С. 117–135.

Инскрипции на бронзовых изделиях – особый вид источников по древней истории Китая. Часть первая // Восток. 2001. № 2. С. 121–133 [2-е изд. (вместе с ч. 2): История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 96–127].

Инскрипции на бронзовых изделиях – особый вид источников по древней истории Китая. Часть вторая // Восток. 2001. № 4. С. 145–155

[2-е изд. (вместе с ч. 1): История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 96–127].

К вопросу о неравномерности исторического развития древнего Китая (в свете археологических находок) // XXXI научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2001. С. 6–36 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 67–95].

Древний Китай и Юго-Восточная Азия // История Древнего Востока. Тексты и документы. Учебное пособие / Под ред. В. И. Кузищина. М.: Высшая школа, 2002. С. 538–637, 707–714.

Историография истории Древнего Китая // Историография истории Древнего Востока. Иран, Средняя Азия. Индия, Китай. Учебное пособие / Под ред. В. И. Кузищина. СПб.: Алетей, 2002. С. 163–301.

Падение Восточной династии Хань в освещении «Хоу-Хань шу» // XXXII научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2002. С. 57–77.

Древнекитайские тексты: *цзягувэнь* и «Шан шу» – зеркало истории и культов Китая эпохи Шан-Инь. Часть первая // Восток (Oriens). 2003. № 1. С. 42–52.

Проблема генезиса шан-иньских гадательных костей // XXXIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2003. С. 6–34 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 42–66].

Древнекитайские тексты: *цзягувэнь* и «Шан шу» – зеркало истории и культов Китая эпохи Шан-Инь. Часть вторая // Восток (Oriens). 2004. № 2. С. 20–33.

Древнекитайские тексты: *цзягувэнь* и «Шан шу» – зеркало истории и культов Китая эпохи Шан-Инь. Часть третья // Восток (Oriens). 2004. № 6. С. 17–31.

Проблемы питания и культа в чжоуском Китае (по материалам «Чжоу ли») // XXXIV научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2004. С. 45–73 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 231–254] [3-е изд.: Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Цзяоань 2. / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 2). М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 341–369].

Вино в культуре древнего Китая // XXXV научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература, 2005. С. 35–65 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 292–317] [3-е изд.: Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Цзяоань 2. / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 2). М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 295–321]

Древнекитайские тексты: *цзягувэнь* и «Шан шу» – зеркало истории и культов Китая эпохи Шан-Инь. Часть четвёртая // Восток (Oriens). 2005. № 6. С. 22–36.

Особые блюда при дворе чжоуского вана // Древний Восток и античный мир. Т. VII. М.: ЭкоПресс-2000, 2005. С. 3–19.

История древнего Востока [в соавторстве с В. И. Кузищиным] / Под ред. В. И. Кузищина. 3-е изд. М.: Academia, 2007. 386 с.

Тай цзи; Тянь [1]; Тянь-ди, Шан-ди [раздел 2] // Духовная культура Китая. Энциклопедия в 5 томах. Т. 2: Мифология, религия. М.: Восточная литература, 2007. С. 605–606; 612; 613; 739.

Древний Китай // Историография истории Древнего Востока. Т. 2. М.: Высшая школа, 2008, с. 268–405.

Женщины при чжоуском дворе // XXXVIII научная конференция «Общество и государство в Китае». М.: Восточная литература РАН, 2008. С. 21–37 [2-е изд.: История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. С. 128–142] [3-е изд.: Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Цзюань 2 / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 2). М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 370–385].

Инь // Большая российская энциклопедия. Т. 11. М.: Большая российская энциклопедия, 2008. С. 503.

Исторический очерк: Китай с древнейших времён до 3 в. // Большая российская энциклопедия. Т. 14. М.: Большая российская энциклопедия, 2009. С. 90–94.

К вопросу о техническом обеспечении шан-иньских переселений // Общество и государство в Китае. Т. XL. М.: ИВ РАН, 2010. С. 9–30.

Краснобровых восстание // Большая российская энциклопедия. Т. 15. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. С. 595.

Кэцзюй // Большая российская энциклопедия. Т. 16. М.: Большая российская энциклопедия, 2010. С. 523.

Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Цзюань 1 / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 1). М.: Восточная литература, 2010. 496 с.

Древний Китай (III–II тыс. до н. э.); Китай: от полицентризма к империям. (III–II тыс. до н. э.) [при участии Д. В. Деопика и М. Ю. Ульянова] // Всемирная история. Т. 1. Древний мир. М.: Наука, 2011. С. 150–168; 357–373.

Специфические названия музыкальных мелодий и чиновников в Древнем Китае // Общество и государство в Китае. Т. XLI. М.: ИВ РАН, 2011. С. 63–81.

Ли Сы // Большая российская энциклопедия. Т. 17. М.: Большая российская энциклопедия, 2011. С. 590.

Лу; Лю Бан; Лю Пи, Ляо // Большая российская энциклопедия. Т. 18. М.: Большая российская энциклопедия, 2011. С. 85; 214; 261; 286.

Удивительное древнекитайское бронзовое изделие – дин // В потоке научного творчества. К 80-летию академика В. С. Мясникова. М.: Наука, 2011. С. 132–160.

История древнего Востока [в соавторстве с В. И. Кузициным]. / Под ред. В. И. Кузицина. 3-е изд. М.: Академия, 2012. 384 с.

История, культура и право древнего Китая. Собрание трудов (Corpus sericum). М.: Наталис, 2012. 416 с.

Мин // Большая российская энциклопедия. Т. 20. М.: Большая российская энциклопедия, 2012. С. 337–338.

Наньчао // Большая российская энциклопедия. Т. 22. М.: Большая российская энциклопедия, 2013. С. 22–23.

Нурхаци // Большая российская энциклопедия. Т. 23. М.: Большая российская энциклопедия, 2013. С. 400–401.

Юбилар о себе и о многом другом [интервью, взятое С. В. Дмитриевым в 2009 г.]; Повозка (車) в жизни древних китайцев // *Дмитриев С. В.* (сост.). Синологи мира к юбилею Станислава Кучеры. Собрание трудов. Opera in honorem venerandi Stanislavi Kuczerae natalia sua octogesima quinta celebrantis. М.: ИВ РАН, 2013. С. 17–76; 495–562.

«Гласные» и «негласные» законы древнего Китая // Общество и государство в Китае. Т. XLIV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2014. С. 40–113.

Кучера Станислав Иосифович [интервью, комментарий С. В. Дмитриева] // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами. XX–XXI вв. Т. I. М.: ИВ РАН, Крафт+, 2014. С. 178–218.

Представления древних китайцев о времени и сопутствующие им ритуалы // В пути за Китайскую стену. К 60-летию А. И. Кобзева. М.: ИВ РАН, 2014. С. 101–135.

Один штрих из жизни древнего и раннесредневекового Китая // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2015. С. 208–234 [2-е изд.: Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Цзюань 2 / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 2). М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 322–341].

In corpore sano... // Общество и государство в Китае. Т. XLV. Ч. 1. М.: Институт востоковедения РАН, 2015. С. 526–564.

Из истории духовной жизни древнего Китая: жертвоприношения. Часть 1 // Общество и государство в Китае. Т. XLVI. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2016. С. 59–126 [2-е изд.: Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Цзюань 2 / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 2). М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 185–240].

Из истории духовной жизни древнего Китая. Часть 2: этимолого-филологический анализ. // Общество и государство в Китае. Т. XLVII.

Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2017. С. 316–382. [2-е изд.: Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Цзюань 2 / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 2). М.: Наука – Восточная литература, 2017. С. 241–294].

Установления династии Чжоу (Чжоу ли). Раздел I. Небесные чиновники. Цзюань 2 / Пер. с кит., вступ. ст., коммент. и прил. (Памятники письменности Востока, CXXXVI, 2). М.: Наука – Восточная литература, 2017. 447 с.

Новые явления в мировой синологии в XX веке // Общество и государство в Китае. Т. XLVIII. Ч. 2. М.: ИВ РАН, 2018. С. 214–260.

Кучера Станислав Иосифович [комментарии С. В. Дмитриева, В. Ц. Головачёва, С. И. Кучеры) // Российское китаеведение – устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеводами. XX–XXI вв. 2-е изд., испр. и доп. Т. I. М.: МАКС Пресс, 2018. С. 178–218.

Древнейшая и древняя история Китая. Ранний неолит юга страны. М., СПб: Нестор-История, 2020. 596 с.

Чиновничество и культовая жизнь древнего Китая (*да цзунбо* 大宗伯, *да бу* 大卜) // Общество и государство в Китае. Т. L. Ч. 1. М.: ИВ РАН, 2020. С. 47–93.

С. В. Дмитриев

CONTENTS

Early and Medieval China

Safin T. A. Lineage: Anthropology Theory in History Studies (on the Example of China).....	5
Blyumkhen S. I. Life and Lyrics of the Tang Poet Li He	37
Belaya I. V. Early Quanzhen Order: Sources and Researches.....	68
Kolnin I. S. Different Editions and Names of Wang Dayuan's Treatise, Authenticity of the Source and Other Works with Similar Titles ..	100
Rudenko N. V. A Road of Willful Reason Which Led to Tongzhou Prison: The Life of Li Zhi	113
Rudenko N. V. Books to Burn: Li Zhi's Brief Bibliography.....	131

Modern and Contemporary China

Andreeva S. G. Chinese Policy at the Far East in 1880s: The Case of Port Hamilton	144
Kalkaev E. G. Chinese Line. The Mass Repression against the Chinese and the "National Operations" of the NKVD	192
Hirhel D. N. «T'ien Hsia Monthly» in China's Intellectual Life: 1935–1941.....	212
Zhilkibaev S. N. «Put a Word for an Unfortunate Premiere»: Fundamentals of the Political Biography of Li Peng	220
Litvinova Yu. G. Hong Kong as China's Financial Gateway	237
Sinetskaya E. A. Everyday Life of a Provincial Official in the PRC, Born in the 80s (Based on the Story of a Young Screenwriter)	246
Galimov M. V. Analysis of the Reasons for the Consistency of the Positive / Non-Nationalistic Discourse in China Regarding the «Kung Fu Panda» Animation Franchise (a case study of the Chinese Newspaper «Renmin Ribao»)	268
Gracheva Yu. A. "Brand with National Characteristics" as One of the Key Tools for the Development of Economy and Culture in the Areas of Residence of National Minorities in China.....	283
Butiukov K. A. Changes in the Military Education System in China During 2015–2020 Military Reform	295
Portyakov V. Ya. Foreign Policy of the People's Republic of China in 2019: Basic Features	310

In Memoriam

<i>Dubrovskaya D. V.</i> In the Memory of O. E. Nepomnin (1935–2020).. <td>330</td>	330
<i>Dmitriev S. V.</i> Stanislav Robert Kuchera (1928–2020).....td>337	

CONTENTS	373
-----------------------	-----

目录	375
----------	-----

目录

古代和中世纪

萨芬·季·阿 宗族：历史研究中的人类学理论（以中国为例）	5
布吕姆兴·谢·伊 唐代诗人李贺的生平与著作	37
别拉亚·伊·维 早期全真派的资料和研究	68
科尔宁伊谢 论汪大渊著作的不同版本、标题和正本性，以及 类似标题的作品	100
鲁坚科·尼·弗（鲁登寇） 经任性之道·至通州监牢： 李贽生平	113
鲁坚科·尼·弗（鲁登寇） 焚毁书籍：李贽书目概览	131

近现代

安德烈耶娃·斯·根 1880年代中国在远东的政策： 关于汉密尔顿港问题	144
卡尔卡耶夫·叶·根 中国之线：内务人民委员会“民族”战役中 对中国人镇压的位置	192
吉尔格尔·达·尼 《«T'ien Hsia Monthly»》月刊在中国精神 生活中的位置（1935–1941年）	212
日尔基巴耶夫·萨·努 “为可怜的总理说项”： 李鹏政治履历要点	220
利特维诺娃·尤·格 香港—中国金融之门	237
西涅茨卡娅·埃·安 一位 80 后中共省级官员的日常生活描述 （按年轻编剧人的小说）	246
加利莫夫·马·维 中国关于《功夫熊猫》动画品牌的正面 非民族主义话语稳定性的原因分析 （以《人民日报》为例）	268
格拉乔娃·尤·亚 «作为中国少数民族居住地区经济和文化 发展的主要工具之一的“民族特色品牌”	283
布秋科夫·康·安 2015–2020 年军事改革过程的中国军事教育 体制的变化	295
波尔佳科夫·弗·雅 2019 年中国对外政策的主要特点	310

In Memoriam

杜布罗夫斯卡娅·迪·维 感慕奥·叶·涅波姆宁 (1935–2020)	330
德米特里耶夫·谢·维 斯坦尼斯拉夫·罗伯特·库切拉 (1928–2020)	337

CONTENTS	373
目录	375

Научное издание

Учёные записки Отдела Китая

Выпуск 40

51-я научная конференция

**ОБЩЕСТВО И ГОСУДАРСТВО
В КИТАЕ**

Том LI

Ч. 1

Составитель и ответственный редактор А. И. Кобзев

Редактор Н. В. Руденко

Компьютерная вёрстка и корректура: С. В. Кирюхина, М. В. Ефименко

Сдано в набор 11.10.2021. Подписано к печати 21.10.2021

Формат 60×90 1/16. Усл. п. л. 23,5.

Уч.-изд. л. 20. Тираж 500 экз. Заказ №

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки

Институт востоковедения Российской академии наук

107031 Москва, ГСП, ул. Рождественка, 12

Ответственный за издание А. И. Кобзев

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Белый ветер»

105005 Москва, Проектируемый проезд, 46